ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ

РУССКОЙ ПРАВДЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Ю. Ланге.

С.Пб.
1860.

2007231606

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію уголовнаго права Русской Правды, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на такія ея стороны, которыя хотя прямо не относятся къ выбранному нами предмету, но могутъ, если будутъ предварительно разъяснены, облегчить намъ его изслѣдованіе, установить на него правильную точку зрѣнія, и заблаговременно познакомить насъ съ тѣми понятіями, съ какими мы необходимо должны будемъ встрѣтиться при самомъ разсмотрѣніи уголовнаго права.

Посему во введеніи мы намѣрены говорить:

1) о внѣшнемъ составѣ Русской Правды;

2) о монетной ея системѣ;

3) о сословіяхъ и должностныхъ лицахъ, упоминаемыхъ въ Правдѣ.

О ВНѢШНЕМЪ СОСТАВѢ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что Русская Правда, относительно внѣшняго своего состава, не есть *документъ офиціальный*, но *сборникъ*, составленный частными лицами и въ разное время дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій. Главныя основанія такого мнѣнія слѣдующія: 1) неодинаковый порядокъ въ размѣщеніи статей въ извѣстныхъ намъ спискахъ Правды; 2) пропускъ въ однихъ ея спискахъ нѣкоторыхъ статей и помѣщеніе ихъ въ другихъ (1).

---

(1) См. Изслѣдованія о Русской Правдѣ Калачова стр. 45.

Мнѣніе это, какъ намъ кажется, не можетъ выдержать строгаго разбора:

1) Сборники законовъ со стороны частныхъ лицъ всегда являются и являлись какъ послѣдствія довольно развитаго, запутаннаго и притомъ многосложнаго письменнаго права. Слѣдовательно, если предположить, что Правда есть частный сборникъ, то необходимо также допустить, что до нея и даже совмѣстно съ нею издавались у насъ и офиціальные памятники законовъ. Отъ чего же, спрашивается, ни наши лѣтописцы, ни составители Кормчихъ не сохранили ни одного изъ этихъ подлинныхъ документовъ, а записывали только частные сборники Правды, тогда какъ послѣднихъ они не могли предпочитать первымъ? Если такъ, то это ведетъ къ прямому заключенію, что лѣтописцы и составители Кормчихъ передали намъ, хотя искаженные нѣсколько при перепискѣ, но подлинные уставы Правды, а не сборники, составленные частными лицами.

2) Ни въ какомъ народѣ частные сборники права не являлись при первомъ возникновеніи законодательства, слѣдовательно не могло ихъ быть и у насъ. Но допустимъ, что постановленія Правды собраны частными лицами, державшимися собственнаго произвола какъ въ расположеніи ея статей, такъ и въ образѣ ихъ выраженія. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ заключить, что весьма рано возникшая въ Россіи потребность составленія сборниковъ, по мѣрѣ развитія права, безъ сомнѣнія все болѣе и болѣе должна была увеличиваться, и что частные сборники, по этому самому, необходимо предшествовали изданію Судебниковъ и Уложенія 1649 года. Однакожъ мы видимъ совершенно противное: въ позднѣйшее только, болѣе близкое къ намъ время, частные люди стали заниматься у насъ собираніемъ законовъ. Это показываетъ, что если бы въ Россіи издревле существовалъ обычай составлять сборники, то онъ не могъ бы, проявившись въ одномъ первомъ періодѣ нашего законодательства, потомъ вовсе прекратиться, и что потому предположеніе будто Правда не есть офиціальный документъ, а частный сборникъ законовъ оказывается неосновательнымъ.

По нашему мнѣнію, Правда, въ различныхъ ея спискахъ, представляетъ копіи съ подлинныхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго права нѣсколькихъ князей, именно Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха.

Примемъ въ основаніе своихъ изслѣдованій текстъ Правды, изданный г. Калачовымъ, такъ какъ каждый изъ помѣщенныхъ въ этомъ текстѣ списковъ, по выраженію самого издателя, слѣдуетъ признавать представителемъ особой ея редакціи. Такимъ образомъ всѣхъ, сколько нибудь различныхъ редакцій Правды будетъ четыре; но въ строгомъ юридическомъ смыслѣ можно допустить только двѣ. Къ первой слѣдуетъ причислить списокъ Академическій и сходные съ нимъ; ко второй—Карамзинскій и сходные съ нимъ, а также Троицкій, Синодальный и имъ подобные, потому что отъ Карамзинскаго они отличаются только пропускомъ нѣкоторыхъ статей и незначительною кое-гдѣ перестановкою ихъ, а въ остальномъ почти нисколько не разнятся. Что же касается списка князя Оболенскаго, то это, какъ всякій убѣдится съ перваго взгляда, есть только позднѣйшая искаженная выписка изъ Правды, и потому о такомъ спискѣ не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о точной копіи съ подлинника нашего древняго законодательства. Для большаго убѣжденія въ этомъ, сравнимъ, хотя однимъ примѣромъ, списки князя Оболенскаго и Троицкій. Первая статья Правды въ послѣднемъ спискѣ изложена такъ: «*аже убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любу отцу, ли сыну*, любо брату чадо, ли братню сынови; *аще ли не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ*, аче будетъ княжь мужъ или тіуна княжа; аще ли будетъ русинъ, или гридь, любо купецъ, любо тивунъ бояреск ь, любо мечникъ, любо изгой, ли словенинъ: то 40 гривенъ положити зань (II, 1)» (¹). Въ спискѣ князя Оболенскаго выписаны, съ измѣненіемъ въ языкѣ, только слова̀, напечатанныя здѣсь курсивомъ, и такимъ образомъ вышло: «аще убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любо отцу, любо сыну; ожели не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ». За тѣмъ, вмѣсто того, чтобы, опредѣливъ за кого именно назначалась такая плата, приступить потомъ къ исчисленію лицъ, за убійство которыхъ платилось 40 гривенъ, дѣлавшій выписку заключаетъ статью общей фразой отъ себя: *любо разсудити по мужи смотря*

(¹) Подобное указаніе всегда означаетъ у насъ ссылку на текстъ Правды, изданный г. Калачовымъ; римская цифра показываетъ списокъ по порядку помѣщенія его въ текстѣ, а арабская—статью этого списка.

(IV, 1). Въ этихъ словахъ такъ и слышится современникъ постановленій XVI или XVII вѣка, въ которыхъ часто употреблялось выраженіе: наказать *по человѣку смотря* (1). Кромѣ сокращеній, произвольно составленныя фразы, подобно означенной выше, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ списка князя Оболенскаго. Чрезъ эти фразы составитель выписки вноситъ иногда въ Правду современные ему языкъ и понятія, напр. понятіе о безчестіи (IV, 2, 4), о которомъ въ другихъ ея спискахъ вовсе не упоминается. И такъ, по нашему мнѣнію, списокъ князя Оболенскаго есть позднѣйшее, краткое извлеченіе изъ Правды частнаго лица, и притомъ съ собственными его прибавленіями, которыми чрезъ господствовавшія при немъ понятія онъ силился уяснить себѣ все невполнѣ имъ понятое въ древнемъ нашемъ законодательномъ памятникѣ.

Подводя такимъ образомъ подлинные списки Правды подъ двѣ категоріи, мы признаемъ, что списокъ Академическій и сходные съ нимъ представляютъ уставы Правды Ярослава, а списки Карамзинскій, Троицкій, Синодальный и имъ подобные—уставы Правды Изяслава съ братьями и Владиміра Мономаха.

Разсмотримъ въ частности каждый изъ уставовъ.

I. ОБЪ УСТАВАХЪ ПРАВДЫ ЯРОСЛАВА.

Правда Ярослава очевидно состоитъ изъ двухъ уставовъ: первоначальнаго и дополнительнаго.

Первоначальный уставъ заключаетъ въ себѣ 17 статей, довольно систематически расположенныхъ, именно сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніи правъ собственности. Изложимъ этотъ уставъ по Академическому списку:

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ убійствѣ (I, 1).

2) О нанесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ (I, 2—9).

II. О нарушеніи правъ собственности.

А. О неправильномъ пользованіи чужою собственностію:

---

(1) См. напр. наказъ воеводѣ Бѣлогородскому, Акт. Эксп. т. IV № 206, стр. 274.

1) о передержательствѣ бѣглаго челядина (I, 10);

2) о самовольномъ пользованіи чужою лошадью (I, 11);

3) о воровствѣ чьего либо коня, оружія и одежды (I, 12).

Б. О законныхъ способахъ возвращенія своей собственности изъ чужихъ рукъ:

1) о порядкѣ возвращенія украденнаго (I, 13);

2) о порядкѣ взысканія долговъ (I, 14);

3) о порядкѣ возвращенія бѣглаго или похищеннаго челядина (I, 15).

В. О поврежденіи чужой собственности, именно о поврежденіи копья, щита и одежды (I, 17).

Только предпослѣдняя, 16 статья, о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу, составляетъ отступленіе отъ принятой въ уставѣ системы: ее слѣдовало бы помѣстить въ отдѣлѣ о нарушеніи личныхъ правъ.

За первоначальнымъ уставомъ Ярослава въ Академическомъ спискѣ помѣщено слѣдующее заглавіе: «*Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула (т. е. Николай Чюдинъ)* (1)».

Мы считаемъ статьи, изложенныя въ Академическомъ спискѣ за этимъ заглавіемъ, дополнительными къ означенному выше уставу и изданными еще *при жизни* Ярослава.

Такой выводъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Какъ въ Троицкомъ, Карамзинскомъ и Синодальномъ спискахъ Правды, такъ и въ спискахъ имъ подобныхъ, равно встрѣчается, безъ всякаго существеннаго измѣненія, выраженіе: «*по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его*» (II, III, 2), слѣдовательно нѣтъ повода полагать, чтобы оно дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Если такъ, то мы, основываясь на словахъ «*паки*» и «*по Ярославѣ*», имѣемъ полное право заключить, что въ выписанномъ нами мѣстѣ Правды указывается на *вторичный съѣздъ* Изяслава, Всеволода и Святослава, и что этотъ съѣздъ случился *по смерти Ярослава*. Когда же былъ первый съѣздъ? Объ немъ безъ сомнѣнія упоминается въ приведенномъ выше заглавіи, помѣщенномъ въ Академическомъ спискѣ и во всѣхъ спискахъ одной съ нимъ редакціи. Но въ озна-

(1) По чтенію г. Калачова Чюдинъ и Микула признаются за два лица.

ченномъ заглавіи не говорится, чтобы Изяславъ и его братья собирались по смерти ихъ отца; притомъ 42 статья, по Академическому списку,—въ отличіе отъ другихъ списковъ, гдѣ сказано: «а се покони вирніи *были* при Ярославѣ»,—просто начинается словами: *«а се поклонъ вирный»*, въ концѣ же ея употреблено выраженіе: *«то ти урокъ Ярославль»*, которое, по соображеніи съ началомъ статьи, нѣтъ основанія принимать за указаніе, сдѣланное уже по кончинѣ Ярослава на установленный при немъ законъ, а напротивъ слѣдуетъ считать за современное этому князю. Изъ всего этого мы необходимо убѣждаемся, что первый съѣздъ князей былъ еще при жизни Ярослава и состоялся по его распоряженію.

Такимъ образомъ мы признаемъ, что Академическій списокъ и всѣ сходные съ нимъ, въ полномъ своемъ составѣ, заключаютъ два устава Правды временъ Ярослава, именно: первоначальный уставъ и дополнительный. О первомъ мы уже говорили; теперь обратимся ко второму.

Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава легко подмѣтить три отдѣла, и въ каждомъ изъ нихъ статьи распредѣлены по системѣ, принятой въ первоначальномъ уставѣ, именно сперва изложены постановленія о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніи правъ собственности.

Представимъ внѣшній составъ этого устава:

Отдѣлъ первый.

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ убійствѣ огнищанина въ обиду, въ разбоѣ и у татьбы (I, 18—20).

2) Объ убійствѣ тіуна княжаго и конюха стараго у стада (I, 21).

3) Объ убійствѣ сельскаго старосты княжаго, рядовича, смерда и холопа (I, 22—24).

II. О нарушеніи правъ собственности.

1) О количествѣ вознагражденія обиженныхъ за украденныхъ или истребленныхъ у нихъ лошадей и вообще животныхъ (I, 25, 26).

2) О количествѣ пени за кражу холопа или рабы (I, 27).

Отдѣлъ второй.

I. *О нарушеніи личныхъ правъ.*

О нанесеніи побоевъ до крови и до синяковъ (I, 28).

II. *О нарушеніи правъ собственности.*

1) О кражѣ коня, воловъ и объ обворованіи клѣти (I, 29).

2) О порчѣ и истребленіи княжей борти (I, 30).

Отдѣлъ третій.

I. *О нарушеніи личныхъ правъ.*

1) Объ истязаніи смерда (I, 31).

2) Объ истязаніи огнищанина, тіуна и мечника (I, 32).

II. *О нарушеніи правъ собственности.*

1) Объ уничтоженіи межъ (I, 33).

2) О кражѣ ладьи, голубя, курицы, утки, гуся, журавля, лебедя, собаки, ястреба и сокола (I, 34—37).

3) О наказаніи татя, пойманнаго на татьбѣ (I, 38).

4) О кражѣ сѣна, дровъ, овцы, козы и свиньи (I, 39, 40).

Въ заключеніе къ уставу прибавлены еще три статьи, именно: о пошлинахъ, объ урокахъ вирныхъ и объ урокахъ мостникамъ (I, 41—43).

И такъ, дополнительный уставъ представляетъ въ себѣ совокупленіе четырехъ частныхъ уставовъ, вѣроятно поочередно составлявшихся съѣздомъ, и потомъ соединенныхъ въ одинъ уставъ, безъ измѣненія въ системѣ.

Дополнительный уставъ, въ отношеніи къ первоначальному уставу, составлялъ законодательство новое, не исключавшее дѣйствія прежнихъ постановленій, такъ что оба устава взятые вмѣстѣ были въ собственномъ смыслѣ *Правдой Ярослава*. Измѣнена была только статья о кражѣ коня: прежде за такую кражу платилось 3 гривны продажи, въ разсматриваемомъ же нами дополнительномъ уставѣ плата означена въ 3 гривны и 30 рѣзанъ (I, 12 и 29). Сверхъ того, помѣщенная въ немъ статья объ окровавленномъ мужѣ: «*аще же пріидетъ кровавъ мужъ любо синь, то не искати ему послуха*» (I, 28),—составляетъ какъ-бы начало статьи, находящейся и въ первоначальномъ уставѣ, именно: «*или будетъ кровавъ или синь*

пидъраженъ, то не искати ему видока (I, 2`); въ дополненіяхъ же она, съ замѣной слова *видокъ* словомъ *послухъ*, помѣщена вѣроятно потому, что сначала, должно быть, могъ свидѣтельствовать въ подобныхъ дѣлахъ только видѣвшій происшествіе своими глазами, а потомъ сталъ допускаться къ свидѣтельству еще и тотъ, кто, не бывъ очевидцемъ, самъ слышалъ происходившее.

II. ОБЪ УСТАВАХЪ ПРАВДЫ ИЗЯСЛАВА СЪ БРАТЬЯМИ И МОНОМАХА.

Изяславъ началъ преобразованіе Ярославовой Правды, довершилъ же это преобразованіе Владиміръ Мономахъ, такъ что два ихъ устава, совмѣстно взятые, какъ дополнившіе другъ-друга, составляли новое, исправленное и значительно дополненное изданіе перваго нашего законодательнаго памятника, которое относилось къ Правдѣ Ярослава также точно, какъ въ настоящее время новое изданіе Свода Законовъ къ прежнему. Поэтому-то уставы Изяслава и Мономаха, заключающіеся въ спискахъ Троицкомъ, Синодальномъ, Карамзинскомъ и другихъ съ ними сходныхъ, продолжали въ совокупности носить общее названіе: *Судъ Ярослава Владиміровича.*

Скажемъ сперва объ уставѣ Изяслава, а потомъ объ уставѣ Мономаха.

Разсматривая *Изяславовъ уставъ Правды* по спискамъ Карамзинскому, Троицкому и Синодальному, находимъ, что порядокъ расположенія въ нихъ статей вездѣ одинаковъ, только послѣдніе списки отличаются отъ перваго пропускомъ въ срединѣ, Троицкій одной статьи (о судныхъ кунахъ, III, 18), а Синодальный двухъ статей (о судныхъ кунахъ и о поклепной вирѣ, III, 15, 18). Но есть ли основаніе, по поводу ошибочнаго пропуска въ нѣкоторыхъ спискахъ одной или двухъ статей, уставъ Правды Изяслава и его братьевъ считать частнымъ сборникомъ, а не оффиціальнымъ документомъ? Извѣстно, что недописокъ и пропусковъ не избѣгали и подлинные тексты законовъ. Если слѣдуетъ что̀ отнести къ произволу частныхъ лицъ въ уставахъ Изяслава и Мономаха, то только оглавленія статей, дѣйствительно весьма разнообразныя. Этихъ оглавленій, безъ сомнѣнія, не было въ подлинникѣ, такъ какъ ихъ не находимъ и въ Правдѣ Ярослава. Частныя лица могли употреблять

ихъ для практической цѣли, именно для удобства при отысканіи статей. Такое предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что оглавленія почти всегда писались киноварью, для большей наглядности. Но кромѣ указанныхъ нами пропусковъ, недостаетъ въ Троицкомъ и Синодальномъ спискахъ 17 заключительныхъ статей устава Изяславова по списку Карамзинскому, именно о приплодахъ и сиротьемъ вырядкѣ (III, 49—65). Это не могло уже произойти отъ ошибки переписчика. Предъ указанными нами статьями находится въ уставѣ Изяслава по всѣмъ спискамъ одно мѣсто, въ которомъ опредѣлена цѣна различныхъ животныхъ: стоимость кобылы показана въ 60 кунъ (¹), коровы—въ 40 кунъ, овцы въ пять кунъ (II, 41; III, 42); въ постановленіяхъ же о приплодахъ цѣна означена другая: кобыла цѣнится 3 гривны, корова—2 гривны и овцы—6 ногатъ (III, 49, 54 и 56). Само собою разумѣется, что статьи съ опредѣленіемъ такихъ различныхъ цѣнъ за однихъ и тѣхъ же животныхъ не могли быть составлены въ одно время. Это такъ очевидно, что не подлежитъ никакому сомнѣнію. Слѣдовательно, должно полагать, что постановленія о приплодахъ добавлены къ уставу Изяслава впослѣдствіи, и хотя въ его княженіе, но спустя довольно значительное время отъ изданія той статьи, въ которой кобыла оцѣнена въ 60, корова—въ 40, а овца—въ 5 кунъ; такъ что списки Троицкій и Синодальный собственно представляютъ уставъ Изяславовъ *по первой его редакціи*, а Карамзинскій—*по второй, дополненной*.

Показавъ, чѣмъ отличаются между собою разные списки Изяславова устава, изложимъ теперь внѣшній его составъ.

Уставъ Изяслава начинается выпискою первой статьи Ярославовой Правды, о дозволеніи мстить за убійство, но впрочемъ съ небольшимъ измѣненіемъ. Въ первоначальномъ уставѣ Ярослава была опредѣлена одна только плата за голову, 40 гривенъ, именно за русина, гридина, купца, ябетника, мечника, изгоя и словенина; въ дополнительномъ уставѣ назначалась еще и другая плата, 80 гривенъ, за умерщвленіе огнищанина и тіуна княжескаго; въ уставѣ-же Изяслава эти два отдѣльныя постановленія соединены въ одну статью, притомъ слово *огнищанинъ* замѣнено словомъ *княжъ*

(¹) Въ Троицкомъ спискѣ ошибкой цѣна кобылы выставлена 7 кунъ, потому-что и въ дополнительномъ уставѣ Ярослава она цѣнилась въ 60 рѣзанъ или кунъ (I, 26).

мужъ, а вмѣсто *ябетникъ* поставлено *тіунъ боярескъ*. Въ этомъ-то и состояло указанное нами измѣненіе.

Впрочемъ, статья о дозволеніи мстить за убійство выписана изъ законовъ Ярослава не потому, что имѣла еще значеніе, но чтобы въ слѣдъ за тѣмъ сказать, что она отмѣнена. Посему, непосредственно за изложеніемъ ея, въ уставѣ Изяслава помѣщены слѣдующія слова: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша».—Изъ находящихся въ этомъ мѣстѣ выраженій, одно: «по Ярославѣ же *паки* совкупившеся сынове его», объяснено нами прежде, другое—«отложиша убіеніе за голову», указываетъ на упомянутую выше отмѣну помѣщеннаго при самомъ началѣ въ Изяславовомъ уставѣ Ярославова закона о семейной мести за убійство; но какъ понимать слова: «*а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша*»? Если толковать ихъ такъ, что за отмѣной мести, все остальное внесено въ уставъ Изяслава изъ первоначальной Правды безъ всякой перемѣны, то этому толкованію будутъ противорѣчить послѣдующія за приведенными словами статьи, въ которыхъ многое противъ Ярославовыхъ законовъ дополнено и измѣнено. Намъ кажется, означенное мѣсто можно объяснять только такимъ образомъ: слова—*а ино все*—указываютъ на все то, что было внесено въ уставъ Изяслава изъ Ярославовой Правды, за исключеніемъ статьи о мести за убійство; а выраженіе: *якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша*, имѣетъ тотъ смыслъ, что внесенное, кромѣ означенной выше статьи, хотя съ дополненіями и измѣненіями, въ сущности составляло такой же судъ, якоже уставилъ Ярославъ, т. е. *на тѣхъ же самыхъ началахъ*, что при повѣркѣ дѣйствительно и оказывается, тогда какъ изъятая изъ круга постановленій, обозначеннаго словами «*а ино все*», отмѣна Изяславомъ мести за убійство совершенно противорѣчила началу, принятому въ Ярославовой Правдѣ. Притомъ, самое разбираемое нами выраженіе, по своему буквальному смыслу, не исключаетъ предположенія о дальнѣйшемъ развитіи права на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ въ этомъ выраженіи сказано: *а ино все уставиша*, а не *оставиши*, яко же Ярославъ судилъ. Толь-

ко употребленіе слова *оставиша* могло бы дать поводъ думать, что статьи изъ Ярославовой Правды внесены въ уставъ Изяслава безъ всякаго измѣненія. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, слова: «а ино все яко же Ярославъ судилъ, також и сынове его уставиша», слѣдуетъ переводить такъ, что за исключеніемъ отмѣны мести, всѣ остальныя начала суда Ярославова сохранены въ уставѣ его сыновей.

Дальнѣйшія за разобранными нами статьи устава Изяслава расположены въ порядкѣ прежнихъ двухъ уставовъ, именно сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, потомъ о нарушеніи правъ собственности, а наконецъ встрѣчается совершенно новый отдѣлъ, по чисто-гражданскимъ законамъ, именно о правахъ по имуществу.

Изложимъ продолженіе Изяславова устава:

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ убійствѣ, о поконахъ вирныхъ, о платѣ за умерщвленіе княжихъ отроковъ, конюховъ, поваровъ, тіуновъ, рядовичей, смердовъ и холоповъ, о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ по поклепѣ головою, о судныхъ кунахъ (II, 1—17; III, 18). Нѣкоторыя изъ этихъ статей взяты изъ дополнительнаго Ярославова устава, а другія заключають въ себѣ постановленія совершенно новыя.

2) О нанесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ (II, 18—25). Статьи эти съ измѣненіемъ заимствованы изъ первоначальнаго устава Ярослава.

II. О нарушеніи правъ собственности.

А. Преступленіемъ.

1) Излагаются статьи изъ первоначальнаго Ярославова устава, но измѣненныя и дополненныя, именно: о передержательствѣ бѣглаго челядина, о самовольномъ пользованіи чужою лошадью, о конокрадствѣ и утайкѣ найденнаго коня, оружія и одежды, о порядкѣ возвращенія украденныхъ вещей и челядина (II, 26—35).

2) Излагаются статьи, взятыя изъ дополнительнаго устава Ярослава, но также измѣненныя и дополненныя, именно: о наказаніи татя, пойманнаго на татьбѣ, о кражѣ скота и объ обворованіи клѣти, о похищеніи жита изъ гумна или изъ ямы, о вознагражденіи лицъ, обиженныхъ воровствомъ

за украденныхъ у нихъ лошадей и вообще скота, о холопахъ-татяхъ (II, 36—42).

Б. Неисполненіемъ гражданскихъ обязательствъ.

Сюда относится статья, измѣненная, но заимствованная изъ первоначальнаго устава Ярослава, о порядкѣ взысканія долговъ (II, 43).

III. О правахъ по имуществамъ.

Здѣсь излагаются совершенно новыя постановленія:

1) о купцѣ, давшемъ куплю въ куны или въ гостьбу, о поклажѣ, о рѣзѣ, о мѣсячномъ рѣзѣ (II, 44—47).

2) о приплодахъ, прибыткахъ и о сиротьемъ выраднѣ (III, 49—65). Эти послѣднія статьи, какъ мы уже выше объяснили, прибавлены къ уставу Изяслава впослѣдствіи.

Такимъ образомъ уставъ Изяслава есть только совмѣщеніе статей двухъ Ярославовыхъ уставовъ, съ измѣненіемъ этихъ статей и дополненіемъ ихъ новыми законами. Впрочемъ, многія постановленія Правды Ярослава остались сюда невнесенными. Такъ въ первый отдѣлъ, о нарушеніи личныхъ правъ, не внесены: *изъ первоначальнаго устава,* о вырваніи уса и бороды (I, 7), о нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу (I, 16); *изъ дополнительнаго*— двѣ статьи объ истязаніи смердовъ, огнищанъ, тіуновъ и мечниковъ (I, 31, 32). Во второй отдѣлъ, о нарушеніи правъ собственности, остались невнесенными статьи: *изъ первоначальнаго устава*—объ изломаніи копья, щита и порчѣ одежды (I, 17); *изъ дополнительнаго*—объ истребленіи княжей борти и межъ (I, 30, 33), о кражѣ ладьи, голубя, курицы, утки, гуся, журавля, лебедя, собаки, ястреба, сокола, сѣна и дровъ (I, 34—37 и 39). Сверхъ того, въ уставъ Изяслава не вошли и статьи о пошлинахъ и объ урокѣ мостникамъ (I, 41 и 43).

Безъ сомнѣнія, всѣ эти невнесенныя статьи, остававшіяся безъ измѣненія, были дѣйствующими совмѣстно съ статьями Изяславова устава, помѣщенными въ слѣдъ за выраженіемъ: а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша.

Перейдемъ теперь къ изложенію послѣдняго устава Правды—*устава Мономаха.*

Уставъ Мономаховъ слѣдуетъ разсматривать какъ дополнительный къ Изяславову уставу. Вмѣстѣ взятыя, они составляли новое,

дополненное и исправленное изданіе Правды Ярослава, которая съ появленіемъ постановленій Мономаха сдѣлалась окончательно правомъ недѣйствовавшимъ.

Какъ и дополнительный уставъ Ярослава, уставъ Мономаховъ тоже не имѣетъ системы въ цѣломъ и распадается на четыре отдѣла. Онъ начинается заглавіемъ: «*уставъ Володимѣрь Всеволодича*» и потомъ слѣдующими словами: «Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевскаго тысячьского, Прокопію, Бѣлогородскаго тысячьского, Станислава, Переяславскаго тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа,—и уставили». За тѣмъ излагаются самыя постановленія.

Но намъ могутъ возразить, что особаго устава Мономаха вовсе и не существовало, а что всѣ остальныя, приписываемыя ему нами статьи, въ спискахъ Троицкомъ, Карамзинскомъ и имъ подобныхъ, принадлежатъ Изяславу съ братьями, и что въ ихъ уставѣ помѣщено, какъ видно изъ словъ: «уставили до третьяго рѣза,» только одно постановленіе Мономаха о рѣзѣ. Это тѣмъ болѣе, могутъ сказать, справедливо, что встрѣчающаяся за тѣмъ въ Правдѣ статья о нанесеніи побоевъ холопомъ свободному мужу, по самому образу ея изложенія, даетъ поводъ думать о составленіи ея не Мономахомъ, а прежде. Статья эта изложена такъ: «а се аже холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ аче и гдѣ налѣзетъ ударенный той своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и; но сынове его по отци уставиша на куны—любо бити и розвязавше, любо взяти гривну кунъ за соромъ (II, 58; III, 76).» Если же выписанная нами статья относится къ времени Изяслава и его братьевъ, то нѣтъ основанія полагать, чтобы послѣдующія за нею статьи принадлежали не имъ, а Мономаху.

На все это мы отвѣтимъ слѣдующее:

1) Заглавіе «*уставъ Владиміра Мономаха*», судя по киноварнымъ и другимъ заставкамъ, и по особому начертанію этого заглавія сравнительно съ прочими, надписано въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и Кормчихъ какъ общее надъ всѣми послѣдующими статьями. Кромѣ того, заглавіе «уставъ Мономаха» съ слѣдующими за этимъ заглавіемъ статьями, переносится иногда въ спискахъ на другой

листъ или страницу рукописи (¹). Все это доказываетъ, что Мономаху принадлежало не одно постановленіе о рѣзѣ, а и всѣ слѣдующія за нимъ, до самаго конца Правды.

2) Еслибы Мономаху принадлежала одна только статья о рѣзѣ, а прочія стоящія за нею статьи до самаго конца устава, были постановленіями Изяслава, то и въ распредѣленіи ихъ, безъ сомнѣнія, приняли бы такую же систему, какая вообще употреблена въ изложенномъ нами его уставѣ; но мы напротивъ видимъ, что послѣ заглавія «уставъ Владиміра Мономаха» система измѣняется. Такой различный порядокъ въ размѣщеніи статей до означеннаго заглавія и послѣ него доказываетъ также, что этимъ заглавіемъ начинался особый уставъ, который, судя по сдѣланной надъ нимъ общей надписи, принадлежалъ Мономаху.

3) Странно было бы думать, чтобы Мономахъ созывалъ дружину на Берестовѣ единственно только для изданія закона о количествѣ рѣза, тѣмъ болѣе, что одна изъ слѣдующихъ за этимъ постановленіемъ статей, очевидно, принадлежитъ Мономаху, именно статья о *долзѣ* (II, 51), такъ какъ здѣсь между прочимъ встрѣчаются слова: «*аже кто много рѣза ималъ*», т. е. лишнее противъ установленнаго количества; количество же рѣза, какъ выше нами указано, опредѣлено Мономахомъ. Такимъ образомъ, если означенная нами статья о долзѣ составлена на Берестовскомъ съѣздѣ, то нѣтъ никакого основанія не относить къ этому же съѣзду и всѣхъ послѣдующихъ статей. Остается, повидимому, только затрудненіе касательно постановленія о нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу; но мы думаемъ, что помѣщенныя здѣсь слова: «то Ярославъ былъ уставилъ убити й, но сынове его по отци уставиша на куны»—означаютъ только ссылку на прежнія постановленія, именно на частный законъ Ярослава о холопѣ, нанесшемъ ударъ свободному мужу, и на общій законъ Изяслава объ отмѣнѣ кровавой мести и о замѣнѣ ея выкупами, и что за этими постановленіями слѣдуетъ подразумѣвать слова, стоящія въ началѣ устава, и равно относящіяся ко всѣмъ его статьямъ, именно: *а потому* «Володимеръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ... уставили: любо бити и розвязавше, любо взяти гривну кунъ за соромъ.» По

(¹) См. Изслѣдованія Калачова о Правдѣ стр. 66.

нашему мнѣнію, законъ Ярослава о холопѣ былъ дѣйствующимъ до самаго Берестовскаго съѣзда и оставался безъ всякаго согласованія съ общимъ закономъ Изяслава. Мономахъ, замѣтивъ эту несообразность, призналъ необходимымъ такое согласованіе, и основаніе къ нему выразилъ противопоставленіемъ въ ссылкѣ двухъ разнородныхъ прежнихъ постановленій, а за тѣмъ составилъ свой новый законъ, примѣняясь къ сдѣланной Изяславомъ отмѣнѣ кровавой мести.

Изложимъ теперь внѣшній составъ устава Мономаха:

Отдѣлъ первый.

Уставъ Изяслава, какъ мы видѣли, кончается статьями *о приплодахъ* и *о рѣзахъ*. Послѣднія вѣроятно и были одною изъ главныхъ причинъ новаго съѣзда, а потому уставъ Мономаховъ начинается постановленіемъ о рѣзѣ, потомъ слѣдуютъ статьи: объ истребленіи и порчѣ чужихъ товаровъ, о несостоятельныхъ должникахъ, а такъ какъ такіе должники обращались въ закуповъ, то въ слѣдъ за симъ излагаются законы о закупахъ. Словомъ, первый отдѣлъ, нами разсматриваемый, составляетъ только продолженіе послѣдняго отдѣла устава Изяславова, *о правахъ по имуществамъ* (II, 48 — 57; III, 66—75). Въ прочихъ отдѣлахъ наблюдается прежній порядокъ, именно сперва говорится о нарушеніяхъ личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніяхъ правъ собственности, исключая четвертаго отдѣла, гдѣ вмѣсто послѣднихъ излагаются постановленія о правахъ и обязанностяхъ по имуществамъ.

Отдѣлъ второй.

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

1) О нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу. Сюда присовокуплено постановленіе о томъ, что холопы не могутъ быть свидѣтелями (II, 58—59; III, 76, 77).

2) О порваніи бороды и выбитіи зуба (II, 60, 61; III, 78, 79).

II. О нарушеніи правъ собственности.

1) О покражѣ бобра (II, 62, 63; III, 80, 81).

2) О разнаменаніи борти, переораніи межи, о порубкѣ межнаго дуба (II, 64—66; III, 82—84). Сюда присовокуплена статья о *накладахъ* съ 12 гривенныхъ продажъ, которыми оплачивались означенныя выше преступленія (II, 67; III, 85).

3) О порубкѣ бортнаго дерева, о кражѣ пчелъ, объ отысканіи татя по слѣдамъ (II, 68—70; III, 86—88).

Отдѣлъ третій.

I) О нарушеніи личныхъ правъ.

1) Объ истязаніяхъ смерда (II, 71; III, 89).

2) Объ истязаніяхъ огнищанина (II, 72; III, 90).

II. О нарушеніи правъ собственности.

1) О кражѣ ладьи (II, 73; III, 91).

2) О поврежденіи верви въ перевѣсѣ (II, 74; III, 92).

3) О кражѣ собаки, ястреба, сокола, голубя, курицы, утки, гуси, лебедя, журавля, сѣна и дровъ (II, 75—78; III, 93—96).

4) О поджегѣ гумна и двора (II, 79; III, 97).

5) Объ умерщвленіи чужой лошади и скотины. За симъ слѣдуютъ двѣ статьи о порядкѣ производства дѣлъ по всѣмъ *тяжамъ* (II, 80—82; III, 98—100).

Отдѣлъ четвертый.

I) О нарушеніи правъ личныхъ.

1) Объ убійствѣ мужемъ жены (II, 83; III, 101).

2) Объ убійствѣ холопа или рабы (II, 84; III, 102).

II. О правахъ и обязанностяхъ по имуществамъ.

1) О наслѣдствѣ (II, 85—89; III, 103—107).

2) О количествѣ платы за труды городнику и мостнику (II, 90, 91; III, 108, 109).

3) О наслѣдствѣ (II, 92—98; III, 110—116). Непосредственно за этими статьями въ Карамзинскомъ спискѣ слѣдуетъ постановленіе: аже братья ростяжутся предъ княземъ о задницѣ (III, 117).

4) О количествѣ судебныхъ пошлинъ (II, 99; III, 118). За этой статьей поставлена въ Троицкомъ спискѣ статья: аже братья ростяжутся предъ княземъ о задници (II, 100).

5) Объ уроцѣхъ ротнихъ (II, 101). Этого постановленія въ Карамзинскомъ спискѣ нѣтъ.

6) О холопствѣ (II, 102—115; III, 119—132). Сверхъ того, въ концѣ Карамзинскаго списка находятся еще три статьи, которыхъ недостаетъ въ Троицкомъ, именно: 1) о человѣкѣ, нолгавшемъ куны у людей (III, 133); 2) о городскихъ мостахъ (III, 134), и 3) о муцѣ (III, 135).

Изъ всего этого видно, что списки Троицкій и Карамзинскій, относительно порядка въ размѣщеніи постановленій Мономахова устава, почти совершенно сходны. Различія состоятъ только въ

томъ, что статья о спорахъ братьевъ по поводу доставшагося имъ наслѣдства, въ Троицкомъ спискѣ поставлена между статьями о судебныхъ и ротныхъ урокахъ, въ Карамзинскомъ же она находится предъ статьею о судебныхъ урокахъ, и такимъ образомъ соединена съ другими постановленіями о наслѣдствѣ. Кромѣ того, отъ Троицкаго списка Карамзинскій отличается еще и тѣмъ, что въ немъ пропущена статья о ротныхъ урокахъ.—Всѣ эти различія, происшедшія безъ сомнѣнія отъ невнимательной переписки, весьма маловажны, и основываясь на нихъ никакъ нельзя отвергать подлинности текста Правды. Что же касается до трехъ статей, прибавленныхъ въ концѣ Карамзинскаго списка, то постановленіе о человѣкѣ, полгавшемъ куны у людей, можно еще относить къ уставу Мономаха; но статья о городскихъ мостѣхъ касается исключительно Новгорода и составляетъ *особый уставъ* (¹), вовсе не относящійся къ Правдѣ; статья же о муцѣ вѣроятно прибавлена къ ней не ранѣе XIV столѣтія, такъ какъ упоминаемыя здѣсь наказаніе *кнутомъ* и слово *дворянинъ* не были извѣстны у насъ въ древнія времена.—Одинъ только списокъ *Синодальный* представляетъ весьма большое отступленіе отъ изложеннаго нами порядка расположенія статей въ уставѣ Мономаха. Такое отступленіе произошло оттого, что переписчикъ сначала дѣлалъ неизвѣстно съ какою цѣлью пропуски, а потомъ въ концѣ пропущенныя имъ статьи прибавилъ. Такимъ образомъ, *изъ перваго отдѣла* устава Мономахова написавши 48 и 49 статьи (по Троицк. сп.), онъ пропустилъ *50* и *51*, за тѣмъ написалъ 52, а пропустилъ *53 по 57*; *изъ втораго отдѣла* пропущена статья *58*; написаны 59 по 67, потомъ пропущены *68 по 82*, т. е. остальныя статьи втораго отдѣла и *весь третій отдѣлъ*; *изъ четвертаго отдѣла* написаны 83 по 89, пропущены *90 по 94*, за тѣмъ написаны 95 по 101. Послѣ переписчикъ началъ выписывать по порядку пропущенныя имъ мѣста, именно статьи: 50, 51, 53 по 57, 58, 68 по 82 и 90 по 94, а въ заключеніе помѣстилъ статьи о холопствѣ. Все это, кажется, довольно убѣждаетъ, что Синодальный списокъ искаженъ при перепискѣ, и основывать на немъ мнѣніе будто бы Правда есть сборникъ невозможно.

(¹) См. О происхожденіи Новгорода, ст. г. Малковскаго, въ 12 кн. Временника за 1852 годъ.

Въ заключеніе скажемъ, что въ уставъ Мономаха были внесены почти всѣ остальныя статьи изъ Ярославовой Правды, остававшіяся невнесенными въ уставъ Изяславовъ, именно: о бородѣ, о зубѣ, о нанесеніи холопомъ побоевъ свободному мужу, объ истязаніяхъ смердовъ и огнищанъ, объ истребленіи борти и межъ, о кражѣ ладьи, голубя, курицы, утки, гуся, лебедя, журавля, собаки, ястреба, сокола, сѣна и дровъ, а также постановленіе о мостникахъ и одна часть статьи о пошлинахъ (I, 41),—о накладѣхъ съ 12 гривенныхъ продажъ (II, 67),—другая же часть не была внесена и вѣроятно сохраняла свою силу. Кромѣ того, осталась невнесенною еще статья объ изломаніи копья и щита (I, 17) [1]. И такъ въ двухъ уставахъ Ярославовой Правды, за исключеніемъ можетъ быть послѣднихъ двухъ постановленій, не представлялось больше никакой надобности.

Сдѣланное нами изложеніе внѣшняго состава разныхъ уставовъ Правды еще болѣе можетъ убѣдить въ ея оффиціальности. Этимъ изложеніемъ, кажется, опровергаются главныя основанія мнѣнія, что Правда есть сборникъ. Во-первыхъ, принимающіе такое мнѣніе приводятъ въ подтвержденіе его *неодинаковый порядокъ въ размѣщеніи статей Правды*, что вовсе несправедливо. Напротивъ, порядокъ въ расположеніи статей въ памятникѣ такой отдаленной древности, какъ мы видѣли, одинаковъ въ большей части списковъ, чему нельзя не удивляться, если сообразить въ продолженіи сколькихъ столѣтій и какимъ разнообразнымъ случайностямъ при перепискѣ памятникъ этотъ подвергался. Ошибка въ выводѣ защитниковъ мнѣнія о сборникѣ произошла оттого, что они не разграничивали строго между собою разныхъ уставовъ Правды. Во вторыхъ, въ доказательство, что она составлена частными лицами, приводятъ еще: *пропускъ въ однихъ ея спискахъ нѣкоторыхъ статей и помѣщеніе ихъ въ другихъ*. Такой доводъ вовсе не подкрѣпляетъ мнѣнія о сборникѣ, напротивъ весьма естественно и безъ натяжки указываетъ на ошибки при перепискѣ, которыхъ отрицать нельзя. Самый же значительный пропускъ въ Троицкомъ и Синодальномъ спискахъ, именно 17-ти статей по списку Карамзинскому, кажется

---

[1] Статья о копьѣ внесена въ одинъ Пушкинскій списокъ, и помѣщена въ концѣ, за статьями о холопствѣ.

достаточно нами объясненъ, и притомъ вовсе не въ пользу мнѣнія, что Правда есть частный сборникъ.

Кромѣ того, независимо отъ указанныхъ выше, г. Калачовъ приводитъ и другія доказательства въ подкрѣпленіе мнѣнія, что Правда есть сборникъ. Онъ говоритъ: «всякому безпристрастному изслѣдователю будетъ трудно найти въ Русской Правдѣ то по крайней мѣрѣ *внѣшнее единство*, которое мы привыкли видѣть въ грамотахъ, уставахъ и другихъ офиціальныхъ документахъ; напротивъ изслѣдователя поразитъ то разнообразіе формъ, которое выражается въ отдѣльныхъ постановленіяхъ Русской Правды. Однѣ статьи суть ничто иное, какъ *древніе обычаи*, другія напротивъ несомнѣнно *постановленія*, третьи явно *судебныя рѣшенія*. Такой разнообразный составъ Правды показываетъ, что она въ томъ видѣ, какъ намъ извѣстна, есть *сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній»* (¹). Этотъ выводъ, представляющійся сначала такимъ сильнымъ и поразительнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи теряетъ всю свою кажущуюся убѣдительность. Г. Калачовъ статьи Правды раздѣляетъ на законы, обычаи и судебныя рѣшенія; но въ ней нѣтъ ни описанія вторыхъ, ни изложенія послѣднихъ, а есть только постановленія, основанныя на обычаяхъ и рѣшеніяхъ. Она напр. не описываетъ, что въ древности господствовала частная месть; но, основываясь на обычаѣ, установляетъ законъ: убіетъ мужъ мужа, то мстити брату брата. Вообще всѣ статьи Правды имѣютъ одну, свойственную законамъ, форму предписаній. Какъ же послѣ этого отнимать у Правды внѣшнее единство и говорить, что она есть сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній? Сколько бы ни были разнообразны источники какого нибудь законодательнаго памятника, во всякомъ случаѣ у него нельзя отнимать внѣшняго единства и говорить, что онъ заключаетъ въ себѣ обычаи и судебныя рѣшенія, единственно потому, что на нихъ основаны нѣкоторыя изъ его постановленій. Можно, пожалуй, назвать такой памятникъ сборникомъ, но только сборникомъ однихъ законовъ. Г. Калачовъ признаетъ обычаемъ статью объ убійствѣ, гдѣ выражена частная месть; но это, какъ мы уже замѣтили, есть законъ, изложенный въ формѣ предписанія, хотя и основанный на обычаѣ. Судебнымъ рѣшеніемъ г. Калачовъ назы-

(¹) См. Изслѣдованія Калачова о Правдѣ, стр. 29.

ваетъ статью о кражѣ 10-ю ворами одной овцы. Но излагались ли когда нибудь судебныя рѣшенія въ такой формѣ: аже украдутъ овцу или козу или свинью, а ихъ будетъ 10 одну овцу украли, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи? Въ этихъ словахъ видно предписаніе на будущее время, а не приговоръ суда объ обнаруженныхъ преступникахъ. Притомъ, нельзя даже полагать, чтобы выписанное нами постановленіе основывалось на предшествовавшемъ ему рѣшеніи о 10 преступникахъ. Употребленіе въ статьѣ Правды опредѣленнаго числа воровъ есть только примѣрное, и прямо указываетъ на безъискуственную форму древняго закона, потому что и теперь въ обычаѣ у нашего народа не обобщать иногда мысли, а вставлять въ рѣчь то или другое количество предметовъ ([1]).

И такъ, не соглашаясь съ г. Калачовымъ, мы признаемъ, что Правда не лишена внѣшняго единства, потому что заключаетъ въ себѣ одни законы, и притомъ нисколько въ этомъ отношеніи не разнится отъ уставовъ и другихъ нашихъ оффиціальныхъ документовъ. Постараемся доказать эту послѣднюю мысль.

Въ нашихъ судныхъ и уставныхъ грамотахъ заключаются постановленія уголовнаго и гражданскаго права, но нѣтъ ни описанія обычаевъ, ни изложенія судебныхъ рѣшеній. Въ этомъ отношеніи означенныя грамоты не лишены внѣшняго единства, и какъ законодательные памятники вполнѣ соотвѣтствуютъ Правдѣ. Притомъ, какъ въ нихъ, такъ и въ послѣдней, обороты рѣчи во многихъ мѣстахъ одинаковы, напр.: а кто кого утяжетъ въ татьбѣ; а кто у кого межу переоретъ, и проч. ([2]). Обратимъ теперь вниманіе на то, какъ начинаются судныя и уставныя грамоты. Можетъ быть при такомъ сравненіи ихъ съ Правдой окажется между первыми и послѣдней какая нибудь поразительная разница, которая дастъ поводъ причислить Правду къ неоффиціальнымъ текстамъ. Выпишемъ приступы нѣсколькихъ уставовъ:

1) Доложа господы великихъ князей... се покончаша посадники Новгородскіе и тысяцкіе Новгородскіе, и бояре, и житьи люди, и

---

[1] Наши пословицы тоже не терпятъ обобщеній, напр. *три* дни не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряетъ; у *семи* пастуховъ не стадо; чтобы узнать человѣка надо *три* пуда съ нимъ соли съѣсть, и проч.—([2]) Акт. Эксп. т. I, №№ 92, 103. 123 и 15).

купцы, и черные люди, и всѣ пять концовъ, весь государь Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ (¹).

2) Се азъ князь великій... сѣдъ съ своимъ отцомъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси управили семь о домѣхъ церковныхъ (²).

3) Се язь князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловалъ семи своихъ людей Бѣлозерцовъ (³).

4) Судебники начинаются такъ, *первый:* уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ съ дѣтьми своими и бояры; *второй:* царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси съ своею братіею и бояры сесь судебникъ уложилъ (⁴).

Изъ этого видно, что въ приступахъ къ нашимъ законодательнымъ памятникамъ обыкновенно обозначали рѣчью, въ первомъ или третьемъ лицѣ, имя князя или царя, при которомъ изданъ памятникъ, а также упоминали объ особахъ, участвовавшихъ въ его составленіи.

Что же въ этомъ отношеніи мы видимъ въ Правдѣ?

1) Первоначальный уставъ Ярослава вовсе не имѣетъ приступа; но послѣ оглавленія: «Правда Русская», прямо начинается изложеніе статей закона.

2) Дополнительный уставъ Ярослава носитъ заглавіе: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, и проч.

3) Уставъ Изяслава послѣ оглавленія: «Правда Руськая» начинается статьею объ убійствѣ изъ Ярославовыхъ уставовъ, и только послѣ нея встрѣчаются слѣдующія слова: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ, и проч.».

4) Уставъ Мономаха имѣетъ слѣдующій приступъ: Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевскаго тысячьского, Прокопью, Бѣлогородьскаго тысячьского, Станислава, Переяславскаго тысячьского, Нажира, Мирослава . . . и уставили».

Соображая изложенные нами приступы, заключающіеся въ Правдѣ, мы находимъ, что въ нихъ также обозначено имя князя

(¹) Акт. Эксп., т. I № 92.—(²) Акт. Истор. т. I, №9.—(³) Акт. Арх. Эксп т. I, № 23.—(⁴) Акт. Истор. т. I, № 105 и 153.

или князей, издавшихъ тотъ или другой ея уставъ, и поименованы сверхъ того лица, участвовавшія въ его составленіи. Значитъ въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между грамотами, судебниками и Правдой. Отсутствіе же вовсе приступа въ первоначальномъ уставѣ Ярослава не составляетъ признака его неофиціальности, потому-что во многихъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ тоже нѣтъ приступовъ, такъ напр. въ записи Новгородской о церковномъ судѣ и въ нѣкоторыхъ губныхъ грамотахъ (¹).

Оканчивая изслѣдованіе о внѣшнемъ составѣ Русской Правды, нельзя не замѣтить, что вообще наше древнее право развивалось цѣлымъ рядомъ уставовъ и грамотъ, изъ которыхъ позднѣйшіе заключали въ себѣ постановленія грамотъ и уставовъ болѣе отдаленныхъ по времени, иногда съ измѣненіями и дополненіями. Слѣдовательно изложенное нами выше положеніе, что уставы Изяслава и Мономаха составляли новое, дополненное и измѣненное изданіе уставовъ Ярослава, нисколько не противорѣчитъ общему ходу нашего древняго законодательства, а это еще болѣе подтверждаетъ подлинность Правды.

Представимъ теперь изъ всего нами сказаннаго общіе выводы:

1) Русская Правда не есть сборникъ, составленный частными лицами и лишенный внѣшняго единства, по причинѣ будто бы совмѣщенія въ предполагаемомъ сборникѣ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній; напротивъ Правда заключаетъ въ себѣ одни законы и всѣ извѣстные намъ списки ея, хотя и искаженные нѣсколько при перепискѣ, представляютъ копіи съ подлиннаго, офиціальнаго текста.

2) Русская Правда, по развитію своихъ постановленій, дѣлится на двѣ: *на первую*, или *основную*, и *послѣдующую*. Первая издана Ярославомъ, а вторая, заключающая въ себѣ сверхъ Ярославовыхъ постановленій, большею частію измѣненныхъ, еще и новыя, издана Изяславомъ и Мономахомъ, но продолжаетъ носить названіе суда Ярослава Владиміровича.

(¹) Акт. Эксп. т. I. № 103 и 115.

3) Правда Ярослава заключаетъ въ себѣ два устава: первоначальный и дополнительный, и помѣщена въ спискахъ Академическомъ и сходныхъ съ нимъ.

4) Правда Изяслава и Мономаха дѣлится то же на два устава: на первоначальный, изданный Изяславомъ, и дополнительный, составленный при Мономахѣ. Правда эта заключается въ спискахъ Троицкомъ, Синодальномъ, Карамзинскомъ и сходныхъ съ ними по редакціи.

5) Между первоначальнымъ уставомъ Правды Ярослава и первоначальнымъ уставомъ Правды Изяслава и Мономаха существуетъ разительное сходство въ расположеніи статей, именно въ томъ и другомъ уставѣ сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ о нарушеніи правъ собственности.

6) Между дополнительными уставами обѣихъ Правдъ находится также сходство, именно: отсутствіе системы въ цѣломъ и распаденіе на отдѣлы, въ которыхъ въ частности почти всегда усматривается такой же порядокъ въ размѣщеніи статей, какъ и въ первоначальныхъ уставахъ.

7) При дѣйствіи Изяславовой и Мономаховой Правды, Правда Ярослава не имѣла уже болѣе силы закона, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ постановленій, но, при существованіи одного устава Изяслава, она во многихъ частяхъ составляла право дѣйствовавшее.

О МОНЕТНОЙ СИСТЕМѢ ВЪ РУССКОЙ ПРАВДѢ.

Въ Русской Правдѣ, относительно монетной системы, упоминается только: о полугривнѣ золота, о гривнѣ кунъ, о ногатахъ, кунахъ, рѣзанахъ и вѣкшахъ или вѣверицахъ; о гривнѣ же серебра не говорится ни слова. Впрочемъ, въ Правдѣ весьма часто не опредѣлено о какой именно гривнѣ идетъ дѣло при назначеніи пеней и вознагражденіи по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ; напр. «аже выбьютъ зубъ, то 12 гривенъ продажи; аже пчелы выдерутъ, то 3 гривны продажи» (II, 61, 69). Въ этихъ постановленіяхъ, какъ и въ большей части другихъ, не сказано взыскивались ли съ виновныхъ означенныя 12 гривенъ и 3 гривны золотомъ или кунами.

Г. Погодинъ думаетъ, что во всѣхъ мѣстахъ Правды, въ которыхъ гривна оставлена неопредѣленною, должно разумѣть *гривну серебра.* Основаніе такого мнѣнія онъ видитъ въ слѣдующемъ: Олегъ, по извѣстію Нестора, потребовалъ отъ Грековъ дани по 12 гривенъ на ключь, но такъ какъ Олегу нечего было получать въ дань отъ Грековъ, кромѣ серебра, то слѣдовательно *гривна,* какъ въ приведенномъ сказаніи лѣтописи, такъ и въ другихъ ея мѣстахъ и въ другихъ памятникахъ, гдѣ употребляется въ той же неопредѣленной формѣ, имѣетъ одинаковое значеніе, т. е. *гривны серебряной.* Кромѣ справедливаго, сдѣланнаго г. Егуновымъ въ его статьѣ о торговлѣ древнѣйшей Руси (¹), возраженія на это, что Олегъ столько же могъ ходить въ Грецію за *серебромъ,* сколько и за *золотомъ,* мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Погодина, собственно въ отношеніи къ Правдѣ, еще потому, что всѣ денежныя взысканія, въ ней опредѣленныя, какъ убѣждаетъ внимательное разсмотрѣніе ея постановленій, основаны *на системѣ кунъ.*

Убѣжденіе наше главнымъ образомъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній:

1) По Ярославѣ, сказано въ Троицкомъ и Карамзинскомъ спискахъ Правды, сынове его отложиша убіеніе за голову, *но кунами ся выкупати;* слѣдовательно какъ головничество, такъ и 80 и 40 гривенныя виры, состояли изъ гривенъ *кунъ,* а не *серебра.*

2) Когда подъ головничествомъ и вирою разумѣлось извѣстное количество гривенъ кунъ, то, безъ сомнѣнія, то же самое понимали и подъ полувирою, взыскивавшеюся за отсѣченіе руки или ноги и выколотіе глаза (II, 21); а если такъ, то и всѣ другія меньшія пени за нанесеніе ранъ и увѣчій назначены были кунами. Согласясь же съ тѣмъ, что напр. за отсѣченіе перста (II, 22) опредѣлено продажи 3 гривны кунъ, нельзя предполагать, чтобы такая же трехъ-гривенная продажа за перерѣзаніе напр. веревки у сѣти птицелова (II, 74) взыскивалась серебромъ. Вообще, когда гривнами кунъ оплачивалось совершеніе убійства, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы за меньшія, поименованныя въ Правдѣ, преступленія установлены были въ ней пени, въ томъ или другомъ количествѣ гривенъ, по счету на серебро, такъ какъ, не смотря на существованіе раз-

(¹) См. Современникъ 1848 г. т. XI, стр. 5 и 6.

ныхъ мнѣній о кунахъ, никто не отрицаетъ, что гривна серебра превосходила цѣнностію гривну кунъ.

3) По Карамзинскому списку Правды, тотъ, кто способствовалъ холопу убѣжать отъ своего господина, платилъ этому послѣднему за него 5 гривенъ, неизвѣстно какихъ. Ловившій холопа получалъ отъ владѣльца *гривну кунъ* за переимъ; когда же поймавшій упускалъ бѣглеца, то выплачивалъ его господину, вмѣсто 5 гривенъ, 4 гривны, а *пятую* за переимъ удерживалъ у себя (III, 123, 124). Это постановленіе самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ въ Правдѣ гривны оставались неопредѣленными, разумѣлись гривны кунъ. Именно: 5 гривенъ, не сказано какихъ, взыскивалось за способствованіе побѣгу холопа, 4 гривны—за упущеніе его послѣ поимки, 5-я же гривна въ послѣднемъ случаѣ удерживалась за переимъ. Эта переимная гривна наименована въ Правдѣ *пятою* относительно *четырехъ* гривенъ, слѣдовательно была одинаковаго съ ними достоинства, а такъ какъ она названа *гривною кунъ*, то, само собою разумѣется, и всѣ *пять* гривенъ взыскивались кунами. Если же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Правды, гривна, безъ означенія какая именно, оказывается гривною кунъ, то безъ сомнѣнія такою она должна быть и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, потому что въ основаніи денежныхъ взысканій Правды необходимо предполагать какую нибудь одну систему, а не нѣсколько, иначе, при различномъ значеніи гривны въ постановленіяхъ Правды, никто, даже изъ современниковъ, не зналъ бы въ какомъ изъ этихъ постановленій разумѣть гривну серебра, а въ какомъ гривну кунъ.

Эти выводы, по нашему мнѣнію, совершенно убѣждаютъ въ томъ, что въ Правдѣ всѣ пени и цѣны на разные предметы назначены кунами, тѣмъ болѣе, что отношеніемъ къ кунамъ опредѣлялась самая цѣнность серебра и золота.

Такъ какъ гривенный счетъ, употребленный въ Русской Правдѣ, былъ счетомъ только на куны, то, разумѣется, каждая *куна*, *рѣзана*, *ногата и вѣкша* принадлежали къ той же кунной системѣ и составляли большія или меньшія единицы, изъ извѣстнаго числа которыхъ образовывалась самая гривна кунъ.—Не касаясь пока сущности означенной монетной системы, опредѣлимъ сначала отношеніе каждой изъ ея единицъ къ другимъ единицамъ, а также и къ гривнѣ кунъ.

По этому поводу были высказаны самыя противоположныя мнѣнія:

1) *Болтинъ* полагалъ, что *8 рѣзанъ* было въ одной ногатѣ, что *4 ногаты* равнялись *кунѣ*, и что 20 кунъ или 400 вѣкшъ составляли гривну кунъ. Слѣдовательно, по мнѣнію Болтина, самою мелкою монетою была *рѣзана*, 1³/₅ рѣзаны соотвѣтствовали *вѣкшѣ*, 5 вѣкшъ одной *ногатѣ*, 4 ногаты или 20 вѣкшъ одной *кунѣ*, 20 кунъ, или 80 ногатъ, или 400 вѣкшъ, или 640 рѣзанъ—одной гривнѣ (¹).

2) *Карамзинъ* напротивъ самою мелкою единицею цѣнности считалъ *вѣкшу*. По его мнѣнію на куну шло *10 вѣкшъ* или *двѣ рѣзаны;* двѣ съ половиною рѣзаны равнялись ногатѣ; гривну же составляли 50 рѣзанъ; слѣдовательно кунъ находилось въ ней 25, а ногатъ 20 (²).

3) *Г. Бѣляевъ* думаетъ, что 3¼ рѣзаны составляли куну, что ногата была не больше, а меньше куны, что въ XI вѣкѣ гривна содержала въ себѣ не 25, а болѣе 30 кунъ, въ XIII же вѣкѣ—50 кунъ, что ногатъ заключалось въ гривнѣ или 75 или 62½, и что наконецъ сколько считалось вѣкшъ въ кунѣ неизвѣстно. Кромѣ того, г. Бѣляевъ, не объясняя почему, различаетъ *вѣкшу* и *бѣлку*, и считаетъ первую меньше послѣдней, а послѣднюю меньше ногаты. Гривна по предположенію г. Бѣляева содержала 500 или 600 бѣлокъ (³). Изъ этого видно, что онъ вѣкшу признаетъ меньшей цѣнности, чѣмъ рѣзану, за рѣзаною поставляетъ ногату, а потомъ куну.

Соображая мнѣнія Болтина, Карамзина и г. Бѣляева, мы находимъ, что у нихъ монеты относительно своей цѣнности поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: у Болтина—*рѣзана*, *вѣкша*, *ногата* и *куна;* у Карамзина—*вѣкша*, *рѣзана*, *куна* и *ногата;* у г. Бѣляева же—*вѣкша*, *рѣзана*, *ногата* и *куна*. Значитъ касательно *вѣкши* и *рѣзаны* г. Бѣляевъ принялъ порядокъ Карамзинскій, а касательно ногаты и куны—порядокъ Болтинскій.

Займемся теперь изложеніемъ нашего мнѣнія по означенному предмету; но предварительно докажемъ, что *куна* и *рѣзана* суть только различныя названія одной и той же единицы цѣнности.

(¹) Истор. Карамз. т. II, прим. 79 и 104.—(²) Тамъ же, т. II, прим. 79 и 104; т. III, прим. 244.—(³) Чтен. въ Имп. Общ. Истор. и Древност. при Москов. Униве͏р. 1846 г., № 3, стр. 15—19.

Доказательства наши слѣдующія:

1) Въ спискахъ Правды князя Оболенскаго, Карамзинскомъ (за исключеніемъ статей о приплодахъ), Троицкомъ и другихъ— нѣтъ вовсе слова *рѣзана*, и вездѣ, гдѣ въ Академическомъ спискѣ стоитъ «рѣзана», поставлено «куна». Очевидно это могло произойти только отъ того, что куна и рѣзана одно и то же. Но если предположить, что онѣ были различными монетами, и что замѣненіе въ послѣдовавшихъ за Ярославовымъ уставахъ Правды рѣзаны куной произошло отъ увеличенія или уменьшенія продажъ и цѣнъ на разные предметы, то страннымъ покажется, отъ чего, при неодинаковой цѣнности куны и рѣзаны, означенные уставы могли совершенно обойтись безъ послѣдней, тогда какъ въ нихъ встрѣчаются всѣ остальныя единицы кунной системы.

2) Въ уставѣ Ярославовой Правды, въ статьѣ о поконѣ вирномъ (I, 42) сказано, что въ среду вирникъ получалъ *рѣзану*; въ уставѣ же Правды Изяслава, въ статьѣ, въ которой также исчисляются поконы вирные, *бывшіе при Ярославѣ* (II, 7; III, 7), говорится, что вирникъ при немъ получалъ въ среду *куну*. Такимъ образомъ, если въ томъ и другомъ уставѣ идетъ дѣло о денежной выдачѣ вирнику, существовавшей при Ярославѣ, а между тѣмъ рѣзана замѣняется куной, то само собою разумѣется, что куна и рѣзана одно и то же, тѣмъ болѣе, что въ приведенныхъ нами мѣстахъ объяснять замѣщеніе рѣзаны куной измѣненіемъ количества самой выдачи—невозможно.

3) Въ уставѣ Ярослава цѣнились: княжь конь въ 3 гривны, некняжій—въ 2 гривны, кобыла—въ 60 рѣзанъ, волъ—въ гривну, корова—въ 40 рѣзанъ, баранъ—въ ногату, утка, гусь, журавль и лебедь—по 30 рѣзанъ. Въ уставѣ Изяслава цѣна коней, вола, барана оставлена прежняя; кобыла же, корова, утка, гусь, журавль и лебедь также цѣнятся въ 60, 40 и 30, но не рѣзанъ, а кунъ. То же замѣчается и относительно виръ и продажъ. При Ярославѣ были слѣдующія виры и продажи: 80 гривенъ, 40 гривенъ, 12 гривенъ, 3 гривны и 30 рѣзанъ, 3 гривны, и 60 рѣзанъ. Въ уставахъ Изяслава и Мономаха оставлены тѣ же виры и продажи, только вмѣсто 3 гривенъ и 30 рѣзанъ поставлено 3 гривны и 30 кунъ, вмѣсто же 60 рѣзанъ поставлено 60 кунъ. Странно допускать, чтобы измѣненіе цѣны именно приходилось тамъ, гдѣ вмѣсто слова

рѣзана употреблено слово куна, тѣмъ болѣе, что при этомъ замѣненіи одного слова другимъ вездѣ въ Правдѣ оставлены тѣ же *числа*, тогда какъ, предполагая различную цѣнность рѣзаны и куны, такая всегдашняя неизмѣняемость чиселъ при оцѣнкѣ различныхъ предметовъ—совершенно невозможна. Это могло бы быть простою случайностію, если бы встрѣчалось только въ нѣсколькихъ статьяхъ, но какъ общее, неизмѣнное правило,—одинаковость чиселъ ведетъ къ убѣжденію о тождествѣ куны и рѣзаны.

Принимая, что куна и рѣзана суть только различныя названія одной и той же монетной единицы, мы, до окончательнаго изложенія нашего доказательства о ихъ тождествѣ, приступимъ теперь къ объясненію отношенія какъ между куной или рѣзаной и ногатой, такъ и между ними и гривной кунъ. Для этого стоитъ только принять въ соображеніе статьи о приплодахъ Карамзинскаго списка Правды, начиная съ 49 по 64-ю, и употребить простыя ариѳметическія дѣйствія относительно чиселъ, помѣщенныхъ въ этихъ статьяхъ.

Возьмемъ сначала 50-ю статью. Въ ней сказано, что отъ 22 козъ приплода на 12 лѣтъ—90.112 козъ. Коза цѣнилась по 6 ногатъ. За 90.112 козъ исчислено кунами 27.033 гривны и 30 рѣзанъ. Въ этой статьѣ находятся всѣ данныя для опредѣленія величины рѣзаны, ногаты и гривны кунъ. Именно: если коза стоила 6 ногатъ, то за 90.112 козъ слѣдовало заплатить 540,672 ногаты; это же количество ногатъ составляло 27.033 гривны кунъ и 30 рѣзанъ; раздѣливши 540.672 на 27.033 увидимъ, что гривна кунъ заключала въ себѣ 20 ногатъ, а 12 ногатъ остатка безъ сомнѣнія равнялись 30 рѣзанамъ, показаннымъ, сверхъ гривенъ, въ общемъ итогѣ стоимости козъ. Слѣдовательно въ ногатѣ было $2\frac{1}{2}$ рѣзаны, а въ гривнѣ 50 рѣзанъ или кунъ. Для подтвержденія правильности нашего вывода о рѣзанѣ, повѣримъ его по той же статьѣ о козахъ. Если ногата равнялась $2\frac{1}{2}$ рѣзанамъ, то 6 ногатъ соотвѣтствовали 15 рѣзанамъ. Значитъ за 90.112 козъ должно было заплатить 1,351,680 рѣзанъ; раздѣливши это количество на число рѣзанъ, полагаемое нами въ гривнѣ, т. е. на 50, мы дѣйствительно получимъ 27.033 гривны и 30 рѣзанъ. Все это убѣждаетъ въ несомнѣнности сдѣланныхъ нами выводовъ; но повѣримъ ихъ еще по другимъ статьямъ о приплодахъ. Въ 51 статьѣ говорится, что отъ 3 свиней приплода

на 12 лѣтъ 73.728 свиней, за которыхъ купами исчислено 36.864 гривны. Свинья *метана* по полугривнѣ (III, 53), т. е. по нашему мнѣнію 25 рѣзанъ. Такимъ образомъ за 73.728 свиней слѣдовало заплатить 1.843.200 рѣзанъ; раздѣливши это количество на полную гривну, т. е. на 50 рѣзанъ, мы дѣйствительно получимъ 36.864 гривны. Въ 52 и 53 статьяхъ 49.140 вепровъ оцѣнены 14.743 гривны и 40 рѣзанъ. Изъ этого числа вепровъ, три старые стоили по 45 рѣзанъ каждый. Спрашивается, во сколько цѣнился каждый изъ остальныхъ 49.137 вепровъ? Если на основаніи тѣхъ отношеній, которыя мы предполагаемъ между рѣзаной, ногатой и гривной кунъ, задача эта разрѣшится удовлетворительно, т. е. результатъ нашихъ вычисленій будетъ соотвѣтствовать цѣнѣ, показанной за вепра въ Правдѣ (III, 52), тогда несомнѣнность всѣхъ нашихъ выводовъ о величинѣ различныхъ единицъ цѣнности въ куной системѣ подтвердится еще болѣе. Три старые вепра, изъ коихъ каждый цѣнился 45 рѣзанъ, вмѣстѣ стоили 135 рѣзанъ, или 2 гривны и 35 рѣзанъ. Вычтя это число изъ 14.743 гривенъ и 40 рѣзанъ, получимъ 14.741 гривну и 5 рѣзанъ, или 737.055 рѣзанъ, т. е. цѣну за остальныхъ 49.137 вепровъ. Раздѣливъ 737.055 на 49.137, найдемъ, что каждаго вепра цѣнили въ 15 рѣзанъ, или 6 ногатъ; въ Правдѣ же дѣйствительно сказано, что вепръ метанъ по 6 ногатъ (III, 52).—Всѣ другія статьи о приплодахъ равнымъ образомъ не противорѣчатъ нашимъ выводамъ, въ чемъ каждый легко можетъ убѣдиться самъ посредствомъ ариѳметическихъ выкладокъ. Нужнымъ считаемъ исправить только нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ статьи о приплодахъ по Карамзинскому тексту Правды. Такъ въ 50 ст., о козахъ, цѣна за козловъ исчислена *18.020 гривенъ и 10 рѣзанъ*, тогда какъ должно исчислить 18.022 гривны и 10 рѣзанъ; въ 54, о кобылахъ, вмѣсто 132 гривенъ слѣдуетъ поставить 134 гривны; въ ст. 56, о лонскихъ телицахъ, вмѣсто 7—17 гривенъ, вмѣсто 30 горноцевъ масла—36; въ 57 ст. о пчелахъ, вмѣсто 124 гривенъ—128. Предлагаемыя нами въ замѣну числа дѣйствительно находятся въ спискахъ Правды Бальзеровскомъ, Воскресенскомъ и Горюшкинскомъ (¹). Прибавимъ къ этому, что въ 49 статьѣ, объ овцахъ, 90.112 барановъ показано по ошибкѣ: ихъ слѣ-

(¹) Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 90, 91, 92.

дуетъ считать 90.111. Это видно какъ изъ того, что въ общемъ итогѣ число овецъ и барановъ обозначено 180.223, а не 180.221, такъ и изъ сравненія настоящей статьи съ статьею о козахъ, въ которой также козловъ показано 90.111 (¹).

Всѣ разсмотрѣнныя нами статьи о приплодахъ несомнѣнно доказываютъ между прочимъ то, что 2½ рѣзаны составляли ногату, но изъ этихъ статей нельзя собственно вывести, что такое куна. Посему для подтвержденія прежнихъ нашихъ доводовъ о тождествѣ куны и рѣзаны, желательно было бы фактически опредѣлить отношеніе куны къ ногатѣ. Если и кунъ въ ногатѣ окажется двѣ съ половиною, тогда никто не станетъ сомнѣваться, что куна и рѣзана суть только различныя названія одной и той же монетной единицы. Мы имѣемъ въ виду одно мѣсто изъ нашихъ письменныхъ памятниковъ, въ которомъ находятся данныя для опредѣленія сколько въ ногатѣ было кунъ. Въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ подъ 1150 годомъ сказано: «*пять ногатъ за лисицу. . . а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты* (²). Если за одну лисицу платилось *пять ногатъ*, то три лисицы стоили *15 ногатъ*, составлявшихъ 40 кунъ безъ ногаты. Полагая на ногату 2½ куны, въ 15 ногатахъ дѣйствительно будетъ содержаться 40 кунъ безъ ногаты, т. е. 37½ кунъ, такъ что съ прибавленіемъ ногаты, т. е. 2½ кунъ, выйдетъ полныхъ 40 кунъ. Къ такому же результату можно придти и другимъ путемъ. Намъ извѣстно, что 15 ногатъ равнялись 40 кунамъ безъ ногаты; но сколько было въ 15 ногатахъ рѣзанъ? Зная, что 2½ рѣзаны составляли ногату, найдемъ, что въ 15 ногатахъ заключалось 37½ рѣзанъ, т. е. *40 рѣзанъ безъ ногаты*. Если же ногата соотвѣтствовала 2½ кунамъ и 2½ рѣзанамъ, если 15 ногатъ равнялись 40 кунамъ безъ ногаты и 40 рѣзанамъ безъ ногаты, то очевидно, *что куна и рѣзана одно и то же*. И такъ, послѣ всего сказаннаго нами, никто, кажется, не станетъ отрицать, что *гривна кунъ* вмѣщала въ себѣ 50 кунъ или рѣзанъ, что *въ ногатѣ* заключалось 2½ рѣзаны или куны, и что ногатъ въ гривнѣ было 20. Къ

(¹) Въ Правдѣ сказано, что приплода на 12 лѣтъ 22 овцы давали 90.112 овецъ, 22 козы—столько же какъ и овцы, 3 свиньи—73.728 свиней и 2 кобылы—92 лошади. Интересно было бы опредѣлить, какой наши предки предполагали физическій законъ касательно размноженія животныхъ; но это не относится къ нашему предмету.—(²) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 4 (III).

такому же выводу пришелъ и Карамзинъ. Ошибка его состояла только въ томъ, что онъ рѣзану считалъ чѣмъ-то отличнымъ отъ куны. Что же касается мнѣнiй Болтина и г. Бѣляева, то, по очевидной неосновательности этихъ мнѣнiй, они не требуютъ и опроверженiй. Довольно сдѣлать только нѣсколько замѣчанiй: напр. Болтинъ и г. Бѣляевъ думаютъ, что ногата была меньше куны, тогда какъ мы видѣли, что 15 ногатъ составляли 40 кунъ безъ ногаты, т. е. что *16 ногатъ* соотвѣтствовали ровно *40 кунамъ*, слѣдовательно наоборотъ ногата была больше куны; г. Бѣляевъ думаетъ, что $3\frac{1}{4}$ рѣзаны равнялись кунѣ, между тѣмъ изъ предъидущаго изложенiя видно, что куна и рѣзана одно и то же. Но, повидимому, мнѣнiе г. Бѣляева о рѣзанѣ основано на статьѣ Правды о поконѣ вирномъ (I, 42). Г. Бѣляевъ говоритъ: вирнику во время поста предписывалось давать за рыбу по семи рѣзанъ въ *день*, что въ недѣлю составляло 15 кунъ, или 49 рѣзанъ. Замѣтимъ сначала, что выраженiя *въ день* нѣтъ въ подлинномъ текстѣ. Въ Академическомъ спискѣ Правды сказано такъ: вирнику взяти 7 ведръ солоду *на недѣлю*, то же *овенъ*, любо *полоть*, или 2 ногаты; а въ среду *рѣзану* тоже *три сыры*; въ пятницу также (въ одномъ спискѣ прибавлено: какъ въ среду); а хлѣба поколько могутъ ясти и пшена, а куръ по двое на день; или ся пригоди въ говѣнiе—рыбами, то взяти за рыбы семь рѣзанъ: *то всѣхъ кунъ* 15 кунъ на недѣлю». Мнѣнiе, что 7 рѣзанъ назначались вирнику за рыбу каждый день, повело г. Бѣляева къ неправильному выводу о количествѣ рѣзаны. Постараемся объяснить смыслъ выписанной нами статьи.

Изъ нея видно слѣдующее:

1) Въ среду и пятницу, т. е. въ постные дни, вирникъ получалъ *по рѣзанѣ*, безъ сомнѣнiя вмѣсто рыбы; слѣдовательно нельзя предполагать, чтобы онъ во время наступленiя говѣнiя, т. е. постояннаго поста, когда требуется особое воздержанiе, получалъ за рыбу не по одной, а по 7 рѣзанъ въ день; иначе необходимо было бы допустить явно нелѣпый выводъ, что вирнику дозволялось больше ѣсть напр. по средамъ и пятницамъ Великаго поста, чѣмъ по средамъ и пятницамъ мясоѣда.

2) Дача съѣстныхъ припасовъ вирнику была *ежедневная* и *недѣльная*. *Ежедневную дачу* составляли *двѣ курицы*, разумѣется въ скоромные дни, въ постные же отпускалась рыба, или, вмѣсто

рыбы, по рѣзанѣ въ день. Такимъ образомъ и при наступленіи постоянныхъ постовъ *пятидневная дача курами* замѣнялась *пятью рѣзанами*, да по рѣзанѣ давалось въ среду и пятницу, т. е. всего въ недѣлю вирнику, вмѣсто рыбы, отпускалось 7 рѣзанъ.—*Къ недѣльной дачѣ* можно отнести, кромѣ 7-ми ведръ *солода*, еще *овна* или *полоть* и три *сыра*. Въ посты дача эта, за исключеніемъ солода, замѣнялась то же деньгами. Для этого и произведена оцѣнка недѣльной скоромной дачи на куны, именно: овенъ или полоть, дававшаяся вмѣсто овна, оцѣнены по 2 погаты, т. е. по 5 кунъ, трехъ же сыровъ хотя цѣна и не означена въ статьѣ о поконѣ, но изъ другаго мѣста Правды (III, 56) видно, что за каждый сыръ платилось по рѣзанѣ или кунѣ. Значитъ, вмѣсто недѣльной скоромной дачи, вирникъ получалъ во время постовъ 8 кунъ.— И такъ, если каждую недѣлю, вмѣсто ежедневной дачи, съ наступленіемъ постовъ, давалось вирнику 7 рѣзанъ или кунъ, а вмѣсто недѣльной—8 рѣзанъ или кунъ, то всѣхъ кунъ въ недѣлю дѣйствительно будетъ 15, какъ объ этомъ и сказано въ Правдѣ.

Такое безъ натяжки, какъ кажется, сдѣланное объясненіе статьи о поконѣ вирномъ, съ одной стороны доказываетъ неправильность мнѣнія г. Бѣляева о величинѣ рѣзаны, а съ другой—служитъ новымъ подтвержденіемъ нашихъ выводовъ о тождествѣ куны и рѣзаны.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о величинѣ различныхъ монетныхъ единицъ кунной системы, остается сказать нѣсколько словъ *о вѣкшѣ*. Сколько было вѣкшъ въ гривнѣ кунъ, и въ какомъ отношеніи находилась вѣкша къ кунѣ и погатѣ, по недостатку данныхъ, опредѣлить съ точностію невозможно. Всѣ предположенія касательно этого предмета не имѣютъ твердаго основанія. Положительно можно сказать только то, что вѣкша была меньше куны и погаты. Въ договорѣ князя Мстислава съ Ригою въ 1228 году сказано: «оже купити нѣмчичю гривну золота, дати ему *ногата* вѣсцю, или продастъ—не дати ему *ни вѣкши*; или который нѣмчичъ купитъ судъ серебряный, дати ему отъ гривны *куна* вѣсцю, или продастъ—не дати ему ни *вѣкши*»[1]. Въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Мстиславова договора выраженіе: *не дати ему ни*

[1]) Истор. Карамз. т. III, прим. 248.

вѣкши очевидно употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляются у насъ слова: *не дать ни копѣйки*, т. е. въ значеніи самой ничтожной платы. Но такъ какъ «*не дати ни вѣкши*» сказано тотчасъ за назначеніемъ платежа *куной* и *ногатой*, то никто не станетъ сомнѣваться, что вѣкша была меньше этихъ послѣднихъ. Изъ всѣхъ мнѣній о количествѣ вѣкши намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Бекетова. Основываясь на томъ, что въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригою сказано: платить вѣсцю *съ двухъ капей* (съ 24 пудъ) *куну*, а въ договорѣ Готланда съ Новгородомъ положено давать вѣсцю *съ одной капи 9 вѣкошъ*, Бекетовъ заключаетъ, и едва ли не справедливо, что куна равнялась *18 вѣкшамъ* (¹).

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію самой сущности кунной системы, т. е. къ разрѣшенію вопроса о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ нею, металлическія ли деньги, или шкурки звѣрей?

Вопросъ этотъ изслѣдователями нашей старины разрѣшался неодинаково, и въ настоящее еще время не всѣ ученые согласны между собою въ значеніи кунъ.

Если не ошибаемся, Успенскій, въ своемъ «*Опытѣ повѣствованія о древностяхъ русскихъ*», первый высказалъ предположеніе, что куны, ногаты и вѣкши были металлическія деньги. Это предположеніе Успенскій основалъ на увѣреніи бывшаго ректора Харьковскаго Университета, Рижскаго, что онъ самъ видѣлъ серебряную монету съ надписью: ногата (²).

Догадку Успенскаго, Каченовскій, въ своемъ изслѣдованіи *о кожаныхъ деньгахъ*, хотѣлъ возвести въ положительную истину. Онъ силился доказать, что наши *вѣкши* или *бѣлки* были серебряныя монеты хорошаго качества, съ малою примѣсью мѣди, а *куны* или *ногаты*, хотя то же были серебряныя монеты, но низшаго противъ *вѣкшъ* достоинства, по причинѣ большей примѣси къ серебру мѣди (³).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Каченовскій приводитъ слѣдующія доказательства:

(¹) Труды Общ. Истор. и Древ. Рос. ч. VI, 1833 г., стр. 160.—(²) Опытъ повѣствов. 1818 г., стр. 664 и 665.—(³) Два разсужденія: О кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. Москва, 1849 г., стр. 78.

1) При перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ изъ старой въ новую церковь, Владиміръ Мономахъ повелѣ метати людемъ *бѣль*. Эта загадочная бѣль объяснена въ Кіевскомъ спискѣ прибавленіемъ: *ово же сребренники* (1).

2) Въ договорѣ между Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ и Ригою въ 1228 году сказано: оже убьетъ вольнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра, по 4 гривны *кунами* или *пѣнязи*. Стало быть кунами назывались *пѣнязи*, превращенные у Славянъ изъ нѣмецкихъ *пфенниговъ* (2).

3) Одно тождество въ названіи звѣрка и монеты, именно *бѣла*, *вѣкша*, не можетъ удостовѣрять въ томъ, что монетами были шкурки, потому-что въ такомъ случаѣ французскіе *moutons* и *lions* должно было бы принимать не за металлическія деньги, а *за овчины* и *львиныя кожи* (3).

4) Во всей Европѣ было извѣстно въ старину серебро *бѣлое* и *черное*. Существуютъ даже монеты съ надписью: albus (бѣлый). Худыя монеты, содержавшія въ себѣ большую примѣсь мѣди, назывались *черными*. Посему весьма знаменательно, что въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются названія: *черная куна* и *бѣлая вѣкша* (4).

Въ настоящее время защитникомъ мнѣнія, что куны, ногаты и вѣкши были монеты металлическія явился г. Бѣляевъ.

Въ составленномъ имъ *«очеркѣ древней монетной системы на Руси* (5)*»* онъ приводитъ слѣдующія доказательства въ пользу своего мнѣнія:

1) Въ Несторовой лѣтописи подъ 1067 годомъ сказано: «и дворъ княжь разграбиша безчисленное множество *злата* и *сребра кунами и бѣлью»*. Въ этомъ мѣстѣ куны и бѣль названы серебряными и золотыми, слѣдовательно онѣ не были шкурками куницъ и бѣлокъ.

---

(1) Два разсужд., стр. 36.—(2) Тамъ же, стр. 32.—(3) Тамъ же, стр. 48 и 49.—(4) Тамъ же, стр. 35, 45—48. Намъ кажется, что эпитетомъ *черная* обозначалось у насъ только то, что *куна* была такимъ мѣхомъ, который, до введенія рублевой системы, безъ всякаго изъятія обращался на *подать*; эпитетъ же *бѣлая* показывалъ, что *вѣкша* не принадлежала безусловно къ числу такихъ мѣховъ, и потому сокращенно именовалась *бѣлкой*. Съ этимъ очень можно согласиться, если вспомнить что̀ значили у насъ въ старину *черныя слободы* и *обѣльные* крестьяне. — (5) См. Чтен. Москов. Общ. Ист. и Др. Рос. № 3, за 1846, стр. 12.

2) Въ грамотѣ Тверскаго князя 1437 года сказано: «съ половинка даетъ по десятку Тверскими кунами»; въ грамотѣ же Смоленской 1229 года встрѣчается мѣсто: дати ему вѣсцѣ ногата Смоленская. Такое различіе кунъ по городамъ показываетъ, что на кунахъ и ногатахъ находились клейма княжескія, чего на шкуркахъ не за чѣмъ было дѣлать.

Разберемъ сперва мнѣніе Каченовскаго, а потомъ мнѣніе г. Бѣляева.

На всѣ доводы Каченовскаго можно сдѣлать слѣдующія возраженія:

1) Предположимъ сначала, что доводы его довольно убѣдительны, и вспомнимъ XIV и XV вѣка нашей исторіи, когда вмѣстѣ съ кунами и бѣлками, существовала у насъ и рублевая система, имѣвшая весьма сложное дѣленіе, казалось бы не дававшее уже мѣста добавочнымъ металлическимъ единицамъ. Извѣстно, что рубль раздѣлялся на двѣ полтины, каждая полтина заключала 5 гривенъ, въ рублѣ Московскомъ считалось 200 денегъ, а въ Новгородскомъ 100 денегъ. Самою мелкою монетою рублевой системы была *полуденьга*. Всѣ эти монеты чеканились изъ серебра. Такимъ образомъ, принявъ мнѣніе Каченовскаго, выйдетъ, что въ XIV и XV вѣкахъ существовали у насъ совмѣстно три системы серебряныхъ денегъ: 1) система *бѣлокъ*, 2) система *кунъ*, и 3) *рублевая* система. *Бѣлки* были монеты, чеканившіяся изъ серебра хорошаго качества, *куны*—изъ серебра худаго качества. Какое же серебро употреблялось на монеты *рублевой* системы? Безъ сомнѣнія одно изъ двухъ: хорошее или худое. Но въ такомъ случаѣ страннымъ представляется, отъ чего при введеніи рублевой системы, вмѣсто изобрѣтенія для нея новыхъ дѣленій, новыхъ монетныхъ единицъ, не пріурочили къ ней прежнихъ единицъ, бѣлокъ или кунъ, а оставили ихъ въ какомъ-то особомъ, отдѣльномъ положеніи? Все это, если не опровергаетъ, то обнаруживаетъ всю шаткость мнѣнія Каченовскаго.

2) Въ договорѣ между Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ и Ригою, какъ мы видѣли, находятся статьи, которыми постановлено, чтобы нѣмецъ при куплѣ золотыхъ вещей давалъ вѣсовщику *ногату*, а при куплѣ серебряныхъ вещей—*куну* съ гривны, т. е. съ фунта; при продажѣ же тѣхъ и другихъ—*не дати ему ни вѣкши*. Эти статьи, какъ мы показали выше, доказываютъ, что *бѣлка* или

вѣкша была меньше куны и ногаты. Если же изъ несомнѣннаго памятника открывается, что вѣкша была меньше куны и ногаты, то всѣ разсужденія Каченовскаго о томъ, что *вѣкши* или *бѣлки* считались монетами высшаго достоинства предъ *кунами* и *ногатами*,— оказываются крайне неосновательными.

3) Слово «*сребренники*», употребленное въ Ипатьевской лѣтописи, Каченовскій неправильно считаетъ объясненіемъ тамъ же стоящему слову *бѣль*. Въ лѣтописи сказано: «повелѣ Володимеръ. . . . *бѣль* розметати народу, *ово же сребренники* метати» (1), т. е. Владиміръ повелѣлъ бросать народу бѣличьи шкурки, а также сребряники. Изъ приведеннаго мѣста напротивъ видно, что въ немъ *бѣль* и *сребряники* противопоставлены другъ другу, различены между собою, и что послѣднее изъ означенныхъ словъ вовсе не служитъ толкованіемъ первому.

4) Въ числѣ доказательствъ, что куны были монетою металлическою, Каченовскій помѣщаетъ и наименованіе ихъ въ договорѣ князя Мстислава съ Ригою *пѣнязями*. Но русскіе *куны*, встрѣчающіяся на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей, ни въ какомъ случаѣ не могли называться нѣмецкими *пѣнязями* (пфеннигами). Въ Псковской лѣтописи въ одномъ мѣстѣ сказано: «того же лѣта (1409 г.) отложиша во Псковѣ *кунами торговати*, а начаша *торговати пѣнязи*» (2); въ другомъ—«Псковичи отложиша *пѣнязми-артуги* торговати (3). Въ Новгородской же лѣтописи *артуги* названы именно нѣмецкими деньгами (4), а далѣе, на той же страницѣ лѣтописи, находится извѣстіе, что Ягайло и Витовтъ взяли съ нѣмецкаго города Маріенбурга (Марьина города) окупъ 3000 *златыхъ пѣнязей* (5). Изъ всего этого оказывается, что *пѣнязи* (пфенниги) явно отличены въ лѣтописи отъ *кунъ*, и что первые были иностранною монетою, которая хотя и ходила въ Россіи, но вѣроятно только въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ ея областяхъ, и не ранѣе, какъ съ XIII вѣка. Если же куны и пѣнязи не одно и тоже, то статью договора Мстислава, на которой Каченовскій основалъ свое заключеніе о ихъ тождествѣ, должно понимать иначе, нежели онъ. Въ этой статьѣ сказано: «оже убьютъ вольнаго человѣка, платити за голову 10

(1) См. Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 6.—(2) Тамъ же, т. IV, стр. 200.— (3) Истор. Карамз. т. V, пр. 245. — (4) Полн. собр. лѣт. т. IV, стр. 113.— (5) Тамъ же, и Истор. Карамз. т. V, пр. 141.

гривенъ серебра, по 4 гривны кунами, или пѣнязи». Очевидно смыслъ приведеннаго мѣста тотъ, что за убійство, вмѣсто 10 гривенъ серебра, позволялось платить 40 гривенъ кунъ, или, если не было кунъ, платить пеню пѣнязями, и на оборотъ. Количество пѣнязей на 10 гривенъ серебра не опредѣлено.

5) Нельзя не согласиться съ Каченовскимъ, что одно названіе *бѣлка* ничего не доказываетъ. Но если нѣтъ рѣшительно никакихъ поводовъ думать, чтобы подъ бѣлками разумѣлись металическія деньги, тогда и самое названіе, особенно при другихъ данныхъ, можетъ вести къ обнаруженію истины.

6) Сближеніе, сдѣланное Каченовскимъ, между существовавшимъ въ Европѣ бѣлымъ и чернымъ серебромъ и нашими черными кунами и бѣлыми вѣкшами ни на чемъ не основано, и потому, какъ совершенно произвольное, ничего не доказываетъ.

Противъ доводовъ г. Бѣляева можно возражать такъ:

1) Онъ думаетъ, что какъ куны, такъ и бѣлки были золотыми и серебряными монетами. Самъ г. Бѣляевъ, полагая безъ различія на гривну 50 кунъ или 500 бѣлокъ, тѣмъ самымъ допускаетъ, что *всякая куна* содержала въ себѣ 10 какихъ бы то ни было бѣлокъ, а въ такомъ случаѣ какъ могли 10 золотыхъ бѣлокъ равняться только напр. одной серебряной кунѣ, тогда какъ куна, судя по отношенію ея къ гривнѣ, сама составляла весьма незначительную единицу? Притомъ, въ нашихъ памятникахъ и въ Правдѣ нигдѣ не раздѣлялись ни куны, ни гривны кунъ на серебряныя и золотыя, а означены просто: *куна, гривна кунъ, гривна серебра, гривна золота*, и потому, принявши мнѣніе г. Бѣляева, необходимо встрѣтится недоумѣніе, гдѣ именно слѣдуетъ разумѣть въ Правдѣ золотыя куны и гдѣ серебряныя. Если же въ ней къ словамъ куна и гривна кунъ никогда не прибавлялось эпитетовъ для обозначенія изъ какихъ благородныхъ металловъ та и другая сдѣланы,—не смотря на то, что такое прибавленіе, становясь на точку зрѣнія г. Бѣляева, было какъ нельзя больше необходимо для уразумѣнія точной цѣны предметовъ и продажъ,—то очевидно потому, что ни золотыхъ, ни серебряныхъ кунъ и гривенъ кунъ вовсе не существовало. Кромѣ того, при разсмотрѣніи договора Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою, гдѣ сказано, что 10 гривенъ серебра равнялись 40 гривнамъ кунъ, возникаетъ новое затрудненіе, какія здѣсь разумѣть куны,

золотыя или серебряныя. Да и не только здѣсь, оно встрѣтится во всѣхъ нашихъ памятникахъ безъ исключенія. Независимо отъ этого, допустивъ мнѣніе г. Бѣляева, слѣдовало бы дѣлать ни на чемъ не основанныя предположенія объ отношеніяхъ золотой куны къ серебряной кунѣ, золотой бѣлки къ серебряной бѣлкѣ, а также тѣхъ и другихъ бѣлокъ къ тѣмъ и другимъ кунамъ, словомъ войти въ цѣлый рядъ предположеній, догадокъ и натяжекъ, вовсе несовмѣстныхъ съ строгимъ и серьёзнымъ изслѣдованіемъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы вполнѣ соглашаемся съ г. Егуновымъ, что мѣсто изъ лѣтописи Нестора: «*разграбиша безчисленное множество злата и сребра кунами и бѣлью*», слѣдуетъ толковать такъ: разграбиша безчисленное множество злата и сребра и безчисленное множество кунами и бѣлью. Слѣдовательно слова «кунами и бѣлью» относятся къ словамъ безчисленное множество, а не къ словамъ «злата и сребра,» которыя въ новомъ изданіи лѣтописей Археографическою Коммисіею отдѣлены даже запятою (¹).

2) Г. Бѣляевъ полагаетъ, что если куны назывались *Тверскими* и *Смоленскими*, то имѣли княжескія клейма, и слѣдовательно были металлическими деньгами. Но куны назывались не только Тверскими и Смоленскими, а иногда и *Михайловскими* отъ монастыря св. Михаила (²). Притомъ, заключать, что клейма необходимо предполагаютъ металлъ, нельзя: у насъ въ старину были же особые пятенщики для пятнанія животныхъ, и потому не понятно, отъ чего не было цѣли клеймить и звѣриныхъ шкурокъ, особенно когда онѣ употреблялись вмѣсто денегъ?

Кромѣ представленныхъ нами возраженій противъ мнѣній Каченовскаго и г. Бѣляева, приведемъ еще положительныя доказательства, что *куны* и *бѣли* не были металлическими деньгами, а были шкурками звѣрей:

1) Изъ памятниковъ нашей старины видно, что *куны* и *бѣли* всегда противопоставлялись *серебру* и *золоту*. Мы уже сказали, что куны и бѣли не одно и то же, что *пенязи* и *сребреники*, и что лѣтописное извѣстіе «разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью» также доказываетъ эту противополож-

---

(¹) Современ. за 1848 г. XI т. ст. Егунова: взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси, стр. 12 и 13.—(²) Акт. Юрид. № 71 (XXIX).

ность. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: «*повелѣша на Новгородцахъ серебро имати, а по волости куны брати* ([1]);» или «чего восхочешь, воску ли, *бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль,* мы ради дамы» ([2]). Въ каждомъ изъ приведенныхъ нами лѣтописныхъ извѣстій куны и бѣли отличены отъ серебра, а кромѣ того, въ послѣднемъ извѣстіи, *бѣли* и *черныя куны*, также какъ и бобры, несомнѣнно употреблены въ значеніи мѣховъ. Въ одномъ духовномъ завѣщаніи XIV или XV вѣка сказано, что въ какой-то монастырь Святаго Михаила нѣкто Софонтій отдалъ въ залогъ село *за 10 рублей серебра*, за 29½ *сороковъ бѣлки* и за сто пузовъ *жита*. Въ случаѣ возвращенія всего этого монастырю, «*игумену серебро, куны и жито взяти, а та земля Софонтію*» ([3]). Здѣсь бѣлки названы кунами и тоже отличены отъ серебра. Все это очевидно доказываетъ, что *куны* и *бѣлки* не были ни серебряными, ни золотыми монетами, а тѣмъ болѣе мѣдными, потому что мѣдныя деньги, какъ извѣстно, только въ XV вѣкѣ едва начали появляться въ Россіи. Но если куны и бѣлки не были ни золотыми, ни серебряными, ни мѣдными деньгами, то чѣмъ же онѣ были, какъ не мѣхами, въ смыслѣ которыхъ онѣ очевидно иногда и употребляются? Впрочемъ, противъ нашего положенія могутъ привести слѣдующія мѣста изъ древнихъ духовныхъ завѣщаній, гдѣ *рубли* называются *кунами*: «се азъ рабъ божій Мартемьянъ пишу сіе рукописаніе при своемъ животѣ, да приказываю животъ свой женѣ своей и дѣтямъ своимъ, а что *куны* дѣда моего и отца моего 40 рублей и 180 гривенъ, а въ тѣхъ кунахъ приказываю свою четверть дѣтямъ своимъ» ([4]); или: «взяти ми на Ѳедькѣ половинчихъ кунъ рубль» ([5]). На это слѣдуетъ замѣтить, что слово *куна* имѣло двоякое значеніе въ Правдѣ: 1) подъ кунами въ тѣсномъ смыслѣ разумѣли извѣстную монетную единицу, напр. за обиду платити ему 60 кунъ (II, 35); 2) подъ кунами въ обширномъ смыслѣ разумѣли вообще ходившія въ то время деньги, напр. познаетъ ли у кого кунилъ, то свои куны возметъ (II, 32). Въ этомъ двоякомъ смыслѣ слово куна употреблялось и послѣ Правды, въ позднѣйшія уже времена. Извѣстно, что бѣлки и куны не одно и то же, а между

([1]) Полн. собр. рус. лѣт. т. III стр. 30.—([2]) Тамъ же, т. II. стр. 207.—([3]) Акт. Юрид. № 409 (IX).—([4]) Тамъже, № 409 (VI).—([5]) Тамъ же. № 411.

тѣмъ въ обширномъ смыслѣ бѣлки то же назывались кунами, напр. «се азъ рабъ божій Сидоръ пишу рукописаніе при своемъ животѣ, своимъ цѣлымъ умомъ, приказываю дати Марьи, брата Леонтія дочери, *кунъ 40 бѣлъ* (¹). Въ послѣдствіи, по введеніи рублевой системы, прежнее названіе куны въ обширномъ значеніи перешло и на металлическія монеты, пока не стали ихъ называть *деньгами*: но въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли наблюсти точность, всегда, какъ мы видѣли, куны и бѣлки строго отличались отъ серебра, и очевидно были мѣхами.

2) Самъ Каченовскій, въ своемъ разсужденіи о кожаныхъ деньгахъ, говоритъ, что мѣра считались на *сороки* (²); бѣли же или бѣлки, принимаемыя имъ за сребренники, не смотря на то, что признавались дѣйствительно деньгами, такъ что за бѣлки можно было купить все, что угодно, часто считались на сороки, слѣдовательно были мѣхами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Се купи Ѳедоръ Макаровъ три села, а далъ на тѣхъ трехъ селѣхъ *полшестадесятъ сороковъ бѣлки*, а пополонка конь воронъ, *въ пять сороковъ* (³) Се купи Григорей Васильевичъ у Григорья у Семеновича земли село, а далъ на той земли *30 сороковъ бѣлки*, да корову пополонка (⁴). Се купи Василей Филимоновъ и Евсѣй Ананьинъ у Ѳедоры Григорьевны село, а далъ Филимоновъ и Ананьинъ на томъ селѣ *девять сороковъ бѣлки*, а пополонка куря; а будетъ Евсѣю не до земли, ино взяти Евсѣю *свои куны* у Василія у Филимонова *польпята сорока бѣлки* (⁵). Се купи игуменъ Михайловскій Лука и Василей староста Михайловскій землю, а дали на тоій землѣ *полчетверта сорока бѣлки, Михайловскихъ кунъ*, а овцу пополонка (⁶). Безъ сомнѣнія всякій изъ приведенныхъ нами мѣстъ выведетъ то заключеніе, что въ нихъ говорится о бѣличьихъ шкуркахъ, называвшихся тоже кунами и употреблявшихся какъ деньги.

3) Счетъ на сороки не всегда примѣнялся къ кунамъ и бѣлкамъ, но и въ этомъ случаѣ подъ ними ничего другаго нельзя разумѣть, кромѣ мѣховъ. Въ договорѣ Новгородцевъ съ Польскимъ королемъ Казиміромъ IV находимъ слѣдующее мѣсто: «а знать тебѣ своя черна куна (т. е. черный боръ). А черна куна имати по старымъ

(¹) Акт. Юрид. № 409 (IV).—(²) См. стр. 6.—(³) Акт. Юрид. № 71 (VI).—(⁴) Тамъ же, № 71 (VIII).—(⁵) Тамъ же, № 71 (X).—(⁶) Тамъ же, № 71 (XXIX).

грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Стержи *тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлъ*; а съ Моревы 40 куницъ да 80 бѣлъ, а въ Жавпѣ 20 куницъ да 80 бѣлъ; а на Лопастицяхъ и на Буйцахъ *у черпокуницовъ* по двѣ куницы и по двѣ бѣли; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по 2 куницы и по 2 бѣли; а во Ржевѣ по 2 куницы и по 2 бѣли (¹). Кто не согласится, что здѣсь говорится о куньихъ и бѣличьихъ мѣхахъ, хотя счетъ произведенъ и не на *сороки?* Если же въ выписанномъ нами отрывкѣ изъ договора, *куна* и *бѣль* означали мѣха, то нѣтъ никакого основанія не видѣть мѣховъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) а село есмь купилъ, далъ есмь на немъ 30 гривенъ кунъ (²); 2) се купи Родіонъ Тимофеевичъ лоскутъ земли, а далъ Родіонъ на той землѣ *100 бѣлъ*, да изъ жита сѣмяннаго пополонка (³); 3) на Выѣ и на Пинежкѣ сидѣлъ Петрушка семь лѣтъ, а послѣ Ярецъ, а послѣ Өедоръ, а послѣ Өедора сидѣлъ Өедюня: и Новгородцы, пришедъ, тивуна Өедюнина и людей его избили и волости привели за себя, да взяли съ нихъ *окупа 15,000 бѣлъ* (⁴); 4) се купи Өедоръ Макаровъ малой рыбы ловлю, а далъ на томъ 20 бѣлъ (⁵); 5) се язъ Христофоръ игуменъ купилъ есмь пустошь Кочевинскую у Павла у Филимонова сына, далъ есмь на ней *полтину, да 10 бѣлъ* (⁶); 6) оже учинится вира...дадутъ намѣстникамъ 10 рублевъ, а за кровавую рану *50 бѣлъ*, а за синюю рану *15 бѣлъ* (⁷). Странно было бы видѣть во всѣхъ поименованныхъ здѣсь *бѣляхъ* нѣчто отличное отъ тѣхъ считавшихся сороками бѣличьихъ шкурокъ, за которыя, какъ мы показали выше, покупались вотчины, особенно при положительныхъ доказательствахъ, что ни кунъ, ни бѣлей нельзя считать металлическими деньгами.

4) Изъ указа Петра Великаго 1700 года марта 11 (№ 1776) видно, что даже въ его время въ Калугѣ и иныхъ городахъ, за неимѣніемъ денежекъ для размѣна, торговали *«кожеными и иными жеребьями»* (⁸). Эти кожаныя деньги ходили въ С.-Петербургской губерніи еще въ 1716 году подъ названіемъ *мордокъ,* а мордками, какъ извѣстно, назывались куны. Именно для работниковъ, наря-

---

(¹) Акт. Эксп. т. I № 87.—(²) Полн. собр. рус. лѣт. т. II стр. 215.—(³) Акт. Юрид. № 71 (XIV).—(⁴) Акт. Эксп. т. I № 94.—(⁵) Акт. Юрид. № 71 (VII).—(⁶) Акт. Юрид. № 6.—(⁷) Акт. Эксп. т. I № 13.—(⁸) Полн. собр. зак. т. I № 1776.

жавшихся въ 1716 году на *мыту Сарскую* собирали съ каждаго двора покормежныя деньги, по 3 алтына по полтретьи деньги *съ мордкою* ([1]). Безъ сомнѣнія это былъ остатокъ старины, слѣдовательно въ приведенныхъ нами доказательствахъ существованія кожаныхъ денегъ въ началѣ XVIII вѣка, предшествовавшіе наши выводы о томъ, что въ древности разумѣли подъ кунами и бѣлками не металлическія монеты, а шкурки, имѣютъ твердое, неопровержимое подтвержденіе.

5) При согласіи съ отечественными памятниками и свидѣтельство иностранца тоже должно имѣть значеніе. Іоаннъ Давидъ Вундерерь, путешествовавшій по Россіи въ 1589 году, говоритъ, что въ Двинской области у Ледовитаго моря были въ употребленіи *кожаныя деньги* ([2]).

6) Кромѣ того, при другихъ данныхъ, въ пользу нашего мнѣнія можетъ говорить и то, что въ древности *серебряныя* и *золотыя гривны* имѣли цѣнность единственно только *вѣсовую*, а не номинальную, тогда какъ гривна кунъ была гривною *счетною*, составлявшеюся изъ опредѣленнаго числа кунъ или рѣзанъ, ногатъ и вѣкшъ. Это явно выказываетъ противоположность гривны кунъ гривнамъ серебра и золота, и подкрѣпляетъ наши прежніе доводы.

И такъ нельзя сомнѣваться, что подъ кунами и бѣлками разумѣлись шкурки звѣрей, и всякій, кому желательно находить въ кунахъ и бѣлкахъ металлическія деньги, по нашему мнѣнію, похожъ на того мудреца, который видѣлъ въ ларцѣ особый секретъ, а ларчикъ просто открывался.

Но представляется вопросъ, были ли монетами *цѣлыя мѣхи*, или только извѣстныя ихъ части?

Относительно *бѣлокъ* или *бѣлъ*, кажется, положительно можно сказать, что ихъ слѣдуетъ принимать не за части, а за цѣлыя шкурки, потому что о бѣличьихъ ушкахъ свидѣтельствуетъ только Герберштейнъ, отечественные же памятники о нихъ не упоминаютъ, а мнѣніе о лобкахъ бѣличьихъ не имѣетъ твердаго основанія. Мнѣніе это опирается на новѣйшихъ, вѣроятно и неисправныхъ, спискахъ Новгородскаго лѣтописца, гдѣ сказано: «начаша торговати

([1]) Разсужденіе Каченовскаго о кожаныхъ деньгахъ, стр. 77. — ([2]) Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. декабр. кн. 1853 года, стр. 189.

бѣлыми лобцы и гроши литовскими, а куны отложиша», тогда какъ въ старыхъ спискахъ говорится: «начаша торговати бѣлками, лобци и гроши литовскими». Посему Карамзинъ основательно думаетъ, что подъ *лобцы* (кажется слѣдуетъ читать *лебци*) разумѣлись *любскіе пфеннинги* (¹). Совершенно противное должно сказать о *кунахъ*. Куна, принимаемая въ смыслѣ опредѣленной монетной единицы, была обрѣзкомъ извѣстной части куньей шкуры. Это доказывается слѣдующимъ: 1) куна, какъ мы видѣли, называлась также *рѣзаною*, а это слово само по себѣ даетъ понятіе объ обрѣзкѣ; 2) въ Погодинскомъ хронографѣ XVIII столѣтія подъ 1411 годомъ прямо объяснено: «*куны, еже есть мордъ куней* (²)»; такое же объясненіе находится и въ Новгородской лѣтописи, извѣстной Карамзину, гдѣ сказано, что въ Новгородѣ въ 1410 году «*куны отложиша, еже есть мордки куньи* (³); притомъ самое слово *мордка* часто встрѣчается въ нашихъ грамотахъ XIV и XV вѣка (⁴); 3) въ Несторовой лѣтописи по Кенигсбергскому списку сказано о Святополкѣ: «созва люди и нача даяти овѣмъ *корзна* (скорою), овѣмъ *кунами* (⁵)». Если *корзно* значитъ цѣлый мѣхъ, то куны, очевидно, отъ него отличены, и послѣ двухъ первыхъ приведенныхъ нами доказательствъ нельзя сомнѣваться, что онѣ принимались въ смыслѣ извѣстныхъ обрѣзковъ куньей шкуры. Слово *мордка* объясняетъ какіе были это обрѣзки, именно показываетъ, что куну составляла отрѣзанная отъ куньяго мѣха *кунья морда*. Но что должно разумѣть подъ *ногатой*, цѣлый ли мѣхъ или обрѣзокъ, и какого именно звѣря? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо обратить вниманіе съ одной стороны на то, что слово *ногата* съ XIII вѣка чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ нашихъ письменныхъ памятникахъ, а съ другой, что подъ названіемъ куна въ тѣсномъ смыслѣ иногда съ XIII вѣка очевидно разумѣлась *не рѣзана*, какъ прежде, а *ногата*, т. е. что до XIII вѣка куна была то же, что рѣзана, а съ XIII вѣка куна употреблялась, хотя не всегда, по большею частію въ значеніи ногаты. Если выводъ нашъ справедливъ, то нѣтъ сомнѣнія, что

(¹) Истор. Карамз. т. V прим. 245. У Кошихина *Любекъ* называется *Любокъ*, стр. 77.—(²) Егунова о торговлѣ древнѣйшей Руси, стр. 11.—(³) Истор. Карамз. т. V прим. 245.—(⁴) Акт. Эксп. т. I, N 14 и № 32.—(⁵) Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1846 г. № 3, стр. 12.

ногата, не различавшаяся впослѣдствіи отъ куны въ тѣсномъ смыслѣ, была то же обрѣзкомъ извѣстной части куньей шкуры. Основанія такого вывода слѣдующія. Въ концѣ XII вѣка была въ Новгородѣ дороговизна: хлѣбъ покупали *по 2 ногаты*, т. е. по 5 кунъ, а кадь ржи по 4 гривны кунъ; въ началѣ же XIII вѣка, въ 1228 году, то же въ дорогое время, за хлѣбъ платили *2 куны*, за кадь ржи 3 гривны кунъ; а въ 1230 году покупали хлѣбъ по *8 кунъ*, кадь же ржи по 20 гривенъ кунъ. Къ концу этого послѣдняго года цѣна еще возвысилась: платили за хлѣбецъ *полгривны кунъ*, а за четвертую часть кади *семь гривенъ кунъ*, или гривну серебра, слѣдовательно цѣлая кадь стоила уже *28 гривенъ кунъ* (¹). Очевидно, что при существованіи 20 гривенной цѣны за кадь ржи, хлѣбъ долженъ былъ стоить дороже *8 рѣзанъ*, потому-что при 4-хъ гривенной цѣнѣ за кадь онъ стоилъ *5 рѣзанъ*; отношеніе же между 20 и 4 вовсе не такое, какъ между 5 и 8. Точно также, если кадь ржи стоила 4 гривны, и хлѣбъ продавался по 5 кунъ или рѣзанъ, то можно ли предполагать, чтобы, при уменьшеніи цѣны за кадь ржи только одною гривною, цѣна за хлѣбъ понизилась изъ 5 кунъ или рѣзанъ на 2 куны или рѣзаны? Кромѣ того, мы видѣли, что въ началѣ 1230 года хлѣбъ стоилъ 8 кунъ, а въ концѣ полгривны, 25 кунъ, т. е. что цѣна возвысилась 17-ю кунами, между тѣмъ, какъ цѣлая кадь ржи сначала продавалась по 20 гривенъ, а потомъ по 28 гривенъ кунъ, слѣдовательно цѣна возвысилась только 8 гривнами. Несоотвѣтственность между возвышеніемъ цѣны за хлѣбъ и возвышеніемъ цѣны за кадь ржи явная. Но такая несоотвѣтственность уничтожается, если въ приведенныхъ нами мѣстахъ подъ кунами разумѣть ногаты, именно: если подъ 2 и 8 кунами разумѣть 2 и 8 ногатъ, т. е. 5 кунъ и 20 кунъ, тогда въ отношеніяхъ между цѣнами за хлѣбъ и за кадь ржи будетъ гораздо болѣе сообразности. И такъ, если куна съ XIII вѣка часто принималась въ смыслѣ ногаты, то, кажется, нельзя сомнѣваться, что эта послѣдняя была также обрѣзкомъ *куньей шкуры*; но какимъ именно? Мы знаемъ, что въ Новгородской лѣтописи сказано: «начаша торговати бѣлками . . . а *куны* отложиша, *еже есть мордки*

(¹) См. Полн. собр. рус. лѣт. т. III стр. 15, 19, 20, 43, 46 и 47; Истор. Карамз. къ т. III прим. 335.

куньи» ([1]. Въ этомъ мѣстѣ бѣлки отличены отъ кунъ, слово же куны употреблено въ смыслѣ вообще кунной системы, слѣдовательно подъ ними здѣсь разумѣли только *рѣзаны* и *ногаты*, тѣ же и другія названы *куньими мордками*. Значитъ и ногата была куньей мордой, и дѣйствительно въ договорѣ XIII вѣка Новгорода съ Любекомъ и Готландомъ мордка, въ смыслѣ ногаты, отличена отъ куны. Въ этомъ договорѣ сказано: «si panes habere noluerint, dabuntur eis (vectoribus) pro quolibet pane *due cunen* ([2]), et pro butiro 3 *capita martarorum* (3 мордки за сосудъ масла—pro una scutella butiri) ([3]). Выписанное нами мѣсто заставило Карамзина предполагать, что кунья мордка превосходила въ цѣнѣ обыкновенную куну ([4]). Въ настоящемъ случаѣ это справедливо, но не всегда, потому что куна, въ смыслѣ рѣзаны, была тоже куньей мордкой. Какое же различіе существовало между мордкой-ногатой и мордкой-рѣзаной? Различіе между ними объяснить легко, если вспомнить, что мордки были у насъ двухъ родовъ: *обѣушныя мордки* и *просто мордки*, вѣроятно безушныя. Въ одной грамотѣ XIV вѣка говорится: «на старыхъ мытѣхъ имати съ воза по *мордкѣ обѣушной*, а кости съ человѣка *мордка* ([5])». Тутъ ясно отличена мордка отъ обѣушной мордки. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, составляла ногату, а первая рѣзану, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Нейштета, *ногаты* назывались у нѣмцевъ *орами* (Ohr), т. е. *ушами* ([6]). Кромѣ того, ногаты именовались иногда въ XIV вѣкѣ и *долгеями*. Въ одной грамотѣ сказано: «погонъ имати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тіуна по 2 *долгеи»*; а въ другой: «погонъ имати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тіуна *по 2 куны»* ([7]).—Изъ сличенія этихъ мѣстъ видно, что *долгея* означала *куну*, а подъ куной разумѣлась здѣсь *ногата*, потому что *рѣзана*, какъ безушная мордка, была меньше мордки обѣушной, и только эта послѣдняя, будучи *длиннѣе* простой мордки, могла называться *долгеею*.

([1]) Истор. Карамз. къ т. V прим. 245.—([2]) Двѣ куны давались за 4 хлѣба, слѣдовательно въ недорогое время одинъ хлѣбъ стоилъ ½ куны.—([3]) Sammlung der Quellen der Geschichte des Russichen Rechts. Tobien, стр. 87.—([4]) Истор. Карамз. къ т. III пр. 244.—([5]) Акт. Эксп. т. I № 14.—([6]) Каченовскаго разсужд. о кожаныхъ деньгахъ, 1849 г., стр. 12 и 61.—([7]) Чтен. въ Имп. Общ. Истор. и Древност. при Москов. Универ. 1846 г. № 3, стр. 8.

Выводъ нашъ, что рѣзаны и ногаты были шкурными обрѣзками, основанный на отечественныхъ памятникахъ, подтверждается и свидѣтельствомъ иностранцевъ: *Рубриквиса, Мѣховскаго, Стрыйковскаго, Жильбера де Ланнуа, Герберштейна* и *Гваньини*, которые всѣ говорятъ, что Русскіе употребляли, какъ монету, кожаные лоскутки ([1]).

Но какимъ образомъ обрѣзки шкуръ могли сдѣлаться монетою? Извѣстно, что въ старину дань сбиралась мѣхами: такъ Варяги брали съ Чуди, Славянъ и Кривичей *по вѣверицѣ*, а Олегъ съ Древлянъ *по черной кунѣ* съ дыма ([2]). Сборъ черной куны продолжался даже въ XV вѣкѣ ([3]).—Платившимъ дань мѣхами, въ уплатѣ ея, безъ сомнѣнія, давалось какое нибудь удостовѣреніе. Вѣроятно это удостовѣреніе состояло въ томъ, что отрѣзывали отъ принесеннаго кѣмъ либо въ подать мѣха какую нибудь часть, именно морду, съ ушами и безъ ушей, смотря по количеству взятой дани, и клали на такомъ обрѣзкѣ *пятно*, т. е. клеймо. Эти клейменые обрѣзки, или квитанціи, по удобности обращенія предъ цѣлыми мѣхами и по необходимости отдавать послѣдніе въ дань, мало по малу вошли обычаемъ въ употребленіе какъ монеты. Такимъ образомъ *кунная* система создана самимъ народомъ, а не введена князьями. Къ подтвержденію нашего вывода служитъ то, что мы не встрѣчаемъ въ отечественныхъ историческихъ документахъ ни одного мѣста, гдѣ бы говорилось объ общемъ какомъ либо заведеніи въ княжествахъ для дѣланія кунъ. Напротивъ, въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича, данномъ Софійскому Собору въ 1137 году, сказано: «емлетъ епископъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ *новыхъ кунъ*, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онега ([4])», т. е. что *новыя куны* выдавалъ какой-то Домажиричь на Онегѣ. Это наводитъ на мысль, что Домажиричь былъ посланъ за сборомъ дани на Онегу, гдѣ и выдавалъ куны по способу выше нами объясненному. Клейма на кунахъ не были однообразны даже въ одномъ и томъ же княжествѣ. Въ старину на нѣсколько селъ и деревень посылались *княжіе пятенщики* для пятнанія коней и

([1]) Ст. Егунова о торговлѣ древнѣйшей Руси. Современникъ, т. XI, 1848 г. стр. 11.—([2]) Полн. собр. рус. лѣт. т. I стр. 8 и 10.—([3]) Акт. Эксп. т. I, № 87.—([4]) Русск. Достопамят. 1815 г. ч. I, стр. 83.

другихъ животныхъ (1). Эти пятенщики вѣроятно и клеймили каждую выдававшуюся сборщикомъ дани куну, но пятно не было у нихъ одинаково, потому-что куны назывались иногда по именамъ монастырей, напр. *Михайловскія куны* отъ монастыря святаго Михаила. Впослѣдствіи, вмѣсто обрѣзыванія мордъ отъ мѣховъ, стали, кажется, выдавать правильные четвероугольники изъ выдѣланной кожи, какіе видѣлъ Карамзинъ, но тоже съ разнообразными клеймами, именно: съ крючками, звѣздочками, съ оттискомъ названіи рѣкъ, на которыхъ куны выдавались, напр. *Кудма* (2).

Послѣ всего сказаннаго нами о кунахъ, ясно представляется вся неосновательность слѣдующаго возраженія Каченовскаго: допускать существованіе кожаныхъ лоскутковъ въ древней Россіи, лоскутковъ клеймёныхъ, обращавшихся вмѣсто монеты, значитъ тоже, что и вѣрить существованію *государственнаго кредита* въ такое время, когда по всѣмъ соображеніямъ его не могло быть (3). Каченовскій, безъ сомнѣнія, много разсчитывалъ на силу подобнаго возраженія; но для показанія его шаткости довольно замѣтить, что кожаные лоскутки или куны вовсе не были *кредитными билетами*, а составляли подлинную, настоящую монету, слѣдовательно о государственномъ кредитѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ значеніи кунъ, какъ монетъ изъ обрѣзковъ шкуръ, тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться, что и въ настоящее время для *Березовскихъ Самоѣдовъ* и *Остяковъ* единицею цѣнности служитъ рыба *муксунъ*; 30 же муксуновъ равняются одной *песцовой шкурѣ*, а песецъ равняется *20 песцовымъ лапкамъ*; слѣдовательно и теперь лапки, т. е. обрѣзки шкуръ, употребляются какъ монеты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи (4).

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о монетной системѣ во времена Правды постараемся опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились тогда между собою гривна кунъ, гривна серебра и гривна золота.

Вообще подъ *металлической гривной* разумѣли извѣстнаго вѣса слитокъ *серебра* или *золота*. Это доказывается однимъ мѣстомъ

---

(1) Акт. Эксп. т. I №№ 28, 131. — (2) Истор. Карамз. къ т. I прим. 521. — (3) Разсужд. о кожаныхъ деньгахъ 1849 г. стр. 20. — (4) Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. кн. VI стр. 332.

Ипатіевской лѣтописи, гдѣ сказано, что князь Владиміръ Васильковичъ въ 1288 году свои серебряныя блюда, кубки золотые и серебряные *побья въ гривны* (¹). Всѣ найденныя доселѣ гривны серебра оказывались слѣдующаго вѣса: *Новгородскія*—отъ 42½ до 46 золотниковъ, а *Кіевскія*—отъ 36 до 38 золотниковъ (²). Недавняя находка монетъ близь Нѣжина доказываетъ также, что князья отливали и *серебряники,* которые не имѣли особаго названія, а просто именовались *сребро*, именно: *такой-то на столь, а се его сребро.* Мы разсматриваемъ эти сребряники какъ необходимое дополненіе къ гривнамъ: въ полной гривнѣ не всегда настояла надобность, иногда, и даже чаще, нуждались въ бо̀льшихъ или мѐньшихъ доляхъ гривны. Въ такомъ случаѣ серебро въ извѣстныхъ кусочкахъ имѣло важное значеніе. Этими-то кусочками и были серебряники, принимавшіеся безъ сомнѣнія на вѣсъ. Посему мы нисколько не сомнѣваемся, что серебряники, какъ кусочки серебра, какъ доли гривны въ небольшихъ слиткахъ, употреблялись, хотя и не въ большомъ количествѣ, въ древней Россіи, тѣмъ болѣе, что о серебряникахъ упоминается и въ лѣтописи (³). Но странно, что нѣкоторые изслѣдователи наши видятъ въ нихъ *медали* (⁴), тогда какъ послѣднія являются только въ обществахъ, стоящихъ на довольно значительной степени развитія. У насъ не было медалей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ же онѣ могли быть въ древней Руси?

Принимая, что гривна серебра существовала не только въ полныхъ слиткахъ, но и въ сребряникахъ, какъ необходимомъ дополненіи къ первымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не признаемъ сребряниковъ монетой въ собственномъ смыслѣ слова. Золото и серебро считалось въ старину цѣннымъ для всѣхъ товаромъ, обращавшимся въ большихъ и маленькихъ слиткахъ, потому-что сребряники были тѣ же слитки, неимѣвшіе цѣны нарицательной, а только вѣсовую. Вѣсовая же цѣна опредѣлялась единственными представителями цѣнностей, единственными численными монетами временъ Правды—*кунами.* Теперь представляется вопросъ: сколько же тогда считалось гривенъ кунъ въ гривнѣ золота и въ гривнѣ серебра? Въ относимой

(¹) Полн. собр. рус. лѣт. т. II стр. 219. — (²) См. О цѣнности въ древней Руси, Заблоцкаго. 1854 г., стр. 23. — (³) Полн. собран. рус. лѣт. т. II. стр. 6.—(⁴) О цѣнности, Заблоцкаго, стр. 14.

къ Правдѣ статьѣ о безчестіи сказано: «за безчестную гривну золота, аще будетъ баба была въ золотѣ, взяти ему *50 гривенъ* за гривну золота; аще будетъ баба не была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривна серебра, а за гривну серебра *полъосми гривнъ* (кунъ)» (1). Изъ этой статьи видно, что гривна серебра содержала въ себѣ $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, а гривна золота 50 гривенъ кунъ, или $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра. Однакожъ выписаннаго нами постановленія о безчестіи нельзя относить къ Правдѣ по слѣдующимъ причинамъ: 1) въ ней не было счета на серебро и золото, а только на куны; 2) въ достовѣрнѣйшихъ ея спискахъ нѣтъ самого слова *безчестіе*, между тѣмъ въ означенномъ постановленіи понятіе о безчестіи представляется уже довольно развитымъ, такъ что количество пени обусловливалось нарядомъ оскорбленной. Все это заставляетъ насъ предполагать, что упомянутая статья составлена послѣ Мономаха, и вѣроятно въ концѣ XII вѣка. Въ XIII же вѣкѣ, какъ оказывается изъ договора князя Мстислава съ Ригою въ 1228 году, гривна серебра въ Смоленскѣ соотвѣтствовала *4 гривнамъ кунъ*, а въ Новгородѣ, какъ видно изъ Новгородскаго лѣтописца, въ 1230 году—равнялась *7 гривнамъ кунъ* (2). Впрочемъ, отношеніе кунъ къ серебру въ Новгородѣ въ 1230 году нельзя считать нормальнымъ и полагать въ основаніе какимъ либо выводамъ, потомучто въ этомъ году въ Новгородѣ былъ ужасный голодъ, и обстоятельство, что гривна серебра стоила 7 гривенъ кунъ вовсе не показываетъ въ настоящемъ случаѣ возвышеніе цѣны перваго, а только обнаруживаетъ временный упадокъ кунъ въ отношеніи къ товарамъ вообще и въ томъ числѣ и къ серебру. И такъ всѣ выписанныя нами мѣста изъ нашихъ памятниковъ не разрѣшаютъ вопроса, сколько считалось гривенъ кунъ въ гривнѣ серебра и золота во времена Правды, т. е. въ XI и въ началѣ XII вѣка? Намъ кажется, что этотъ вопросъ можно нѣсколько разрѣшить однимъ мѣстомъ Ипатіевской лѣтописи, гдѣ говорится, что Иванко Берладникъ взялъ у Святослава *въ 1146 году 200 гривенъ серебра, или 12 гривенъ золота* (3). Изъ этого оказывается, что гривна золота въ началѣ XII вѣка содержала въ себѣ $16\frac{2}{3}$ гривенъ серебра. Мы видѣли въ

(1) Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 97 и 148.—(2) Истор. Гос. Рос. примѣч. къ т. III прим. 335 и къ т. I прим. 527. — (3) См. Полн. собр. рус. лѣт. т. II стр. 28.

статьѣ о безчестной гривнѣ, что гривна золота показана въ ней равною 50 гривнамъ кунъ, а гривна серебра—$7\frac{1}{2}$ гривнамъ кунъ, и что слѣдовательно гривна золота содержала въ себѣ $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра. Но если одна гривна золота, заключая въ себѣ $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра, равнялась *50 гривнамъ* кунъ, то сколько она вмѣщала въ себѣ этихъ послѣднихъ, соотвѣтствуя $16\frac{2}{3}$ гривнамъ серебра? Этотъ вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ: мы уже сказали, что гривна золота въ концѣ XII вѣка, или даже позже, стоила $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра, а въ 1146 году—$16\frac{2}{3}$ гривенъ серебра, т. е. была дороже *въ два съ половиною раза*, слѣдовательно, если оцѣнивать гривну золота гривнами кунъ, то и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ цѣну ея въ 1146 году возвысить также *въ два съ половиною раза* противъ ея цѣны въ концѣ XII вѣка, т. е. 50-ти гривенъ кунъ. Очевидно, что искомое число будетъ *125 гривенъ кунъ*, т. е. то же $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ на гривну серебра. Изъ этого видно, что какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ XII вѣка измѣнялась только цѣна золота, но отношеніе серебра къ кунамъ оставалось прежнее, и потому съ увѣренностію можно сказать, что оно было одинаково и въ XI вѣкѣ.

Руководствуясь этими выводами, и оцѣнивая фунтъ серебра въ 20 нынѣшнихъ рублей (¹), можно приблизительно выразить въ нашихъ деньгахъ куны или рѣзаны, ногаты и гривны кунъ. Зная, что гривны серебра заключали въ себѣ вѣса отъ $42\frac{1}{2}$ до 46 золотниковъ, и отъ 36 до 38 золотниковъ, мы найдемъ, что гривна въ $42\frac{1}{2}$ золотника соотвѣтствовала по вѣсу съ небольшимъ 8 р. 85 коп., гривна въ 46 золотниковъ съ небольшимъ—9 р. 58 коп., гривна въ 36 золотниковъ—7 руб. 50 коп. и гривна въ 38 золотниковъ—7 руб. 91 коп., и что слѣдовательно гривна кунъ почти равнялась 1 руб. 18 коп., 1 р. 27, 1 рублю и 1 р. 5 коп., а куна и ногата составляли или ровно *двѣ* и *пять*, или нѣсколько болѣе 2-хъ и 5-ти копѣекъ серебромъ. Такимъ образомъ мы будемъ весьма близки къ истинѣ, если примемъ круглымъ числомъ гривну кунъ въ 1 рубль серебра, куну или рѣзану—въ 2 копѣйки, а ногату—въ 5 копѣекъ серебромъ. Слѣдовательно виры, продажи и цѣны на разные предметы, выраженныя въ нашихъ деньгахъ, будутъ слѣ-

(¹) Истор. Карамз. къ т. III прим. 335.

дуюція: 80-тигривенная вира соотвѣтствовала 80 рублямъ, 40-гривенная—40 рублямъ, полувира, 20 гривенъ—20 рублямъ, 12-ти гривенная продажа—12-ти рублямъ, 3-хъ-гривенная и 30 кунная продажа—3 рублямъ 60 копѣйкамъ, 60-ти кунная—1 рублю 20 копѣйкамъ. Цѣна холопа, стоившаго 5 гривенъ кунъ, соотвѣтствовала 5 рублямъ, цѣна рабы—6 рублямъ, коня—3 и 2 рублямъ, кобылы—1 р. 20 коп. и 3 рублямъ, жеребенка—рублю, вола—рублю, коровы—80 копѣйкамъ и 2 рублямъ, теленка—10 копѣйкамъ, барана—сначала 5 копѣйкамъ, потомъ 20 копѣйкамъ, овцы—10 копѣйкамъ и 30 копѣйкамъ, козла—20 копѣйкамъ, козы—30 копѣйкамъ, кабана—30 копѣйкамъ, свиньи—10 копѣйкамъ и 50 копѣйкамъ, поросенка—5 копѣйкамъ, курицы—18 копѣйкамъ, утки—60 копѣйкамъ, гуся—60 копѣйкамъ, морской ладьи—3 рублямъ, набойной ладьи—2 рублямъ, челна—40 копѣйкамъ, струга—рублю, воза сѣна—10 копѣйкамъ, стога сѣна—рублю, воза дровъ—10 копѣйкамъ. Все это показываетъ недешевизну предметовъ потребленія, а только то, что цѣнность денегъ во время Правды была несравненно выше теперешней.

По введеніи рублевой монетной системы куны и ногаты чрезвычайно упали въ цѣнѣ относительно серебра. Въ Псковской лѣтописи подъ 1407 годомъ сказано: «а тогда бяше хлѣбъ дешевъ по 3 мѣрѣ за полтину, а соли по 8 *мордокъ* и по гривнѣ пудъ, а *кунъ на полтину 15 гривенъ* (¹)». Въ другомъ мѣстѣ Псковской лѣтописи находимъ слѣдующее подъ 1420 годомъ: «въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 ногатъ, а на полтину ржи 2½ зобницы (²).» Выписанныя нами лѣтописныя извѣстія показываютъ, что въ XV вѣкѣ полтина равнялась 15 гривнамъ кунъ или 175 ногатамъ; слѣдовательно рубль равнялся 30 гривнамъ кунъ, содержавшимъ въ себѣ 350 ногатъ или 875 рѣзанъ. Изъ этого видно, что самое количество единицъ въ гривнѣ кунъ уменьшилось: она содержала уже около 30 рѣзанъ и около 12 ногатъ. Но куны упали въ цѣнѣ не только противъ серебра, но и противъ самыхъ бѣлокъ. Въ одной купчей XV вѣка сказано: «се купи игуменъ Лука землю, а далъ *семь рублей, по сту бѣлокъ за рубль*» (³). Какая огромная разни-

(¹) Полн. собр. рус. лѣт. т. IV стр. 199.—(²) Ист. Гос. Рос. Карамз. къ т. V пр. 222.—(³) Акт. Юрид. № 71 (XXVII).

ца: 100 бѣлокъ на рубль, тогда какъ на него шло 875 рѣзанъ или 350 ногатъ! Это объясняется тѣмъ, что бѣлки, какъ цѣлыя шкурки, были товаромъ болѣе годнымъ къ употребленію, чѣмъ куны, и потому менѣе ихъ упали въ цѣнѣ.

О СОСЛОВІЯХЪ И ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦАХЪ.

I. О СОСЛОВІЯХЪ.

Изъ Правды видно, что все народонаселеніе современной ей Россіи дѣлилось: *на княжихъ мужей* и *людиновъ*. Такое дѣленіе подтверждается общимъ между тѣми и другими противопоставленіемъ, сдѣланнымъ въ статьѣ Правды: «аже кто убіетъ *княжа мужа*... то 80 гривенъ, аще ли *людинъ*, то 40 гривенъ» (III, 3). Подъ княжими мужами разумѣли вообще всѣхъ, состоявшихъ въ службѣ князя, даже княжескихъ поваровъ и конюховъ, потому-что статья Троицкаго списка, въ которой говорится объ этихъ двухъ послѣднихъ видахъ служителей, озаглавлена: *«о княжи мужь»* (II, 9). Къ людинамъ причисляли простыхъ, т. е. недолжностныхъ людей. Изъ этого видно, что служебный элементъ проводилъ въ древности рѣзкую черту между сословіями: служилый человѣкъ принадлежалъ къ высшимъ сословіямъ, неслужилый—къ низшимъ.

Приступая въ частности къ отдѣльному разсмотрѣнію каждаго изъ сословій, мы не будемъ останавливаться на упоминаемыхъ не только въ Правдѣ, но и въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками—*боярахъ*. Объ нихъ, какъ о княжихъ мужахъ, т. е. какъ о высшемъ сословіи, не можетъ быть никакихъ споровъ и сомнѣній. Значеніе же *огнищанъ* въ точности не опредѣлено. Они до сихъ поръ даютъ поводъ къ противоположнымъ мнѣніямъ. Подъ огнищанами разумѣютъ: 1) *Карамзинъ*—домовитыхъ гражданъ; 2) *Болтинъ*, *Мусинъ-Пушкинъ* и *Полевой*—всѣхъ свободныхъ людей;

3) *Успенскій* и *Рейцъ*—сельскихъ обывателей, первый такихъ которые производили *огнища*, т. е. выжигали лѣсъ для посѣва хлѣба, а второй—живших на собственныхъ земляхъ. Принявши какое бы то ни было изъ этихъ мнѣній, слѣдовало бы почти все народонаселеніе древней Россіи, или значительную его часть, признавать огнищанами. Но изъ Правды можно заключать, что огнищанамъ вовсе не давали такого обширнаго значенія. Напротивъ относительно принадлежности ихъ къ высшему сословію представляются слѣдующіе доводы: 1) за убійство огнищанъ назначалась самая большая пеня, именно двойная вира—80 гривенъ; 2) слово огнищанинъ, употребленное въ дополнительномъ уставѣ Ярослава, въ постановленіи объ убійствѣ въ разбоѣ (I, 19), замѣнено въ соотвѣтствующей этому постановленію статьѣ устава Изяслава (II, 3) болѣе общимъ выраженіемъ *княжь мужь*. Это показываетъ, что огнищане причислялись къ княжимъ мужамъ. Кромѣ того, въ Правдѣ упоминается *о тіунахъ огнищныхъ*, которыхъ, какъ поставленныхъ рядомъ съ названіемъ *тіунъ конюшій*, необходимо относить къ должностнымъ лицамъ княжескаго дворца, а потому нельзя не придти къ мысли, что къ этому послѣднему имѣли отношеніе и огнищане вообще, и даже отъ него получили свое наименованіе. Слѣдовательно, ни мнѣніе Карамзина и другихъ поименованныхъ выше лицъ, ни мнѣніе Татищева, считавшаго огнищанъ полицейскими чиновниками въ городахъ (1),—не могутъ быть приняты. Полагая съ своей стороны, что огнищанами назывались всѣ вообще должностныя лица, состоявшія при княжескомъ дворцѣ, мы думаемъ, что слово *дворянинъ*, и по производству своему и по значенію въ старину, вполнѣ соотвѣтствовало слову *огнищанинъ*. Странно было бы, производя названіе дворянинъ отъ двора, заключать, что въ древности подъ дворянами разумѣли людей свободнаго происхожденія, имѣвшихъ свои дворы, свои дома. По этому же самому намъ кажется неправильнымъ мнѣніе тѣхъ, которые понимаютъ подъ огнищаниномъ свободнаго человѣка, имѣвшаго свое *огнище*, т. е. свой *очагъ* (2). Каждый смердъ, не будучи огнищаниномъ, не жилъ же подъ открытымъ небомъ, а безъ сомнѣнія имѣлъ свою избу. Оче-

(1) См. Древности Успенскаго 1818 г. стр 547.—(2) См. Архив. ист.-юрид. свѣд. кн. 1, ст. Буслаева, въ отд. IV, стр. 43.

видно, что слова *дворъ* и *огнище*, въ отношеніи къ производнымъ отъ нихъ названіямъ дворянинъ и огнищанинъ, слѣдуетъ принимать въ значеніи не частнаго, а княжескаго жилища. Такимъ образомъ подъ огнищанами въ древности разумѣли то же, что впослѣдствіи стали разумѣть подъ дворянами, и слово огнищане есть только старинное названіе дворянъ. Между огнищанами и боярами было то различіе, что огнищане, какъ всѣ въ совокупности взятые дворцовые чиновники и служители разныхъ наименованій, такъ и возникшее отъ нихъ потомковъ особое благородное сословіе, имѣли значеніе единственно отъ службы, образовались изъ людей неродословныхъ, т. е. составляли дворянство выслуженное, и вѣроятно не могли пользоваться правомъ перехода на службу къ другимъ князьямъ; бояре же напротивъ были дворянствомъ родословнымъ и могли по произволу избирать службу у того или у другаго князя. Но какъ огнищане, такъ и бояре, называясь княжими мужами, равно принадлежали къ высшему сословію.

Низшія сословія вообще назывались *людинами*. Людины раздѣлялись на людей свободныхъ и несвободныхъ. Къ первымъ принадлежали *смерды*, къ послѣднимъ—*закупы* и *холопы*. Закупы находились во временномъ рабствѣ, а холопы—въ постоянномъ. Но намъ могутъ возразить: какимъ образомъ подъ названіемъ *людины* могли разумѣть *смердовъ* и *холоповъ*, когда за убійство тѣхъ и другихъ платилось во времена Правды 5 *гривенъ*, а за людина—40 гривенъ? Не значитъ ли это, что людинъ не одно и то же, что смердъ и холопъ? На такое, по-видимому, основательное возраженіе, мы отвѣтимъ слѣдующее: если бы только 5 гривенъ пени назначалось за убійство смерда и холопа, то на какомъ основаніи за похищеніе послѣдняго взыскивали 12 гривенъ? Въ Правдѣ говорится: «а князю продажи въ челядинѣ 12 гривенъ или украденъ или уведенъ есть (III, 35)». Не могла же кража считаться выше лишенія кого либо жизни? Далѣе мы видимъ, что тотъ, кто давалъ холопу средства къ побѣгу отъ своего господина, платилъ послѣднему за него 5 гривенъ (II, 106), т. е. что плата за убійство холопа и вознагражденіе за холопа убѣжавшаго совершенно одинаковы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что 5 гривенъ за убитаго холопа были не пеней за самое преступленіе, а вознагражденіемъ владѣльцу за потеряннаго имъ раба, и что эти 5 гривенъ показываютъ только цѣну

послѣдняго во времена Правды. Одинаковыя же платы какъ за убѣжавшаго, такъ и за убитаго холопа назначены потому, что въ томъ и другомъ случаѣ владѣлецъ равно лишался своей собственности. Посему возраженіе, что смерды и холопы не могли называться людинами, такъ какъ за убійство смердовъ и холоповъ платилось 5 гривенъ, а за людиновъ 40 гривенъ,—неосновательно. Пять гривенъ были частнымъ вознагражденіемъ въ пользу родственниковъ убитаго смерда (головничествомъ) или въ пользу владѣльца за умерщвленнаго холопа, тогда какъ 40 гривенъ составляли поступавшую въ казну князя виру, т. е. пеню за самое преступленіе, слѣдовательно одна плата не исключала другой (¹). На этотъ послѣдній нашъ выводъ, безъ сомнѣнія, могутъ возразить, что 40 гривенная плата за людиновъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ холопамъ, потому что за нихъ, какъ извѣстно, не платилось виры. Но мы напротивъ думаемъ, что она взыскивалась за убійство холоповъ до самаго Владиміра Мономаха. Наше убѣжденіе имѣетъ слѣдующія основанія: 1) если за кражу холопа князь получалъ 12 гривенъ продажи, а владѣлецъ, какъ надобно полагать, въ случаѣ невозвращенія ему холопа—5 гривенъ, то само собою разумѣется и за убійство его, кромѣ вознагражденія господину, должна была назначаться *продажа* или *вира*,—иначе составителямъ Правды слѣдовало бы отказать даже въ простомъ здравомъ смыслѣ; 2) за умерщвленіе холопа назначалась до Владиміра Мономаха не *продажа*, а именно *вира*, потому что, при Ярославѣ и Изяславѣ съ братьями, она взыскивалась за лишеніе жизни *тіуна боярскаго* (вѣстника), тіунъ же боярскій могъ быть и холопомъ (I.; II, 1 и 59); 3) объ отмѣнѣ за убійство холоповъ виры и назначеніе вмѣсто нея

(¹) Мы думаемъ, что количество головничества было опредѣлено въ Правдѣ въ статьяхъ Троицкаго и Карамзинскаго списковъ, начиная съ 9-й по 14-ю включительно и въ одинаковыхъ съ этими статьяхъ другихъ списковъ, именно: за тіуна конюшаго и тіуна огнищнаго назначалось головничества, сверхъ виры, 80 гривенъ, за княжихъ отроковъ, конюховъ и поваровъ—40 гривенъ, за сельскихъ тіуновъ княжихъ, ратайныхъ тіуновъ, ремесленниковъ, кормильцевъ и кормилицъ—12 гривенъ, за рядовичей, смердовъ и холоповъ—5 гривенъ и за рабу—6 гривенъ. Доказательства наши мы представимъ при разсмотрѣніи постановленій Правды объ убійствѣ. См. текст. Правд. II, 9—14; III, 9—14.

продажи положительно упоминается въ постановленіяхъ Мономаха, именно: «*а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть*», т. е. въ смыслѣ да не будетъ впередъ, а не въ томъ значеніи, какъ до сихъ поръ принимаютъ, будто бы для холоповъ виръ вовсе и не существовало.— Что дѣйствительно слово «*нѣтъ*» указываетъ не на отрицаніе чего нибудь въ прошедшемъ, а означаетъ запрещеніе чего нибудь въ будущемъ, это усматривается почти изъ каждой нашей древней грамоты, напр: «а кто холопъ или роба имется тягати съ осподаремъ, а пошлинъ съ семьи 3 алтына, а съ головы алтынъ; а холопъ и роба не учнутъ ся тягать пошлинъ съ того *нѣтъ*, т. е. да не будетъ (¹)». Да и въ самой Правдѣ встрѣчается выраженіе: «аже кто поклажа и кладетъ у кого любо, то ту послуха *нѣсть*» (II, 45), которое объясняется другимъ выраженіемъ: аже кто купецъ купцю дастъ куплю въ куны или въ гостьбу, то . . . послуси ему *не надобѣ* (II, 44). Это показываетъ, что если въ большей части сдѣлокъ требовались свидѣтели, то относительно поименованныхъ случаевъ означенный законъ отмѣнялся. Слѣдовательно и постановленіе Мономаха: а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть, не составляетъ общаго какого-то разсужденія о холопахъ, примѣненнаго и къ предшествовавшимъ временамъ, но представляетъ законъ, получившій начало отъ Мономаха и отмѣнявшій прежній порядокъ вещей. Если же платилась вира за людей *несвободныхъ*, то тѣмъ болѣе за смердовъ. И такъ, не можетъ быть сомнѣнія, что подъ названіемъ людины, въ статьѣ о платѣ за убійство ихъ 40 гривенъ, разумѣлись *смерды, закупы* и *холопы*. Но въ Правдѣ говорится еще о *русинѣ, словянинѣ* и *изгоѣ*, которые то же, безъ сомнѣнія, принадлежали къ простолюдинамъ, такъ какъ за убійство ихъ назначалась 40 гривенная вира. Теперь представляется вопросъ, кого собственно считали русиномъ, а кого изгоемъ и словяниномъ? Для опредѣленія понятія о русинѣ выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ лѣтописей: 1) въ 1149 г. иде архіепископъ Новгородскій Нифонтъ въ *Русь*, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ; въ 1150 году пріиде архіепископъ Нифонтъ *изъ Кіева* (²); 2) въ 1180 году иде князь Святославъ Всеволодовичь *изъ Руси на Суздаль* (³); 3) въ 1181 году

(¹) Акт. Арх. Эксп. Т. I, № 14.—(²) Полн. собр. рус. лѣт. т. III, стр. 10 и 11.—(³) Тамъ же, стр. 17 и 18.

Святославъ возвратился опять въ *Русь*, а князь Всеволодъ *въ Володимеръ* (¹); 4) въ 1211 году Добрыню Новгородци послаша въ *Русь* ставиться (²). Изъ выписанныхъ нами мѣстъ видно, что въ XII и XIII вѣкахъ Русь отличали не только отъ Новгорода, но отъ Владиміра и Суздаля, и что подъ нею разумѣли Кіевское княжество и вообще княжества южной Россіи; слѣдовательно *русинами* именовались обитатели этихъ княжествъ, такъ напр. *Ларіонъ изъ Берестова*, поставленный въ митрополиты, названъ у Нестора *русиномъ* (³). Такой выводъ тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что *Русы* иногда различаются въ нашихъ лѣтописяхъ отъ *Варяговъ* и *Словенъ*. Въ одной изъ нихъ сказано: «Ярославъ, совокупивъ Русь, Варяги и Словѣнѣ, поиде противу Болеслава и Святополка (⁴)», т. е. Ярославъ соединилъ жителей княжества Кіевскаго, Варяговъ, пришедшихъ изъ за моря, и Новгородцевъ, у которыхъ прежде княжилъ. Въ томъ же самомъ значеніи безъ сомнѣнія принимаются названія *русинъ*, *славянинъ* и *варягъ* и въ изданной Ярославомъ Правдѣ. Сказавъ нѣсколько словъ о русинахъ, поговоримъ теперь о *словянахъ* и *изгояхъ*. Извѣстно, что поселенцы древней Россіи не удержали въ ней повсемѣстно своего племеннаго названія; его сохранили единственно жители усадьбы *Славно*, находившейся близъ озера Ильмени, на правомъ берегу рѣки Волхова; слѣдовательно подъ *словениномъ* въ Правдѣ нельзя разумѣть вообще каждаго изъ Славянъ, поселившихся въ Руси, а только обитателя Славны. Въ то время, когда противъ этой усадьбы на лѣвомъ берегу Волхова водворились вызванные изъ за моря Варяги, то подъ покровительствомъ ихъ селились тутъ жители окрестныхъ мѣстъ, которые хотя и были одного племени съ обитателями Славны, но названы отъ послѣднихъ *изгоями*. Значеніе этого слова мы объяснимъ ниже. Такимъ образомъ, въ древнемъ Новгородѣ, обитатели праваго берега Волхова назывались *словенами*, а самое мѣсто ихъ обитанія именовалось *словенскою* стороною, жители лѣваго берега той же рѣки назывались *изгоями*, а самое мѣсто, гдѣ они жили, прозвалось *софійскою* стороною. Что изгои дѣйствительно имѣли поселенія на софійской сторонѣ, это видно изъ Ярославова устава о мостѣхъ (III, 134). Такъ какъ при изданіи

(¹) Полн. собр. лѣт. т. I. стр. 164. — (²) Тамъ же, т. III, стр. 31.—(³) стр. 67.—(⁴) Тамъ же, т. I. стр. 62.

Правда названіе Новгорода еще вѣроятно не было въ общемъ употребленіи для обитателей обоихъ береговъ Волхова, то обитатели эти и названы въ ней отдѣльно *словенами* и *изгоями*, въ совокупности же подъ тѣми и другими слѣдуетъ разумѣть вообще Новгородцевъ ([1]). И такъ, по нашему мнѣнію, изгоямъ въ Правдѣ не слѣдуетъ приписывать никакого особаго юридическаго значенія, а просто понимать подъ ними жителей софійской стороны. Впослѣдствіи могли разумѣть подъ изгоями вообще новыхъ, славянскихъ поселенцевъ на какомъ нибудь пустопорожнемъ мѣстѣ. Притомъ, мы думаемъ, что въ выраженіи, встрѣчаемомъ въ нашихъ актахъ: «*дается село съ землею и изгои*,» ([2]) слова *со изгои* невсегда показывали уже самое присутствіе послѣднихъ на пожалованной мѣстности, а иногда означали только предоставленіе права ихъ вызова, такъ что жалованіе земли со изгоями и извѣстное въ древней Руси право вызова поселенцевъ на пустопорожнюю землю, по нашему мнѣнію, совершенно тождественны. Кромѣ русиновъ, славянъ и изгоевъ, къ людинамъ также слѣдуетъ причислить простыхъ *варяговъ* и *колбяговъ*, о которыхъ мы поговоримъ подробно ниже, при изложеніи военныхъ чиновъ.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что людины *по состоянію* дѣлились на *смердовъ*, *закуповъ* и *холоповъ*, а по *мѣсту жительства* на *русиновъ*, *изгоевъ* и *славянъ*, притомъ такъ, что каждый русинъ, изгой и словянинъ могъ быть смердомъ, закупомъ или холопомъ, и на оборотъ. Кромѣ того, *по племенному различію*, людины дѣлились: на *Славянъ* въ обширномъ смыслѣ и на *Варяговъ* и *Колбяговъ*.

Объяснивъ общее названіе *людины*, изложимъ теперь въ частности наше понятіе о двухъ главныхъ видахъ людиновъ, вмѣщавшихъ всѣ прочіе, т. е. *о людинахъ свободныхъ* или *смердахъ*, *варягахъ* и *колбягахъ*, и о *людинахъ несвободныхъ* или *закупахъ* и *холопахъ*.

Смердами называли всѣхъ свободныхъ людей низшаго сословія, состоявшихъ подъ данью. Это видно изъ того, что въ 1071 году Янъ сынъ Вышаты, посланный въ Бѣлозерскъ для сбора дани, узнавъ

([1]) О происхожденіи Новгорода, ст. Малковскаго въ 12 книж. Временника, 1852 года.—([2]) Допол. къ Акт. Истор. Т. 1, № 4.

о злодѣйствахъ двухъ волхвовъ Ярославцевъ, прямо предлагаетъ о нихъ Бѣлозерцамъ вопросъ: *чья еста смерда*, т. е. какого князя? Такой вопросъ Яна, относительно случайно ему попавшихся и неизвѣстныхъ дотолѣ преступниковъ, показываетъ, что слово *смердъ* принималось въ обширномъ значеніи, именно въ смыслѣ подданнаго по понятію тогдашняго времени, т. е. человѣка податнаго. Если же такое значеніе давалось названію смердъ, то само собою разумѣется оно могло принадлежать классу общества самому многочисленному, какимъ и было низшее сословіе свободныхъ людей, платившихъ князю дань. Что смерды дѣйствительно были люди свободные, это доказывается назначеніемъ съ нихъ продажъ за преступленія: «то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажу» (II, 41), тогда какъ съ холоповъ продажи не взыскивались именно потому, что они были несвободные (II, 42). И такъ, всѣ свободнаго состоянія люди, платившіе дань, назывались *смердами*, и потому ни *бояре*, ни *огнищане*, т. е. вообще *княжи мужи*, ни *холопы* и *закупы*, какъ неплатившіе податей, не принадлежали къ смердамъ. Не могли также именоваться ими *варяги* и *колбяги*, которые хотя и были людинами свободнаго состоянія, но не составляли податныхъ сословій.

Несвободные людины, какъ мы уже сказали, раздѣлялись на *холоповъ* и *закуповъ*.

Древній русскій *холопъ* не совсѣмъ одно и то же, что servus у Римлянъ. Нашего холопа, по уничтоженіи мести, никто не могъ убить безнаказанно. До Владиміра Мономаха платилась за убійство его 40 гривенная вира, а со времени Мономаха 12 гривенная продажа. Если же и сдѣлана въ Правдѣ оговорка, что продажа за умерщвленіе холопа платилась только въ томъ случаѣ, *оже будетъ безъ вины убіенъ* (II, 84), то и тутъ обсужденіе что̀ считать виною вовсе не предоставлялось на волю каждаго. Мы видимъ, что даже за побои, нанесенные холопомъ свободному мужу, запрещалось впослѣдствіи обиженному убивать виновнаго, а только онъ могъ *бить его розвязавше* (т. е. сѣчь), или взять гривну кунъ за соромъ (II, 58). Въ Правдѣ, въ окончательномъ періодѣ ея развитія, выставленъ одинъ лишь случай безнаказаннаго убійства, именно *убійство на татьбѣ* (II, 36); слѣдовательно всякое лишеніе кого либо жизни при другихъ обстоятельствахъ считалось умерщвленіемъ *безъ вины*,

и подлежало наказанію; но это относилось кромѣ холоповъ и ко всѣмъ свободнымъ людямъ. Посему выраженіе: «*оже будетъ безъ вины убіенъ,*» вовсе не показываетъ, чтобы въ отношеніи предѣловъ отвѣтственности и безнаказанности за убійство свободныхъ людей и холоповъ существовала какая либо разница.—Холопы однакожъ не имѣли своей собственности. Все что они пріобрѣтали принадлежало господину; на послѣднемъ же лежала обязанность платить ихъ долги, если онъ не хотѣлъ лишиться задолжавшихъ холоповъ (III, 127, 128, 130); но кто давалъ имъ купы въ займы, зная ихъ состояніе, тотъ самъ лишался своей собственности и не могъ требовать уплаты (III, 127). Право имѣть холоповъ предоставлялось не всѣмъ свободнымъ людямъ. Холопами не могли владѣть даже *огнищане*, а только *князья, бояре* и *монастыри*, и соотвѣтственно съ этимъ самые холопы раздѣлялись: на *княжихъ, боярскихъ* и *чернечихъ* (II, 42). Холопство устанавливалось четырьмя способами: 1) рожденіемъ отъ рабовъ, *яже отъ челяди плодъ* (II, 93); но если свободный человѣкъ, бояринъ или князь имѣлъ дѣтей незаконно прижитыхъ съ рабою, то по смерти его имъ давалась свобода съ матерью (II, 92); 2) покупкой (II, 102); 3) обращеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ закуповъ въ холоповъ (II, 52, 57); и 4) безусловнымъ поступленіемъ въ услуги, безъ сомнѣнія къ лицамъ и установленіямъ, имѣвшимъ право владѣть холопами: *поиметъ робу безъ ряду, тіунство безъ ряду* (II, 103 и 104). Вѣроятно смерды часто поступали въ услуги безъ ряда, т. е. безусловно, и становились кабальными холопами.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о *закупахъ*. Закупами, иначе наймитами (II, 55), назывались свободные люди, бывшіе во временномъ рабствѣ, однакожъ съ тою разницею отъ настоящихъ холоповъ, что могли имѣть свою собственность (II, 55). Закупы были двухъ разрядовъ: 1) нанимавшіеся въ услуги къ князьямъ, боярамъ и монастырямъ для отработки занятыхъ у нихъ денегъ или вещей (II, 55); 2) проданные тѣмъ же лицамъ и установленіямъ на торгу за долги. Относительно послѣдняго разряда слѣдуетъ замѣтить, что уплачивавшій кредитору долгъ выведеннаго на торгъ человѣка бралъ послѣдняго себѣ въ закупы, если имѣлъ на то право. Въ Правдѣ сказано: «аже кто многимъ долженъ будетъ... то вывести и на торгъ и продати (II, 51)». Нельзя думать, чтобы должникъ, свобод-

ный человѣкъ, продавался прямо въ холопство, но безъ сомнѣнія въ закупы, тѣмъ болѣе, что въ Правдѣ постановленія о послѣднихъ тотчасъ слѣдуютъ за статьею о продажѣ за долги. Закупы за воровство и побѣгъ отъ господина обращались въ холоповъ (II, 52, 57). Изъ этого слѣдуетъ заключать, что *первыхъ* могли пріобрѣтать только лица и установленія, которымъ предоставлялось право имѣть *послѣднихъ*, т. е князья, бояре и монастыри. Замѣчательно, что закупъ, обращенный въ раба, назывался *обѣльнымъ холопомъ*. Слово *обѣльный* вообще означаетъ освобожденнаго отъ какой нибудь повинности, отъ какого нибудь налога, и потому слѣдуетъ полагать, что закупъ, становясь рабомъ, освобождался чрезъ то самое отъ всѣхъ своихъ прежнихъ долговъ господину, и по этой причинѣ назывался *холопомъ обѣльнымъ*. Такое объясненіе тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что въ Правдѣ встрѣчается выраженіе: «*продастъ ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ*» (II, 55). Запрещенная продажа закуповъ *обѣль* безъ сомнѣнія означала такую продажу, чрезъ которую желали выручить лежавшіе на нихъ долги. Кромѣ того, приведенное нами выраженіе Правды показываетъ, что тотъ кто имѣлъ закупа не могъ сбывать его другимъ посторонним лицамъ, иначе закупъ получалъ свободу и господинъ не имѣлъ уже права требовать съ него уплаты долга. Безъ сомнѣнія это правило не могло относиться къ законному переходу закуповъ отъ первоначальнаго владѣльца къ родственникамъ его по наслѣдству.—Такъ какъ закупы были только во временномъ рабствѣ, то оно оканчивалось какъ скоро они, находясь въ услугахъ, своимъ трудомъ пополняли лежавшій на нихъ долгъ. Впрочемъ, Правда не указываетъ на основанія, по которымъ производилась оцѣнка труда. Само собою разумѣется она опредѣлялась вообще существовавшей въ то время платой за работу. Во всякомъ случаѣ, закупъ былъ, по возможности, обезпеченъ въ этомъ отношеніи отъ обидъ и притѣсненій со стороны господина правомъ жалобы, по которой предписывалось *давать правду* (II, 52).

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію о занятіяхъ смердовъ, закуповъ и холоповъ. Изъ одного мѣста Лаврентіевской лѣтописи видно, что смерды были по-преимуществу *земледѣльцы*. На заключеніе дружины Святослава, что не слѣдуетъ идти въ весеннее время

войною на Половцевъ, потому что это можетъ разорить *смердовъ* и *ролью ихъ*, Владиміръ Мономахъ отвѣчалъ: «дивно мнѣ, дружина, что лошадей жалѣете, которыми *оратъ*, а сего чему не промыслите, *оже начнетъ орати смердъ*, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, и *въ село* его ѣхавъ, иметъ жену его, и дѣти его и все имѣнье? То лошади жаль, а самаго не жаль ли (¹)?» Это мѣсто весьма ясно показываетъ, что смерды большею частію были сельскимъ, земледѣльческимъ населеніемъ. Неизвѣстно занимались ли земледѣліемъ холопы; но о *ролейныхъ закупахъ* упоминается въ Правдѣ (II, 53). Кромѣ земледѣлія, занятія смердовъ опредѣляются въ ней словами: *ремественникъ*, *ремественница*, *купецъ*, *кормилецъ*, *кормилица* и *рядовичь* (II, 1, 11, 12 и 14). Значеніе словъ: ремесленникъ и купецъ, не требуетъ никакихъ поясненій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что смерды, кромѣ земледѣлія, занимались также *ремеслами* и торговлею, потому-что не могли же производить ихъ *княжи мужи*, т. е. служилые люди. Къ разряду ремесленниковъ слѣдуетъ относить также и упоминаемыхъ въ правдѣ *мостниковъ* и *городниковъ*, а къ разряду торговыхъ людей—*мытниковъ*. Относительно холоповъ и закуповъ должно замѣтить, что ни тѣ, ни другіе, какъ несвободные, не могли быть купцами; но нельзя отрицать, чтобы холопы не занимались ремеслами въ пользу своихъ господъ, а закупы—даже въ собственную пользу, какъ можно заключать изъ выраженія Правды о послѣднихъ: «*своя орудья дья*» (II, 54). Что касается словъ *кормилица, кормилецъ*, то первое ясно, а второе принималось въ смыслѣ *дядьки*, какъ это видно изъ словъ лѣтописи: «*Володиміра же не пусти кормилецъ его, зане молодъ бѣ въ то время*» (²). Въ статьѣ Правды о платѣ за убійство кормильца и кормилицы головничества 12 гривенъ сдѣлано поясненіе: *хотя си буди холопъ, хотя си роба* (II, 14), которое показываетъ, что кормильцами и кормилицами, кромѣ холоповъ, могли быть и люди свободные низшаго сословія, т. е. *смерды*. Но какъ опредѣлить смыслъ слова: *рядовичь*? Въ договорной грамотѣ 1471 года Новгорода съ Іоанномъ III сказано: «а *по рядомъ* и *по стамъ* . . . сотскимъ и *рядовичемъ* . . . не судити ни

(¹) Полн. собр. рус. лѣтоп. т. I, стр. 118.—(²) Тамъ же, т. II, стр. 61.

гдѣ» (*). Изъ этой грамоты можно догадываться, что *рядовичи* въ XV вѣкѣ имѣли отношеніе *къ рядамъ торговымъ* и вѣроятно были *торговыми старостами*. Но такого значенія нельзя приписать рядовичамъ во времена Правды, потому-что за убійство ихъ назначалось въ ней такое же количество головничества, какъ и за убійство смерда и холопа, тогда какъ за старостъ и тіуновъ плата увеличивалась. Намъ даже кажется, что слово рядовичь въ Правдѣ и въ означенной грамотѣ хотя и происходитъ отъ одного и того же корня, но соединяетъ съ собою въ томъ и другомъ памятникѣ различное понятіе. Мы видѣли, что холопство пріобрѣталось безусловнымъ поступленіемъ къ кому нибудь въ услуги, *безъ ряду*, т. е. безъ всякаго договора: *поиметъ робу безъ ряду*, *тіунство безъ ряду* (II, 103, 104); но въ слѣдъ за тѣмъ въ тѣхъ же статьяхъ устава Мономаха прибавлено: «*поиметъ ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ*». Эти послѣднія слова, по нашему мнѣнію, опредѣляютъ значеніе рядовичей въ Правдѣ. Подъ ними разумѣли свободныхъ людей, добровольно поступившихъ къ кому нибудь въ услуги, но по извѣстному *ряду* или договору. Такимъ образомъ *рядовичь* былъ *наемникомъ* и отличался отъ закуповъ тѣмъ: 1) что не служилъ подобно имъ для отработки долговъ; 2) что ни въ какомъ случаѣ не обращался въ холопа, и 3) что его могли имѣть всѣ свободные люди, тогда какъ закупы составляли исключительную принадлежность только князей, бояръ и монастырей. Если же упоминается въ Правдѣ о рядовичахъ *княжихъ* и *боярскихъ* (I, 22; II, 11), то едва ли изъ этого можно заключить, что ихъ дозволялось имѣть только боярамъ и князьямъ, потому что въ ней не упомянуто также и о рядовичахъ монастырскихъ; монастыри же, владѣвшіе холопами и закупами, тѣмъ болѣе не могли быть лишены права на услуги рядовичей. Слѣдовательно, если необходимо допустить въ Правдѣ пропускъ въ исчисленіи послѣднихъ, то легко согласиться, что этотъ пропускъ не ограничивался одними монастырями, и что рядовичей имѣли не только князья и бояре, но и всѣ люди свободнаго состоянія; иначе надобно было бы допустить, что напр. огнищанину, не могшему владѣть холопомъ, запрещалось пользоваться и наемнымъ слугой, и что

(*) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 91, стр. 69.

купецъ не смѣлъ папять прикащика. Очевидно, что при томъ понятіи, какое мы соединяемъ съ словомъ рядовичь, такіе выводы противорѣчили бы здравому смыслу. Безъ сомнѣнія рядовичами могли быть только *смерды*, а не холопы и закупы, потому что ни тѣ, ни другіе не имѣли личной свободы,—необходимаго условія для совершенія *ряда* или договора.—Къ особымъ видамъ рядовичей слѣдуетъ отнести: 1) *варяговъ* и *колбяговъ*, т. е. военныхъ наемниковъ; 2) *ратайныхъ тіуновъ*, т. е. сотскихъ въ войскахъ; 3) *сельскихъ тіуновъ княжихъ*; 4) *посадничихъ* или *вирничихъ мечниковъ* и 5) *тіуновъ боярскихъ*. Мы относимъ не къ огнищанамъ, а къ рядовичамъ, слѣдовательно къ людинамъ, ратайныхъ тіуновъ и сельскихъ тіуновъ княжихъ, потому что за тѣхъ и другихъ платилось только 12 гривенъ головничества, т. е. наравнѣ съ ремесленниками и кормильцами, тогда какъ за огнищанъ самое меньшее количество головничества было 40 гривенъ; посадничихъ же или вирничихъ мечниковъ мы не признаемъ княжими мужами на томъ основаніи, что за убійство этихъ мечниковъ взыскивалась 40-гривенная вира, какъ и за всякаго людина (II, 1). Впрочемъ, ратайные тіуны могли и не быть рядовичами, если выбирались не изъ военныхъ наемниковъ, а изъ смердовъ. Понятіе о тіунѣ боярскомъ опредѣляется словами Правды: «*а послушьства на холопа не складаютъ; но оже не будетъ свободнаго, то по нужи сложити на боярьска тивуна* (II, 59). Изъ этого видно, что послѣдній считался *несвободнымъ*, и хотя отличенъ отъ холоповъ, по вѣроятно былъ только старшимъ между ними. Однакожъ нельзя отвергать, что тіунъ боярскій могъ быть и рядовичемъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ статьи Правды, гдѣ говорится *о тивунствѣ съ рядомъ* (II, 104). Должно думать, что и сельскіе тіуны княжіе выбирались не только изъ свободныхъ людей по договору, но также изъ княжескихъ холоповъ. Отнесеніе тіуновъ боярскихъ вообще къ несвободнымъ показываетъ, что къ числу послѣднихъ принадлежали нѣкоторымъ образомъ и рядовичи, потому что свобода ихъ была временно нѣсколько ограничена договоромъ или рядомъ; но это одно не давало намъ права помѣстить ихъ въ одинъ разрядъ съ закупами и холопами.

Итакъ *смерды* могли заниматься: земледѣліемъ, ремеслами, торговлею, быть кормильцами и кормилицами, а также поступать въ рядовичи; *холопы* же и *закупы*, собственно говоря, обязаны были

дѣлать только то, что имъ приказывали ихъ господа. Впрочемъ, закуповъ слѣдовало употреблять только въ свойственныя имъ работы. Это видно изъ словъ Правды: «аже у господина *ролейный закупъ*, а погубитъ *войскій конь*, то не платити ему» (II, 53), т. е. если господинъ поручалъ закупу-земледѣльцу присмотръ за воинскою лошадью, и она погибала, то закупъ не обязанъ былъ вознаграждать убытки своего владѣльца.

Окончивъ въ частности изслѣдованіе о смердахъ, холопахъ и закупахъ, слѣдовало бы поговорить теперь о *русинахъ* и *славянахъ*; но такъ какъ эти дѣленія возникли единственно по мѣсту жительства тѣхъ же смердовъ, холоповъ и закуповъ, то ни о русинахъ, ни о славянахъ къ сказанному уже о нихъ прибавить больше нечего; о *варягахъ* же и *колбягахъ* мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; только объ *изгояхъ*, кромѣ изложеннаго нами объ нихъ общаго замѣчанія, необходимо заняться подробнымъ изслѣдованіемъ, такъ какъ имъ усвоиваютъ понятіе, совершенно отличное отъ того, какое мы имѣемъ.

Въ Русской Правдѣ, въ числѣ словъ до сихъ поръ окончательно необъясненныхъ, встрѣчается и слово *изгой*. Касательно значенія этого слова были высказаны самыя противоположныя мнѣнія; такъ одни считаютъ изгоевъ *ямщиками*, другіе—*пришельцами*, *иностранцами* (1). Въ недавнее время найдены въ отечественныхъ памятникахъ указанія къ объясненію названія *изгой*. Въ уставѣ великаго князя Всеволода-Гавріила о судахъ церковныхъ въ Новгородѣ и Псковѣ сказано: «*изгои трои: поповъ сынъ грамотъ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ... то люди церьковныи, богадѣльніи*» (2). Сверхъ того, въ одной рукописи XV вѣка, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, г. Калачовымъ найдено слѣдующее мѣсто: «*всего же есть горѣе изгойство взимати, иже взимающеи, тіи не отдадутъ опять тѣмъ же; изгойство же толкуется безконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно воздыханіе, не-*

(1) Журн. М. Народ. Просвѣщ. 1839 г., за май, стр. 47—80; разсужденіе о платѣ за убійство, Иванишева, 1840 г., стр. 89.

(2) См. Изслѣд. о Рус. Пр. Калачова, во введ., стр. III.

усыпающій червь, несогрѣемая зима, неугасаяй огнь, нестерпимая гроза, неисцѣлимая болѣзнь—вся же та суть безъ конца» (См. толкованіе на молитву: «Отче нашъ» л. 378 на обор.). Въ другомъ мѣстѣ той же рукописи упоминается, что изъ грѣховъ, *«всего горѣ изгойство»* (¹). Кромѣ этого въ одномъ рукописномъ сборникѣ Царскаго, XVII вѣка, говорится: «аще-жъ кто челядь продастъ, да елико дано есть, толко жь опять взяти на немъ. Аще ли кто лише емлетъ, то не паклады, но просолитъ живыми душами, съ нимижъ предъ Богомъ стати есть. Аще ли искупается на свободу, да вдастъ цѣну, южъ дали на немъ, и потому свободенъ дѣти приживетъ, и тѣ аще *имутъ на немъ изгойство*, то обрѣтается продая кровь неповинную и взыщется милостыни. Милостивіи помилованы будутъ. Аще кто, хотя спасенія, кается, да опять дасть тѣмъ, ихъ же обидѣлъ, а не тако —не быти прощену (²).

Основываясь на нѣкоторыхъ изъ этихъ указаній нашихъ отечественныхъ памятниковъ, г. Калачовъ, въ своей статьѣ объ изгояхъ (³), разумѣетъ подъ ними *круглыхъ сиротъ* и *изгнанныхъ изъ рода*. Независимо отъ постановленія Правды *о сиротьемъ вырядкѣ* (III, 65), показывающаго, что въ старину въ извѣстныхъ случаяхъ у насъ также какъ и теперь употреблялось слово *сироты*, а не *изгои*, мы не можемъ принять мнѣнія г. Калачова еще по слѣдующимъ причинамъ. Въ первой статьѣ правды по Академическому списку сказано: «убіетъ мужъ мужа, то мстити брату, сыну, отцу или племяннику, аще не будетъ кто мстя... аще будетъ русинъ, либо гридинъ, *изгой будетъ*, либо словенинъ, то 40 гривенъ положити занъ». Изъ этого видно, что за умерщвленіе *изгоя*, также точно, какъ и за лишеніе жизни другихъ, поименованныхъ въ означенной статьѣ лицъ, платилось 40 гривенъ только въ томъ случаѣ, если не кому было за него мстить; слѣдовательно Правдой не исключается возможность существованія у изгоя родственниковъ, могшихъ пользоваться, въ случаѣ его убійства, правомъ мести. Такимъ образомъ подъ изгоями никакъ нельзя разумѣть ни сиротъ, ни изгнанныхъ изъ рода, и такое понятіе объ нихъ нисколько не подкрѣпляется и приведенными нами выше подлинными мѣстами изъ отечественныхъ

(¹) Изслѣд. о Рус. Пр., Калачова, введ., стр. III.—(²) Арх. ист.-юрид. свѣд. кн. II, стр. 42.—(³) Тамъ же, кн. I, стр. 59.

памятниковъ. Изъ этихъ мѣстъ мы видѣли: 1) что *изгойство* называется тяжкимъ грѣхомъ: *изъ грѣховъ всего горѣ изгойство*; 2) что оно влечетъ за собою: *безконечную бѣду, непрестающія слезы, немолчно воздыханіе, неугасимый огнь, неисцѣлимую болѣзнь—вся же та суть безъ конца*, словомъ муки будущей жизни; 3) что дѣйствіе изгойства, какъ грѣха, выражается словами: *взимати* и *имати*, именно: *всего же есть горье изгойство взимати*, или: *аще имутъ на немъ изгойство*. По смыслу мѣстъ, въ которыхъ употреблены слова: *взимати* и *имати*, открывается, что подъ изгойствомъ разумѣли: 1) неплатежъ должниками своихъ долговъ: *иже взимающеи не отдадутъ опять тѣмъ же*; 2) требованіе лишней платы при выкупѣ холопомъ свободы: *аще искупается на свободу, да вдастъ цѣну, юже дали на немъ; аще имутъ на немъ изгойство, то обрѣтается продая кровь неповинную*. Вообще можно заключить, что подъ изгойствомъ, какъ грѣхомъ, разумѣли нанесеніе обиды ближнему по имуществу, ради собственнаго неправильнаго прибытка. Но кого называли *изгоемъ*, совершавшаго ли изгойство, или подвергавшагося дѣйствію этого преступленія? Мы знаемъ, что изгоемъ назывался холопъ, выкупившійся изъ холопства, но безъ сомнѣнія не за цѣну, *юже дали на немъ*, но за лишнюю, *изгойскую*; слѣдовательно изгоемъ признавался не тотъ, кто совершалъ изгойство, а тотъ, кто выносилъ на себѣ его слѣдствія. Въ такомъ случаѣ, какъ опредѣлить, что такое *изгой?* Разумѣть подъ нимъ всякаго, лишившагося даже небольшой части своего имущества, если это лишеніе, хотя и происшедшее отъ своекорыстныхъ дѣйствій другихъ лицъ, нисколько не измѣнило его состоянія,—очевидно нельзя. Для составленія точнаго понятія объ изгоѣ, обратимся сначала къ филологическому разбору этого слова.

Глаголъ *гоить*, составляющій корень слова *изгой*, по объясненію г. Буслаева, имѣетъ смыслъ *жить* [1]. Малороссіяне и теперь говорятъ: рана *загоилась*, т. е. зажила. Но въ старину слово жить значило имѣть матеріальныя средства для поддержанія жизни. На это указываютъ не только производныя слова: *прожитокъ*, *зажиточный*, *нажить*, *прожить*, но и самое существительное *жизнь*, которое въ нашихъ лѣтописяхъ именно принимается въ смыслѣ *средствъ къ жизни*. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ Ипатіев-

---

[1] Арх. истор.-юрид. свѣд. кн. I, ст. объ изгояхъ, стр. 59.

ской лѣтописи: 1) брата моя! се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожгли и *всю жизнь погубила еста*, 2) а *жизнь* семы его взяли; 3) се семы села ихъ пожгли вся *и жизнь ихъ всю*, и они къ намъ не выйдутъ, а пойдемъ къ Любечю, *идѣ же ихъ есть вся жизнь;* 4) села наши пожгли и *всю жизнь нашу повоевали* (¹). Самый глаголъ *гоить* принимается въ Сибири въ значеніи *напоить, накормить*, напр. кони угоены, т. е. накормлены (²). Такимъ образомъ, если понятія, выражаемыя словами *гоить* и *жить*, въ старину непосредственно связывались съ представленіями о матеріяльныхъ средствахъ къ жизни, то само собою разумѣется подъ словомъ *изгой* разумѣли *лишеннаго этихъ средствъ*. Выводы наши подкрѣпляются тѣмъ, что въ уставѣ князя Всеволода, какъ мы видѣли выше, изгои названы людьми церковными, богадѣльными. Такое названіе становится совершенно естественнымъ, если подъ изгоями разумѣть нуждавшихся и нищенствовавшихъ, искони состоявшихъ подъ особымъ покровительствомъ церкви.

И такъ, подъ *изгоями* разумѣли вообще тѣхъ, коихъ прежнее состояніе измѣнилось, въ слѣдствіе лишенія средствъ къ жизни. Однакожъ, должно думать, что къ изгоямъ причислялись не только тѣ, которые ими сдѣлались въ слѣдствіе своекорыстныхъ дѣйствій другихъ, но, безъ сомнѣнія, и всѣ тѣ, кои впали въ нищету или случайно или по собственной винѣ. Поэтому въ уставѣ Всеволода между изгоями поименованы, кромѣ *холопа*, выкупившагося изъ холопства за такую изгойскую цѣну, что становился нищимъ, еще *купцы одолжавшіе*, т. е. банкроты, и *поповы сыновья*, грамотѣ неумѣющіе. Эти послѣдніе, само собою разумѣется, только въ такомъ случаѣ считались изгоями, когда не обладали капиталомъ и, не имѣя возможности снискивать себѣ пропитаніе занятіями, свойственными своему сословію, впадали въ нищету, потому что при деньгахъ не только они, но и выкупившіеся на свободу холопы могли сдѣлаться напр. купцами; купцы не всѣ назывались изгоями, а только впавшіе въ несостоятельность. Такимъ то бѣднымъ людямъ или изгоямъ оставалось: или снискивать себѣ пропитаніе не-

---

(¹) Полн. собр. русск. лѣт., т. II, стр. 26, 32, 37 и 38.—(²) Арх. ист.-юрид. свѣд. кн 1, ст. объ изгояхъ, стр. 59.

прошеніемъ подаянія и быть людьми *церковными*, *богадѣльными*, или, что, безъ сомнѣнія, случалось чаще, пользоваться какъ средствомъ къ жизни возможностію поселенія по вызову на пустопорожнихъ владѣльческихъ земляхъ, такъ какъ владѣльцамъ именно иногда давалась поземельная собственность *съ изгои*, т. е. съ правомъ поселенія на ней такихъ людей. Въ послѣдствіи образовался цѣлый классъ народа, переходившій по произволу съ одной частной земли на другую, и тогда, въ противоположность ему, могли разумѣть подъ *смердами* преимущественно людей, поселенныхъ на княжескихъ земляхъ. Изъ означенныхъ то поселенцевъ въ частныхъ владѣніяхъ, или изгоевъ, по уничтоженіи права перехода, и образовались помѣщичьи крестьяне. Если же въ уставѣ Всеволода сказано: «а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ», то здѣсь не разумѣется какой либо особый родъ изгоевъ, а употреблено слово изгойство, какъ производное отъ названія *изгой*, въ смыслѣ вообще несчастія, лишенія, т. е. не въ прямомъ, а въ переносномъ значеніи, въ видѣ простаго уподобленія.

Но повторяемъ, что изложенное нами понятіе объ изгояхъ возникло позднѣе времени Правды. Впрочемъ, принимая, что въ послѣдней подъ ними разумѣли *только поселенцевъ на лѣвомъ берегу Волхова*, мы тѣмъ самымъ нисколько не впадаемъ въ противорѣчіе съ высказаннымъ нами понятіемъ вообще объ изгояхъ, потому-что селившіеся въ означенномъ мѣстѣ, по призыву Варяговъ, могли быть также принуждены къ тому нищетою. Въ такомъ случаѣ значеніе изгоевъ въ Правдѣ имѣетъ тѣсную связь съ значеніемъ, какое усвоено имъ въ послѣдствіи, именно одно относится къ другому, какъ *частное къ общему*.

Окончивъ изслѣдованіе о сословіяхъ, сдѣлаемъ общій имъ обзоръ; но для полноты включимъ въ него и *духовенство*, о которомъ хотя и не говорится въ Правдѣ, но о существованіи его, какъ сословія, нѣтъ никакого сомнѣнія. Изъ всего нами сказаннаго видно, что въ древней Руси было четыре сословія:

1) *Княжи мужи*, т. е. служилые люди. Они состояли изъ бояръ и огнищанъ.

2) *Духовенство*, раздѣлявшееся на черное и бѣлое.

3) *Людины свободные*, т. е. *смерды* и простые *варяги и колбяги*. Смерды могли быть земледѣльцами, купцами, ремесленниками,

кормильцами, рядовичами; варяги же и колбяги несли только военную службу.

4) *Людины несвободные*, т. е. *закупы* и *холопы*.

II. О должностныхъ лицахъ и о назначавшихся въ ихъ пользу кормлении и судебныхъ пошлинахъ.

А. *О должностныхъ лицахъ.*

Скажемъ сперва о должностныхъ лицахъ по внутреннему управленію Россіей, потомъ о чинахъ военныхъ и придворныхъ.

Приступая къ разсмотрѣнію организаціи внутренняго управленія во времена Правды, прежде всего намъ слѣдуетъ опредѣлить, что такое была *дружина*. Подъ дружиною въ обширномъ смыслѣ вообще разумѣли *войско*, *рать*, но въ тѣсномъ смыслѣ дружина въ старину имѣла у насъ важное значеніе, именно *высшаго совѣта* при князьяхъ. Съ дружиной князья совѣщались по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, созывали ее для изданія законовъ; такъ напр. Владиміръ Мономахъ созывалъ дружину въ Берестовѣ для составленія новаго устава Правды (II, 48), совѣтовался съ нею о войнѣ съ Половцами (1). Дружина въ тѣсномъ смыслѣ составлялась изъ тысяцкихъ, воеводъ и вообще бояръ, и была, какъ видно изъ сказаннаго нами выше, хотя непостояннымъ, но общимъ центральнымъ совѣтомъ по дѣламъ того или другаго княжества древней Россіи.

Кромѣ этого общаго, было и областное или мѣстное управленіе, въ слѣдствіе котораго каждое княжество дѣлилось на *верви* или *посадничества*. Каждою вервію завѣдывалъ *вирникъ* или *посадникъ*, назначавшійся, безъ сомнѣнія, изъ высшихъ служилыхъ людей. Это видно изъ того, что Ратиборъ былъ сперва посадникомъ Всеволода въ Тмутаракани, а потомъ при Мономахѣ тысяцкимъ Кіевскимъ. Тождество вирника и посадника, иначе именуемаго намѣстникомъ (II, 118; III, 125), можно подтвердить однимъ мѣстомъ Лаврентьевской лѣтописи, въ которомъ сказано, что въ 1176 году, т. е. спустя 50 лѣтъ по смерти Мономаха, Ростовская земля роздана была *по городамъ* въ посадничество *русскимъ дѣтскимъ*, и что

---

(1) Полн. собр. русск лѣт., т. I, стр. 118.

они многу тяготу людямъ створиша *продажами* и *вирами*. Значитъ посадники завѣдывали взысканіемъ виръ и потому могли называться также и вирниками. Это тѣмъ болѣе справедливо, что считать посадника и вирника отдѣльными должностными лицами, перваго административнымъ правителемъ, а втораго—уголовнымъ судьею (¹), значитъ присвоивать нашей старинѣ вовсе ей несвойственныя понятія о раздѣленіи властей судебной и административной, тогда какъ этого не было и послѣ временъ Правды, потому-что наши древніе *намѣстники* и *волостели* были вмѣстѣ и судьями.—Независимо отъ того, изъ приведеннаго выше мѣста лѣтописи, а также изъ выраженія Правды: «аже кто своего холопа самъ досочится въ чьемъ либо *городѣ*, а будетъ *посадникъ* не *вѣдалъ* его, то, повѣдавше ему, пояти ему отрокъ отъ него» (II, 108), можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) въ каждой верви или посадничествѣ находился городъ, бывшій мѣстопребываніемъ вирника или посадника; слѣдовательно вервію назывался бо̀льшій или мѐньшій округъ съ городомъ; 2) упоминаніе лѣтописцемъ, что посадничество было роздано *дѣтскимъ*, безъ сомнѣнія, княжимъ, наводитъ на ту мысль, что это былъ первый примѣръ назначенія ихъ посадниками, и что вѣроятно прежде, если и дѣлали ими не однихъ бояръ, а также и огнищанъ, но, должно думать, достигшихъ большаго значенія въ службѣ.

При вирникахъ или посадникахъ находились *отроки* (II, 7, 108), которые иначе назывались *метельниками* или *метальниками*. Это видно изъ того, что въ 7 ст. Троицкаго списка Правды сказано сначала: *то ти вирнику со отрокомъ*, а потомъ: *вирнику 8 гривенъ... а метельнику* (въ другихъ спискахъ метальнику) *12 вѣкши*. Очевидно, слова метельникъ и отрокъ употреблены въ означенной статьѣ одно вмѣсто другаго. Сверхъ того, мы встрѣчаемъ въ Правдѣ названія: *мечникъ и емецъ*. Въ 41 статьѣ Академическаго списка Правды сказано: «*а кто изымалъ тому десять рѣзанъ, а отъ гривне мечнику куна, а въ десятину* (²) *15 кунъ, а князю 3 грив-*

(¹) См. Опытъ повѣств. о древностяхъ рус. Успенскаго, 1818 г., стр. 328 и 341.

(²) Въ Акад. спискѣ сказано: въ *девятину*, но это очевидная ошибка. Слѣдуетъ читать по Татищев. Погодинск. списку—въ *десятину*. См. Изслѣдов. Калач. о Русск. Правдѣ, стр. 135.

ны; а отъ 12 гривну—емцю 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ (I, 41). Въ этой статьѣ при распредѣленіи кунъ сначала сказано: *мечнику* столько-то, *въ десятину* столько-то, *князю* столько-то; а потомъ: *емцу* столько-то, *въ десятину* столько-то и *князю* столько-то. Если въ двухъ мѣстахъ одной и той же статьи, изъ трехъ распредѣленій кунъ въ каждомъ мѣстѣ, два назначенія совершенно одинаковы, именно князю и въ десятину, то необходимо должно заключить, что и при третьемъ назначеніи не допущено никакой особенности, и что слѣдовательно слово *мечникъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ слову *емецъ*. Но въ чемъ состояла должность мечника или емца? Для разрѣшенія этого вопроса, обратимся снова къ выписанной нами выше 41 ст. Академическаго списка Правды. Первыя слова означенной статьи: «*а кто изымалъ, тому десять рѣзанъ*», выражаютъ отношеніе къ чему-то прежде сказанному, и потому эти слова, какъ неимѣющія самостоятельнаго смысла, слѣдуетъ отдѣлить отъ того постановленія, къ которому они присовокуплены въ изданіи Правды г. Калачова, и присоединить къ предшествовавшей имъ статьѣ. Такимъ образомъ выйдетъ: «аже украдутъ овцу, или козу, или свинью, а ихъ будетъ 10 одну овцу украли, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи, а кто изымалъ тому 10 рѣзанъ». Изъ этого видно, что сверхъ взысканія 60 рѣзанъ продажи съ каждаго изъ *десяти* виновныхъ, они должны были заплатить емцу *десять* рѣзанъ, т. е. по рѣзанѣ или кунѣ съ человѣка. И такъ, по соображеніи 40 статьи съ статьею 41 Правды, по Академическому списку, открывается, что тотъ, кто изымалъ татя, былъ *емецъ*. Но подъ нимъ не слѣдуетъ разумѣть частное лицо, поймавшее вора, потому-что: 1) одинъ человѣкъ (обращаясь къ приведенной нами статьѣ) не въ состояніи былъ безусловно поймать 10 воровъ; 2) вора могъ поймать и самъ обиженный воровствомъ, и за это не для чего было давать ему особой платы. *Емцы* или *мечники*, безъ сомнѣнія, были лица, состоявшія при посадникахъ для *иманія*, т. е. для представленія къ ихъ суду, не однихъ только татей, а вообще обвиняемыхъ въ какихъ бы ни было преступленіяхъ; слѣдовательно емцы вполнѣ соотвѣтствовали *приставамъ* и *недѣльщикамъ*, упоминаемымъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, которымъ давались *приставныя* грамоты для доставленія кого нибудь къ суду. Если слово *емецъ* происходитъ отъ глагола *имать*, то и слово

мечникъ, какъ тождественное названію *емецъ*, должно имѣть своимъ корнемъ глаголъ, сколько возможно по значенію соотвѣтствующій этому названію. Посему мы думаемъ, что существительное *мечникъ* происходитъ отъ глагола *метать*, какъ бы въ значеніи *метать къ суду*, представлять, а слѣдовательно *мечникъ* одно и то же, что *метальникъ* или *метельникъ*, и то же самое, что *отрокъ*, который также посылался для *увязанія* бѣглаго холопа (II, 108), т. е. для поимки виновнаго. И такъ, *емецъ*, *мечникъ*, *метальникъ* или *метельникъ* и *отрокъ* суть названія совершенно тождественныя и указываютъ на одну и ту же должность. Кромѣ обязанности представлять обвиняемыхъ къ суду, на емцовъ или отроковъ возлагались и другія порученія, напр. они были отправляемы съ писцами для возстановленія истребленныхъ или поврежденныхъ межъ (II, 64—67). Посадническіе *мечники*, безъ сомнѣнія, были *смерды*, согласившіеся отправлять эту должность едвали не изъ одного *кормленія* и *пошлинъ*, назначавшихся мечникамъ по закону.

Самая обязанность мечниковъ представлять обвиненнаго къ суду, и то, что они состояли при вервникахъ или посадникахъ, показываютъ, что эти послѣдніе въ своей верви имѣли право суда. Въ стольныхъ же городахъ того или другаго княжества, такъ какъ въ этихъ городахъ посадниковъ не было, творили судъ и расправу сами князья при посредствѣ своихъ *дѣтскихъ* или *отроковъ*, которые также назывались *мечниками*, безъ сомнѣнія, потому, что въ кругъ ихъ обязанности входило представлять обвиненнаго на судъ княжескій. Такъ изъ Ипатіевской лѣтописи видно, что въ 1174 году великій князь Андрей Суздальскій посылалъ къ Ростиславичамъ *мечника* своего Михна требовать выдачи бояръ Хотовича, Степанца и Святославца, подозрѣнныхъ великимъ княземъ въ отравленіи брата его Глѣба (¹). Само собою разумѣется, Михно былъ княжъ отрокъ, названный *мечникомъ* въ соотвѣтственность съ сдѣланнымъ ему порученіемъ представить на судъ князя обвиненныхъ въ преступленіи. По суду князя подлежали не одни жители столицы, а каждый подданный его княжества, какой бы верви онъ ни принадлежалъ, если только желалъ судиться у князя. Извѣстно, что два преступника волхва, задержанные въ Бѣлозерскѣ Яномъ, тре-

(¹) Стр. 22.

бовали княжаго суда (¹). Хотя требованіе ихъ и не было уважено, однакожъ оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что существовалъ обычай испрашивать разбирательства дѣла самимъ княземъ. Притомъ, изъ Правды видно, что закупъ, обиженный своимъ господиномъ, могъ бѣжать *ко князю* или *къ судіямъ*, т. е. просить защиты обыкновеннымъ судомъ или судомъ княжимъ (II, 52). Такимъ образомъ, у насъ въ древности, хотя не въ точныхъ, въ неопредѣленныхъ формахъ, существовали двѣ инстанціи суда: судъ мѣстный—*посадничій* и *судъ общій—княжій*. Однакожъ князья иногда исключали изъ непосредственнаго своего завѣдыванія судныя дѣла. Такъ великій князь Всеволодъ Ольговичъ назначилъ для производства суда въ стольныхъ городахъ Кіевѣ и Вышгородѣ особыхъ тіуновъ. Но тотчасъ, по смерти Всеволода, въ 1146 году, Кіевляне, выразивъ брату его Святославу свое неудовольствіе на тіуна Кіевскаго *Ратшу* и Вышегородскаго—*Тудора*, просили, чтобы будущій князь самъ творилъ имъ судъ и расправу. Они говорили: «Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ: *аще кому насъ будетъ обида, то ты прави*» (²), т. е. если случится у кого изъ насъ судное дѣло, то расправу твори ты, князь, самъ. Назначенные Всеволодомъ тіуны вѣроятно соотвѣтствовали посадникамъ или вирникамъ провинціальныхъ городовъ. Эти тіуны также имѣли при себѣ мечниковъ, какъ видно изъ того, что Кіевляне *устремишася на Ратшинъ дворъ грабить и на мечники*. Безъ сомнѣнія мечники здѣсь разумѣются тіунскіе, участвовавшіе съ тіуномъ въ его насиліяхъ и неправдахъ. Мѣсто, гдѣ производился судъ, называлось *княжимъ дворомъ*, а иногда просто *дворомъ*. Въ Правдѣ сказано: «аже придетъ кровавъ мужъ *на дворъ* (II, 23); аже ли й (татя) додержатъ до свѣта, то вести *на княжъ дворъ* (II, 36). Нельзя думать, чтобы татя, гдѣ бы онъ ни былъ пойманъ, хотя бы на значительномъ разстояніи отъ мѣстопребыванія князя, слѣдовало непремѣнно къ нему вести. Гораздо основательнѣе будетъ предполагать, что *княжимъ дворомъ* называлась вообще всякая общественная посадническая изба, гдѣ посадники, властію, данною имъ отъ князя, разбирали судныя и другія дѣла.

(¹) Полн. собр. рус. лѣт., т. I, стр. 75 и 76.—(²) Тамъ же, т. II, стр. 22.

Остается сказать нѣсколько словъ о *писцахъ*, *мытникахъ*, *мостникахъ и городникахъ*.

Подъ *писцами*, вѣроятно, разумѣли грамотныхъ простолюдиновъ, состоявшихъ при посадникѣ и получавшихъ за свой трудъ вознагражденіе установленными для нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пошлинами. Они занимались составленіемъ, можетъ быть, писцовыхъ книгъ, на основаніи которыхъ производилось взысканіе податей, а также написаніемъ *розъѣзжихъ*, т. е. межевыхъ записей (¹). Это послѣднее предположеніе подкрѣпляется тѣмъ, что въ Правдѣ объ отправленіи *писца съ отрокомъ* (II, 67) говорится тотчасъ за статьями о порчѣ межъ, о markingзнаменаніи бортей и межныхъ дубовъ. Должно полагать, что писецъ въ этомъ случаѣ отправлялся для того, чтобы возстановить прежнія межи по межевымъ записямъ.

Что касается *мытниковъ*, *мостниковъ* и *городниковъ*, то хотя мы вовсе не признаемъ ихъ должностными лицами, даже наемными; но для опроверженія мнѣнія считающихъ ихъ такими, не можемъ здѣсь объ нихъ умолчать.

Чтобы опредѣлить, кого разумѣли въ старину подъ *мытниками*, выпишемъ изъ нашихъ памятниковъ слѣдующія мѣста: 1) «Володиміръ же пріиде къ Бѣлугороду къ мостку вборзѣ: въ то же время Борисъ пьянствъ въ Бѣлгородѣ... да чебы не *мытникъ* устереглъ и *моста не переметалъ*, то яли быша (²)»; 2) «а на мытѣхъ имати съ воза по мортькѣ обѣушной; а поѣдетъ на верхъ съ торговлею, ино мортка же; а поѣдетъ безъ торговли, съ того мыта и пошлинъ нѣтъ (³); 3) и какъ вамъ ся грамота придетъ, и вы бъ, по большимъ рѣкамъ и по малымъ рѣкамъ, *наши перевозы* и *мыты*, и нашихъ бояръ и всякихъ людей *перевозы* и *мыты* переписали, и *суды* и *плоты* переписали на насъ (⁴)».—Имѣя въ виду, что мытникъ переметалъ мостъ на рѣкѣ, т. е. перетянулъ плотъ, что мыты и перевозы различны между собою, и что въ соотвѣтственность названіямъ *мыто* и *перевозъ* поставлены слова *плоты* и *суда*, мы думаемъ, что подъ мытниками разумѣлись люди, имѣвшіе паромы на рѣкахъ и пользовавшіеся правомъ брать въ свою пользу извѣстную плату за перевозъ, но только съ тѣхъ лицъ, которыя ѣхали съ

(¹) Акт. Юрид., стр. 169.—(²) Полн. собр. рус. лѣт. т. II. стр. 56.—(³) Акт. Арх. Эксп. т. I, стр. 10.—(⁴) Тамъ же, т. I, стр. 454.

товарами на продажу. Безъ сомнѣнія и во время Правды мытники тоже не были должностными лицами, а частными содержателями плотовъ. Тѣмъ болѣе съ этимъ можно согласиться, что и въ послѣдствіи, когда мыты и перевозы отписаны были на князя, сборъ перевозныхъ пошлинъ отдавался желающимъ ихъ взять на откупъ, особыхъ же чиновниковъ для того не назначалось. По такимъ основаніямъ мы полагаемъ, что мнѣніе будто *мытникъ* былъ должностное лице, именно *таможенный приставъ* (¹), неправильно. Оно очевидно произошло отъ смѣшенія пошлины *за перевозъ товаровъ* (мыто) съ пошлиною, взимавшеюся съ самыхъ товаровъ *при ихъ продажѣ.* Послѣдняя пошлина называлась *тамгой*, а потому и сбиравшіе ее именовались *таможенниками*, которыхъ во времена Правды вовсе не было.

Городниковъ и *мостниковъ* то же считаютъ какими то должностными лицами (²), тогда какъ смыслъ статей Правды о нихъ совершенно ясенъ: они были ничто иное, какъ *плотники*, которымъ выдавались, безъ сомнѣнія, общиной, гдѣ производилась работа, опредѣленные закономъ плата и кормъ *донелѣ городъ срубятъ*, т. е. построятъ крѣпостцу, или *мостъ помостятъ* или *починятъ ветхій мостъ* (II, 90, 91).

Переходя къ разсмотрѣнію *ратныхъ чиновъ*, мы вообще должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи наша старина не представляетъ никакой многосложности. Все ограничивалось *военачальниками* и простыми ратниками или *ратаями*. Первые назывались *воеводами* и *тысяцкими*, а послѣдніе *гридинами*, *варягами* и *колбягами*. Между простыми ратаями старосты воинскіе именовались *тіунами ратайными*.

Тысяцкіе были тѣ же воеводы, какъ это видно изъ выраженія Несторовой лѣтописи подъ 1089 годомъ: *«воеводство держащю Кіевскія тысяща Яневи»* (³). Они находились только въ стольныхъ городахъ княжествъ, и при каждомъ князѣ было не по нѣскольку, а по одному тысяцкому. Такъ напр. въ Кіевѣ, при Владимірѣ Мономахѣ, тысяцкимъ былъ *Ратиборъ*, въ Бѣлгородѣ—столицѣ стар-

(¹) См. въ соч. «О судебныхъ доказательствахъ», Пахмана, стр. 52.—(²) Изслѣд. о Рус. Правдѣ Калачова, стр. 77 и 78.—(³) Полн. собр. рус. лѣт., т. I, стр. 89.

шаго сына Мономахова Мстислава—*Прокопій*; въ Переяславлѣ—стольномъ городѣ другаго сына Мономахова Ярополка—*Станиславъ* (II, 48). Сообразивъ это, слѣдуетъ заключить, что *тысяцкимъ* именовался начальникъ всегда находившихся при томъ или другомъ князѣ ратниковъ, и отличался отъ *прочихъ воеводъ* вѣроятно тѣмъ, что послѣдніе назначались только на случай войны, тысяцкій же былъ воеводою постояннымъ.

Гридины, *варяги* и *колбяги*, какъ мы уже замѣтили выше, были простые *ратаи*. По объясненію г. Сенковскаго, слова́: *гридинъ* и *варягъ* тождественны и равно означаютъ норманскихъ воиновъ, служившихъ у князей по найму; подъ словомъ же *колбягъ* (отъ турецкаго слова: *кулъ-бегъ*, военнослужащій) разумѣли тоже военнаго наемника, но изъ Половцевъ, или, можетъ быть, и изъ другихъ племенъ турецкаго происхожденія, кочевавшихъ на югѣ Россіи (¹). Что подъ *варягами* слѣдуетъ понимать норманскихъ воиновъ, въ этомъ всѣ согласны, а такъ какъ въ Правдѣ на ряду съ *варягомъ* стоитъ всегда *колбягъ* (I, 9, 10; II, 25; III, 26), то безъ сомнѣнія и послѣдняго также должно считать воиномъ. При томъ, не иначе, какъ принявши *варяговъ* и *колбяговъ* за воиновъ, можно объяснить себѣ удовлетворительно то преимущество, которое было имъ предоставлено въ Правдѣ. Одни эти лица имѣли право оправдывать себя отъ поклепной виры только *двумя*, а не *семью* свидѣтелями подобно другимъ (III, 15) (²). Безъ сомнѣнія, варягамъ и колбягамъ, какъ воинамъ-наемникамъ, съ цѣлью отклоненія съ ихъ стороны повода къ неудовольствіямъ и жалобамъ, предоставлено было больше средствъ оправдывать себя отъ обви-

(¹) См. Библіот. для чтен. 1844 г., Апрѣльская книжка.—(²) По нашему мнѣнію въ статьѣ: «аще будетъ на кого поклепная вира, то оже будетъ послуховъ 7, то ти выведутъ виру; паки ли варягъ или кто инъ, то два (II, 15; III, 15)», вмѣсто *кто инъ*, стояло въ подлинникѣ *колбягъ*, потому что: 1) въ другихъ статьяхъ Правды за словомъ варягъ всегда непосредственно слѣдуетъ слово колбягъ; 2 выраженіе *кто инъ* очевидно искажено, такъ какъ вовсе не опредѣляетъ кто еще, кромѣ варяговъ, могъ оправдываться двумя свидѣтелями. Слова *кто инъ* слѣдовало бы относить ко всѣмъ не варягамъ, т. е. ко всѣмъ остальнымъ людямъ, а въ такомъ случаѣ различіе, дѣлаемое въ Правдѣ между тѣми, кто обязанъ былъ представлять двухъ послуховъ, и тѣми, кто долженъ былъ представить ихъ 7, становилось бы вовсе ненужнымъ и теряло бы свой смыслъ.

ній въ убійствѣ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе, кого собственно между обитателями древней Руси должно принимать за *колбяговъ*, изложимъ однако свое предположеніе на этотъ счетъ. Какъ *Половцы*, такъ и *Черные Клобуци*, по выраженію нашихъ лѣтописей, были равно *поганые*, притомъ первые иногда назывались *дикими*. Эпитеты: *дикіе* и *черные*, прилагавшіеся къ поганымъ, весьма замѣчательны. Подъ дикими, безъ сомнѣнія, разумѣли поганыхъ *свободныхъ*, *неподвластныхъ*, такъ какъ и *дикая вира* означала свободную, невынужденную складчину (II, 6); *черными* же называли поганыхъ *подвластныхъ*, *обязанныхъ къ чему нибудь*. Если такъ, то кого слѣдуетъ считать *Черными Клобуками*? Въ одномъ мѣстѣ Ипатіевской лѣтописи сказано: «поиде Мстиславъ изъ Володиміра съ полкомъ своимъ и съ *Берендѣи*, *Куи*, *Торки* и Печенѣги.... и начаша просити *Черные Клобуци* (1). Имѣя въ виду, что въ выписанномъ нами мѣстѣ о Черныхъ Клобуцѣхъ не упоминалось прежде ни слова, мы думаемъ, что Берендѣи, Куи, Торки и Печенѣги всѣ вмѣстѣ и составляли Черныхъ Клобуковъ, и что слѣдовательно *клобуци* не есть названіе племени, а указываетъ только на повинность, которую обязаны были нести означенныя племена, и потому-то къ слову *клобуци* и прибавлено еще эпитетъ *черные*. Такъ какъ черные клобуци несли военную службу, то легко можно предполагать, что названіе *клобуци* есть только искаженное въ устахъ народа слово *колбяги*, т. е. военнослужащіе.

Какъ бы то ни было, но вѣроятно сначала только названіе *гридинъ* относилось къ *варягамъ*, а потомъ утратило свое первоначальное значеніе и принималось уже въ смыслѣ вообще туземнаго войска изъ смердовъ, а *колбяги* въ смыслѣ войска, составлявшагося изъ кочевавшихъ на югѣ Россіи племенъ. Колбяги были конные воины. Это подтверждается тѣмъ, что кочующіе народы турецкаго племени всегда имѣли у себя только конницу, такъ и тѣмъ, что образовавшіяся должно быть подъ вліяніемъ того представленія, какое соединяли съ *колбягомъ*, старинныя польскія слова *kulbaka*, *okulbaczyć*—означаютъ *сѣдло*, *осѣдлать*.

Старшіе между простыми *гридинами*, а можетъ быть и *колбягами*, назывались *тіунами ратайными*. Г. Калачовъ въ своемъ ука-

---

(1) Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 90.

затель къ изданному имъ тексту Русской Правды слово *ратайный* переводитъ словомъ *земледѣльческій*; но мы думаемъ, что прилагательное ратайный образовалось изъ существительнаго *ратай*—воинъ, и что *тіунъ ратайный* значитъ *тіунъ военный*. Такъ какъ въ Академическомъ спискѣ Правды вмѣсто тіунъ ратайный сказано *староста* ратайный, слово же староста, по филологическому объясненію, значитъ *старъ-о-ста* [1], старшій въ сотнѣ, то изъ этого мы заключаемъ, что тіунъ ратайный былъ ни что иное, какъ сотскій, сотенный начальникъ въ войскѣ.

Должностныя лица княжескаго дворца, какъ мы объяснили выше, вообще назывались *огнищанами*. Изъ нихъ въ частности упоминается въ Правдѣ: о *подъѣздныхъ княжихъ*, *княжихъ отрокахъ* или *дѣтскихъ* и *тіунахъ княжихъ*.

Въ чемъ состояла должность *подъѣзднаго*—неизвѣстно. Вѣроятно обязанность его имѣла отношеніе къ княжей охотѣ. Изъ поученія Мономаха своимъ дѣтямъ видно, что у князей существовалъ «*ловчій нарядъ*», т. е. были разныя должности по ловлѣ звѣрей, и *подъѣзднымъ* могъ называться тотъ, кто посылался для отысканія и поднятія звѣря. Впрочемъ, должность *подъѣзднаго* можно объяснить еще иначе. Подъ нимъ не разумѣли ли начальника передоваго отряда въ войскахъ, высылавшагося для рекогносцировокъ, для развѣдыванія о силѣ непріятеля? По крайней мѣрѣ слово *подъѣзды* употреблено въ такомъ смыслѣ у Котошихина [2].

Княжимъ отрокамъ или *дѣтскимъ* давались разныя порученія, въ томъ числѣ и по производству суда; такъ въ Правдѣ упоминается, что дѣтскій посылался для дѣлежа наслѣдства между братьями, когда споръ о немъ они переносили на судъ князя (II, 100), и что дѣтскій присутствовалъ при испытаніи кого либо желѣзомъ, потому-что въ статьѣ, въ которой говорится о такомъ испытаніи, назначена, въ числѣ другихъ лицъ, особая плата и дѣтскому (II, 82). Дѣтскій или княжъ отрокъ иначе назывался мечникомъ, какъ это мы объяснили выше.

Хозяйственное управленіе княжескимъ дворцомъ поручалось *тіунамъ княжимъ*. Изъ Ипатіевской лѣтописи видно, что Изя-

(1) См. Временникъ 1852 г., кн. 12, стр. 13 и 14.—(2) О Россіи въ цар. Алек. Михайлов., стр. 107.

славъ Мстиславичъ посылалъ своихъ *тіуновъ* въ Кіевскую область для опознанія захваченныхъ у него стадъ и имущества (¹). Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи говорится, что Ростиславъ Мстиславичъ, по смерти Вячеслава, приказалъ *тіунамъ* послѣдняго принести *передъ ся* имущество умершаго: порты, золото и серебро (²). Эти мѣста подтверждаютъ наше мнѣніе о княжихъ тіунахъ. Ихъ было три разряда: *тіуны огнищные, тіуны конюшіе* и *тіуны сельскіе* (II, 10). Судя по самому названію, *первые* изъ нихъ завѣдывали дворцомъ и всѣмъ, къ нему принадлежащимъ, а также *поварами; вторые—конюхами*, конюшнями и конскими стадами. Что у князей были конскія стада, это видно: 1) изъ статьи Правды объ убійствѣ Дорогобужцами Изяславова конюха стараго у стада (I, 21); 2) изъ Ипатіевской лѣтописи, гдѣ подъ 1146 годомъ сказано, что Изяславъ Мстиславичъ заграбилъ Игоревы и Святославовы стада: кобылъ стадныхъ 3000 и коней 1000 (³). *Сельскіе* же *тіуны княжи*, выбиравшіеся изъ княжескихъ холоповъ или смердовъ *по ряду*, и потому не принадлежавшіе къ *огнищанамъ*, вѣроятно имѣли въ своемъ завѣдываніи сельское имущество князя; напр. его поля, его житницы, его овецъ. Что князья держали и овецъ, это подтверждается Несторовою лѣтописью, гдѣ подъ 1097 годомъ упоминается объ *овчюхъ Святополка*.—Въ какомъ отношеніи *тіуны княжескіе* поставлены были къ дворцу князя, въ такомъ, безъ сомнѣнія, *тіуны боярскіе* или *ябетники* находились къ дому боярина, слѣдовательно послѣдніе были ничто иное, какъ управители: потому-то и встрѣчается въ Правдѣ выраженіе: *тивуньство*.... или *привяжетъ ключь къ собѣ* (II, 104).

B. О кормленіи и судебныхъ пошлинахъ.

Обратимся теперь къ изслѣдованію о кормленіи и судебныхъ пошлинахъ, назначавшихся въ пользу должностныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи въ Правдѣ исключительно опредѣлены только выгоды, коими пользовались отъ службы лица, занимавшія должности по внутреннему управленію Россіи. Изъ придворныхъ чиновъ два раза упоминается въ Правдѣ о полученіи платы за исполненіе сво-

---

(¹) Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 48.—(²) тамъ же, стр. 75.—
(³) Полн. собр. рус. лѣт., т. II, стр. 26.

ихъ обязанностей *княжимъ отрокомъ* или *дѣтскимъ*, именно: онъ получалъ *гривну кунъ*, когда, по порученію князя, дѣлилъ наслѣдство тяжущихся братьевъ (II, 100), и *полгривны*,—за присутствованіе при испытаніи кого либо желѣзомъ (II, 82). Такимъ образомъ намъ приходится говорить здѣсь объ однихъ только вирникахъ или посадникахъ и о ихъ отрокахъ или емцахъ. Скажемъ сперва о назначавшемся имъ *кормленіи*, а потомъ о доходахъ ихъ отъ *производства дѣлъ*.

При Ярославѣ вирникъ въ *мясоѣдъ*, въ случаѣ взысканія виры, получалъ съ своей верви, т. е. съ общины, ввѣренной его управленію (¹): 1) *каждый день*, за исключеніемъ постныхъ дней среды и пятницы, *по двѣ курицы*; въ среду же и пятницу—*рыбу* или вмѣсто рыбы въ тотъ и другой день *по рѣзанѣ*; 2) *каждую недѣлю 7 ведръ солода, три сыра*, а также *овцу* или *полоть* (т. е. половину свиной или другой какой либо туши). При наступленіи постовъ вирнику отпускалась *рыба*. Впрочемъ, ему въ это послѣднее время, кромѣ солода, дававшагося и въ постные дни въ натурѣ, дозволялось брать вмѣсто означеннаго корма деньги, именно: вмѣсто овна или полоти 2 ногаты или 5 *кунъ*, вмѣсто трехъ сыровъ—*три куны*, и вмѣсто ежедневной дачи рыбами, въ замѣну куръ, *по рѣзанѣ* или *кунѣ* въ день, т. е. въ недѣлю за рыбы 7 *кунъ*; слѣдовательно всего въ недѣлю, во время постовъ, вирникъ могъ получать *15 кунъ*, какъ объ этомъ дѣйствительно и сказано въ Правдѣ (I, 12). Независимо отъ того, ему постоянно давался *хлѣбъ* и *пшено*, сколько былъ въ силахъ съѣсть, а во время разъѣздовъ поставлялись для него 4 лошади и фуражъ на нихъ. Если

(¹) Въ Академическомъ спискѣ Правды сказано: «*до недѣли же виро зберуть вирници*». Такое выраженіе, по видимому, даетъ основаніе думать, что вирникъ обязанъ былъ въ теченіе одной недѣли взыскать виру, и что слѣдовательно онъ могъ только въ продолженіе этого времени пользоваться кормленіемъ. Но это невѣроятно, потому что вообще виры, по тогдашнему времени, составляли суммы весьма значительныя. Мы думаемъ, что означенное выраженіе искажено, именно вмѣсто: *донелѣже зберуть вирници* написано *до недѣли же*. Такая догадка кажется намъ тѣмъ болѣе справедливою, что слово *донелѣ*, т. е. доколѣ, употребляется въ Правдѣ (II, 90; III, 108) и что виру именно дозволялось взыскивать даже нѣсколько лѣтъ. Такъ въ Троицкомъ спискѣ говорится: *которая ли вервь начнеть платити дикую виру колико лѣтъ* (II,4).

же оцѣнить весь тотъ кормъ, который, за исключеніемъ солода, хлѣба и пшена, получалъ вирникъ въ скоромные дни, то ему приходилось бы болѣе, чѣмъ 15 кунъ въ недѣлю, именно вмѣсто полоти или овцы — 5 кунъ, вмѣсто трехъ сыровъ—*три куны*, въ среду и пятницу—*по кунѣ*, въ остальные дни недѣли вмѣсто 10 куръ—*90 кунъ*, потому-что курица стоила 9 кунъ, т. е. всего 100 кунъ или 2 *гривны кунъ въ недѣлю*. Такимъ образомъ, полагая въ году среднимъ числомъ 18 недѣль постовъ и 34 недѣли мясоѣда, выйдетъ, что вирникъ ежегодно получалъ корму болѣе чѣмъ на *70 гривенъ кунъ*, кромѣ солода, хлѣба, пшена и фуража на 4 лошадей. О кормленіи для отрока при Ярославѣ не упоминается. При Изяславѣ кормленіе вирнику оставлено то же самое, только сказано, что давалось ему совмѣстно съ отрокомъ. Притомъ опредѣлено количество *хлѣба* и *пшена*, именно по 7 уборковъ на недѣлю; кромѣ того прибавлено къ недѣльной дачѣ 7 уборковъ *гороху* и 7 голважень *соли*. При Владимірѣ Мономахѣ кормленіе вирнику съ отрокомъ было то же, что и при Изяславѣ; но въ случаѣ разъѣздовъ для исполненія разныхъ порученій отрокъ получалъ еще особое кормленіе, безъ сомнѣнія съ жителей того мѣста, гдѣ находился, именно: *овна* или *полоть* и иной кормъ, сколько *черево возметъ* (II, 67). Сверхъ того, отроку поставлялись при проѣздѣ *двѣ лошади* съ проводникомъ, и отпускался на двухъ лошадей фуражъ. Мы сказали, что отроку, а также безъ сомнѣнія и вирнику, давался *проводникъ* или *ямщикъ*: это, по нашему мнѣнію, видно изъ слѣдующаго мѣста Правды: «*отроку* 2 гривны и 20 кунъ, а *самому* ѣхати *со отрокомъ* на 2 коню» (II, 67). По смыслу этого мѣста выходитъ, что *отрокъ* ѣхалъ съ *отрокомъ*. Очевидно, послѣднее слово употреблено въ значеніи проводника, ямщика. Употребленіе въ такомъ смыслѣ слова *отрокъ* весьма схоже съ тѣмъ, какое и нынѣ дѣлаютъ изъ слова *малый*, относя его къ слугѣ.

Доходы отъ производства дѣлъ состояли въ *пошлинахъ*, которыя большею частію назначались въ пользу вирника и емца. Онѣ вообще взыскивались: 1) отъ каждой *виры* и *продажи* и со всякихъ *тяжъ*; 2) отъ каждаго испытанія желѣзомъ, и 3) отъ привода къ присягѣ. Въ платежѣ пошлинъ участвовали не только отвѣтчики, но и истцы.

Отъ каждаго дѣла объ убійствѣ, за которое законъ опредѣлялъ

виру, какъ вирникъ, такъ и емецъ получали извѣстную пошлину съ отвѣтчиковъ и истцовъ. Если по дѣлу о лишеніи кого либо жизни былъ *отвѣтчикъ*, самъ ли убійца или община, то къ вирѣ, взыскивавшейся съ того или другой, по уставу Изяслава, присовокуплялась слѣдующая пошлина: «вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкши, а съсадная гривна; аже будетъ вира въ 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 купъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны» (II, 7 и 8). Изъ этого видно, что вирнику, безъ сомнѣнія, при 40 гривенной вирѣ, давалось 8 гривенъ, т. е. *10 процентовъ съ 40 гривенъ*, и 10 кунъ перекладныхъ, т. е. *добавочныхъ* (1), а емцу или метальнику 12 вѣкошь, да кромѣ того *ссадная гривна*; при 80 гривенной вирѣ вирникъ получалъ 16 гривенъ, т. е. *10 процентовъ съ 80 гривенъ*, и 10 кунъ добавочныхъ, 12 же вѣкошъ и *ссадная гривна* по прежнему, разумѣется, назначались метальнику, которому сверхъ того давалась также и *головная пошлина*, 3 гривны. Притомъ, мы думаемъ, что выраженіе: «*а за голову 3 гривны*», вообще относится ко всему, выписанному нами, постановленію Правды, и что слѣдовательно метальникъ получалъ головную пошлину нетолько при 80-ти, но и при 40-ка гривенной вирѣ (2). Такъ какъ въ началѣ статьи устава Изяслава, изъ которой мы выписали выше только конецъ, сказано: «*а се покони вирнии были при Ярославѣ*», то, безъ сомнѣ-

---

(1) Наше мнѣніе о 10 кунахъ подтверждается тѣмъ, что въ Пушкинскомъ спискѣ сказано: «вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ *приклада на я*», т. е. на 8 гривенъ. См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ Калачова стр. 115.

(2) Наше мнѣніе о 3-хъ гривенной пошлинѣ подтверждается тѣмъ, что выраженіе: «*а за голову 3 гривны*» въ спискахъ Правды Толстовскомъ и Горюшкинскомъ употреблено не только при исчисленіи пошлины съ 80-ти гривенной виры, но и при исчисленіи пошлинъ съ 40 ка гривенной виры. Въ означенныхъ спискахъ сказано: 1) вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метальнику 12 вѣкошь, а ссадная гривна, *а за голову* 3 *гривны*; 2) оже будетъ вира въ 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкошь, а переди ссадная гривна, *а за голову* 3 *гривны*. Г. Калачовъ, въ своемъ изслѣдованіи о Правдѣ, удостовѣряетъ, что такое повтореніе этого послѣдняго выраженія сдѣлано и въ Карамзинскомъ спискѣ; но въ изданномъ г. же Калачовымъ текстѣ Правды »словъ: а за голову 3 гривны» не находится при исчисленіи пошлинъ съ 40-ка гривенной виры. См. Изслѣдован. о Рус. Прав. стр. 115 и Текстъ Прав. III, 7.

нія, какъ въ его время, такъ и при Изяславѣ и Мономахѣ, взыскивались одни и тѣ же нами означенныя пошлины. Опредѣлить же ихъ количество, основываясь на Ярославовомъ уставѣ, невозможно, потому что мѣсто о пошлинахъ съ виръ искажено въ немъ во всѣхъ спискахъ, именно: въ Академическомъ спискѣ показана пошлина въ 60 гривенъ, въ Румянцевскомъ—вмѣсто 60 стоитъ 6, а въ другихъ спискахъ 20 гривенъ. Если при взысканіи съ кого либо виры былъ еще и *истецъ*, или если кто заводилъ дѣло объ убійствѣ, но вира, по неуличенію въ преступленіи обвиняемаго, не назначалась, то въ томъ и другомъ случаѣ съ того, *кому помогутъ* (III, 118), т. е. по чьей жалобѣ или иску произведутъ разслѣдованіе, словомъ съ истца, взыскивалась *помочная пошлина* (III, 16), съ тѣмъ только различіемъ, что она въ послѣднемъ случаѣ одна только и имѣла мѣсто, а въ первомъ прибавлялась къ вирной пошлинѣ съ отвѣтчика. Въ Правдѣ сказано: «а се уроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь» (II, 99). Хотя здѣсь и не говорится кому давалось 9 кунъ; но не можетъ быть сомнѣнія, что вирнику, такъ какъ въ Правдѣ за платой вирнику всегда стоитъ плата метальнику или емцу. И такъ, съ истца по дѣламъ объ убійствѣ вирникъ получалъ *помочнаго 9 кунъ*, а емецъ *9 вѣкошь*. Но кромѣ того послѣднему назначалась еще какая то особая пошлина подъ названіемъ *сметной гривны*: «а иже свержетъ виру, то гривна кунъ *сметная* отроку; а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну» (II, 16). Изъ приведеннаго нами мѣста оказывается, что *сметная* гривна взыскивалась не только съ истца (кто и клепалъ); но и съ отвѣтчика, оправдавшагося отъ обвиненія въ убійствѣ (иже свержетъ виру). Мы думаемъ, что между *сметною* гривною и *ссадною* гривною нѣтъ никакого различія, и что это только два названія одной и той же пошлины. Слово *ссадиться* у Котошихина (¹) употреблено въ смыслѣ *слѣзать*: «а шапокъ бы напередъ пословъ не снимали и съ лошадей не *ссадились*». Слѣдовательно *ссадить* могло значить: высадить, сбросить, привести, доставить. Если такъ, то весьма вѣроятно, что глаголъ *ссадитъ*, также какъ глаголы *метать*, *сметать*, принимался въ Правдѣ въ смыслѣ представить къ суду, а такъ какъ этимъ именно и занимались емцы, то, по нашему мнѣнію,

---

(¹) О Россіи въ цар. Алек. Мих. стр. 48.

ссадная гривна и сметная гривна составляли одну и ту же пошлину, дававшуюся емцу или метальнику за привозъ, за доставленіе къ суду тяжущихся или подсудимыхъ. По видимому сметная или ссадная гривна вполнѣ соотвѣтствовала существовавшей въ послѣдствіи *ѣздовой* или *хоженой* пошлинѣ (¹), дававшейся *доводчикамъ*, доводчики же имѣли то же значеніе, какъ и *емцы*. Слово *переди*, встрѣчаемое въ выраженіи: *а переди ссадная гривна* (II, 8), показываетъ, что эта пошлина взыскивалась прежде прочихъ пошлинъ, не дожидаясь окончанія дѣла объ убійствѣ. Въ такомъ смыслѣ нарѣчіе *переди* употреблено и въ другомъ мѣстѣ Правды: «аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, *переди* пагубу исплатившю» (II, 79). Такимъ образомъ вирникъ съ платимыхъ отвѣтчикомъ или общиной 40 гривенной и 80 гривенной виръ получалъ по 10 *процентовъ* и кромѣ того на каждую виру 10 кунъ добавочныхъ, а емецъ—12 вѣкошь и 3 гривны *головной пошлины*; съ истца же, независимо отъ того, взыскивалась ли съ отвѣтчика вира или онъ оправдывался, вирнику и емцу давалась *помочная пошлина*, первому 9 кунъ, а послѣднему 9 вѣкошь. Но сверхъ означенныхъ пошлинъ емецъ пользовался по всякому дѣлу объ убійствѣ еще *ссадными* или *сметными* гривнами. Одна такая гривна выплачивалась истцомъ, а другая отвѣтчикомъ, даже такимъ, который *свергалъ виру*, т. е. оправдывался отъ обвиненія.

Пошлины съ продажъ опредѣлены въ слѣдующихъ статьяхъ Правды: 1) «аже украдуть овцу или козу или свинью, а ихъ будеть 10 одну овцу укралѣ, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи, а кто изымалъ, тому 10 рѣзанъ» (I, 40); 2) » а отъ гривне мечнику куна, а въ десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривну емцю 70 кунъ, въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ» (I, 41). Въ этихъ статьяхъ говорится о пошлинахъ съ продажъ емцу или мечнику, и ни слова нѣтъ о такихъ же пошлинахъ вирнику; но нельзя допускать, чтобы онъ ихъ не получалъ. Такъ какъ вирникъ пользовался 10-ю процентами съ виръ, то вѣроятно 10 процентовъ назначались ему и съ продажъ, и потому мы думаемъ, что выраженіе *«въ десятину»* въ послѣдней изъ выписанныхъ нами статей Правды именно означаетъ опредѣленную для вирника

(¹) Акт., Эксп., т. I, №№ 13, 143, 144, 150, 181, 183, 201.

пошлину. Съ этимъ тѣмъ болѣе можно согласиться, что и въ послѣдствіи наши *намѣстники* и ихъ товарищи *тіуны*, соотвѣтствовавшіе древнимъ посадникамъ или вирникамъ, получали 10 процентовъ даже съ самыхъ незначительныхъ судныхъ дѣлъ, именно: «случится судъ передъ намѣстникомъ, или передъ его тіуномъ, о рублѣ о Новгородскомъ, а восхотятъ помиритись, и они дадутъ намѣстнику *двадцать денегъ* Новогородскую, то ему и съ тіуномъ» (¹). Очевидно, что съ *рублеваго* суднаго дѣла бралось по 10 процентовъ какъ на намѣстника, такъ и на тіуна. Кромѣ того, въ одномъ актѣ ясно сказано: «имати пошлина судная съ рубля по 10 денегъ» (²). Все это насъ убѣждаетъ, что вирники также получали 10 процентовъ или десятину съ продажъ. Но въ какомъ количествѣ взыскивались эти послѣднія? Въ Правдѣ упоминается только о слѣдующихъ продажахъ: 60 кунъ, 3 гривны, 3 гривны и 30 кунъ, и 12 гривенъ. Хотя же изъ одной статьи устава Мономаха (I, 78) можно предполагать еще продажу въ 9 кунъ; но едва ли существовала особая пеня единственно на случай кражи сѣна и дровъ; притомъ не было никакого основанія взыскивать за похищеніе этихъ предметовъ 9 кунъ, тогда какъ за кражу утки платилось 60 кунъ продажи (I, 36) (³). Мы видѣли, что изъ 12 гривенъ 2 гривны поступали въ десятину, а 10 гривенъ князю, а такъ какъ продажею называлась поступавшая къ нему пеня за извѣстное преступленіе, то слѣдовательно изъ 12 гривенъ только 10 гривенъ *въ собственномъ смыслѣ* слѣдуетъ называть продажею, а 2 гривны были десятипроцентными на нихъ, т. е. *десятиною,* и назначались вирнику. Относительно *3 гривенъ* и *3 гривенъ и 30 рѣзанъ* или *кунъ* мы полагаемъ, что онѣ не составляли отдѣльныхъ пеней, и что 3 гривны были собственно продажею, а 30 кунъ десятипроцентными на нихъ. Если же въ Правдѣ упоминается въ однихъ мѣстахъ о 3-хъ гривнахъ и 30 кунахъ, а въ другихъ ровно о 3-хъ гривнахъ, то это показываетъ, что въ первомъ случаѣ обозначалась продажа въ соединеніи съ десятипроцентными на нее, а во второмъ—только одна продажа въ собственномъ смыслѣ. Опущеніе при послѣдней 30 кунъ не доказываетъ, чтобы онѣ и не взыскивались; напротивъ

(¹) Акт. Эксп. т. I. № 181.—(²) Тамъ же. № 221.—(³) Подробнѣе объ этомъ изложено въ статьѣ о татьбѣ.

можно сказать положительно, что выплачиваніе ихъ производилось постоянно при каждой 3-хъ гривенной продажѣ. Это видно изъ того, что въ Правдѣ въ одномъ мѣстѣ говорится, что *клѣтный тать* подвергался платежу 3 гривенъ, и при этомъ не упомянуто о 30 кунахъ (II, 30); въ другомъ же мѣстѣ, нѣсколькими только статьями ниже, постановлено: «аже *крадетъ* кто *клѣть*, то платить ему 3 гривны и 30 кунъ» (II, 37). Послѣ этого очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при 3-хъ гривнахъ не говорилось о 30 кунахъ, послѣднія подразумѣвались сами собою, потому что взысканіе 10-ти процентныхъ въ пользу вирника было, безъ сомнѣнія, общимъ правиломъ, не требовавшимъ постояннаго повторенія. Остается сказать нѣсколько словъ о продажѣ въ 60 кунъ. Такъ какъ нѣтъ основанія предполагать для нея какое либо особое исключеніе въ Правдѣ, и въ ней эта продажа постоянно употребляется безъ всякихъ прибавленій, то мы въ 60 кунахъ, подобно тому какъ и въ 12 гривнахъ, видимъ соединеніе продажи въ собственномъ смыслѣ съ десятипроцентными къ ней; настоящею же продажею считаемъ *одну гривну*—50 кунъ, а 10 кунъ десятипроцентными въ пользу вирника. И такъ продажами въ собственномъ смыслѣ были: *10 гривенъ*, *3 гривны* и *1 гривна;* въ обширномъ же смыслѣ, въ соединеніи съ десятипроцентными, назначавшимися вирнику, т. е. съ 2 гривнами, 30 кунами и 10 кунами, продажами назывались: *12 гривенъ*, *3 гривны и 30 кунъ* и *60 кунъ*. Руководствуясь такими выводами, можно возстановить искаженное слово гриве, находящееся въ приведенной выше 41 ст. Академическаго списка. Непосредственно за этимъ словомъ мы читаемъ: «мечнику куна, а въ десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривну емцю 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ.» Такъ какъ здѣсь 2 гривны десятины и 10 гривенъ князю въ сложности составляли стоящую передъ ними продажу въ обширномъ смыслѣ, т. е. 12 гривенъ, то такимъ же образомъ десятина 15 кунъ и 3 гривны князю должны были бы вмѣстѣ образовать продажу также въ обширномъ смыслѣ, именно 3 гривны и 15 кунъ; но о такой продажѣ во всей Правдѣ ни разу не упоминается. Безъ сомнѣнія 15 кунъ въ означенной статьѣ выставлены по ошибкѣ вмѣсто 30, потому что отъ 3 гривенъ 10 процентовъ будетъ 30, а не 15 кунъ. Посему мы думаемъ, что подъ словомъ гриве слѣдуетъ разумѣть

3 гривны и 30 кунъ или рѣзанъ. Оно вѣроятно было написано въ подлинникѣ такъ: отъ г гри п л, т. е. отъ 3 гривенъ и 30; но по ошибкѣ переписчика одно г выпущено, а остальныя буквы написаны связно, и потому вышло сначала грил, а при дальнѣйшемъ искаженіи грипе. Изъ всего этого усматривается, что 41 статью Академическаго списка слѣдуетъ читать такъ: отъ 3 гривенъ и 30 кунъ—мечнику куна, въ десятину 30 кунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривенъ—емцу 70 кунъ въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ.—Поговоримъ теперь о пошлинахъ, назначавшихся съ продажъ емцу. При взысканіи 12 гривенъ онъ получалъ *70 кунъ*, а при 3-хъ гривнахъ 30 кунахъ и при 60 кунахъ *по одной кунѣ*. Такъ какъ въ общемъ итогѣ десятины и пени князю составляли самыя продажи въ обширномъ смыслѣ, то слѣдовательно платы емцу были *накладными* къ послѣднимъ. Эти платы оставались дѣйствующими какъ при Изяславѣ, такъ и при Мономахѣ, только послѣдній, вмѣсто 70 кунъ, назначилъ емцу пошлины съ 12-ти гривенной продажи 2 гривны и 20 кунъ, т. е. *10 процентовъ*.—Кромѣ пошлинъ съ продажъ, т. е. съ платившихъ ихъ отвѣтчиковъ, вирникъ и емецъ получали съ *истцовъ* по тѣмъ же дѣламъ *помочнаго*: первый по 4 куны, а второй—по 6 вѣкошь. Въ Правдѣ сказано: «а отъ иныхъ отъ всѣхъ тяжъ, кому помогутъ, по 4 куны, а металнику по 6 вѣкошь» (III, 118). Слова: *всѣхъ иныхъ* противопоставлены здѣсь особымъ тяжамъ, упоминаемымъ въ уставѣ Мономаха (III, 118), и этихъ послѣднихъ было немного; слѣдовательно къ числу всѣхъ иныхъ тяжъ должно относить и всѣ дѣла, по которымъ взыскивались продажи.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію пошлинъ съ *особыхъ тяжъ*. Особыя тяжи были слѣдующія: 1) искъ челядина о свободѣ; 2) искъ о землѣ бортной и 3) искъ о землѣ ролейной. Такъ какъ пошлины съ этихъ исковъ помѣщены въ числѣ *помочныхъ*, то безъ сомнѣнія онѣ взыскивались съ истцовъ. Съ иска челядина о свободѣ вирникъ получалъ 9 кунъ, а метальникъ 9 вѣкошь, съ исковъ же о земляхъ бортной и ролейной вирникъ—по 30 кунъ, а метальникъ—по 12 вѣкошь (III, 118). Независимо отъ этихъ исковъ емецъ получалъ еще особую плату, если кто бралъ его у посадника для поимки своего холопа. Въ такомъ случаѣ господинъ холопа долженъ былъ заплатить емцу или отроку *вязебнаго* 10 кунъ (II, 108).

Опредѣливъ количество пошлинъ съ виръ, продажъ, особыхъ тяжъ и случаевъ, представляется вопросъ: какимъ образомъ взимались эти пошлины: по числу ли дѣлъ, или по числу участвовавшихъ въ нихъ отвѣтчиковъ и истцовъ? *Помочная* пошлина *съ истцовъ* какъ при вирахъ и продажахъ, такъ и при особыхъ тяжахъ, взыскивалась всегда не съ каждаго лица отдѣльно, участвовавшаго въ искѣ, но съ самаго иска. Это видно изъ выраженій: *отъ виры*, *отъ бортной земли*, *отъ всѣхъ тяжъ* (III. 118), т. е. отъ дѣла, а не по числу истцовъ. Пошлины съ *отвѣтчиковъ* опредѣлялись по различнымъ началамъ, смотря по тому, назначались ли онѣ съ виръ или продажъ. За каждое убійство, сколько бы ни было въ немъ виновныхъ, платилась одна вира, а примѣняясь къ этому и пошлины взимались съ дѣла, а не съ числа отвѣтчиковъ. Но при продажахъ было иначе. Онѣ назначались не по числу преступленій, а по числу участвовавшихъ въ нихъ лицъ (I, 29; II. 37). Слѣдовательно по одному дѣлу могло взыскиваться 5, 6, 7 и болѣе продажъ и столько же пошлинъ. *Ссадная* или *сметная* гривна бралась съ каждаго представленнаго къ суду отвѣтчика или истца, а *вязебное*—съ каждаго увязаннаго, т. е. пойманнаго бѣглаго холопа.

Кромѣ пошлинъ вообще съ судныхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, во времена Правды производились за нѣкоторыя судебныя дѣйствія, нужныя къ раскрытію самаго дѣла, еще особыя пошлины. Къ нимъ относятся: 1, пошлина отъ испытанія желѣзомъ; 2) пошлина отъ привода къ присягѣ. Истецъ, который по чьимъ либо рѣчамъ, требовалъ, чтобы подвергли кого нибудь испытанію желѣзомъ, долженъ былъ заплатить *желѣзнаго:* вирнику 40 кунъ, мечнику или емцу 5 кунъ и полгривны, 25 кунъ—дѣтскому, т. е. княжему отроку (II, 81, 82). Хотя въ Правдѣ собственно не сказано, кому поступали 40 кунъ, но такъ какъ послѣдующая плата назначена мечнику, то мы признаемъ, что первая давалась вирнику, потому-что въ другихъ статьяхъ Правды за взысканіемъ въ пользу вирника всегда встрѣчается взысканіе въ пользу мечника или метальника. Желѣзная пошлина, какъ видно изъ общаго смысла статьи, въ которой она опредѣлена, получалась не съ дѣла, а съ числа лицъ, подвергнутыхъ испытанію. О пошлинѣ отъ привода къ присягѣ въ Троицкомъ спискѣ говорится такъ: «а се уроци

ротнии: *отъ головы 30 кунъ»* (II, 101). Эти уроци, кажется, соотвѣтствовали нашей позднѣйшей пошлинѣ *у цѣлованья* ([1]). Безъ сомнѣнія, ихъ платилъ тотъ, по чьему требованію свидѣтели присягали, и платилъ съ головы, т. е. съ числа лицъ, приведенныхъ къ присягѣ. По соображеніи количества *желѣзной* пошлины съ количествомъ *ротной*, можно полагать, что послѣднюю получалъ вирникъ.

Но не одни только вирники и емцы получали пошлины, ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не лишены были и *писцы*, именно за возстановленіе уничтоженныхъ межъ давалось писцамъ 10 кунъ и 5 кунъ да 2 ногаты добавочныхъ. Въ Правдѣ сказано: *«а писцу 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, а за мѣхъ 2 ногаты»* (III, 85).

Изложивъ все, что только относилось къ пошлинамъ, сдѣлаемъ, для большей наглядности, общій ихъ обзоръ.

Пошлины получали:

I) *Вирникъ* или *посадникъ*.

А) *При вирахъ:* 1) съ отвѣтчика—вирную *десятину* 8 гривенъ и 16 гривенъ, а кромѣ того *перекладныхъ* 10 кунъ; 2) съ истца—помочнаго 9 кунъ.

Б) *При продажахъ:* 1) съ отвѣтчика—продажныя *десятины* 10 кунъ, или 30 кунъ, или 2 гривны; 2) съ истца—*помочнаго* 4 куны.

В) *При особыхъ тяжахъ* съ истцовъ *помочнаго:* 1) съ иска о свободѣ—9 кунъ; 2) съ иска о бортной землѣ—30 кунъ, и 3) съ иска о ролейной землѣ—30 кунъ.

Г) *При нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствіяхъ*, которыя могли производиться какъ при взысканіи виръ и продажъ, такъ и при особыхъ тяжахъ: 1) съ истцовъ—*желѣзнаго* 40 кунъ; 2) съ истцовъ и отвѣтчиковъ—*ротнаго* 30 кунъ.

II) *Емецъ* или *мечникъ*.

А) *При вирахъ*: 1) съ отвѣтчика—12 вѣкошь и 3 гривны *головной* пошлины; 2) съ истца—*помочнаго*—9 вѣкошь.

Б) *При продажахъ:* 1) съ отвѣтчика—при продажахъ въ 60 кунъ и 3 гривны и 30 кунъ—по одной кунѣ, при 12 гривенной продажѣ—70 кунъ, а въ послѣдствіи—2 гривны 20 кунъ; 2) съ истца—*помочнаго* 6 вѣкошь.

([1]) Акт. Эксп. т. I, № 255.

В) *При особыхъ тяжахъ:* съ истца по иску о свободѣ—9 вѣкошь, по искамъ о земляхъ бортной и ролейной—по 12 вѣкошь.

Г) *При нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствіяхъ* съ истца—*желѣзнаго* 5 купъ.

Кромѣ того, *смецъ* получалъ съ отвѣтчика и истца *ссадныя* или *сметныя* гривны. Хотя объ нихъ говорится въ Правдѣ только при вирахъ, но должно полагать, что гривны эти взыскивались какъ при продажахъ, такъ и при особыхъ тяжахъ, потому-что пошлина эта давалась за представленіе подсудимыхъ или тяжущихся къ суду.

III) *Писецъ.*

Онъ получалъ за возстановленіе межъ, вѣроятно съ отвѣтчиковъ, 10 купъ, 5 купъ перекладныхъ и 2 ногаты за мѣхъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ

РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Излагая внѣшній составъ Русской Правды, мы объяснили, что во всѣхъ ея уставахъ сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ—о нарушеніи правъ по имуществу. Этого же порядка мы будемъ держаться и въ настоящемъ изслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды; но статьи ея о судопроизводствѣ по преступленіямъ, чтобы дать о немъ ясное понятіе, необходимо разсмотрѣть особо въ совокупности. Все это мы окончимъ общимъ заключеніемъ.

Такимъ образомъ наше изслѣдованіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. О нарушеніи личныхъ правъ.

II. О нарушеніи правъ по имуществу.

III. О судопроизводствѣ по преступленіямъ.

IV. Общее заключеніе.

I. О НАРУШЕНІИ ЛИЧНЫХЪ ПРАВЪ.

I. Объ убійствѣ.

I. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ЯРОСЛАВА.

Первоначальный уставъ Правды Ярослава начинается слѣдующею статьею объ убійствѣ:

«Убіетъ мужъ мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату-чаду, любо сестрину сынови (ли братню сынови); аще не будетъ кто его мстя, то 40 гривенъ за

голову—аще будетъ русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо тивунъ боярескъ (ябетникъ), любо мечникъ; аще изгой будетъ, любо словенинъ,—то 40 гривенъ положити заньъ» (I, 1; II, 1).

Изъ выписаннаго нами постановленія Ярослава видно, что оно дозволяло *месть*, по отношенію къ убійцѣ, со стороны родственниковъ лишеннаго имъ жизни, и что пользовались такимъ правомъ *отецъ*, *сынъ*, *братъ* и *племянники* убитаго, а слѣдовательно и *дяди* Слово *брату-чаду* означаетъ племянника по братѣ, *братанича*, а выраженіе *сестрину сынови* — племянника по сестрѣ, *сестринича*. Въ спискахъ Правды Троицкомъ, Карамзинскомъ и имъ подобныхъ, въ изложенномъ нами выше законѣ Ярослава, говорится: «*любо братучадо, ли братню сынови*»; но послѣднія два слова при первыхъ, однозначущихъ съ ними, по нашему мнѣнію, совершенно излишни и употреблены по ошибкѣ вмѣсто словъ «*сестрину сынови*». Исчисливъ мстителей по приведенному выше закону, естественно представляется вопросъ: могъ ли мстить за убійство какой либо другой членъ семьи, кромѣ нами поименованныхъ? Мы думаемъ, что въ Правдѣ исчислены мстители только примѣрно, а далеко не всѣ, иначе, если понимать постановленіе сіе буквально, надлежало бы, въ противность здравому смыслу, утверждать, что дядя не имѣлъ права мстить за племянника, тогда какъ послѣдній пользовался этимъ правомъ по отношенію къ дядѣ. Кромѣ того, слѣдовало бы, опираясь на выраженіи: *убіетъ мужъ мужа* и на исчисленіи мстителей, заключать, что Правда дозволяла месть однимъ *мущинамъ, а не женщинамъ*, и единственно за убійство *мущинъ*, и что потому отецъ и братъ могли мстить лишь за сына и за брата, а не за дочь и сестру, что супругъ, на томъ же основаніи, не долженъ былъ мстить за умерщвленіе своей жены и что внуку не давалось никакой власти надъ убійцей не только его бабки, но и дѣда, о которомъ также не упоминается въ приведенной выше статьѣ Правды. Если же изложенный нами законъ Ярослава очевидно поименовалъ не всѣхъ лицъ, за убійство коихъ необходимо было мстить (потому что нельзя же предполагать, чтобы въ старину допускалось безнаказанно умерщвленіе напр. женщинъ), то, само собою разумѣется, тотъ же законъ упомянулъ не о всѣхъ, а только о нѣкоторыхъ главныхъ мстителяхъ, да и не имѣлъ надобности въ подробномъ ихъ исчисленіи, ибо право мести жило еще въ обычаяхъ народа. Посему мы

полагаемъ, что вообще всѣ члены семьи обоего пола, въ восходящей, нисходящей и боковыхъ линіяхъ, могли быть мстителями. Это подтверждается отчасти лѣтописнымъ извѣстіемъ о мести Ольги за убійство своего мужа Игоря.

Обозначивъ, кто долженъ былъ мстить за убійство по уставу Ярослава, займемся теперь опредѣленіемъ самаго *существа мести*. Она имѣла въ старину мѣсто не только въ случаяхъ лишенія кого либо жизни, но и при совершеніи другихъ преступленій; такъ напр. за нанесеніе побоевъ и увѣчій претерпѣвшій ихъ тогда только, по закону Ярослава, получалъ по суду удовлетвореніе за обиду, *оже себе не можетъ мстити* (I, 2). Это приводитъ къ мысли, что слово *мстить*, какъ древній юридическій терминъ, означало только *право самосуда*, которымъ не вмѣнялось въ непремѣнную обязанность умерщвлять какъ за убійство родственника, такъ равно и за нанесеніе кому либо ранъ, побоевъ или увѣчій, потому что нельзя допустить, чтобы напр. тотъ, кого ударили палкой, не иначе могъ отмстить за свою обиду, какъ убивъ виновнаго. Обиженный, безъ сомнѣнія, могъ распорядиться съ обидѣвшимъ его по своему усмотрѣнію: нанести ему побои, убить, изувѣчить, взять выкупъ и даже примириться. Такимъ образомъ, мести, какъ *самосуду*, слѣдуетъ придавать обширное значеніе, а не понимать ее исключительно только какъ отнятіе у кого либо жизни за преступленіе, *какъ кровавое возмездіе*. Принимать въ такомъ смыслѣ постановленія Правды относительно дозволенія мстить за убійство, мы имѣемъ тѣмъ болѣе права, что не видимъ твердыхъ основаній въ догадкахъ о господствѣ въ древней Руси *кровавой мести*, какъ священнаго, непремѣннаго долга родственниковъ убитаго. Кровавая месть могла обнаруживаться у насъ какъ одно изъ выбранныхъ произвольно обиженнымъ удовлетвореній по своему праву самосуда, но не какъ необходимое, опредѣленное требованіе народнаго обычая мстить противъ воли убійствомъ за убійство, и потому месть этого послѣдняго рода, по нашему мнѣнію, выражала у насъ не болѣе, какъ личный характеръ самаго мстителя. Въ подтвержденіе господства у насъ обычая кровавой мести, требовавшаго убійства за убійство, главнымъ образомъ приводятъ преданіе о поступкѣ Ольги съ Древлянами. Вникнемъ въ смыслъ, какой данъ въ лѣтописи этому преданію. Въ немъ, по нашему мнѣнію, вовсе не выраженъ народный,

повсемѣстно будто бы у Славянъ укоренившійся обычай непремѣнно проливать кровь за кровь, иначе бы Древляне напередъ знали, что, за умерщвленіе ими Игоря, Ольга необходимо должна будетъ имъ мстить тоже убійствомъ, и потому дѣйствовали бы осторожно, не могли бы надѣяться на примиреніе и не поддались бы такимъ многократнымъ, грубымъ обманамъ съ ея стороны, о какихъ упоминаетъ Несторъ. Притомъ, изъ словъ, вложенныхъ лѣтописцемъ въ уста Ольги и обращенныхъ ею къ жителямъ Искоростена: «*уже не хощу мщати своего мужа, но хощу дань имати помалу*» (1), видно, что въ этомъ случаѣ она руководствовалась собственнымъ произволомъ, а не дѣйствовала подъ неотразимымъ вліяніемъ такого обычая, который бы безусловно требовалъ кровавой мести; да и самая месть Ольги не для всѣхъ виновныхъ была кровавая, потому-что нѣкоторые только изъ нихъ умерщвлены, а другіе отданы въ рабство: «овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ». И такъ подъ *частною местію*, служившею у насъ въ старину однимъ изъ выраженій общественнаго правосудія, по самому преданію объ Ольгѣ, какъ оно изложено въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть *обычай полнаго, неограниченнаго самосуда*, который не стѣснялъ частной воли никакимъ заранѣе опредѣленнымъ способомъ удовлетворенія за обиду, а давалъ совершенную свободу въ выборѣ того или другаго возмездія, и не исключалъ примиренія. О мести такого рода упоминается и въ выписанномъ нами выше законѣ Ярослава. Впрочемъ, въ постановленіяхъ первоначальнаго его устава месть въ неограниченномъ видѣ дозволялась только *за убійство*. За нанесеніе же увѣчій и побоевъ, о которыхъ говорится въ означенномъ уставѣ, допускались всѣ способы мести, кромѣ лишенія виновнаго жизни. Объ этомъ можно заключать изъ того, что постановленіемъ Ярослава, безъ сомнѣнія основаннымъ на обычаѣ, позволялось умерщвленіе въ возмездіе за побои только въ одномъ случаѣ, именно при нанесеніи удара холопомъ свободному мужу (I, 16; II, 58). Если бы такое кровавое возмездіе было вообще въ обычаѣ за увѣчья, раны и побои, то не представлялось бы нужнымъ издавать особое о томъ постановленіе относительно виновныхъ холоповъ. Существованіе этого постановленія,

(1) Полн. собр. русск. лѣт., т. I, стр. 25.

само собою разумѣется, указываетъ на то, что оно было исключеніемъ изъ общаго правила. Что касается татьбы и другихъ меньшихъ преступленій, то и при Ярославѣ месть за нихъ вовсе не дозволялась, потому что кто напр. опознавалъ у кого либо украденную у него вещь, тотъ не могъ самопроизвольно ее отобрать и поступить съ задержаннымъ съ нею по своему усмотрѣнію, а долженъ былъ идти на *сводъ*, т. е. обращаться уже къ слѣдствію и суду (I, 13). И такъ при Ярославѣ обычай мести обнаруживался уже не въ томъ объемѣ, въ какомъ существовалъ вѣроятно въ отдаленной древности. Возникавшая государственная жизнь мало по малу стѣсняла самосудъ.

Разобравъ первую половину закона Ярославова объ убійствѣ, займемся разсмотрѣніемъ второй половины, начинающейся словами: «*аще не будетъ кто его мстя, то 40 гривенъ за голову.*» Объясненіе этого выраженія должно состоять въ разрѣшеніи вопросовъ: въ какомъ случаѣ взыскивались 40 гривенъ, кто обязанъ былъ ихъ платить и въ чью пользу онѣ поступали?—Думаютъ, что слова: «*аще не будетъ кто его мстя*» означаютъ то, когда мститель добровольно отказывался отъ мести. Но мстить или примириться, съ нашей точки зрѣнія, было совершенно въ произволѣ владѣвшаго правомъ самосуда. Посему не представлялось, по нашему мнѣнію, основанія налагать еще особую пеню, если мститель прощалъ убійцу; если же онъ не прощалъ его, то самъ имѣлъ право, когда хотѣлъ, назначить за голову выкупъ по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны, принимая месть въ томъ смыслѣ, какой даютъ ей нѣкоторые изслѣдователи, именно какъ кровавое возмездіе, основанное на непремѣнномъ требованіи народнаго обычая, очевидно слѣдуетъ утверждать, что мститель не могъ отказаться отъ мести, а долженъ былъ ее выполнить.—Такимъ образомъ открывается, что какое-бы мы значеніе не придавали слову месть, выраженіе: «аще не будетъ кто его мстя» нельзя понимать какъ добровольный отказъ отъ мести, и что оно необходимо должно относиться только къ тѣмъ случаямъ, когда самосудъ дѣлался физически невозможнымъ, именно когда убитый не имѣлъ никакихъ родственниковъ, или когда была умерщвляема вся семья, или, наконецъ, не обнаруживали лица, подлежавшаго мести, т. е. не открывали убійцы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ самосудъ по необходимости переходилъ къ князю,

а имъ установлена была за такія ненаказанныя по невозможности родственною местію убійства опредѣленная, взыскивавшаяся въ его пользу пеня, именно 40 гривенная вира. При обнаруженіи убійцы, ее слѣдовало бы по видимому взыскивать съ самаго преступника, но когда виновнаго не открывали, она могла быть выплачиваема никѣмъ другимъ, какъ общиною, т. е. вервію. Однакожъ нельзя не допустить, что съ верви, а не съ одного убійцы, взыскивалась вира и при поимкѣ послѣдняго, потому-что въ дополнительномъ уставѣ Ярослава сказано: «аще убіютъ огнищанина въ обиду, то *платити* зань 80 гривенъ *убійцѣ, а людемъ не надобѣ»* (I, 18). Выраженіе: *«а людемъ не надобѣ»* показываетъ какъ бы отмѣну выписаннымъ нами постановленіемъ прежняго порядка, по которому и при обнаруженіи виновнаго въ лишеніи кого жизни отвѣчали предъ княземъ, когда не было мстителей, *люди*, т. е. цѣлая вервь. Притомъ, у древнихъ Славянъ существовалъ обычай съобща отвѣчать за каждое преступленіе, случившееся въ верви ([1]). На этомъ основаніи мы думаемъ, что съ самаго перваго появленія у насъ виръ онѣ во всякомъ случаѣ имѣли общинный характеръ; личная же вира, по нашему мнѣнію, является только въ послѣдствіи, какъ исключеніе изъ общаго правила

Кромѣ простаго предположенія, что, при несуществованіи мстителей, вира и не могла ни къ кому другому поступать, какъ къ князю, мы имѣемъ и положительныя доказательства, что она взыскивалась въ его пользу. Доказательства эти слѣдующія:

1. Въ уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ говорится, что виновные въ душегубствѣ *платятъ виру князю на полы со Владыкою* ([2]).

2. Въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III въ 1471 году сказано: *«а виры имать великимъ княземъ по старинѣ*, а Новгородцамъ не таити ([3]). Выраженіе «по старинѣ» показываетъ, что полученіе виръ князьями не было постановленіемъ новымъ, а существовало издавна.

3. Въ грамотахъ конца XIV столѣтія, а также въ грамотахъ Іоан-

---

([1]) См. Чт. Москов. Общ. Истор. и Древ. 1846 г. № 2, законы Душана, стр. 9.—([2]) О значеніи Кормчей, сочиненіе г. Калачова, 1850 г., стр. 62 и 63.—([3]) Акт. Эксп., т. I, № 91.

на III и Іоанна IV и ихъ преемниковъ постоянно встрѣчается выраженіе: «а не доищутся душегубца, то дати намѣстникомъ, волостелемъ и ихъ тіунамъ за голову виру (¹)». Этимъ также доказывается, что вира не была пеней въ пользу частныхъ обиженныхъ лицъ.

4. Въ лѣтописи Нестора говорится: «Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископы и старци: «рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди (²)». Изъ этого видно, что еще до изданія Правды виры составляли доходъ князя.

5. Изъ самой Правды усматривается, что для сбора виръ назначались особыя должностныя лица—вирники: «а борошна колько могуть изъясти донелѣже виро зберутъ вирници» (I, 42) (³). Нельзя предполагать, чтобы вирники, для которыхъ установлено было притомъ опредѣленное кормленіе, имѣли обязанностію собирать виры въ пользу частныхъ лицъ. Такая забота объ этихъ послѣднихъ не соотвѣтствовала бы состоянію тогдашняго общества.

6. Въ постановленіяхъ Правды *вира* и *продажи* стоятъ въ одинаковыхъ между собою отношеніяхъ, такъ напр.: «аще ударить мечемъ, а не потнеть на смерть, то 3 гривны *продажи*,... а потнеть на смерть, то *вира*» (III, 25). Изъ приведенной нами статьи видно, что продажа и вира были равно *пенями*, только неравнаго количества, и что если первая изъ нихъ поступала къ князю, то и вторая то же, или если одна взыскивалась въ пользу частнаго лица, то и другая не могла имѣть инаго назначенія. Кому же назначалась продажа? Намъ положительно извѣстно, что она поступала къ князю. Это усматривается изъ слѣдующихъ мѣстъ Правды: 1) платити что у него будеть погибло, а князю продажу (II, 32); 2) а князю продажи въ челядинѣ 12 гривенъ или украденъ или уведенъ есть (III, 35); 3) то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажю (II, 41); 4) аже будуть холопи татіе, ихъ же князь прода-

(¹) Акт. Экеп., т. I, №№ 123, 143, 144, 150, 161, 217, 240; т. III, № 37.—(²) Полн. собр. русск. лѣтоп. т. I, стр. 54.—(³) Въ текстѣ Правды, изданномъ г. Калачовымъ, приведенное нами мѣсто читается такъ: «а боршина колько могутъ изъясти. До недѣли же виро зберутъ вирници.» Мы думаемъ, что выраженіе: *до недѣли же* употреблено писцомъ по ошибкѣ вмѣсто слова *донелѣже*, которое употребляется въ Правдѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ (III, 108).

жею не казнить (II, 42); 5) за холопъ урокъ платити или за рабу, а князю 12 гривенъ продажѣ (II, 84). Итакъ, если въ выписанной нами выше статьѣ за ударъ мечемъ взыскивалась *продажа*, поступавшая, какъ оказывается, къ князю, то слѣдовательно и *вира*, за ударъ мечемъ, причинявшій смерть, по очевидной логической последовательности, тоже должна была поступать къ князю. Если же это справедливо для одного случая, то по необходимости представляется справедливымъ и для всѣхъ.

7. Въ Правдѣ, кромѣ того, находимъ слѣдующую статью: «аще ли утнетъ руку и отпадетъ рука... то полувиріе, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ (III, 22)». Вникая въ буквальный смыслъ этой статьи, нельзя не замѣтить, что въ ней различены, противопоставлены другъ другу лица, получавшія плату. Одно изъ нихъ, которому назначалось 10 гривенъ за увѣчье, есть самъ обиженный, а другое, получавшее 20 гривенъ, безъ сомнѣнія, никто иной какъ князь. Если же князь получалъ полувиріе, то само собою разумѣется въ его пользу взыскивалась и полная вира.

Всѣ приведенныя нами доказательства о назначеніи виры князю, взятыя не отдѣльно, а въ совокупности, какъ намъ кажется, не могутъ оставить мѣста другому въ этомъ отношеніи убѣжденію. Но существуютъ мнѣнія и несогласныя съ нашимъ. Такъ г. Деппъ утверждаетъ, будто бы несравненно труднѣе доказать, что князь получалъ виру, нежели то, что она составляла вознагражденіе частныхъ людей (¹). Какія же главныя основанія приводитъ г. Деппъ въ подтвержденіе своего положенія? Во-первыхъ, выписки изъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками, что если убѣжитъ сотворивый убійство, то имѣніе его да возмутъ ближніе убіеннаго; а во вторыхъ слѣдующую статью Правды: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его... и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати (²).» Но всѣ эти мѣста, въ которыхъ авторъ изслѣдованія о существовавшихъ у насъ въ старину наказаніяхъ видитъ ясныя доказательства, что вира взыскивалась въ пользу частныхъ лицъ,—вовсе того не доказываютъ. Выраженіе «кунами ся выкупати» относится, какъ увидимъ ниже, не *къ вирамъ*, а *къ головни-*

(¹) См. О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, сочиненіе Ф. Деппа. С.-Пб. 1848 г. стр. 38.—(²) Тамъ же, стр. 38.

честу, замѣнившему обиженнымъ утраченное ими право мести. Такимъ же головничествомъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, считать и установленное договорами Олега и Игоря съ Греками взятіе ближними убіеннаго имѣнія убійцы.

Приступимъ теперь къ дальнѣйшему разсмотрѣнію первоначальнаго Ярославова закона объ убійствѣ. За объясненнымъ нами выраженіемъ: «аще не будетъ кто его мстя, то 40 гривенъ за голову», слѣдуютъ слова: «аще будетъ русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изгой будетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Вникая въ порядокъ исчисленія здѣсь лицъ, за убійство которыхъ взыскивалась вира, нельзя не замѣтить, что онъ основанъ главнымъ образомъ на раздѣленіи ихъ по мѣсту жительства, именно сперва говорится о жителяхъ южной Руси, о русинахъ, а потомъ въ концѣ статьи объ изгояхъ и словенахъ, т. е. объ Новгородцахъ. Послѣ выраженія «*аще будетъ русинъ*», въ которомъ *подъ русиномъ* разумѣть слѣдуетъ *простаго людина*, исчисляются тѣ изъ русиновъ, которые хотя также принадлежали къ людинамъ, но нѣсколько возвышались надъ простыми изъ нихъ или по своему состоянію, какъ-то купцы, или по занятію кое-какихъ низшихъ должностей, какъ то: гридины, тіуны боярскіе (ябетники) и посаднические мечники. За этимъ непосредственно говорится о простыхъ Новгородцахъ, т. е. объ изгояхъ и словенахъ; послѣ чего надлежало бы также упомянуть о гридинахъ, купцахъ, ябетникахъ и мечникахъ; но такъ какъ кругъ понятія о простолюдинахъ былъ опредѣленъ выше при исчисленіи русиновъ, то въ настоящемъ случаѣ такое повтореніе представлялось уже ненужнымъ. Сдѣланное нами объясненіе служитъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что Правда дана была не только Новгороду, но вмѣстѣ и Кіеву, или вообще южной Руси.

Сообразивъ все нами сказанное, легко составить себѣ понятіе о сущности первоначальнаго Ярославова закона объ убійствѣ. Законъ этотъ дозволялъ неограниченный самосудъ со стороны родственниковъ убитаго, и въ ихъ дѣйствія никто не имѣлъ права вмѣшиваться; поэтому самому и виды убійства нисколько не различались. Въ дѣлахъ объ этомъ преступленіи принималъ участіе князь только тогда, когда самосудъ былъ *физически* невозможенъ, т. е. когда у лишеннаго жизни не было родственниковъ, или когда

убійцу не обнаруживали. Въ такихъ случаяхъ князь взыскивалъ въ свою пользу виру съ общины, не смотря на то, находился ли, или нѣтъ, преступникъ налицо. Если онъ былъ налицо, то безъ сомнѣнія по обычаю также участвовалъ въ платежѣ виры вмѣстѣ съ своею вервію, какъ объ этомъ впослѣдствіи и постановлено. При неразличеніи видовъ убійствъ слѣдуетъ заключать, что первоначально и при Ярославѣ, также какъ и при святомъ Владимірѣ, за разбойниковъ платилась вира, разумѣется тоже общиною и въ тѣхъ случаяхъ, когда вира имѣла мѣсто. Притомъ, если говорится въ разбираемомъ нами законѣ единственно о вирахъ за лишеніе жизни простолюдиновъ, то это потому, что во время его изданія подобныя убійства и были только въ виду, такъ какъ древніе законы всегда основывались на ближайшихъ практическихъ случаяхъ, а не обнимали собою всѣхъ случаевъ возможныхъ.

Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава (¹) являются слѣдующія постановленія объ убійствѣ:

1) Аще убьютъ огнищанина *въ обиду*, то платити зань 80 гривенъ убійци, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ (I, 18).

2) А иже убьютъ огнищанина *въ разбои* и убійца не ищутъ, то вирное платити въ ней же верви голова начнетъ лежати (I, 19).

3) Аже убіютъ огнищанина у клѣти, или у коня или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ неа мѣсто; а то же покопъ и тивуницу (I, 20).

4) А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци (I, 21).

(¹) Во введеніи мы показали, почему считаемъ упоминаемый нами здѣсь уставъ дополненіемъ къ прежнему уставу Ярослава, составленнымъ при его жизни его сыновьями. Подтвержденіемъ такому выводу можетъ служить извѣстіе, сообщенное Татищевымъ, что Ярославъ въ 1035 году велѣлъ дѣтямъ своимъ, Изяславу и Святославу, призвать знатныхъ людей въ Кіевъ изъ разныхъ городовъ и сочинить законы, т. е. безъ сомнѣнія дополнительные къ изданному прежде Ярославомъ уставу. Только годъ съѣзда князей выставленъ Татищевымъ очевидно невѣрно: съѣздъ этотъ могъ быть не въ 1035, а развѣ въ 1045, когда Изяславу было 20, а Святославу 18 лѣтъ отъ роду (см. Истор. Карамзина прим. 65-е ко II тому).

5) А въ сельскомь старостѣ княжи и въ ратайнемъ 12 гривенъ; а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ; а въ смердѣ и холопѣ 5 гривенъ; аще роба кормилица, любо кормиличицъ—12 (I, 22—24).

6) Аще убіють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то той убитъ: аще ли до свѣта держатъ, то вести его на княжь дворъ; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ (I, 38).

7) Оже убіенъ тать, а подымутъ ноги во дворѣ, ино убитъ; оли подымутъ ноги за вороты, толи платити въ немъ (Ростов. сп.).

По внимательномь разсмотрѣніи выписанныхъ нами статей обнаруживается слѣдующее:

1) Въ нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ отмѣны или ограниченія мести за убійство, слѣдовательно она, по видимому, существовала въ прежнемъ видѣ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда самосудъ дѣлался физически невозможнымъ, князь получалъ виру не только уже за умерщвленіе простолюдиновъ, но и за убійство огнищанъ, т. е. княжихъ мужей. Вира за этихъ послѣднихъ взыскивалась двойная, т. е. 80-ти гривенная. Относительно вопроса: съ кого слѣдовало взыскивать виру,—измѣненъ прежній порядокъ вещей. Хотя это измѣненіе послѣдовало по частнымъ дѣламъ объ умерщвленіи огнищанъ, но нѣтъ сомнѣнія, что его примѣняли и къ убійству простолюдиновъ. По нашему мнѣнію, въ первыхъ двухъ статьяхъ дополнительнаго Ярославова устава говорится объ одномъ видѣ убійства, а не о двухъ: первая статья представляетъ тотъ случай, когда убійца-разбойникъ находился на лицо, а вторая—когда его не отыскивали; при отысканіи преступника, онъ платилъ самъ виру, а при неотысканіи—ее взыскивали съ верви, гдѣ находили трупъ убитаго. Но такъ ли это? Въ первой статьѣ означеннаго дополнительнаго устава сказано: «*убіютъ въ обиду, то платити убійци*,» слѣдовательно виновный предполагается поймавнымъ; а во второй встрѣчается выраженіе: «убіютъ въ разбои или убійца не ищуть», въ которомъ слова «убіютъ въ разбоѣ», какъ противопоставленныя чрезъ союзъ *или* словамъ «убійцу не ищутъ», тоже указываютъ на обнаруженіе преступника. Такимъ образомъ въ приведенныхъ нами статьяхъ, по видимому, налагаются съ одной стороны взысканія за лишеніе кого либо жизни *въ обиду* и *въ разбоѣ* при поимкѣ виновнаго, а съ другой опредѣляется пеня за тѣ же

виды убійствъ, но только при неоткрытіи убійцы. Предполагая, что умерщвленіе кого *въ обиду* и умерщвленіе *въ разбоѣ* составляли два особыхъ вида однороднаго преступленія, постараемся объяснить ихъ значеніе, вникнувъ въ самое существо налагавшагося за нихъ взысканія. За убійство въ обиду постановлено было непремѣнно отвѣчать самому убійцѣ, а не верви, т. е. вмѣсто общинной назначалась личная вира. За лишеніе же кого жизни въ разбоѣ, по смыслу закона, отвѣчала вервь; а не одинъ преступникъ, притомъ та, *гдѣ голова начнетъ лежати*, т. е. гдѣ найденъ трупъ убитаго. Слѣдовательно умерщвленіе кого въ обиду оказывается чѣмъ то болѣе преступнымъ, чѣмъ даже убійство въ разбоѣ, потому что за первое неминуемо отвѣтственность падала на самаго преступника, а за второе безъ сомнѣнія то же на него, но совмѣстно съ вервію, которая помогала ему въ платежѣ виры. Такой выводъ сдѣланъ нами, кажется, совершенно логически, но справедливъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Изъ послѣдующаго развитія Правды видно, что она въ ряду вообще преступленій не знала ничего выше *убійства въ разбоѣ*: за разбойника люди не платятъ, сказано въ уставѣ Изяслава, но выдадятъ его съ женою и дѣтьми на потокъ «на разграбленіе» (II, 5). И такъ, допустивъ нашъ выводъ, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустить явное противорѣчіе между законами Ярослава и Изяслава относительно умерщвленія въ разбоѣ; но такого противорѣчія не могло быть, да и не было, потому что Изяславъ и его братья вовсе не измѣняли началъ Ярославовой Правды, какъ это видно изъ словъ ихъ устава: «якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша» (II, 2). Притомъ ложность нашего вывода доказывается и тѣмъ, что подвергать отвѣтственности за разбойника ту вервь, гдѣ случайно имъ совершено убійство и оставленъ трупъ убитаго, а не ту, къ которой по крайней мѣрѣ принадлежалъ преступникъ, какъ членъ, значило бы противорѣчить чувству общей справедливости, одинаковой для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Наконецъ нельзя не замѣтить, что законъ объ убійствѣ въ обиду (I, 18) очевидно соотвѣтствуетъ приведенному выше Изяславову закону о разбойникѣ (II, 5): въ томъ и другомъ «люди» освобождаются отъ отвѣтственности, а подвергается взысканію самъ преступникъ. Все это убѣждаетъ насъ, что изложенное нами выше толкованіе двухъ первыхъ статей дополнительнаго Ярославова уста-

ва ошибочно. Самое основаніе, давшее поводъ къ такому толкованію, ясно обнаружится, если сличать между собою соотвѣтствующія постановленія о разбоѣ Ярославова и Изяславова уставовъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: «а иже убіютъ въ разбои или убійцу не ищутъ,» а въ другомъ: «аже кто убіетъ въ разбои, а головника не ищутъ». Очевидно, что насъ ввелъ въ заблужденіе неумѣстно поставленный переписчикомъ союзъ *или*, вмѣсто котораго слѣдуетъ читать *а* или *и*. Такимъ образомъ пониманіе первыхъ статей дополнительнаго Ярославова устава совершенно измѣняется. Выраженія: «убіютъ въ обиду, то платити убійци» и «убіютъ въ разбои и убійцу не ищутъ» указываютъ: первое на поимку преступника, а второе—на неотысканіе его; самыя же слова *въ обиду* и *въ разбоѣ* нельзя уже не признать однозначущими, потому-что если соединять съ каждымъ изъ нихъ понятіе объ особомъ видѣ убійства, то странно было бы видѣть, что Ярославъ для лишенія кого либо жизни въ разбоѣ опредѣлилъ только случай неотысканія преступника, а для убійства въ обиду только случай его обнаруженія. Притомъ, въ дальнѣйшемъ развитіи Правды мы видимъ, что законъ объ умерщвленіи въ обиду соотвѣтствовалъ закону Изяслава о разбойникѣ: «за разбойника люди не платятъ (II, 5)», и что другаго вида убійства, который бы ближе подходилъ къ лишенію жизни въ обиду, въ Правдѣ нѣтъ, предполагать же, что подмѣченный въ уставѣ Ярослава особый видъ убійства въ обиду совершенно исчезъ въ уставахъ Изяслава и Мономаха—было бы неосновательно. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что слова *въ обиду* и *въ разбоѣ* тождественны, и что самое понятіе о разбоѣ характеризуется выраженіемъ «*въ обиду*». Въ Правдѣ не говорится: убіютъ *за обиду*, а убіютъ *въ обиду*, т. е. по нашему мнѣнію безъ всякаго повода со стороны убитаго; слѣдовательно подъ разбоемъ разумѣли злонамѣренное, насильственное нападеніе на кого нибудь, къ которому умерщвленный, по своему поведенію относительно убійцы, не давалъ заранѣе никакого повода. Итакъ общій смыслъ первой статьи дополнительнаго Ярославова устава, хотя и упоминающей только объ огнищанахъ, есть тотъ, что пойманный разбойникъ долженъ былъ самъ за себя платить виру, «а людемъ не надобѣ». Такимъ образомъ вира дѣлается съ этихъ поръ не только общинною, но и

личною. Если же разбойника не отыскивали, тогда отвѣчала верв, гдѣ найденъ трупъ убитаго (I, 19).—Относительно убійствъ *не съ разбоѣ*, о которыхъ въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ не сдѣлано никакихъ измѣненій, безъ сомнѣнія, оставленъ прежній порядокъ вещей, т. е. что во всякомъ случаѣ, былъ ли налицо убійца или нѣтъ, вира была общинною.

2) За статьями дополнительнаго Ярославова устава объ убійствѣ огнищанъ въ обиду (I, 18), объ убійствѣ ихъ въ разбоѣ и у татьбы (I, 19, 20) поставлено выраженіе: «*а то же поконъ и тивуницу*». За тѣмъ непосредственно слѣдуютъ статьи о платѣ 80 гривенъ за княжа тіуна и конюха стараго у стада, 12 гривенъ—за сельскаго старосту княжаго и ратайнаго, за кормилицу и кормильчица и 5 гривенъ—за рядовича княжа, за смерда и холопа. Вникая въ сущность всѣхъ этихъ статей нельзя не замѣтить, что въ нихъ послѣ общаго постановленія о платѣ за убійство огнищанъ 80-ти гривенъ являются въ частности постановленія о платѣ той же суммы *за тіуна княжа* и *конюха стараго*, тогда какъ эти послѣдніе были тѣ же огнищане, и слѣдовательно вопросъ о нихъ не требовалъ особаго разрѣшенія. Но допустимъ, что наше предположеніе о тождествѣ этихъ лицъ неправильно, то и тогда, имѣя въ виду выраженіе: *а тоже поконъ и тивуницу*, показывающее, что предшествовавшія постановленія объ огнищанахъ относились и къ тіуну, т. е. что за убіеніе тіуна княжаго, также какъ и за огнищанъ, платилась двойная вира, и что умерщвленіе его при самой татьбѣ не наказывалось, — представляется страннымъ, отчего непосредственно за означеннымъ выраженіемъ снова говорится: «а въ княжи тіунѣ 80 гривенъ», тогда какъ такое повтореніе о платѣ за тіуна двойной виры дѣлалось уже ненужнымъ. Недоумѣніе еще болѣе увеличится если 12-ти и 5-ти гривенныя платы за сельскихъ княжихъ старостъ и ратайныхъ, за рядовичей, смердовъ, холоповъ, кормилицъ и кормильчицовъ признавать *особыми вирами* за убійство этихъ лицъ. Въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что плата за умерщвленіе холопа оказывалась бы меньшею, чѣмъ за похищеніе его, за которое платилось 12 гривенъ пени (I, 27). Притомъ вирою въ собственномъ смыслѣ называлась только 40 гривенная плата, потому-что *20 гривенъ* прямо называются въ Правдѣ *полувирою* (II, 21). Кромѣ того, въ статьѣ о сословіяхъ, разсматривая кого нужно разумѣть подъ лю-

днпомъ, мы убѣдились, что за убійство холоповъ платилась 40 гривенная вира, да и по закону Ярослава такая вира назначалась за умерщвленіе *русина* и *словенина*, каждый же изъ нихъ могъ быть смердомъ и холопомъ. Но если лишеніе жизни этихъ послѣднихъ оплачивалось 40 гривнами, то нельзя предполагать, чтобы за убійство сельскихъ старостъ княжихъ, ратайныхъ старостъ, рядовичей, кормилицъ и кормильцовъ,—изъ коихъ одни поставлены, судя по выписаннымъ выше 12-ти и 5 гривеннымъ платамъ, на равнѣ, а другіе даже выше смердовъ и холоповъ, — взыскивалось только 12 гривенъ. Изъ всего нами сказаннаго слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что 80 гривенъ за княжихъ тіуновъ и 12 и 5 гривенъ за другихъ лицъ были самостоятельными платами, независимыми отъ виръ, т. е. ничѣмъ другимъ какъ *головничествомъ* въ пользу родственниковъ, въ случаѣ умерщвленія людей свободнаго состоянія, и въ пользу господъ въ случаѣ убійства холоповъ. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся при разсмотрѣніи устава Изяслава. — Но какъ согласить головничество съ правомъ мести? Головничество само по себѣ вовсе не отрицаетъ существованія послѣдняго, но показываетъ, что въ томъ случаѣ, когда мститель хотѣлъ довольствоваться выкупомъ, онъ долженъ былъ довольствоваться только платой, именно опредѣленной въ законѣ. Это съ одной стороны свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ стѣсненіи уже права мести за убійство, а съ другой обнаруживаетъ, что самая месть за это преступленіе по обычаю едва ли не ограничивалась большею частію одними выкупами, сначала въ количествѣ произвольномъ, а потомъ въ количествѣ, опредѣленномъ по закону.

3) За татьбу по прежнему не дозволялось мести, потому что связаннаго татя слѣдовало вести на княжъ дворъ. Впрочемъ, въ видѣ необходимой обороны своей собственности, когда вора нельзя было поймать, дозволялось убивать его, но только «*на своемъ дворѣ у клѣти или у хлѣва*» (I, 38), т. е. единственно въ предѣлахъ своего жилища и на самой татьбѣ, однакожъ неиначе какъ *ночью*, потому что тать, котораго *до свѣта держали* (I, 38), представлялся на княжъ дворъ, слѣдовательно не подлежалъ самосуду. Если же кто убивалъ связаннаго уже татя, хотя бы и ночью, или лишалъ его жизни внѣ предѣловъ своего двора («оли подымуть ноги за вороты»), то подвергался за это какому-то платежу: «то платити въ немъ (I, 38).»

Количество этой платы не опредѣлено въ уставѣ Ярослава, но она очевидно была въ однихъ случаяхъ головничествомъ, а въ другихъ вирой. Послѣдняя имѣла мѣсто только въ случаѣ физической невозможности выполненія права самосуда; слѣдовательно, если были у убитаго родственники, то очевидно, что плата, о которой мы говоримъ, была ни чѣмъ инымъ, какъ головничествомъ, поступавшимъ въ ихъ пользу.

Но представляется вопросъ: могли ли родственники умерщвленнаго татя мстить его убійцѣ? Само собою разумѣется, что лишавшій кого либо жизни на самой татьбѣ не подлежалъ никакой отвѣтственности ни со стороны князя, ни со стороны родственниковъ убитаго, потому что въ этомъ случаѣ дозволялось убивать татя, какъ пса: « *убити въ пса мѣсто* » (I, 20). Если же кто умерщвлялъ татя связаннаго или внѣ предѣловъ своего жилища, то родственники въ такомъ случаѣ хотя имѣли право мстить, но неиначе какъ только взысканіемъ одного головничества, потому что разбираемая нами статья (I, 38) говоритъ именно лишь о платахъ и слѣдовательно не дозволяетъ другихъ способовъ мести.

Къ какимъ же окончательнымъ результатамъ приводитъ разсмотрѣніе законовъ Ярослава объ убійствѣ?

1) Неограниченный самосудъ хотя существовалъ какъ право частныхъ лицъ, но на самомъ дѣлѣ большею частію выражался, должно полагать, въ требованіи только выкуповъ. Количество этихъ выкуповъ или головничество было впослѣдствіи опредѣлено закономъ.

2) Въ случаѣ невозможности самосуда, князь взыскивалъ виру съ самаго преступника, если онъ былъ разбойникъ, и съ общины, если убійство совершено не въ разбоѣ, или если разбойника или вообще убійцы не отыскивали. Такимъ образомъ въ законахъ Ярослава различались два вида убійствъ: убійство *въ разбоѣ* и убійство *не въ разбоѣ*. Вира никогда не совпадала съ частною местью, хотя бы эта послѣдняя стремилась выразиться только головничествомъ.

3) Частная месть не имѣла мѣста по отношенію къ убійству умерщвленныхъ съ соблюденіемъ предписанныхъ для того условій татей. Плата за умерщвленіе связаннаго татя оставалась неопредѣленною.

Соображая все это, можно заранѣе предполагать въ чемъ должно было состоять дальнѣйшее развитіе постановленій объ убійствѣ при Изяславѣ и Мономахѣ.

Этимъ князьямъ слѣдовало: 1) Входившіе обычаемъ въ употребленіе выкупы за убійство (головничество) и вытѣснявшіе всѣ другіе способы мести обратить въ положительный законъ, для всѣхъ случаевъ, сообразно съ требованіями времени.

2) Опредѣлить точнѣе виды убійства и случаи платежа виры цѣлою вервію.

3) Опредѣлить количество платы за убійство поиманнаго и связаннаго татя.

4) Дать частнымъ выраженіямъ въ постановленіяхъ Ярослава болѣе общій смыслъ.

Все это, какъ мы увидимъ, и выполнено уставами Изяслава и Мономаха.

II. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ИЗЯСЛАВА И МОНОМАХА.

По смерти Ярослава, сказано въ Правдѣ, паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, *отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати* (II, 2). Мы видѣли, что по самосуду давалось прежде мстителю право поступать съ обидѣвшимъ его какъ ему было угодно; изъ приведеннаго же нами постановленія усматривается, что Изяславъ и его братья отмѣнили это право, именно запретили убіеніе за голову и слѣдовательно другіе легчайшіе способы мести, а дозволили только одинъ способъ—требованіе отъ убійцы опредѣленныхъ закономъ денежныхъ выкуповъ, т. е. *головничества*. Кромѣ того въ постановленіяхъ Изяслава мы видимъ, что *вира* платилась уже *совмѣстно съ головничествомъ* (II, 4); слѣдовательно она не взыскивалась уже, какъ при Ярославѣ, только въ томъ случаѣ, когда самосудъ былъ физически невозможенъ, а выплачивалась *за всякое убійство*, за которое не было положено личнаго наказанія или продажи; но и эти послѣднія также не вытѣсняли собою головничества. Такое измѣненіе въ законѣ было необходимымъ послѣдствіемъ отмѣны мести за означенное преступленіе, потому что самосудъ дѣлался невозможнымъ во всѣхъ данныхъ

случаяхъ, и слѣдовательно, по примѣненію къ прежнему началу, установлялось право князя требовать виры, налагать личное наказаніе или продажу при всякомъ лишеніи кого нибудь жизни. Вира оставалась неизмѣненною въ своемъ количествѣ: она была, какъ и прежде, простая 40 гривенная, и двойная—80 гривенная. Первая платилась вообще за всякаго людина, т. е. за смердовъ, закуповъ, холоповъ, посадническихъ мечниковъ, сельскихъ тіуновъ княжихъ, рядовичей, ремесленниковъ, купцовъ, кормилицъ, кормильцовъ, тіуновъ боярскихъ, тіуновъ ратайныхъ, за простыхъ варяговъ и колбяговъ. Двойная вира взыскивалась за княжихъ мужей, т. е. за бояръ, посадниковъ или вирниковъ, и всѣхъ вообще огнищанъ, т. е. тіуновъ конюшихъ, тіуновъ огнищныхъ, княжихъ отроковъ или мечниковъ, княжихъ поваровъ и конюховъ.—Вира также была *личною* и *общинною;* послѣдняя называлась иногда *дикою* (II, 4). Обратимъ вниманіе на значеніе этого эпитета. Слово *дикій* во многихъ случаяхъ означаетъ такой предметъ, который находится на свободѣ, а не подъ непосредственною чьей либо властію, напр. дикая утка, дикія поля; слѣдовательно, примѣняясь къ вирѣ, эпитетъ *дикая* показываетъ, что эта плата по своему происхожденію въ отдаленной древности была добровольною, свободною складчиною пени цѣлой общиной за того или другаго изъ ея членовъ, вслѣдствіе желанія выручить его изъ бѣды, а также въ видахъ собственной пользы каждаго жителя верви, на случай, если бы онъ самъ совершилъ убійство. Но во времена Правды дикая вира дѣлалась уже нѣкоторымъ образомъ обязательною для верви, по крайней мѣрѣ по долгу взаимности относительно тѣхъ членовъ, которые сами прежде помогали ей во взносѣ пеней за убійцъ: «того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру» (II, 4). Однакожъ и въ этомъ случаѣ свобода не была совершенно стѣснена, потому-что кто не хотѣлъ платить за другаго виры, тотъ могъ отказаться отъ платежа, но тогда уже лишался помощи общины, если самъ дѣлался убійцей (II, 6). Такъ какъ добровольная складчина за кого нибудь и не могла бы существовать, если бы преступникъ не былъ обнаруженъ, то отсюда происходитъ, что названіе дикой виры отнесено въ Правдѣ только къ той общинной пени за убійство, которая взыскивалась при обнаруженіи преступника (II, 4, 6), вира же, платившаяся вервію, когда преступникъ не былъ

открыть, не называлась дикою (II, 3), потому что она была безусловно обязательною для всѣхъ членовъ той общины, гдѣ найденъ трупъ убитаго. И такъ общинная вира дѣлилась на два рода: одна, по происхожденію своему будучи свободной складчиной, въ слѣдствіе этого самаго сдѣлалась въ послѣдствіи только *нравственно обязательною,* въ слѣдствіе постоянно возникавшаго долга взаимности и обоюдной пользы, а другая была *юридически, безусловно обязательною.* Платежъ общинныхъ виръ могъ производиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что видно изъ выраженія Правды: «которая ли вервь начнетъ платити дикую виру *колико лѣтъ* (II, 4)». Если такъ, то не могло быть постановленія, чтобы вирники собирали виры только въ теченіе одной недѣли. Это убѣждаетъ насъ, что выраженіе, употребленное въ уставѣ Ярослава: «до недѣли же виро зберутъ вирницы» (I, 12), искажено переписчикомъ, тѣмъ болѣе, что между приведеннымъ нами выраженіемъ и словами, ему предшествующими: «а борошна колько могутъ изъясти,» явный перерывъ смысла, тогда какъ, если вмѣсто *до недѣли же* читать, какъ и слѣдуетъ, *донелѣже,* то составится одна ясная, опредѣленная мысль. Въ Правдѣ говорится: «а имати ему донелѣже городъ срубятъ «(III, 108); «тому же дати на руцѣ. . . донелѣже возмогутъ» (II, 93), и потому безъ сомнѣнія и по отношенію къ вирамъ въ подлинномъ текстѣ было сказано: «а борошна колько могутъ изъясти донелѣже виро зберутъ вирницы.» Очевидно, что вирникъ, оканчивая постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сборъ наложенной на какую либо вервь виры, пріѣзжалъ по-временамъ въ эту вервь за полученіемъ только нѣкоторой части пени, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, смыслѣ употреблены въ Правдѣ слова: «виро зберутъ», потому что нельзя же предполагать, чтобы вирникъ безвыѣздно сидѣлъ въ одной и той же верви даже нѣсколько лѣтъ сряду, пока она сполна не уплачивала виры, тѣмъ болѣе, что ему, какъ слѣдуетъ заключать, такіе же сборы предстояла надобность производить и въ другихъ вервяхъ. Въ княженіе Владиміра Мономаха произошло нѣкоторое измѣненіе въ постановленіяхъ о вирахъ. Онъ отмѣнилъ, какъ мы уже упоминали въ статьѣ о сословіяхъ, виру за холоповъ, а установилъ за умерщвленіе какъ холопа, такъ и рабы 12-ти гривенную продажу; за убійство же мущинъ и женщинъ свободнаго состо-

нія или постановлено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ взыскивать полувиру, 20 гривенъ. Говоря о вирахъ и головничествѣ, нельзя не сказать о томъ, въ какомъ числѣ онѣ взыскивались въ данномъ случаѣ, т. е. соображались ли при взысканіи ихъ съ числомъ убійствъ или съ числомъ преступниковъ. Имѣя въ виду выраженія: «то платити *убійць* (I, 18), виревную платити въ чьей же верви *голова* лежитъ» (II, 3) мы думаемъ, что вира, если она была *личною*, взыскивалась какъ по числу *головъ*, т. е. найденныхъ убитыхъ тѣлъ, такъ и по числу преступниковъ, напр. когда открывали въ одномъ мѣстѣ двухъ убитыхъ смердовъ, и обнаруживали, что въ умерщвленіи ихъ участвовали пять человѣкъ, то слѣдовало взыскать по 2 виры съ каждаго убійцы, т. е. всего 10 виръ или 400 гривенъ. При общинныхъ вирахъ, если преступникъ былъ неизвѣстенъ, вира разумѣется платилась только по числу *головъ*; но *дикая вира* всегда платилась какъ по числу головъ, такъ и по числу убійцъ.—Головничество, какъ плата *за голову*, взыскивалась только по числу убитыхъ, а не по числу преступниковъ, и потому за двухъ лишенныхъ жизни смердовъ - пять убійцъ должны были всѣ вмѣстѣ заплатить родственникамъ только 10 гривенъ, т. е. по 5 гривенъ за каждаго смерда.

Сдѣлавъ общее замѣчаніе о головничествѣ и вирахъ, существовавшихъ при Изяславѣ и Мономахѣ, приступимъ теперь къ подробному разсмотрѣнію ихъ постановленій объ убійствѣ въ частности. Сперва скажемъ о вирахъ или вообще о наказаніяхъ за самое преступленіе, а потомъ о выкупахъ за него въ пользу обиженныхъ, т. е. о головничествѣ.

А. О ВИРАХЪ И ВООБЩЕ О НАКАЗАНІЯХЪ ЗА УБІЙСТВО.

При изложеніи постановленій Изяслава и Мономаха о вирахъ главнымъ образомъ слѣдуетъ различать, былъ ли отысканъ убійца или нѣтъ.

Еще при Ярославѣ было постановлено, чтобы виру, при необнаруженіи разбойника, платила та вервь, гдѣ найдено тѣло убитаго (I, 19). Этотъ законъ оставался дѣйствующимъ и въ разсматриваемое нами время, только въ уставѣ Изяслава получилъ болѣе общее выраженіе, такъ что относился уже не къ однимъ огнища-

намъ, а къ людямъ всѣхъ сословій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ: «аже кто убіетъ *княжа* мужа *въ разбои*, а головника не ищутъ, то виревную платити въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; паки ль *людинъ*, то 40 гривенъ» (II, 3). Но если при Изяславѣ, въ случаѣ неотысканія разбойника, также отвѣчала вервь, гдѣ найденъ трупъ убитаго, то какъ поступали, когда не обнаруживали преступника при другихъ видахъ убійствъ? Въ Правдѣ сказано: «которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатятъ ту виру, *ню же* (¹) безъ *головника* имъ платити» (II, 4), т. е. если верви приходилось платить *дикую виру* за кого нибудь, то она выплачивала въ нѣсколько лѣтъ ту же самую пеню, какую постановлено было взносить общинѣ, если вообще убійца не былъ обнаруженъ. Обратимъ вниманіе на то, что здѣсь въ Правдѣ говорится: *безъ головника* платити, а не безъ *разбойника* платити. Изъ этого видно, что безъ головника, какъ при разбоѣ, такъ и вообще при какихъ бы то ни было убійствахъ, равно отвѣчала вервь, безъ сомнѣнія, та, гдѣ отыскивали трупъ убитаго. Тоже самое, какъ мы заключили выше, было и при Ярославѣ. Въ основаніи, почему съ верви взыскивалась вира при неотысканіи убійцъ, мы думаемъ, лежало предположеніе, что вервь скрываетъ преступника или нерадитъ объ отысканіи его, потому что въ послѣдствіи, въ XIV и XV вѣкахъ, если убійца выдавался правительству, города и села, въ которыхъ совершено преступленіе, освобождались вовсе отъ платежа пени: «а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ или ихъ тіуномъ, а крестьяномъ въ томъ продажи нѣтъ» (²). Иногда верви было даже выгодно скрывать преступниковъ. Положимъ, напр., что 3 смерда убивали другаго смерда одной съ ними верви. Если бы вервь обнаружила этихъ убійцъ, помогавшихъ ей прежде въ платежѣ пеней, то должна была бы заплатить *три виры*, тогда какъ скрывши преступниковъ, она заплатила бы только *одну виру*.—Изложивъ постановленіе Правды о платѣ общинной виры при неоткрытіи виновнаго въ лишеніи кого либо жизни, нельзя упустить изъ вида и тѣхъ

(¹) По нашему мнѣнію правильнѣе вмѣсто *занеже* употребить *ню же* по Пушкинскому списку, отбросивъ только ненужный предлогъ *за*. См. Изслѣдов. о Рус. Правдѣ. Калачова, стр. 114.—(²) Акт. Эксп. т. I, №№ 13, 123.

случаевъ, когда постановленіе это дозволялось оставлять безъ примѣненія. Случаи, о которыхъ мы говоримъ, означены въ слѣдующей статьѣ Изяславова устава: «а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его» (II, 15). Изъ этой статьи видно, что, при необнаруженіи убійцы, отъ платежа виры вервь освобождалась: 1) когда найденный на ея земляхъ трупъ убитаго принадлежалъ лицу, никому неизвѣстному, и 2) когда находили только человѣческія кости. Какая была причина такихъ исключеній? Г. Кавелинъ полагаетъ, что округъ освобождался отъ обязанности платить виру, когда убитый былъ совершенно неизвѣстенъ, потому что за него некому было мстить, слѣдовательно и не отъ кого было откупаться (¹). По намъ кажется, что, по отмѣнѣ самосуда, право мстить за всякое убійство перешло къ князю, слѣдовательно было отъ кого откупаться, и причина установленія означеннаго закона, безъ сомнѣнія, существовала другая, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстный убитый человѣкъ могъ оказаться круглымъ сиротою и не имѣть также родственниковъ-мстителей, однакожъ нѣтъ никакого основанія полагать, что виры за него не платилось. По нашему мнѣнію, вервь освобождалась отъ платежа виры за мертвеца, котораго имени не вѣдали, потому что убитый, никому неизвѣстный въ округѣ человѣкъ, могъ быть подброшенъ изъ другой отдаленной верви нарочно, для избѣжанія собственной отвѣтственности, а въ такомъ случаѣ назначеніе виры было бы несправедливо. Наше мнѣніе совершенно подтверждается слѣдовавшими за Правдою грамотами, изъ которыхъ видно, что города, села и деревни не платили виры, если кто ихъ *подкидывалъ мертвымъ, незнаемымъ человѣкомъ* (²). За человѣческія кости общинная вира не назначалась, безъ сомнѣнія, потому, что ими не представлялось возможности опредѣлить, дѣйствительно ли совершено убійство: погибшій могъ замерзнуть и потомъ сгнить, могъ быть съѣденъ звѣрями.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ убійства, когда преступникъ былъ обнаруженъ.

При отысканіи убійцы обращали въ уставѣ Изяслава больше,

(¹) См. Отечеств. Зап. за декабрь 1851 г., въ отд. критики, стр. 118.

(²) Акт. Эксп., т. I, №№ 208, 217, 234; т. III, № 37.

чѣмъ при Ярославѣ вниманія на отношеніе воли преступника къ совершенному имъ преступленію, въ слѣдствіе этого точнѣе, нежели прежде дѣлали различіе между убійствами. Въ Правдѣ вообще находятся слѣдующія выраженія, обозначающія виды убійствъ: 1) а убіютъ въ разбоѣ, а убійцу (головника) не ищутъ (I, 19; II, 3); 2) а убіютъ въ обиду (I, 18); 3) оже убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено (II, 4); 4) будетъ сталъ на разбоѣ безъ всякія свады (II, 5). Выраженія: убіютъ въ разбоѣ, убіютъ въ обиду, сталъ на разбоѣ безъ всякія свады, какъ мы сказали выше, совершенно тождественны, т. е., по нашему мнѣнію, подъ убійствомъ *въ обиду* разумѣли то же, что и подъ убійствомъ въ разбоѣ, именно лишеніе кого либо жизни при злонамѣренномъ на него нападеніи безъ всякой предварительной ссоры. Остается разобрать выраженіе: «оже будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено» (II, 4). Слова̀: оже убилъ въ свадѣ, не требуютъ толкованій; но какъ понимать слова̀: «или въ пиру явлено»? Мы знаемъ изъ одной Псковской грамоты, что о преступленіяхъ постановлено было являть въ пиру пировому старостѣ или пивцамъ (¹). Однакожъ нельзя думать, чтобы въ Правдѣ говорилось, какъ объ особомъ видѣ, объ убійствахъ, явленныхъ въ пиру; напротивъ слово «*явлено*» очевидно въ приведенномъ нами мѣстѣ употреблено въ значеніи *явно*. Такой же смыслъ означенное слово имѣетъ и въ другой статьѣ Правды, въ выраженіи: «*я̀вленo ходитъ*» (II, 52). Посему подъ убійствомъ, «въ пиру явлено» разумѣли, по нашему мнѣнію, явное лишеніе кого либо жизни на пиру, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе ссоры или драки, въ пьяномъ видѣ; слѣдовательно оно составляло только одинъ изъ видовъ вообще убійствъ въ свадѣ. Такимъ образомъ, признавъ тождественность выраженій съ одной стороны: убіютъ въ разбоѣ, сталъ на разбоѣ безъ всякой свады и убіютъ въ обиду, а съ другой—убіютъ въ свадѣ и убіютъ въ пиру явлено, нельзя не согласиться, что въ уставахъ Изяслава и Мономаха, а безъ сомнѣнія и прежде, какъ удостовѣряютъ въ томъ статьи дополнительнаго Ярославова устава объ умерщвленіи кого либо въ обиду и въ разбоѣ (I, 18, 19), главнымъ образомъ различались два вида убійствъ: *безъ свады* и *въ свадѣ*, т. е. *безъ раздраженія* для какой либо особой злонамѣренной цѣли, и *въ раздра-*

(¹) См. статью «пиры и братчины» во 2 книжкѣ Архива г. Калачова стр. 32.

женіи, въ слѣдствіе ссоры или драки. Такое же различеніе убійствъ на разбоѣ и въ свадѣ мы находимъ и въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ, въ которомъ во многихъ мѣстахъ съ замѣчательною ясностію отразились постановленія Правды по уголовному праву [1]. Къ разряду убійствъ въ свадѣ должно отнести также умерщвленіе связаннаго татя на татьбѣ и лишеніе жизни, о которомъ говорится въ слѣдующей статьѣ Изяславова устава: «аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны; *потнетъ ли на смерть, а вира* (II, 24)». Въ томъ и другомъ случаѣ за причиненіе кому либо смерти назначались денежныя пени; слѣдовательно упомянутыя нами преступленія считались убійствами въ свадѣ, потому что за убійства безъ свады, какъ увидимъ ниже, опредѣлялись личныя наказанія.

Означивъ виды убійствъ, какія различались въ уставахъ Изяслава и Мономаха, именно убійства *въ свадѣ* и *безъ свады*, представляется вопросъ: признавала ли Правда убійцами только тѣхъ, которые намѣренно посягали на жизнь другихъ, или обращала вниманіе на одно лишь послѣдствіе дѣйствія, независимо отъ того имѣлъ ли преступникъ умыселъ на умерщвленіе кого или нѣтъ? Имѣя въ виду изложенную выше статью Изяславова устава о нанесеніи раны и смерти мечемъ (II, 24), нельзя не убѣдиться, что въ Правдѣ, при опредѣленіи наказанія, послѣдствіе дѣйствія цѣнилось болѣе, нежели самое направленіе воли. Наносившій кому либо мечемъ рану, отъ которой не приключалось раненому смерти, могъ и не скрывать своего умысла на убійство, тогда какъ умерщвлявшій кого либо причиненіемъ раны могъ стремиться къ нанесенію только этой послѣдней, не думая вовсе посягать на его жизнь; но, не смотря на то, первый наказывался лишь за рану, а второй—какъ убійца. Словомъ, какія бы ни были намѣренія преступника, Правда примѣняла къ нему законы объ убійствѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлся въ виду самый трупъ убитаго, и при опредѣленіи степени виновности подсудимаго обращала единственно вниманіе на внѣшнее, очевидное для всѣхъ проявленіе воли, т. е. на то, была ли при убійствѣ *свада* или оно совершено *на разбоѣ безъ всякой свады*. Но нельзя сказать, чтобы Правда вовсе упуска-

---

[1] См. Временникъ, 18 книга, 1854 г., Лит. Стат. стр. 56 ст. 1; стр. 62 ст. 2; стр. 64 ст. 29.

ла изъ вида намѣреніе преступника: надобно замѣтить, что она считала преступнымъ не всякое убійство безъ свады, а только убійство на разбоѣ безъ свады, что̀ весьма важно, и даетъ поводъ къ слѣдующимъ выводамъ. Если въ законахъ Изяслава и Мономаха и не дѣлалось различія между убійствами предумышленными, умышленными и неосторожными, сдѣланными въ свадѣ, и между такими же убійствами, совершенными хотя безъ свады, но на разбоѣ, т. е. напр. при ограбленіи имущества убитаго, или при другомъ важномъ противъ него злоумышленіи, то тѣмъ не менѣе, основываясь на выраженіи «сталъ на разбоѣ безъ всякой свады», нельзя не придти къ заключенію, что Правда исключала изъ числа преступленій, подлежащихъ наказанію, убійства, *сдѣланныя безъ свады, но въ то же время и безъ разбоя,* т. е. убійства явно *неосторожныя* и совершенно *случайныя,* происшедшія при отсутствіи всякой вражды къ убитому и безъ всякаго злаго какого либо противъ него умысла. Притомъ, мы знаемъ, что какъ при Ярославѣ, такъ и при Изяславѣ, извинялось иногда даже умышленное умерщвленіе татя на воровствѣ, и что при Мономахѣ за неумышленное передержательство и покупку чужаго бѣглаго холопа, безъ знанія о его состояніи, не назначалось никакого взысканія (III, 126, 129), слѣдовательно, въ противорѣчіе со всѣмъ этимъ, нельзя думать, чтобы неумышленныя по неосторожности убійства безъ всякой свады и безъ разбоя, а равно убійства совершенно случайныя, Правда считала преступными, тѣмъ болѣе, что несчастные случаи причислялись въ ней къ числу оправдывавшихъ обстоятельствъ. Такъ о купцѣ, потерявшемъ чужой капиталъ, въ слѣдствіе такихъ случаевъ, сказано: *не виноватъ есть, зане пагуба есть отъ Бога* (II, 30). Безъ сомнѣнія законодательство, высказавшее такія начала, не могло преслѣдовать за случайное лишеніе жизни. Все это убѣждаетъ насъ въ справедливости нашего вывода, основывающагося впрочемъ на началахъ, дѣйствовавшихъ въ Правдѣ; руководствуясь же ими, мы полагаемъ, что въ ней необходимо предполагать все нами сказанное, хотя оно и не опредѣлено въ ней ясно, по той причинѣ, что право еще живо чувствовалось народомъ и не требовало обширныхъ и точныхъ законоположеній.

Различеніе убійствъ *въ свадѣ* и *на разбоѣ безъ свады* было весьма важно по отношенію къ платежу *дикой виры.*

За лишеніе жизни на разбоѣ *безъ всякой свады* дикой виры не назначалось, она взыскивалась только за убійства *въ свадѣ*, и то не безусловно, а единственно за тѣхъ убійцъ, которые прежде совершенія преступленія сами вкладывались въ дикую виру, т. е. соглашались платить и дѣйствительно платили упадавшую на нихъ часть пени за убійства, совершенныя другими. Если же кто не вкладывался въ дикую виру, то за лишеніе кого либо жизни въ свадѣ имъ самимъ вервь также ему не помогала и онъ долженъ былъ выплачивать виру самъ. Основанія такого постановленія, кажется, совершенно ясны, и вытекали изъ существа дикой виры, какъ свободной складчины: не платишь за другихъ, не хочешь облегчать имъ тяжесть пени, не за что платить и за тебя. Но г. Кавелинъ возбудилъ по этому поводу сомнѣніе. Выписавъ статью Правды: кто не участвуетъ во взносѣ дикой виры, за того и люди не платятъ, онъ прибавляетъ: «чѣмъ опредѣлить это исключеніе,—добровольно ли самимъ міряниномъ, жителемъ верви, или тѣмъ, что онъ принадлежалъ *къ особливому отъ остальныхъ ея жителей званію* и не былъ въ общинѣ,—трудно сказать по недостатку данныхъ (¹)». Намъ кажется, что буквальный смыслъ статьи Правды едвали можетъ возбуждать подобныя недоразумѣнія. Въ ней сказано: «аже кто не вложится въ дикую виру, тому людье не помогають, но самъ платитъ» (II, 6). Выраженіе: «*аже кто не вложится*» само собою предполагаетъ существованіе возможности вложиться, слѣдовательно обозначаетъ добровольное принятіе или непринятіе на себя обязательства платить дикую виру; притомъ самый смыслъ словъ «*аже кто*» показываетъ, что законъ не разумѣлъ здѣсь никакого особеннаго званія или состоянія между членами общины, слѣдовательно къ предположенію того или другаго текстъ Правды не даетъ ни малѣйшаго повода. Само собою разумѣется, что быть членами верви и участвовать въ платежѣ дикихъ виръ могли только люди свободные и вѣроятно одни смерды, а не закупы, зависѣвшіе отъ своихъ господъ, и не холопы, которые не имѣли никакой собственности и лишены были безусловно права ее пріобрѣтать, а поэтому ни къ тѣмъ, ни къ другимъ не могло относиться условное выраженіе: «аже кто не вложится». Кромѣ того ни холоповъ, ни закуповъ преступниковъ не каз-

(¹) См. Отеч. Записк. за декабрь 1851 г., въ отд. критики, стр. 118.

нялъ князь продажею, слѣдовательно не было основанія казнить ихъ и вирою, а тѣмъ болѣе подвергать ихъ такой платѣ за вину другаго, если даже и допустить, что они могли быть членами верви.

Говоря о платежѣ дикой виры при убійствѣ въ свадѣ, нельзя обойти вопросовъ: въ какомъ количествѣ взыскивалась эта вира; какая вервь ее платила, та ли, гдѣ совершено преступленіе и найденъ трупъ убитаго, или та, къ которой принадлежалъ преступникъ, и участвовалъ ли послѣдній въ платежѣ виры или нѣтъ? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ разберемъ въ подробности слѣдующую статью Правды: «которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатятъ ту виру, *що же* (¹) безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зане къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру; но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити *съ* (²) дружины свою часть, *аже* (³) будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено: то тако ему платити по вервныьнѣ, иже ся прикладываетъ вирою». Мы переводимъ эту статью такъ: если какой либо верви приходилось платить дикую виру, то она должна была въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ уплатить ту самую по количеству виру, какую положено было вносить при необнаруженіи преступника; при открытіи же убійцы, только потому что (зане) онъ къ нимъ, членамъ верви, прежде прикладывалъ, т. е. участвовалъ въ складчинѣ, того ради (того же дѣля) и имъ слѣдуетъ помогать убійцѣ, иначе сказать, платить *дикую виру* (любо си дикую виру); но совмѣстно имъ, вложившимся въ виру, 40 гривенъ, а головничество самому головнику, и изъ 40 гривенъ убійцѣ свою часть,—какая причиталась на его долю по раскладкѣ, — слѣдовало платить только въ томъ случаѣ, если убійство произведено въ свадѣ или явно на пиру. Изъясненнымъ способомъ (то тако) надлежало преступнику платить совмѣстно съ жителями той верви, къ которой онъ самъ

(¹) Почему мы читаемъ *нюже*, вмѣсто *за неже*, объяснено выше.— (²) Въ Троицк. спискѣ стоитъ *исъ*, но очевидно, что буква *и* есть только ненужное повтореніе буквы, которою оканчивается предшествующій глаголъ «заплатити», посему мы вмѣсто *исъ* читаемъ *съ*.—(³) *Аже*, вмѣсто: *но оже*, мы читаемъ по Чудовскому и Погодинскому спискамъ. См. Изслѣдованія о Рус. Прав. Калачова, стр. 114.

принадлежалъ по взносу виры. Изъ разсмотрѣнія этой статьи открывается слѣдующее: 1) дикая вира, платившаяся при обнаруженіи преступника, взыскивалась въ томъ же количествѣ, какъ и при неоткрытіи убійцы, т. е. принималось въ основаніе также состояніе убитаго, а не убійцы, и выплачивалось за княжа мужа 80 гривенъ, а за людина 40 гривенъ кунъ (II, 3); 2) дикую виру постановлялось взыскивать не съ той верви, гдѣ отыскавъ трупъ убитаго человѣка, но съ той, къ которой принадлежалъ преступникъ, разумѣется, если эта послѣдняя не совпадала съ первой; 3) община выплачивала пеню совмѣстно съ преступникомъ, который то же долженъ былъ внесть часть ея, причитавшуюся на него по раскладкѣ, но обязывалась къ этому только въ томъ случаѣ, если виновный самъ прежде помогалъ общинѣ въ дѣлахъ объ убійствахъ, т. е. вкладывался въ дикую виру; 4) головничество обязанъ былъ выплачивать преступникъ самъ независимо отъ общины. Если въ изложенной нами выше статьѣ упоминается только о платѣ 40 гривенной виры, то это постановлено примѣрно, потому что двойная 80 гривенная вира тоже могла быть *дикою* и взыскиваться за умерщвленіе въ свадѣ княжа мужа, и слѣдовательно подлежала одинаковымъ условіямъ раскладки, какъ и 40 гривенная вира. Но кромѣ 80-ти и 40-ка-гривенныхъ виръ, за убійство въ свадѣ назначалась иногда и полувира, которая также могла быть *дикою*. Разсмотримъ случай, когда взыскивалась эта послѣдняя. Въ Правдѣ сказано: «аже кто убіетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити якоже и мужа; аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ» (II, 83). Что значатъ слова: *тѣмъ же судомъ судити яко же и мужа?* Безъ сомнѣнія, подъ этими словами нельзя разумѣть какой либо *формы судопроизводства*, потому что о формахъ судопроизводства не имѣли во времена Правды ни малѣйшаго понятія. Напротивъ, выраженія: «якоже Ярославъ *судилъ*, такоже и сынове его уставиша», «*судъ* Ярославль Володиміричь», «уставъ Ярослава Владимірича *о судьхъ*,» — показываютъ, что подъ словомъ *судъ*, въ отношеніи уголовнаго права, разумѣли въ Правдѣ опредѣленное закономъ наказаніе за то или другое противозаконное дѣйствіе. Такимъ образомъ, выраженіе «тѣмъ же судомъ судити якоже и мужа,» означаетъ, что виновный въ убійствѣ женщины подлежалъ такимъ же наказаніямъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и за убійство мужчи-

вы. Слѣдовательно, тутъ также различали умерщвлена ли женщина на *разбоѣ безъ всякой свады* или убита *въ свадѣ*. Въ первомъ случаѣ назначалось личное наказаніе, а во второмъ—80 и 40 гривенная вира. Если такъ, то слова: «*аже будетъ виновата, то полвиры*» должно считать отдѣльною мыслію, не имѣющею никакого отношенія къ словамъ ей предшествующимъ. Иначе нельзя было бы ничѣмъ объяснить очевиднаго между тѣми и другими словами противорѣчія, потому-что назначеніе полувиры показывало бы, что за убійство женщинъ былъ совершенно другой судъ, чѣмъ за лишеніе жизни мущинъ. Мы думаемъ, что выраженіе: «*аже будетъ виноватъ, то полвиры*» составляетъ особый дополнительный законъ относительно убійства кого либо *въ свадѣ*. До Мономаха не различали, кто былъ зачинщикомъ свады, и не смотря былъ ли имъ или нѣтъ убійца, взыскивали съ него 80 или 40 гривенную виру; Мономахъ же въ тѣхъ случаяхъ, когда убитый въ свадѣ былъ самъ виноватъ, т. е. самъ началъ сваду, опредѣлилъ взыскивать съ убійцы только *полувиру*. Вотъ что, по нашему мнѣнію, означаютъ слова: аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ. Этотъ законъ относился и къ умерщвленію женщинъ, начинавшихъ ссору, потому-что за нихъ тѣмъ же судомъ судили, какъ и за мужа. Само собою разумѣется, что если былъ убитъ *княжъ мужъ*, и оказывалось, что онъ самъ былъ причиною свады, тогда платилась не полувира, а половина 80 гривенной виры. Если же убійца самъ начиналъ ссору, то по прежнему подлежалъ платѣ 80 или 40 гривенной виры, смотря по состоянію убитаго.

Въ отношеніи къ дикой вирѣ необходимо разрѣшить еще одинъ вопросъ: какъ поступали, если убійца былъ извѣстенъ, а убитаго никто не зналъ? Принимался ли въ такихъ обстоятельствахъ во вниманіе законъ: «а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его» (II, 15)? Нѣтъ сомнѣнія, что если напр. проѣзжаго неизвѣстнаго человѣка убивали въ разбоѣ для ограбленія, и убійца былъ открытъ и пойманъ, то онъ выдавался на общемъ основаніи князю, вервь же здѣсь оставалась въ сторонѣ. Но платила ли община дикую виру, если проѣзжій неизвѣстный человѣкъ умерщвлялся кѣмъ либо въ свадѣ, и открытый преступникъ прежде помогалъ общинѣ въ платежѣ дикихъ виръ? Всякій согласится, что было бы противно здравому смыслу осво-

бождать убійцу въ изложенномъ нами случаѣ отъ пени, и что такъ какъ преступникъ прежде самъ вкладывался въ дикую виру, то вервь едва ли могла отказать ему въ пособіи. Однакожъ встрѣчается затрудненіе: какимъ образомъ, если убитый былъ неизвѣстенъ, могли опредѣлять количество дикой виры? Вѣроятно въ этихъ случаяхъ обращали вниманіе какъ на одежду трупа, такъ и на другіе внѣшніе на немъ признаки; но безъ сомнѣнія такія обстоятельства давали вирнику или посаднику возможность дѣйствовать совершенно произвольно въ назначеніи количества пеней, особенно при Мономахѣ, когда за людиновъ-смердовъ платилась вира, а за холоповъ—продажа, и было затруднительно опредѣлить кто изъ убитыхъ былъ свободнымъ человѣкомъ, а кто рабомъ. При Ярославѣ же и Изяславѣ взысканія за убійства были только двухъ родовъ: 80 гривенная вира и 40 гривенная; первая платилась за княжихъ мужей, вторая за людиновъ. И мы думаемъ, что княжихъ мужей или лицъ высшаго сословія своего князя знали если не всѣ, то весьма многіе, и слѣдовательно при убійствѣ кого либо изъ нихъ не могло быть и рѣчи, что убитый неизвѣстенъ. Особенно не могли не знать княжихъ мужей своего князя оффиціальныя лица, производившія самый судъ. Если же убивали гдѣ княжихъ мужей другаго княжества, то едва ли внѣ его предѣловъ платилась за умерщвленіе этихъ мужей двойная вира; вѣроятно они разсматривались, какъ вообще людины. Такимъ образомъ, если находили трупъ убитаго и не знали кто онъ, то во всякомъ случаѣ могли принимать, что убитъ кто нибудь изъ людиновъ, и потому опредѣлить количество виры не составляло никакой трудности, такъ какъ за каждаго изъ лицъ низшаго сословія равно платилась 40 гривенная вира. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, намъ кажется, что законъ: «а по костехъ и по мертвеци не платити верви, аже имене не вѣдаютъ», относится единственно къ тѣмъ случаямъ, когда убійца не былъ обнаруженъ, т. е. къ платежу общинной (въ тѣсномъ смыслѣ), а не дикой виры.

Разсмотримъ теперь тѣ случаи убійства, за которые не назначалось или вообще виры, или только дикой виры. Сюда относится: 1) убійство въ свадѣ, сдѣланное лицемъ, не помогавшимъ прежде общинѣ въ платежѣ дикихъ виръ; 2) умерщвленіе татя на татьбѣ и 3) лишеніе жизни на разбоѣ безъ всякой свады.

Виновные, которые умерщвляли кого либо въ свадѣ, но прежде того не помогали своей общинѣ въ платежѣ дикихъ виръ, должны были выплачивать виру или полувиру сами, т. е. изъ общинной она превращалась въ личную. Если же при этомъ виновный оказывался несостоятельнымъ, то приводился на торгъ и продавался (II, 51) безъ сомнѣнія не въ холопство, а въ закупы, потому что холопство, какъ мы показали въ статьѣ о сословіяхъ, никогда не возникало непосредственно изъ преступленія, а только закупы могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться въ холоповъ. Постановленіе о продажѣ должниковъ на торгу принадлежитъ Владиміру Мономаху; но можно предполагать, что въ практикѣ, въ видѣ обычая и частныхъ рѣшеній, такая продажа существовала и при Изяславѣ.

Относительно убійства на татьбѣ при Изяславѣ было постановлено: аже убіютъ кого у клѣти или у которой татьбы, то убіютъ во пса мѣсто; аже ли додержать до свѣта, то вести и на княжь дворъ; оже ли убіютъ и, а уже будутъ людіе связана видѣли, то платити въ томъ 12 гривенъ (II, 36; III, 37). Это собственно законъ Ярослава, только съ опредѣленіемъ количества платы за убійство. Безъ сомнѣнія основаніе къ такому закону лежало въ началѣ необходимой обороны своего имущества. Но всякая необходимая оборона должна имѣть свои предѣлы, поэтому и въ Правдѣ, по отношенію къ убійству татей, постановлены были границы, переходить которыя не дозволялось безнаказанно. Всякій могъ умертвить татя на татьбѣ ночью, если не въ состояніи былъ его поймать; но татя поймаинаго и связаннаго, а также днемъ, запрещалось убивать. Кто нарушалъ этотъ законъ, тотъ подвергался платежу 12 гривенной продажи (¹). Если убивали разомъ нѣсколько татей-сообщниковъ, то, по смыслу закона, за каждаго изъ нихъ взыскивалась отдѣльная продажа, а не одна за всѣхъ. Страннымъ представляется однакожъ, отъ чего за лишеніе жизни человѣка взыскивали въ этомъ случаѣ не виру, а продажу? Объяснить это можно только тѣмъ, что умерщвлялся преступникъ, потому и самая пеня не различалась по состоянію убитаго. Принадлежалъ ли тать къ свободному сословію

(¹) Это постановленіе Правды съ нѣкоторымъ измѣненіемъ вошло и въ старый Литовскій Статутъ. См. Времен. кн. 18, 1854 года, стр. 104, ст. 20.

или къ несвободному, за убійство его плата была совершенно одинакова: преступленіе, совершенное убитымъ, дѣлало предъ закономъ безразличнымъ его сословіе. Двѣнадцати-гривенная продажа за лишеніе жизни татя могла также, по нашему мнѣнію, выплачиваться общиною совмѣстно съ преступникомъ, если только послѣдній помогалъ ей прежде въ платѣ пеней.

За лишеніе кого либо жизни на разбоѣ безъ всякой свады, если преступникъ былъ извѣстенъ, дикой виры не назначалось. При Ярославѣ, въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли, самъ виновный обязывался заплатить виру (I, 18); при Изяславѣ же постановлено было выдавать убійцу князю (II, 5). Но безъ сомнѣнія, если та вервь, гдѣ совершенъ разбой и находили трупъ убитаго, сама укрывала преступника, то платила общинную виру на общемъ основаніи, какъ и при неотысканіи убійцы. «Будетъ ли сталъ на разбоѣ безъ всякой свады, сказано въ уставѣ Изяслава, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою и дѣтьми на *потокъ* и *на разграбленіе* (II, 5).» Подъ словомъ *разграбленіе* понимали лишеніе имущества; смыслъ же слова *потокъ* опредѣлить труднѣе. Кромѣ приведенной выше статьи, оно встрѣчается въ Правдѣ еще два раза: 1) аще будетъ коневый тать—выдати князю на потокъ (II, 30); 2) аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, переди пагубу неплатившю, а въ процѣ князю поточити и (II, 79). Изъ этихъ статей слѣдуетъ, что обреченіе на потокъ начиналось выдачею преступника князю, и что существительное *потокъ* одного корня съ глаголомъ *поточити*, который соотвѣтствовалъ слову *сослать*. Это видно изъ нашихъ лѣтописей, въ которыхъ говорится, что за клятвопреступленіе (еже преступиша крестное цѣлованіе) Мстиславъ въ 1129 году *поточи* князи Полотскіе Царюграду, въ Греки, съ женами и дѣтьми (¹). Объ Александрѣ Невскомъ также сказано: Нѣмецъ и Чудь, исковавъ, *поточи* въ Новгородъ (²). Такое значеніе, какъ поточить, имѣлъ и глаголъ *расточить*; напр. расточи я̂ по градомъ (³). И такъ слово *потокъ* означало *ссылку*, можетъ быть даже съ заключеніемъ. Такимъ образомъ разбойники, кромѣ лишенія имущества, подверга-

(¹) Полн. собр. русск. лѣт, т. I, стр. 131; т. II, стр. 12.—(²) Тамъ же, т. IV, стр. 179.—(³) Тамъ же, т. III, стр. 31.

лись еще и личному наказанію. Впрочемъ, слѣдованіе въ ссылку женъ за мужьями и дѣтей за отцемъ должно считать не осужденіемъ для нихъ, а необходимымъ послѣдствіемъ неразрывности брачнаго союза и семейной жизни. Кромѣ потока и разграбленія, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, за убійство на разбоѣ назначалась иногда и *смертная казнь*, хотя объ ней въ Правдѣ не говорится ни слова. Такъ въ Лаврентьевской лѣтописи сказано: Володимеръ отвергъ виры, нача казнити разбойники (1), въ Степенной же книгѣ объяснено, что разбойницы *по Градскому Закону казнемъ предавахусь*, а по Градскимъ Законамъ за убійство опредѣлялась смертная казнь: «творяй убійство волею, коего любо аще есть возраста, мечемъ муку да пріемлетъ (2)». Кромѣ того, при Ярославѣ, въ 1024 году, въ Суздальской землѣ, во время голода, волхвы стали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что онѣ скрываютъ у себя въ тѣлѣ съѣстные припасы. Посему Ярославъ отправился въ Суздаль, переловилъ преступныхъ волхвовъ, однихъ изъ нихъ *расточи*, а другихъ *показни*, т. е. однихъ отправилъ въ ссылку, а другихъ подвергнулъ казни, безъ сомнѣнія смертной (3). Слѣдовательно, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что въ періодъ Правды, преступники за убійство на разбоѣ безъ всякой свады иногда приговариваемы были и къ лишенію жизни. Одинъ разсказъ лѣтописи о событіи, современномъ Изяславу, Святославу и Всеволоду, можетъ еще болѣе подкрѣпить наше мнѣніе.

Въ 1071 году, два волхва, вышедшіе изъ Ярослава, появились въ Ростовской области, гдѣ былъ въ то время голодъ, и стали здѣсь объявлять народу, переходя изъ погоста въ погостъ, что жито, рыбу и медъ держатъ въ себѣ женщины, указывая на богатѣйшихъ изъ нихъ. По этимъ указаніямъ братья приводили къ волхвамъ своихъ сестеръ, мужья—женъ, дѣти—матерей. Волхвы дѣлали у всѣхъ приведенныхъ къ нимъ прорѣзы за плечами, вынимали обманомъ оттуда рыбу и жито, и потомъ убивали несчастныхъ, забирая къ себѣ все ихъ имущество. Наконецъ, умертвивъ многихъ женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ, обманщики удалились на Бѣлоозеро.

---

(1) Полн. собр. русск. лѣт. т. I, стр. 54.—(2) Калачова, О значеніи Кормчей, стр. 102 и въ прилож. стр. 6.—(3) Полн. собр. русск. лѣт. т. I, стр. 64.

Случилось, что въ это время прибылъ туда же отъ князя Святослава, для сбора дани, Янъ Вышатинъ. Узнавъ объ описанныхъ выше злодѣйствахъ, онъ сперва разслѣдовалъ о преступникахъ *чья еста смерда, и увѣдѣвъ яко своего князя*, потребовалъ настоятельно выдачи себѣ волхвовъ. Въ слѣдствіе этого, Бѣлозерцы поймали ихъ и выдали. Когда волхвы были приведены къ Яну, онъ началъ допрашивать ихъ: «*что ради погубиста толико человѣкъ*? Виновные, не запираясь въ преступленіи, отвѣчали, *яко ти держатъ обилье*. За тѣмъ Янъ произнесъ имъ приговоръ: *вама муку пріяти отъ мене*. На это волхвы, ссылаясь на открытіе, сдѣланное имъ ихъ богами, возразили: *нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши нама створити ничтоже*. Послѣ такого отвѣта, Янъ велѣлъ бить своихъ подсудимыхъ и выдергать имъ бороды, а потомъ спросилъ: *что вамъ бози молвятъ*? Стати намъ предъ Святославомъ, говорили преступники. Отъѣзжая изъ Бѣлоозера, Вышатинъ приказалъ взять съ собою волхвовъ, связать ихъ и положить въ ладьѣ, а самъ поплылъ на судиѣ въ слѣдъ за ними. Остановившись въ устьѣ Шексны, онъ вновь спросилъ ихъ: *что вамъ бози молвятъ*? Волхвы отвѣчали: *не быти нама живымъ отъ тобе*.—*То ти вама право повѣдали*, сказалъ Янъ, *пущу васъ, зло ми будетъ отъ Бога*, и потомъ обратился съ вопросомъ къ бывшимъ съ нимъ лодочникамъ: убитъ ли кто изъ вашихъ родственниковъ отъ этихъ волхвовъ? Лодочники отвѣчали, что у одного убита мать, у другаго—сестра, у третьяго—дочь. Послѣ сего Янъ сказалъ имъ: *мстите своихъ*. *Они поимше, убиша я̑, и повѣсиша ѐ на дубъ* (1).

Описанное нами преступленіе волхвовъ подходитъ подъ разрядъ убійствъ въ разбоѣ безъ всякой свады, и притомъ современно самымъ постановленіямъ Правды, изданнымъ Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ. Слѣдовательно, важность изложеннаго нами разсказа лѣтописи очевидна, и мы займемся подробнымъ его разсмотрѣніемъ. Собственно необходимо разрѣшить вопросъ: было ли убіеніе волхвовъ слѣдствіемъ самосуда отца, сына и брата, лишившихся своихъ родственниковъ, или оно произошло по суду княжескаго чиновника? Вникая въ разсказъ лѣтописи, мы видимъ,

---

(1) Полн. собр. русск. лѣт. т. I, стр. 75 и 76.

что чиновникъ княжескій сначала изслѣдываетъ чьими смердами были волхвы, и узнавъ, что они смерды его князя, именно Святослава, требуетъ ихъ выдачи. Это показываетъ, что, имѣя право суда, Янъ первоначально старался удостовѣриться, могъ ли онъ привести его въ дѣйствіе, и въ слѣдствіе этого заботился устранить всякое сомнѣніе о подсудности смердовъ. За тѣмъ, когда волхвы были ему выданы, какъ подданные его князя, онъ, послѣ допроса и сознанія преступниковъ, объявляетъ имъ, что они примутъ отъ него муку, не уважаетъ изъявленнаго ими желанія предстать на судъ къ самому Святославу, и на слова ихъ: «не можеши створити ничтоже», дѣлаетъ надъ ними разныя истязанія, какъ бы въ доказательство противнаго, и наконецъ прямо говоритъ имъ, что они дѣйствительно претерпятъ отъ него смертную казнь. Значитъ, въ умѣ своемъ Янъ рѣшилъ участь волхвовъ заранѣе; выдача же ихъ лодочникамъ съ приказаніемъ мстить своихъ, составляла только способъ исполненія казни, потому что нахожденіе при Янѣ лодочниковъ, у которыхъ волхвы умертвили родственниковъ, было обстоятельство совершенно случайное, и Янъ не зналъ объ немъ, а между тѣмъ до отъѣзда еще своего изъ Бѣлоозера объявилъ преступникамъ, что они примутъ отъ него муку. Что же бы послѣдовало, если бы на вопросъ Яна лодочники отвѣчали, что у нихъ никто не убитъ? Безъ сомнѣнія, онъ не отпустилъ бы изъ за этого волхвовъ, потому что еще прежде сказалъ имъ: «пущу васъ, зло ми будетъ отъ Бога». Притомъ, въ самихъ лодочникахъ не обнаружилось никакого желанія мести. Находясь подлѣ волхвовъ, убившихъ ихъ родственниковъ, они оставались хладнокровными, такъ что во все время пути ничѣмъ не высказали своего особаго отношенія къ убійцамъ, и Янъ для узнанія этого долженъ былъ предложить лодочникамъ вопросъ. Да и не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ, которые сами приводили своихъ дочерей, женъ и сестеръ на умерщвленіе, были, по своему суевѣрію, совершенно убѣждены въ истинѣ разсказовъ волхвовъ, и не могли питать къ нимъ чувства мести. Слѣдовательно, если понимать обращенныя къ лодочникамъ слова: «мстите своихъ», какъ дозволеніе самосуда, т. е. произвола въ выборѣ наказаній, то въ такомъ случаѣ предположеніе Яна объ умерщвленіи волхвовъ не имѣли бы никакого значенія,

потому что не осуществилось бы, и онъ положительно не сталъ бы ихъ увѣрять, что они должны готовиться къ смерти. Все это показываетъ, что слова Яна: «мстите своихъ» составляли собственно приказаніе убить, такъ что, если бы случились тутъ не тѣ, а другіе лодочники, у коихъ никто изъ родственниковъ не погибъ отъ волхвовъ, тогда измѣнилось бы только внѣшнее выраженіе приказанія, но сущность его осталась бы одна и та же. Такимъ образомъ все нами сказанное подтверждаетъ то мнѣніе, что за убійство въ разбоѣ безъ всякой свады подвергали иногда виновныхъ смертной казни, которая, кажется, большею частію состояла въ повѣшеніи. Это видно, какъ изъ описаннаго нами наказанія Яномъ волхвовъ, такъ и изъ того, что мужи Давида Игоревича Лазарь и Василь, за несправедливый оговоръ Василька Ростиславича, были тоже повѣшены и потомъ разстрѣляны стрѣлами (¹).

Изложивъ общія постановленія о наказаніи за убійство во времена Изяслава и Мономаха, разсмотримъ теперь нѣкоторыя исключенія изъ этихъ общихъ постановленій, касающіяся собственно *холоповъ* и *закуповъ*.

Какъ при Ярославѣ, такъ и при Изяславѣ, за убійство свободнымъ человѣкомъ холопа, а также и закупа, назначались или виры, въ количествѣ, опредѣленномъ вообще за людиновъ, или 12-гривенныя продажи—въ случаѣ лишенія жизни связанныхъ холоповъ и закуповъ, пойманныхъ на татьбѣ, или наконецъ виновные выдавались князю на потокъ и разграбленіе; словомъ, къ дѣламъ объ убійствѣ холоповъ и закуповъ свободными людьми примѣнялись всѣ изложенныя нами выше постановленія. Только при Изяславѣ, не смотря на отмѣну имъ самосуда, продолжалъ существовать законъ Ярослава о безнаказанномъ убійствѣ холопа за ударъ, нанесенный свободному мужу (II, 58). Мономахъ уничтожилъ силу этого закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ и плату виры за умерщвленіе холоповъ. Онъ постановилъ: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть: но оже будетъ безъ вины убіенъ, то за холопъ *урокъ платити* или за робу, а *князю* 12 гривенъ продажѣ» (II, 84). Этотъ законъ, безъ сомнѣнія, не опредѣляетъ неизвѣстныхъ намъ отношеній господъ къ собственнымъ ихъ холопамъ, а говоритъ

(¹) Полн. собр. русск. лѣт. т. I, стр. 114.

только о убійствѣ постороннимъ лицомъ чужаго холопа, потому что въ изложенномъ нами постановленіи упоминается о платѣ урока господину за потеряннаго имъ чрезъ убійство раба или рабу, слѣдовательно дѣлается различіе между господиномъ холопа и его убійцей. Въ какой же мѣрѣ отвѣчалъ посторонній свободный человѣкъ за убійство чужаго холопа? Выписанный нами законъ Мономаха отмѣнялъ только *виру*, и потому естественно относился только къ тѣмъ убійствамъ, при которыхъ она могла взыскиваться. Изъ этого мы заключаемъ, что статья о разбоѣ сохраняла свою силу и при умерщвленіи холоповъ, т. е. преступники въ этомъ случаѣ равно выдавались князю на потокъ и разграбленіе, или подвергались смертной казни. Кромѣ того, изъ буквальнаго смысла приведеннаго закона видно, что въ немъ говорится о взысканіи продажи и вмѣстѣ *урока*, иначе головничества, т. е. о случаяхъ совпаденія той и другой платы, что бывало, если преступникъ находился налицо. Посему мы имѣемъ право заключить, что означенный законъ Мономаха не отмѣнялъ дѣйствія прежняго постановленія о взысканіи виры съ общины, если преступникъ, умерщвлявшій холопа, оставался неизвѣстнымъ. И такъ Мономаховъ законъ могъ имѣть примѣненіе только тогда, если убійца холопа былъ налицо и когда самое преступленіе совершалось въ свадѣ. Впрочемъ, въ самомъ законѣ сдѣлана оговорка, что за лишеніе жизни раба платилась 12-гривенная продажа только въ томъ случаѣ, *оже* холопъ *будетъ безъ вины убіенъ*. Значитъ, убивавшій чьего либо холопа за вину не подвергался никакой отвѣтственности. Но законъ не допускалъ совершеннаго произвола въ понятіи о винѣ, иначе по одной чужой прихоти господамъ приходилось бы лишаться своихъ холоповъ безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Мы знаемъ, что даже за нанесеніе удара свободному мужу Мономахъ запретилъ умерщвленіе холопа, и что не смотря на такую вину его, касавшуюся чести обиженнаго, этотъ послѣдній не могъ безнаказанно лишить виновнаго жизни. Извѣстно также, если кого нибудь, слѣдовательно и холопа, ловили на татьбѣ, связывали, а потомъ умерщвляли, то, не взирая на вину убитаго, законъ налагалъ на виновнаго пеню. Изъ всего этого можно заключить, что постановленіемъ Мономаха вовсе не предоставлялось произволу каждаго судить, что считать виною и что нѣтъ при убійствѣ имъ чужаго

холопа. Безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ законъ требовалъ сообразоваться съ общими постановленіями Правды, по которымъ убійствомъ за вину признавалось, безъ различія будетъ ли лишенъ жизни холопъ или свободный человѣкъ, только то, когда умерщвляли кого либо на татьбѣ ночью, не имѣвъ возможности задержать его, или лишали жизни при необходимой оборонѣ собственнаго своего лица (II, 20). Всякое другое убійство чужаго холопа считалось убійствомъ безъ вины, т. е. такимъ, которое нарушало дозволенные Правдой предѣлы самоуправства, и потому подвергало виновнаго отвѣтственности. Такимъ образомъ, хотя измѣнилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ количество пени, но существенныя начала права какъ при умерщвленіи холоповъ, такъ и при лишеніи жизни свободныхъ людей остались тѣ же, именно: при неотысканіи виновнаго въ убійствѣ холопа, платилась общинная вира; при отысканіи же преступника, если это былъ разбойникъ, онъ выдавался на потокъ и разграбленіе, а если совершалъ убійство въ сварѣ или лишалъ жизни пойманнаго на татьбѣ холопа, то платилъ 12-гривенную продажу; наконецъ за умерщвленіе холопа на татьбѣ, когда татя нельзя было поймать, или при необходимой оборонѣ, виновный не подвергался никакой отвѣтственности. Но падала ли при убійствѣ холопа въ сварѣ продажа на общину подобно вирѣ, или всегда была личною пеней? Намъ кажется, что по замѣнѣ въ настоящемъ случаѣ дикой виры продажей, постановленія о порядкѣ взысканія первой необходимо должно было примѣнять и къ послѣдней. Посему если преступникъ помогалъ прежде общинѣ въ платежѣ пеней за убійство, то тою вервію, гдѣ жилъ виновный, совмѣстно съ нимъ выплачивалась и продажа. Иначе убійца холопа, оставленный собственнымъ средствамъ, былъ бы наказанъ строже, нежели убійца свободнаго человѣка, а при несостоятельности подвергся бы даже продажѣ въ закупы, чего допустить невозможно. Притомъ же общинная продажа существовала во времена Правды (II, 70). Непомогавшій верви, безъ сомнѣнія, на общемъ основаніи обязанъ былъ за умерщвленіе холопа въ сварѣ выплачивать продажу самъ.—Но дозволялось ли въ старину господамъ совершенно произвольно и безнаказанно убивать собственныхъ холоповъ? Этотъ вопросъ буквально не разрѣшается Правдой. Однакожъ изъ молчанія ея нельзя заключать, чтобы владѣльцы рабовъ, по отмѣнѣ

самосуда, имѣли полное право лишать ихъ жизни, когда имъ вздумается; напротивъ, нѣкоторыя соображенія могутъ привести насъ къ иному заключенію. Во-первыхъ, господа нерѣдко обязаны были, при неимѣніи средствъ къ уплатѣ потерь, причиненныхъ преступленіемъ холоповъ, выдавать послѣднихъ обиженнымъ въ видѣ вознагражденія ихъ за убытки (II, 110, 111, 115); слѣдовательно какъ бы ни были раздражены противъ своихъ виновныхъ холоповъ ихъ владѣльцы, они могли опасаться, по крайней мѣрѣ въ этихъ случаяхъ, лишать ихъ жизни, потому что здѣсь въ жизни холопа заключалась выгода другаго лица. Во-вторыхъ, денежныя пени за убійства составляли доходъ князя и отъ производства каждаго уголовнаго дѣла получали извѣстныя пошлины княжескіе чиновники, слѣдовательно въ интересѣ послѣднихъ было увеличеніе числа дѣлъ, и потому вирники или посадники, безъ сомнѣнія, не оставляли въ покоѣ господъ, убивавшихъ своихъ холоповъ, тѣмъ болѣе, что никакое ясное постановленіе не ограждало первыхъ отъ подобнаго вмѣшательства; напротивъ, лица, производившія судъ, могли прямо ссылаться, хотя и съ натяжкой, на законъ, запрещавшій убивать холоповъ безъ вины (II, 84). Положимъ даже, что подобное вмѣшательство было несогласно съ обычаями и понятіями народа, но оно могло существовать, тѣмъ болѣе, что о разныхъ придиркахъ посадниковъ упоминаютъ и лѣтописи. Такъ напр. у Нестора подъ 1093 годомъ сказано: «*наша земля оскудѣла есть* отъ рати и *отъ продажъ*». Далѣе въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1176 годомъ говорится: «сѣдящема Ростиславичема въ княженіи земля Ростовскыя, роздаяла бяста по городомъ посадничьство Русскимъ дѣтскимъ: они же многу *тяготу* людемъ створиша *продажами* и *вирами*». Кромѣ того, при такихъ указанныхъ уже нами данныхъ, мы изъ явленій временъ послѣдующихъ можемъ съ вѣроятностію предполагать о существованіи подобныхъ же явленій во времена предъидущія. Извѣстно, что Двинскою уставною грамотою 1398 года запрещено намѣстникамъ взимать пеню, если осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть (¹). Такое запрещеніе само собою показываетъ, что прежде изданія этого закона, и можетъ быть въ болѣе отдаленную старину, штрафы за подобныя

(¹) Акт. Эксп. т. I, № 13.

убійства взыскивались. Притомъ, означенный законъ не дозволялъ наказывать господъ только за убійства неосторожныя, слѣдовательно намѣренное лишеніе жизни холопа, разумѣется, подлежало пени. Въ третьихъ, Правда, чтобы обозначить совершенную безнаказанность убійства, употребляетъ выраженіе: *убіютъ во пса мѣсто* (II, 36). Это выраженіе не сочинено законодателемъ, а взято вѣроятно съ народнаго говора, и потому весьма важно. Имъ опредѣляется понятіе современнаго Правдѣ общества о томъ, что только пса можно убить безнаказанно. Если такъ, то нельзя думать, чтобы въ старину въ понятіи народномъ господинъ имѣлъ одинаковое право умертвить своего холопа и свою собаку. Притомъ, невозможно упустить изъ вида, что во времена Правды водворилось уже въ Россіи христіанство, и что если его благодѣтельное вліяніе не отразилось еще на цѣлой массѣ народа, то по крайней мѣрѣ оно не могло не коснуться самыхъ владѣльцевъ рабовъ. Мы показали въ введеніи, что холопами владѣли только князья, бояре и монастыри. Безъ сомнѣнія, монастыри, какъ центры, изъ которыхъ распространялся по Россіи свѣтъ христіанства, а подъ вліяніемъ ихъ князья и бояре, не могли уже смотрѣть на своихъ холоповъ-христіанъ, какъ на псовъ, коихъ жизнь зависѣла единственно отъ ихъ нестѣсняемой ничѣмъ прихоти, отъ ихъ неограниченнаго произвола. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, мы думаемъ, что господа, по отмѣнѣ самосуда, едва ли могли безнаказанно убивать своихъ холоповъ, и что постановленія объ умерщвленіи ихъ посторонними лицами примѣнялись и къ владѣльцамъ рабовъ, но безъ сомнѣнія не къ князьямъ, а къ подданнымъ.

Выше мы говорили объ убійствахъ, жертвами которыхъ были закупы и холопы; перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того случая, если убійцей становился холопъ или закупъ. Безъ сомнѣнія, при Ярославѣ, на общемъ основаніи, холопъ или закупъ, совершившій убійство, подлежалъ неограниченному самосуду родственниковъ или господъ убитаго, которые могли умертвить преступника, или прибить его, или наконецъ взять выкупъ съ его владѣльца. Если же некому было мстить, то убійца холопъ или закупъ оставался ненаказаннымъ, потому что право мести о преступникахъ несвободнаго состоянія не переходило къ князю. При Изяславѣ, хотя по общему закону и отмѣненъ былъ самосудъ, но кажется относительно за

куповъ и холоповъ-убійцъ, подобно тому какъ и относительно холоповъ, нанесшихъ ударъ свободному мужу, продолжался тотъ же порядокъ вещей, какъ и при Ярославѣ. Впрочемъ, въ Изяславовомъ уставѣ довольно ясно высказано уже начало, вѣроятно дѣйствовавшее и прежде, что князь не налагалъ ни наказаній, ни пеней на холоповъ преступниковъ, а слѣдовательно и на закуповъ. Изъ постановленія Изяслава, что холоповъ татей князь продажею не казнитъ, *зане суть несвободни, а двоиче платить ко истцу за обиду* (II, 42), должно заключить, что выраженіе «князь продажею не казнить, зане суть несвободни» необходимо относилось и вообще къ холопамъ преступникамъ, а также къ закупамъ, и что если тѣхъ и другихъ не подвергали продажамъ, то на томъ же основаніи, какъ состоявшихъ въ зависимости отъ своихъ господъ, не могли подвергать и выдачѣ *на потокъ*. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ не дѣлали различія между убійствами *въ свадѣ* и *на разбоѣ*, и какого бы рода холопъ или закупъ не совершалъ убійство, онъ равно подлежалъ самосуду, и если по праву мести мститель соглашался на выкупъ, то, примѣняясь къ постановленію о холопахъ-татяхъ, вѣроятно могъ требовать съ господина виновнаго не болѣе какъ двойнаго головничества за убитаго. При Мономахѣ, кажется, окончательно исчезъ самосудъ въ отношеніи холоповъ и закуповъ и отмѣнено двойное вознагражденіе. Господинъ обязывался или *выкупить* холопа-убійцу, т. е. заплатить обыкновенное головничество или урокъ, или *выдать* обиженнымъ самого преступника (II, 115). Если ни на выкупъ, ни на выдачу владѣлецъ не соглашался, то онъ вѣроятно подлежалъ платежу виры или продажи, а виновный холопъ безъ сомнѣнія подвергался тѣмъ послѣдствіямъ, какія означены въ статьѣ о нанесеніи холопомъ удара свободному мужу (II, 58). Такъ какъ при Мономахѣ за закуповъ, въ случаѣ произведенія ими кражи, вознаграждалъ обиженнаго господинъ безъ платежа продажи князю, и закупъ за воровство коня не выдавался по общему закону на потокъ (II, 57), то, само собою разумѣется, тоже самое происходило, если закупъ становился убійцею, т. е. онъ не подвергался ни продажѣ, ни потоку, а господинъ его обязанъ былъ заплатить обиженнымъ *одно* простое головничество; виновный же закупъ, какъ и при воровствѣ, становился обѣльнымъ холопомъ. Если же господинъ не хотѣлъ платить за закупа, то могъ его про-

дать и удовлетворить истца только вырученною отъ продажи суммою, хотя бы она была и менѣе головничества; но когда выручка его превышала, то господину излишекъ за удовлетвореніемъ обиженнаго дозволялось брать себѣ. За бѣжавшаго закупа-убійцу владѣлецъ его не отвѣчалъ (II, 57).

Б. О головничествѣ или частномъ вознагражденіи за убитыхъ.

Слово головничество въ первый разъ является въ уставѣ Изяслава; но мы видѣли, что начало этой платы относится къ уставу Ярослава. Въ его время она была выкупомъ въ опредѣленномъ количествѣ, который мстители обязаны были принять, если по своему праву самосуда соглашались на вознагражденіе себя денежною платою. Значитъ, примѣненіе выкуповъ къ дѣламъ объ убійствѣ при Ярославѣ было произвольное, а не необходимое, и выкупы, если они взыскивались въ пользу обиженныхъ, никогда не выплачивались совмѣстно съ вирами. По отмѣнѣ же самосуда Изяславомъ, велѣно было во всѣхъ случаяхъ лишенія кого либо жизни *«кунами ся выкупати»*. Такимъ образомъ выкупы превратились въ опредѣленное вознагражденіе обиженныхъ по всякому дѣлу объ убійствѣ, безъ сомнѣнія, если преступникъ былъ извѣстенъ, и при умерщвленіи свободнымъ лицемъ свободнаго человѣка постоянно имѣли мѣсто при вирахъ, продажахъ и личныхъ наказаніяхъ.

Но какія платы въ уставѣ Изяслава слѣдуетъ признать *головничествомъ?* Въ этомъ уставѣ сказано: «аже въ княжи отроци, или конюсѣ, или поварѣ, то 40 гривенъ; а за тивунъ за огнищный и за конюшій, то 80 гривенъ; а въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или въ ратайнемъ, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за бояринъ; а за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ; а за смердъ и холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ; а за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя еи буди холопъ, хотя еи роба (II, 9—11)». Вникая въ сущность этихъ статей, нельзя, по грамматическому ихъ составу, найти въ нихъ опредѣленнаго, ясно выраженнаго смысла. Только по соображенію съ предъидущими и послѣдующими статьями, можно догадываться, что здѣсь дѣло идетъ о лишеніи жизни тѣхъ или другихъ лицъ; но назначались ли въ приведенныхъ нами статьяхъ платы *за убійство* или *за убитыхъ*,

т. е. были ли онѣ *вирами* или *головничествомъ?*—этотъ вопросъ требуетъ изслѣдованія. Положимъ сначала, что всѣ означенныя выше платы, т. е. 80, 40, 12, 6 и 5 гривенъ, были виры. Такому предположенію будетъ противорѣчить слѣдующее:

1, Въ Правдѣ 20 гривенъ два раза названы полувирою (II, 23, 83), слѣдовательно вирою собственно назывались 40 гривенъ, а 80 гривенъ составляли *двойную виру*, которая впрочемъ также для краткости называется вирою; такъ напр. «аже будетъ вира во 80 гривенъ» (II, 8). И такъ, 12, 6 и 5 гривенъ нельзя считать вирами, тѣмъ болѣе, что если признавать напр. 5 гривенъ за холопа вирою, то нельзя будетъ объяснить, на какомъ основаніи Владиміръ Мономахъ, сказавъ, что въ холопѣ и робѣ *виры нѣтуть*, въ слѣдъ за тѣмъ назначилъ за убійство ихъ плату въ 12 гривенъ. Если же 12 гривенъ не составляли виры, то тѣмъ менѣе могли ею быть и 5 гривенъ. Но намъ могутъ возразить, что если 12, 6 и 5 гривенъ и не назывались вирами, то во всякомъ случаѣ онѣ были пенями за убійство, поступавшими въ пользу князя. На это мы скажемъ, что при побѣгѣ холопа или рабы съ передержателей ихъ получалъ 5 и 6 гривенъ не князь, а господинъ. Такое частное назначеніе этихъ платъ доказывается какъ общимъ смысломъ статей, гдѣ говорится объ нихъ (II, 106—108), такъ и выраженіемъ: «*а собѣ ему пагуба, а платить въ то никтоже*» (II, 108), относящемся къ тому случаю, когда господинъ, преслѣдуя своего бѣглаго холопа, самъ по собственной винѣ его упускалъ. Если же господинъ, лишаясь холопа или рабы чрезъ побѣгъ, получалъ въ вознагражденіе 5 или 6 гривенъ съ передержателей ихъ, то неужели при убійствѣ холопа 5 гривенъ назначались не владѣльцу его, а князю? Безъ всякаго сомнѣнія—нѣтъ. Но признавая, что 5 и 6 гривенъ при лишеніи жизни холопа или рабы были вознагражденіемъ частнымъ, нельзя не согласиться, что такимъ же вознагражденіемъ должно считать и всѣ прочія платы, поставленныя въ одинаковыхъ условіяхъ съ 5 и 6 гривнами, т. е. 80, 40 и 12 гривенъ, о которыхъ упоминается въ выписанныхъ нами выше статьяхъ Изяславова устава. Кромѣ того, въ Правдѣ за убійство, исключая введенныхъ Мономахомъ полувиры за умерщвленіе женщинъ и мущинъ, начинавшихъ сваду, и 12-гривенной продажи за лишеніе жизни холопа или рабы, всегда во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда

только убійство оплачивалось денежною пенею, назначались однѣ лишь виры. Это видно изъ статьи Правды, въ которой сказано: аже ударитъ мечемъ, то 3 гривны, потнетъ ли на смерть, а вира (II, 24). Значитъ, вира до Мономаха была единственною платою за убійство, за исключеніемъ только платы за умерщвленіе связанныхъ татей; но такъ какъ 12, 6 и 5 гривенъ не были вирами, то и не могли ничѣмъ инымъ быть, какъ только частнымъ вознагражденіемъ за убитыхъ. Притомъ мы знаемъ, что за увѣчье, причиненное свободнымъ людямъ, платили полувиру (II, 21), слѣдовательно было бы неосновательно полагать, что за лишеніе ихъ жизни взыскивалось только 12 и 5 гривенъ.

2) 80 и 40-гривенныя платы, въ выписанныхъ нами статьяхъ Правды, хотя по количеству похожи на виры, но также не были вирами. Это доказывается слѣдующимъ: а) платы эти, какъ мы замѣтили уже выше, стоятъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ съ 12, 6 и 5-гривенными платами, слѣдовательно должны быть и одинаковаго съ ними значенія; б) считая 80-гривенную плату за тіуна огнищнаго вирою, слѣдовало бы признать статью, въ которой она опредѣлена, излишнимъ повтореніемъ, потому что тіунъ огнищный принадлежалъ къ числу княжихъ мужей, о платѣ же виры за княжихъ мужей находится въ Правдѣ общее постановленіе (II, 3); в) княжи отроки, конюхи и повары также считались княжими мужами, и если 40 гривенную плату за нихъ признать вирою, то въ такомъ случаѣ мы станемъ въ противорѣчіе съ общимъ постановленіемъ Правды (II, 3), въ которомъ за княжихъ мужей назначалась 80-гривенная вира.

3) Кромѣ приведенныхъ нами доказательствъ, что платъ въ выписанныхъ нами статьяхъ устава Изяслава нельзя считать вирами, а головничествомъ, можно привести еще одно. Мы уже сказали, что этимъ статьямъ для опредѣленности смысла чего-то недостаетъ. Обративъ вниманіе на предъидущую статью, мы находимъ въ ней выраженіе: *а за голову 3 гривны* (II, 8). Это выраженіе вовсе не находится во внутренней связи съ тѣмъ постановленіемъ, къ которому присоединено, и, по очевидному отношенію, вѣроятно служило началомъ послѣдующимъ статьямъ, которыя мы выше выписали и которыя собственно составляютъ одну статью. Въ Правдѣ сказано: «аже будетъ вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны»

(II, 8). На какомъ бы основаніи при 80-гривенной вирѣ взыскивалась особая пошлина за голову, когда при 40-гривенной вирѣ объ ней вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ всѣ другія пошлины опредѣлены какъ при той, такъ и при другой вирѣ? Должно предполагать, что выраженіе: «а за голову 3 гривны», нѣсколько искажено, и что въ подлинникѣ стояло: «а за голову *ти* гривны». Въ рукописи буква *и* въ словѣ *ти* могла стереться и переписчикъ принялъ Т за Г, въ слѣдствіе чего и вышло: а за голову Г (3) гривны. Впрочемъ въ Пушкинскомъ спискѣ сказано: «а за голову гривны». И такъ, по нашему мнѣнію, отбросивъ оглавленія, которыя мы считаемъ произвольной вставкой частныхъ лицъ, не бывшей въ подлинникѣ Правды, упомянутыя выше статьи, съ прибавленіемъ къ нимъ означеннаго выраженія, слѣдуетъ читать какъ одну статью такимъ образомъ:

«А за голову ти гривны: аже въ княжи отроци, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гривенъ; а за тивунъ за огнищныі и за конюшіі, то 80 гривенъ; а въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или ратайнемъ, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за боярескъ; а за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ; а за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ; а за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба» (II, 8—14).

Въ такомъ видѣ статьи эти получаютъ ясный, опредѣленный смыслъ, котораго имъ прежде недоставало, и смыслъ этотъ подтверждаетъ наше мнѣніе, что означенныя въ нихъ платы, назначались *за голову*, т. е. были головничествомъ. Но независимо отъ всего нами сказаннаго, выводъ нашъ подтверждается Старымъ Литовскимъ Статутомъ, въ которомъ во многихъ случаяхъ съ замѣчательною ясностію отразились постановленія Правды. Въ Литовскомъ Статутѣ также находится весьма дробное исчисленіе головничества и при этомъ обозначаются иногда даже тѣ самыя лица, какъ и въ Правдѣ. Такъ напр. головщина шляхтича сто копъ грошей, головщина путныхъ людей, тивуновъ, приставовъ и иныхъ врадниковъ (урядниковъ), а также *ремесныхъ людей: кухаря*, возницы и проч. *12 рублей* грошей; головщина тяглаго мужика 10 копъ грошей, а поробка невольнаго (холопа) *5 копъ* грошей [1]. Изъ этого

---

[1] См. Времен. кн. 18, 1854 г., стр. 64 ст. 29, стр. 88, ст. 1—4.

видно, что при исчисленіи головничества какъ въ Правдѣ, такъ и въ Статутѣ встрѣчаются почти одни и тѣ же лица и даже одни и тѣ же числа.

Признавая всѣ означенныя нами выше платы головничествомъ, скажемъ теперь какими началами руководствовались при ихъ назначеніи. Для опредѣленія виры въ большемъ или меньшемъ количествѣ довольствовались общимъ дѣленіемъ сословій на высшія и низшія, именно на княжихъ мужей и людиновъ. За умерщвленіе первыхъ платилась 80-гривенная вира, а за лишеніе жизни вторыхъ 40-гривенная вира. При назначеніи же головничества не довольствовались такимъ общимъ дѣленіемъ, а допускали болѣе частное, именно высшее сословіе, т. е. княжи мужи, относительно опредѣленія за членовъ его количества головничества, раздѣлялось на два разряда: на начальствующихъ и подчиненныхъ. За голову первыхъ платилось 80 гривенъ, а за голову вторыхъ 40 гривенъ. Такимъ образомъ и людины въ отношеніи назначенія за убіеніе ихъ головничества, очевидно, дѣлились на два разряда. Къ первому разряду принадлежали лица, занимавшія какія либо должности и знавшія какія нибудь ремесла, а ко второму—людины, неимѣвшіе такихъ отличій, т. е. простые смерды, холопы и рядовичи. За голову людиновъ перваго рода платилось 12 гривенъ, за голову же людиновъ втораго рода—5 гривенъ, а особо за холопокъ—6 гривенъ.

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какихъ случаяхъ, кѣмъ и кому платилось головничество. Оно взыскивалось только въ случаѣ обнаруженія преступника, и всегда съ самого убійцы («а головничьство самому головнику»), за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, когда въ лишеніи кого жизни виновны были холопы или закупы, за которыхъ головничество платили ихъ господа. Впрочемъ не всегда и обнаруженный преступникъ подвергался платѣ за голову: такая плата безъ сомнѣнія не взыскивалась, если кто убивалъ кого при необходимой оборонѣ или на самой татьбѣ *во пса мѣсто;* но само собою разумѣется не избавлялся отъ головничества тотъ, кто умерщвлялъ татя уже связаннаго. Плата за голову никогда не упадала не только на общину, но даже и на имущество родныхъ убійцы, какъ должно заключать изъ выраженія Правды: «*а головничьство самому головнику* (II, 4 »; но не подлежитъ сомнѣнію, что если извѣстный и изобличенный уже преступникъ скрывался или

умиралъ, оставивъ по себѣ имущество, то родственники его обязаны были изъ этого имущества выплатить какъ головничество, такъ и виру вполнѣ или въ части. Такой порядокъ взысканія головничества при участіи самого убійцы или его родныхъ существовалъ только по дѣламъ о убійствахъ въ свадѣ, при лишеніи же кого либо жизни на разбоѣ безъ свады, преступникъ не пользовался правомъ распоряжаться своимъ имуществомъ, которое выдавалось на разграбленіе, и потому головничество необходимо должно было выплачиваться изъ состоянія убійцы безъ всякаго вмѣшательства его самого или его родныхъ. Но въ чью пользу поступала плата за голову? При убійствѣ свободнаго человѣка, если у него были родные, головничество взыскивалось въ пользу послѣднихъ, получавшихъ его въ замѣнъ права мести, отмѣненнаго Изяславомъ. «*Отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати*», сказано въ его уставѣ, и это выраженіе какъ нельзя лучше доказываетъ нашу мысль, потому что по смыслу самой рѣчи выкупъ себя кунами установленъ былъ вмѣсто убіенія за голову, т. е. вмѣсто права мстить убійствомъ за убійство, слѣдовательно выкупъ этотъ производился у тѣхъ, кто владѣлъ правомъ мести, т. е. у родственниковъ убитаго. И такъ въ означенномъ нами выраженіи Правды дѣло идетъ не о вирѣ, какъ думаетъ г. Деннъ, а о головничествѣ, о выплачиваніи котораго *кровнымъ* убитаго свидѣтельствуютъ и старый Литовскій Статутъ (¹). Если же головничество установлялось для вознагражденія родственниковъ лишеннаго кѣмъ либо жизни, то на какомъ основаніи къ нимъ поступала бы и вира, взыскивавшаяся при Изяславѣ совмѣстно съ платой за голову (II, 4)? За чѣмъ было бы дробить и давать различныя названія одному и тому же частному вознагражденію? Это уже одно показываетъ несостоятельность мнѣнія о частномъ назначеніи виры; но кромѣ того должно замѣтить, что вира часто, если не большею частію, была платой общинной, взыскивавшейся съ цѣлой верви, цѣлой же верви никогда не вмѣнялось въ обязанность вознаграждать лицъ, обиженныхъ преступленіемъ, потому-то головничество никогда не взыскивалось съ общины. Это одно изъ существенныхъ началъ Правды, выразившееся не только въ постановленіяхъ о убійствѣ, но, какъ увидимъ ниже, и

(¹) Времен. кн. 18, 1854 г. стр. 56 и 65.

въ постановленіяхъ о татьбѣ. Признавая, по всему нами сказанному, что плата за голову поступала въ пользу родственниковъ убитаго, мы необходимо должны сдѣлать тотъ выводъ, что если у лишеннаго жизни родныхъ не было, то и головничество не могло имѣть мѣста. Поговоримъ теперь о взысканіи головничества въ тѣхъ случаяхъ, когда убитымъ или убійцей былъ холопъ или закупъ. За умерщвленіе холопа или рабы слѣдовало *платити урокъ, а князю продажу* (II, 84). Если продажа назначалась князю, то урокъ безъ сомнѣнія поступалъ къ владѣльцу холопа или рабы, въ вознагражденіе его за потерю имъ того или другой. Но что разумѣлось подъ урокомъ? Слово это встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Правды. Такъ послѣ опредѣленія цѣнъ за похищенныхъ или истребленныхъ кѣмъ либо домашнихъ животныхъ, на случай вознагражденія за нихъ обиженныхъ, говорится: «то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажю» (II, 41). Далѣе: а кто накощами конь порѣжетъ или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину урокъ платити (II, 80), т. е. виновный обязанъ былъ владѣльцу коня или скотины заплатить то, во что оцѣнено было въ Правдѣ погибшее животное. Кромѣ того, встрѣчаются въ уставѣ Мономаха выраженія: «а се уроци городнику; а се мостнику уроци» (II, 90, 91). Такимъ образомъ подъ словомъ *урокъ* слѣдуетъ разумѣть или цѣну предмета, истребленнаго преступленіемъ, или цѣну истраченнаго на что либо труда. Изъ этого должно заключить, что и въ статьѣ о убійствѣ холопа слова: *урокъ платити*, означали выплачиваніе цѣны убитаго его владѣльцу, т. е. какъ мы видѣли выше, 5 гривенъ за холопа и 6 гривенъ за рабу. Мы также думаемъ, что, по особому отношенію, существовавшему между господиномъ и закупомъ, при умерщвленіи послѣдняго головничество получали не родственники его, а владѣлецъ, потому что ему закупъ могъ остаться должнымъ и вообще смерть его могла причинить убытки его господину. Если убійцей былъ холопъ, то, какъ мы сказали уже прежде, господинъ его обязанъ былъ по первоначальному постановленію заплатить за убитыхъ, если мститель того хотѣлъ, *двойное головничество*, а въ послѣдствіи выплатить только урокъ, а не двойную плату за обиду, или выдать самого холопа (II, 115). За закупа, лишавшаго кого либо жизни, господинъ его платилъ одно головничество; но если закупъ скрывался, то господинъ, кажется, вовсе освобождался отъ

платы за голову, по крайней мѣрѣ при татьбѣ онъ не отвѣчалъ за убѣгавшаго закупа-татя.

Сдѣлаемъ теперь общіе выводы изъ всего сказаннаго нами въ этой статьѣ:

1) При Ярославѣ дозволялась за убійство частная месть со стороны родственниковъ убитаго, но месть эта выражалась преимущественно требованіемъ денежныхъ выкуповъ, или головничества, такъ что количество ихъ въ послѣдствіи, въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ, опредѣлено самымъ закономъ. Въ случаѣ физической невозможности самосуда, право мести переходило къ князю, который взыскивалъ за убійство огнищанина 80 гривенъ, а за умерщвленіе людина 40 гривенъ. Эти платы, или виры были *личныя*, если убійцей былъ разбойникъ, и *общинныя*, если убійство совершено не въ разбоѣ, или если вообще преступника не отыскивали. Частная месть ни въ какомъ случаѣ не совпадала съ местью князя.

2) При Изяславѣ и Мономахѣ право частной мести за убійство было уже отмѣнено, и такъ какъ вслѣдствіе этого самосудъ признавался по закону невозможнымъ, то право мести за всякое смертоубійство перешло къ князю, а роднымъ или господину убитаго предоставлено было право пользоваться однимъ головничествомъ, которое такимъ образомъ получило только значеніе простаго вознагражденія за потерю родственника или холопа.

3) По уставамъ Правды Изяслава и Мономаха, месть князя за убійство выражалась: *личнымъ наказаніемъ*, *вирой* и *продажей*. Потокъ или денежныя пени назначались смотря по видамъ убійствъ.

4) Правда различала слѣдующіе виды убійствъ: 1) убійство на разбоѣ безъ всякой свады и 2) убійство въ свадѣ. Между убійствами въ свадѣ отличены отъ другихъ умерщвленіе холопа и умерщвленіе связаннаго татя. При побѣгѣ или необнаруженіи виновныхъ виды убійствъ не различались.

5) За лишеніе кого либо жизни, мущины или женщины свободнаго и несвободнаго состоянія на *разбоѣ безъ всякой свады*, происходило ли это предумышленно, умышленно или неосторожно,—Правда назначала *потокъ* и *разграбленіе* имущества.

6) За убійство *въ свадѣ* мущины или женщины свободнаго состоянія, также предумышленно, умышленно или неосторожно, взыскивалась вира личная или общинная, смотря по тому, помогалъ ли преступникъ прежде своей верви въ платежѣ виръ или нѣтъ. Самое количество виры за лишеніе жизни въ свадѣ свободнаго человѣка было различное: 1) за убійство княжа мужа платилось 80 гривенъ, если онъ не былъ зачинщикомъ свады, и 40 гривенъ, когда онъ самъ начиналъ сваду: 2) за умерщвленіе свободнаго людина платилось 40 гривенъ, если не имъ былъ данъ поводъ къ свадѣ, а если же имъ, то 20 гривенъ. За убійство въ свадѣ холопа или рабы, или татя, пойманнаго на татьбѣ и связаннаго, платилась 12-гривенная продажа, которая также могла быть личною или общинною.

7) За лишеніе кого либо жизни *безъ всякой свады и безъ разбоя*, т. е. не иначе какъ неосторожно или случайно, а также въ случаѣ умерщвленія кого при необходимой оборонѣ своего имущества или лица—Правда не подвергала виновныхъ никакой отвѣтственности.

8) Если *убійца не былъ обнаруженъ*, то не смотря на то, былъ ли убитъ свободный человѣкъ или холопъ, съ верви, гдѣ найденъ трупъ, постоянно взыскивалась вира, за умерщвленіе княжихъ мужей и ихъ родственницъ—80-гривенная, а за убійство всякаго людина, не различая ни пола, ни состоянія,—40-гривенная. Но если убитый, при неоткрытіи виновнаго, не былъ никому въ верви извѣстенъ, или если находили только одни человѣческія кости, то вервь освобождалась отъ платежа виры. Такая неизвѣстность имени убитаго не принималась въ расчетъ, когда убійца былъ обнаруженъ.

9) Все, что мы до сихъ поръ сказали въ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 пунктахъ относится къ тѣмъ случаямъ, когда убійца или былъ неизвѣстенъ или принадлежалъ къ свободному состоянію. Если же убійцею холопа или свободнаго человѣка былъ холопъ или раба, то виновныхъ князь не казнилъ ни потокомъ, ни денежною пеней. Преступникъ подвергался частной мести. Такая месть была сначала неограниченна, но Мономахъ запретилъ умерщвленіе въ этомъ случаѣ холопа или рабы, а дозволилъ родственникамъ или господамъ убитаго требовать съ владѣльца убійцы или *выкупа* или выдачи самого преступника головою. Выданный головою убійца

безъ сомнѣнія могъ быть наказанъ обиженнымъ по его усмотрѣнію; но не лишенъ жизни. Если убійцей былъ закупъ, то онъ не выдавался головою, а господинъ его долженъ былъ дать обиженному за него выкупъ.

10) Головничество платилось частнымъ лицамъ, въ вознагражденіе ихъ за убитыхъ, и всегда взыскивалось не съ верви, не производившей въ пользу частныхъ лицъ никакихъ платежей, а съ самого убійцы, или съ его господина, если убійцею былъ холопъ или закупъ. Головничество выплачивалось независимо отъ виръ и продажъ, и не исключалось личнымъ наказаніемъ преступника; но плата за голову не имѣла мѣста въ случаѣ убійства кого либо при необходимой оборонѣ и при умерщвленіи татя на татьбѣ во пса мѣсто. Головничество, по количеству платы, раздѣлялось на четыре разряда: 80 и 40 гривенъ платилось за княжихъ мужей, а 12 и 5 гривенъ—за людиновъ.

В. О нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ.

Въ уставѣ Ярослава, за нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ, также какъ и за убійство, дозволялась, безъ сомнѣнія на основаніи прежде существовавшаго обычая, *месть* или *самосудъ*, но съ нѣкоторымъ уже ограниченіемъ этого права. Обиженный, по праву мести, вѣроятно могъ подвергать виновнаго тоже увѣчьямъ, ранамъ и побоямъ, взять съ него произвольную плату, или даже примириться съ нимъ, но убивать его, если онъ былъ свободный человѣкъ, обычай кажется уже запрещалъ, потому что постановленіемъ Ярослава допускалось умерщвленіе въ возмездіе за побои только при нанесеніи удара *холопомъ* свободному мужу (I, 16; II, 58). Если бы такое кровавое возмездіе за побои, раны и увѣчья составляло общее правило для всякаго и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, тогда бы не было нужнымъ издавать особое о томъ постановленіе относительно виновныхъ холоповъ.

При такомъ ограниченіи права мести относительно лицъ свободнаго состоянія, мстителемъ за увѣчья, раны и побои былъ при Ярославѣ почти всегда самъ обиженный. Однакожъ встрѣчались случаи, когда по закону право мести переходило къ родственникамъ изувѣченнаго. Въ Правдѣ сказано: «оже ли утнетъ руку, и отпа-

детъ рука, любо усохнетъ: то 40 гривенъ, аще будетъ нога цѣла; или начнеть хромати, тогда чада смирять» (I, 5 (¹). Статью эту мы толкуемъ такъ: кто ударилъ кого по рукѣ, и рука отпадала или усыхала, тотъ долженъ былъ, *аще нога была цѣла*, т. е. оставалась неповрежденною при изувѣченіи руки, заплатить 40-гривенную виру, безъ сомнѣнія въ томъ только случаѣ, если по какимъ либо причинамъ обиженный не могъ за себя мстить; но когда не только рука, а вмѣстѣ съ нею повреждена была и *нога*, такъ что потерявшій руку начиналъ еще и *хромать*, т. е. дѣлался рѣшительно неспособнымъ къ самостоятельной мести не по какому либо другому, а по этому именно поводу, тогда *чада смиряли*, т. е. смиряли виновнаго, иначе мстили за изувѣченнаго. Слѣдовательно, увѣчьемъ, которое положительно признавалось лишавшимъ возможности мстить за себя, было одновременное поврежденіе у кого либо *руки* и *ноги*. Въ такомъ только случаѣ право мести переходило къ чадамъ, т. е. къ дѣтямъ изувѣченнаго, и только къ нимъ, а не къ другимъ какимъ нибудь родственникамъ, тогда какъ при убійствѣ право перехода мести было гораздо обширнѣе. Впрочемъ, такъ какъ составители Правды, что весьма замѣтно при ея изученіи, не имѣли еще навыка составлять точныхъ, отвлеченныхъ положеній, а почти всякую законодательную мысль, безъ сомнѣнія общую въ своемъ основаніи, умѣли выражать только частнымъ случаемъ, то мы съ вѣроятностію полагаемъ, что они также не совладѣли съ тою мыслію, что за каждое увѣчье, лишавшее возможности мстить самому за себя, отмщали виновному дѣти обиженнаго, и потому прибѣгли къ помощи частнаго случая о совмѣстномъ поврежденіи руки и ноги. Поэтому, заключая, что въ разсматриваемой нами статьѣ *общее* выражено въ *частномъ*, мы думаемъ, что месть переходила къ чадамъ не только при изувѣченіи руки и ноги, но что вопреки здравому смыслу не могли иначе поступать и тогда, если напр. выкалывали кому оба глаза, или лишали его обѣихъ рукъ, или обѣ-

---

(¹) Въ текстѣ Правды, изданномъ г. Калачовымъ, въ выписанной нами статьѣ, послѣ словъ: «*то 40 гривенъ*», поставлена точка съ запятою, но кажется слѣдуетъ ограничиться здѣсь только запятою, а точку съ запятою употребить передъ словами «*или начнеть хромати*». Сдѣлавъ такую перестановку знаковъ препинанія, означится тотъ смыслъ статьи, какой мы ей даемъ.

ихъ ногъ, словомъ, когда обиженный очевидно не въ состояніи былъ прибѣгнуть лично къ самосуду. За нанесеніе же всякихъ другихъ увѣчій, не лишавшихъ возможности самому мстить за себя, а равно ранъ и побоевъ, обиженные сами были и мстителями, и право мести ни въ какомъ случаѣ не переходило къ ихъ роднымъ. Когда же претерпѣвшій побои, раны или увѣчья, при всемъ желаніи, не могъ почему либо мстить за себя, напр. по дряхлости, болѣзни, или же когда при изувѣченіи ему одновременно ноги и руки, или выколотіи обоихъ глазъ, онъ не имѣлъ дѣтей для передачи имъ права мести, тогда, если не примирялся съ виновнымъ, могъ обратиться къ суду, и нанесшій оскорбленіе въ такомъ случаѣ подвергался вирѣ или продажѣ въ пользу князя, а обиженный удовлетворялся особой мздой. «Оже ли себе не можетъ мстити, сказано въ Правдѣ, то взяти 3 гривнѣ, а лѣчцю мзда» (I, 2). Что виры поступали въ пользу князя, о томъ мы уже говорили въ статьѣ объ убійствѣ: но дѣйствительно ли такое назначеніе имѣли и другія платы, опредѣленныя за побои и раны, именно 12 гривенъ, 3 гривны и гривна, т. е. съ 10 процентными 60 кунъ? Шестьдесятъ кунъ названы прямо продажею въ уставѣ Ярослава и въ поступленіи ихъ къ князю нельзя сомнѣваться, потому что эта плата прямо противополагается частному вознагражденію, напр.: «оже ладью украдетъ, то за ладью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ» (I, 34). Здѣсь 30 рѣзанъ назначается въ удовлетвореніе за украденную вещь, 60 же кунъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только пеней въ пользу князя. Двѣнадцать и 3 гривны, собственно 3 гривны и 30 рѣзанъ, хотя нигдѣ въ уставахъ Ярослава не названы продажами, но въ концѣ дополнительнаго его устава (I, 41) прямо говорится о поступленіи означенныхъ платъ къ князю, съ выдѣленіемъ только 10 процентныхъ.

Прежде нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ опредѣленныхъ постановленіями Ярослава взысканій, за нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ, въ случаѣ, если обиженный прибѣгалъ къ суду, выпишемъ сначала эти постановленія, и оправдаемъ допущенное нами нѣкоторое измѣненіе въ ихъ чтеніи.

1) Оже будетъ кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аще не будетъ на немъ знаменія никотораго же, толи пріидетъ видокъ; аще ли не можетъ, то тому конецъ. Оже

ли себе не можетъ мстити, то взяти 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда (I, 2) (¹).

2) Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію (²), то 12 гривнѣ, аще сего не постигнутъ, платити ему: то ту конець (I, 3).

3) Аще утнетъ мечемъ, ли вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривенъ за обиду (I, 4).

4) Оже ли утнетъ руку, и отпадетъ рука, любо усохнетъ: то 40 гривенъ, аще будетъ нога цѣла; или начнетъ хромати, тогда чада смирятъ (I, 5).

5) Аще ли перстъ утнетъ который любо: 3 гривны за обиду (I, 6).

6) А во усѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ (I, 7).

7) Оже ли кто вынезъ мечъ, а не тнетъ: то той гривну положитъ (I, 8).

8) Аще ли ринетъ мужъ мужа, любо отъ себе, любо къ собѣ: 3 гривнѣ (I, 9).

Слово «*лѣтецъ*», употребленное въ первой изъ выписанныхъ нами статей, означаетъ лекаря, т. е. безъ сомнѣнія знахаря, а подъ словомъ «*мзда*» необходимо разумѣть ту сумму, какую обиженный заплатилъ, или долженъ былъ заплатить лѣтцю за леченіе, и которая или прямо вытребовалась съ нанесшаго кому либо раны и увѣчья, или же взыскивалась съ него въ возвратъ истцу за сдѣланную имъ уже издержку. Это показываетъ, что леченіе обиженнаго всегда производилось на счетъ виновнаго. Слѣдовательно, подъ выраженіемъ «*лѣтцю мзда*» должно понимать частное вознагражденіе. Но и слова: «*взяти ему за обиду 3 гривнѣ*», находящіяся въ той же статьѣ почти по всѣмъ спискамъ, также указываютъ на вознагражденіе обиженнаго. Такъ какъ двойнаго вознагражденія быть не могло, и мы не видимъ тому примѣровъ въ другихъ уставахъ Правды, то это даетъ намъ поводъ думать, что выраженіе «*взяти ему за обиду*» искажено, и потому мы принимаемъ чтеніе его по Татищевскому-Погодинскому списку, въ которомъ словъ *ему за*

(¹) См. Изслѣдованія о Рус. Правдѣ г. Калачова, стр. 132.

(²) Тылесніа то же что тылье, обухъ. Въ лѣтописи Нестора сказано: Яць же обороги топоръ, удари й тыльемъ. Полн. собр. лѣт. т. I, стр. 75.

обиду нѣтъ, а сказано просто *взяти 3 гривнѣ*. При такомъ чтеніи 3-хъ-гривенную плату слѣдуетъ считать продажей въ пользу князя, что подтверждается соотвѣтствующею разбираемой статьею устава Изяслава (II, 23).—Во второй изъ выписанныхъ нами статей, слово *то* предъ глаголомъ *платити*, хотя оно находится во всѣхъ спискахъ доселѣ извѣстныхъ, мы выпустили, какъ очевидно лишнее. Ненужная вставка этого слова объясняется весьма легко. Предъ нимъ поставленъ глаголъ «*постинуть*»; окончаніе его *ть* переписчикъ, чертившій, какъ обыкновенно водилось въ старину, съ разстановкой и отдѣльно букву за буквой, написалъ вѣроятно по ошибкѣ вдвойнѣ, такъ что вышло *постинутьть*. Снятая этимъ переписчикомъ копія устава Ярослава могла служить оригиналомъ для позднѣйшихъ переписчиковъ, которые, не предполагая ошибки, *ть* прочли какъ *то*, и тѣмъ болѣе имѣли къ тому основанія, что въ Правдѣ иногда употребляется вмѣсто *то*—*тъ*, напр. «тъ всѣхъ кунъ 15» (I, 12); въ слѣдствіе же этого и образовалось: *то платити*. Наконецъ, въ 3-й статьѣ, о нанесеніи удара мечемъ, во всѣхъ спискахъ сказано: «а не вынемъ его, любо рукоятью»; но мы считаемъ, что *а не* написано по ошибкѣ вмѣсто *ли*, и потому принимаемъ такое чтеніе: ли вынемъ его, любо рукоятью. Въ статьѣ, которую мы разсматриваемъ, очевидно, дѣлается какое-то противопоставленіе между частями меча; рукояткою же его можно наносить удары не смотря на то, будетъ ли обнаженъ мечь или не обнаженъ, слѣдовательно выраженіе: «*а не вынемъ его, любо рукоятью*», не имѣетъ смысла, потому что побои рукояткою то же могли наноситься мечемъ, невынутымъ изъ ноженъ. Если же допустить, что подъ выраженіемъ: «*а не вынемъ его*», понимали удары оконечностію ноженъ, тогда представляется страннымъ для чего было сдѣлано различеніе между предметами собственно безразличными, т. е. между тупыми концами меча. Допустивъ же наше чтеніе, можно перевесть разбираемую нами статью такъ: если кто ударитъ кого мечемъ, острымъ его концомъ, или тупымъ, т. е. рукояткою, то платитъ 12 гривенъ за обиду. Притомъ, 7-я изъ выписанныхъ нами выше статей, въ которой говорится: *оже ли кто вынезъ мечъ, а не тнетъ*, необходимо предполагаетъ постановленіе о томъ, если бы кто обнажилъ мечъ и утнулъ; но отвергнувъ принимаемое нами чтеніе 3-й статьи, нельзя будетъ найти такого постановленія во всей Русской

Правдѣ. Остается еще объяснить, какимъ образомъ изъ *ли* могло образоваться *а не*. Кто сколько нибудь всматривался въ древнія рукописи, или въ печатные снимки съ такихъ рукописей, тотъ легко, кажется, согласится съ тѣмъ, что въ нихъ бываетъ иногда довольно трудно различить, особенно при неясности почерка, ѧ и л, и въ этихъ случаяхъ только по предшествующей и послѣдующей буквамъ можно догадаться, гдѣ *а*, а гдѣ *л*. Тоже самое должно сказать и о буквахъ *и* и *н*. Предположимъ теперь, что переписчикъ, написавъ слова: «аще утнетъ мечемъ», и изъ слѣдующихъ за симъ словъ написавши *ли*, ошибочно приступилъ прежде глагола *вынемъ* къ написанію мѣстоименія *его*, какъ это часто случается при перепискѣ, но начертавъ первую только букву є и замѣтивъ свою ошибку, не докончилъ начатаго слова, и не зачеркнувъ букву є, написалъ *вынемъ его*. Такимъ образомъ вышло: *лие вынемъ его*, и послѣдующіе переписчики, или по необходимости, чтобы придать хотя какой нибудь смыслъ выраженію *лие*, или просто по неясности первыхъ двухъ буквъ, прочли его *а не*. Ко всему этому прибавимъ, что чтеніе *ли вынемъ* не представляетъ въ себѣ ничего несвойственнаго Правдѣ, потому что подобныя грамматическія формы въ ней употребляются, напр. ли платити продажю (II, 63), ли слѣгениинъ (II, 1), ли жердью (II, 25).

Представивъ основанія, какія мы имѣли, допустивши нѣкоторое измѣненіе въ чтеніи первыхъ трехъ изъ выписанныхъ нами статей, приступимъ къ самому объясненію какъ этихъ трехъ, такъ и другихъ изложенныхъ выше постановленій устава Ярослава о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ. Обратимъ первоначально вниманіе на слѣдующую статью: «аще ли кто кого ударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то 12 гривнѣ, *аще сего не постигнуть*, платити ему.» Смыслъ этой статьи тотъ, что съ нанесшаго удары исчисленными выше орудіями взыскивалось 12 гривенъ только тогда, *аще сего не постигнутъ*, т. е. когда ему не отвѣчали такими же ударами, словомъ, когда между нимъ и первоначально имъ обиженнымъ не возникало *взаимной драки*. Если же 12 гривенъ платилось за побои безъ драки, то слѣдуетъ предполагать, что за нанесеніе удара кому *въ дракѣ* или *въ ссорѣ*, съ начинавшаго ту или другую, если только онъ наносилъ побои сильнѣйшіе противъ тѣхъ, какія самъ получилъ, взы-

скивалась продажа меньшая, и мы думаемъ, что о дѣйствіяхъ такого рода именно говорится въ статьѣ, начинающейся словами: «или будетъ кровавъ или синь надъражевъ» (1, 2). Намъ извѣстно, что при убійствахъ строго различали лишеніе кого либо жизни *въ свадѣ* и умерщвленіе *безъ всякой свады на разбоѣ*. Этого самаго начала, по нашему мнѣнію, не могли обойти и при назначеніяхъ пеней за увѣчья, раны и побои, и что оно дѣйствительно было принято въ уставѣ Ярослава, это, кромѣ выше нами сказаннаго, доказывается, какъ тѣмъ, что и въ Изяславовомъ уставѣ встрѣчается то же самое начало, такъ и тѣмъ, что, отвергнувъ его, постановленія о разсматриваемыхъ нами преступленіяхъ будутъ представлять собою только рядъ однѣхъ несообразностей. Чѣмъ напр. объяснить, что преступникъ, ударившій кого либо пястью, чашею, или жердью, хотя бы и не наносилъ ему тѣмъ раны, подлежалъ 12 гривенной продажѣ, а за отсѣченіе у кого либо перста платилъ только 3 гривны? Или на какомъ основаніи съ избившаго кого нибудь до крови или синяковъ взыскивалось 3 гривны, тогда какъ за толчки опредѣлялась такая же плата (1, 9), а за клокъ вырванной бороды назначалось 12 гривенъ? Такія несообразности безъ сомнѣнія могутъ возникать въ умѣ всякаго современнаго изслѣдователя Правды по трудности объяснить внутренній смыслъ ея постановленій; но онѣ не существовали на самомъ дѣлѣ, потому что составители Правды не были же людьми, лишенными даже простаго здраваго смысла. По нашему мнѣнію, означенныя несообразности легко устраняются, если принять, что все различіе платъ за побои, раны и увѣчья зависѣло отъ того, нанесены ли они *съ раздраженіи*, въ свадѣ, т. е. въ ссорѣ или дракѣ, или же безъ всякой свады, то есть *безъ раздраженія*, а съ какимъ либо злымъ умысломъ на разбоѣ. При нанесеніи побоевъ съ намѣреніемъ безъ всякой свады обращали вниманіе на то, произвели ли они раны или вообще остались ли послѣ нихъ слѣды, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, кто причинялъ кому либо побои до крови и синяковъ или раны батогомъ, жердью, рукою, чашею, рогомъ, обухомъ, острымъ или тупымъ концемъ меча, или кто вырывалъ, или обрѣзывалъ кому либо, безъ сомнѣнія, въ поруганіе, усы или бороду, тотъ подвергался 12-гривенной продажѣ (1, 3, 4, 7). Во второмъ случаѣ, если бы кто кого толкнулъ, или вообще нанесъ побои безвредные (1, 9), тотъ подлежалъ 3-хъ гривенной продажѣ.

Однакожъ, мы говоримъ не только о побояхъ, но и о ранахъ, тогда какъ Правда въ означенныхъ статьяхъ упоминаетъ единственно о толчкахъ и ударахъ какимъ либо орудіемъ. Не слѣдуетъ ли въ приведенныхъ постановленіяхъ разумѣть однихъ лишь безвредныхъ побоевъ? Очевидно, что Правда, употребляя выраженія: «аще ли ударитъ батогомъ, аще утнетъ мечемъ, аще ринетъ мужъ мужа», умалчиваетъ о послѣдствіяхъ удара и толчковъ: послѣдствіями же могли быть: ушибы, побои, раны, увѣчья и даже смерть. Двухъ послѣднихъ послѣдствій въ упомянутыхъ нами выраженіяхъ не предполагалось, потому что объ увѣчьяхъ и убійствахъ Правда говоритъ особо и назначаетъ за нихъ не продажу, а виру. Но что она въ статьяхъ, начинающихся словами:«аще ли кто кого ударитъ батогомъ, аще утнетъ мечемъ» (I, 3, 4), не разумѣла безвредныхъ побоевъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, это видно изъ устава Изяслава, гдѣ встрѣчается выраженіе: «аже ударитъ мечемъ, то 3 гривны», и вслѣдъ за тѣмъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, назначается вознагражденіе *за рану*: «а самому гривна за рану.» Такимъ образомъ, въ означенныхъ статьяхъ (I, 3, 4), мы имѣли основаніе разумѣть раны, а слѣдовательно и побои до крови и синяковъ; въ статьѣ же: «аще ли ринетъ мужъ мужа» (I, 9) нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ безвредныхъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ побоевъ. Хотя Правда, по видимому, дѣлаетъ какое-то различеніе между орудіями, которыми нанесены побои; но она и сама не придаетъ этому никакого значенія, потому что назначаетъ одинаковую 12-гривенную продажу, чѣмъ бы ни былъ нанесенъ ударъ. На такое ненужное исчисленіе орудій слѣдуетъ смотрѣть, какъ на обыкновенный способъ Правды въ частномъ выражать общее. Вмѣсто того, чтобы, говоря о нанесеніи ударовъ, употребить выраженіе: *чѣмъ бы то ни было*, она начинаетъ исчислять самыя орудія. Точно также и въ статьѣ: «аще ли ринетъ мужъ мужа», вмѣсто составленія общаго положенія о причиненіи безвредныхъ побоевъ какимъ бы ни было образомъ, Правда выбираетъ частный случай, который весьма удачно выражаетъ эту мысль, именно говоритъ о толчкахъ. За покушеніе нанести безъ всякой свады ударъ кому нибудь мечемъ или другимъ какимъ либо орудіемъ, виновный платитъ 60 кунъ продажи (I, 8). Въ уставѣ Ярослава сказано: «*то той гривны положитъ*», т. е. 50 кунъ; но здѣсь

слѣдуетъ разумѣть не особую, установленную для одного частнаго случая продажу, а извѣстную уже намъ продажу въ 60 кунъ, только безъ 10-процентныхъ. Точно также въ Правдѣ употребляется безъ этихъ послѣднихъ и 3-хъ гривенная продажа, при которой всегда должно разумѣть, какъ мы показали во введеніи, добавочныхъ 30 кунъ. При нанесеніи побоевъ *въ дракѣ* или *ссорѣ*, такъ какъ и при нанесеніи ихъ *безъ всякой свады*, обращали вниманіе на то, остались ли послѣ побоевъ слѣды или нѣтъ. Это видно изъ выраженій: «оже будеть кровавъ или синь надъраженъ, аще не будетъ на немъ знаменія никотораго (I, 2)». Однакожъ различіе это въ уставѣ Ярослава имѣло значеніе только въ отношеніи способа доказывать преступленіе, продажа же во всякомъ случаѣ за побои въ свадѣ назначалась одинаковая. 3-хъ гривенная. Такой недостатокъ постановленія Ярославова исправленъ, какъ мы увидимъ, въ уставѣ Изяслава. Къ разряду послѣдствій отъ побоевъ въ ссорѣ или дракѣ мы относимъ и поврежденіе перста, упоминаемое въ статьѣ: «аще ли перстъ утнетъ который любо: 3 гривны за обиду (I, 6)». При такомъ объясненіи не можетъ возникнуть вопроса: отчего за причиненіе толчковъ назначалась такая же пеня, какъ и за поврежденіе перста, потому что незначительность перваго поступка усиливалась злонамѣреннымъ направленіемъ воли, а бо̀льшая важность послѣдствія отъ втораго дѣйствія ослаблялась произведеніемъ этого послѣдствія во взаимной дракѣ, или ссорѣ, и такимъ образомъ оба преступленія уравновѣшивались и требовали одинаковой продажи. Точно также, принявши нашу точку зрѣнія, можно устранить и всѣ другіе вопросы и недоумѣнія. Если перстъ былъ повреждаемъ у кого либо безъ всякой свады, то само собою разумѣется платилась 12-ти гривенная продажа. Остается сказать еще объ увѣчьяхъ. За изувѣченіе какой нибудь важной части тѣла, напр. руки, ноги, въ уставѣ Ярослава опредѣлялась 40-ка-гривенная вира (I, 5). Безъ сомнѣнія, такая же вира взыскивалась и тогда, если изувѣченіе было въ такой степени, что совершенно лишало обиженнаго возможности самому мстить за себя, а передать ему права мести, по неимѣнію дѣтей, было некому. Такъ какъ объ увѣчьи въ разсматриваемомъ нами уставѣ говорится только въ одномъ мѣстѣ, и притомъ не дѣлается никакого намека, при какомъ направленіи воли взыскивалось 40 гривенъ за это преступленіе, то мы заключаемъ, что ихъ платили за всякое увѣчье,

будетъ ли оно нанесено *въ сваде* или *безъ свады*. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы виновные въ томъ и другомъ случаѣ подлежали совершенно одинаковому наказанію: совершившій увѣчье безъ свады выплачивалъ виру самъ, тогда какъ нанесшему его въ свадѣ могла помогать въ платежѣ виры вервь, потому что, по нашему мнѣнію, такая общинная плата имѣла мѣсто не только при лишеніи кого-либо жизни, но и вообще тамъ, гдѣ только взыскивалась за что нибудь вира, безъ сомнѣнія если преступникъ самъ прежде того помогалъ верви.—Кромѣ виръ и продажъ за разсматриваемыя нами преступленія назначалось и *частное вознагражденіе*, которое состояло въ томъ, что леченіе обиженнаго, если оно разумѣется было необходимо, производилось на счетъ виновнаго: «*а лѣчцю мзда*». Такое вознагражденіе, безъ сомнѣнія, опредѣлялось не только при нанесеніи побоевъ, ранъ и увѣчій въ свадѣ, но и при нанесеніи ихъ безъ всякой свады.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ же преступленій въ Изяславовомъ и Мономаховомъ уставахъ, въ которыхъ, при дальнѣйшемъ развитіи постановленій Ярослава, означенныя нами въ нихъ начала, выражены съ бо́льшею ясностію и опредѣленностію.

За нанесеніе ранъ и побоевъ назначаются Изяславомъ и Мономахомъ тѣ же пени въ пользу князя, какъ и при Ярославѣ, именно 12 гривенъ, 3 гривны и 60 кунъ. Что эти платы дѣйствительно поступали къ князю, видно изъ слѣдующаго: 1) 12 гривенъ не могли быть частнымъ вознагражденіемъ, потому что обиженный за самое тяжкое увѣчье получалъ только 10 гривенъ (II, 21), слѣдовательно нельзя думать, чтобы истцу за одни побои и раны давали 12 гривенъ; 2) при 3-хъ-гривенной платѣ назначалось иногда особое денежное вознагражденіе частному лицу (II, 22, 24), что также указываетъ на поступленіе 3-хъ-гривенъ не къ кому другому, какъ къ князю; 3) 12 и 3 гривны въ разсматриваемыхъ нами постановленіяхъ называются прямо *продажами*, которыя, какъ извѣстно, взыскивались въ пользу князя, а потому и поставленная въ одинаковыхъ условіяхъ съ 12-ти и 3-хъ-гривенными платами плата въ 60 кунъ была также *продажею* (II, 19, 23); 4) означенныя денежныя взысканія поступали, какъ мы видѣли, къ князю и при Ярославѣ, слѣдовательно не могли имѣть другаго назначенія при Изяславѣ и Мономахѣ.

Определивъ въ чью пользу взыскивались 12 гривенъ, 3 гривны и 60 кунъ, выпишемъ, для большей ясности нашихъ последующихъ выводовъ, самыя статьи, о которыхъ мы будемъ говорить.

1) Аже кто ударитъ мечемъ, *вынезъ* его, (¹) или рукоятію: то 12 гривенъ продажи за обиду (II, 18).

2) Аже ли *вынезъ* мечь, а не утнетъ, то гривна кунъ (II, 19).

3) Аже кто кого ударитъ батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылесніію: то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому ударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть (II, 20).

4) Аче ли утнеть руку, и отпадетъ рука, или усхнетъ, или нога или око, или *носъ* утнетъ: то полувирье, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ (II, 22; III, 22).

5) Аже перетъ утнетъ кій любо, 3 гривнѣ продажѣ, а самому гривна кунъ (II 22).

6) Аже придетъ кровавъ мужь на дворъ, или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слога, а кто будетъ почалъ, тому платити 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ, *али* (²) будетъ самъ почалъ, а вылезутъ послуси, то то ему за платежъ, оже и били (II, 23; III, 24).

7) Аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лечебное; потнетъ ли на смерть, а вира (II, 24).

8) Аче попхнетъ мужъ мужа, любо къ собѣ, ли отъ собе, любо *пястью* ударитъ, ли жердью ударитъ, а видока два выведутъ, то 3 гривны продажи; аже будетъ варягъ или колбягъ, иде полная видока вывести, идета на роту (II, 25) (³).

9) А кто порветъ бороду, то 12 гривенъ продажѣ (II, 60).

10) Аже выбьютъ зубъ, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна (II, 61).

По видимому, нашему выводу о назначеніи 12-ти и 3-хъ-гривен-

(¹) Въ большей части списковъ стоитъ *не вынезъ*, но мы объяснили выше ошибочность такого чтенія, и потому читаемъ *вынезъ* безъ *не*, по Пушкинскому и Погодинскому спискамъ. См. Изслѣдов. о Рус. Прав. г. Калачова стр. 117

(²) См. Изслѣд. о Р. Прав. г. Калачова, стр. 133.

(³) Тамъ же.

ныхъ платъ князю, противорѣчитъ 6-я изъ выписанныхъ нами статей. Въ ней сказано: «аже придеть кровавъ мужъ или синь, то видока *ему* не искати, но платити *ему* продажю 3 гривны.» Первое мѣстоименіе *ему* относится въ обиженному, слѣдовательно и второе такое же мѣстоименіе должно также относиться къ тому же лицу. Выводъ этотъ опровергается слѣдующимъ:

1) Не было основанія платить обиженному за побои до крови и синяковъ 3 гривны, когда вообще за всякую рану платилась ему гривна (II, 22, 24).

2) Въ Правдѣ всегда мѣстоименіе ему при глаголѣ платити означаетъ лице, которое подвергалось пени, а не обиженнаго, какъ это будетъ подробно объяснено нами ниже (¹).

3) Въ разбираемой нами статьѣ сказано: «а кто будетъ началъ, *тому платити 60 кунъ»*, т. е. обозначено лице, которое платило пеню. Если же при 60 кунахъ указано кто ихъ платилъ, а не кому онѣ платились, потому что не могли ихъ давать начинавшему драку, то разумѣется и при продажѣ въ 3 гривны также должно быть означено лице платившее, а не лице, получавшее плату.

4) Если первое мѣстоименіе *ему* въ словахъ: «видока ему не искати,» относится къ обиженному, то это не даетъ еще повода заключать, что и второе мѣстоименіе «ему» необходимо должно относиться къ тому же лицу, потому что въ Правдѣ часто два совершенно одинаковыя мѣстоименія, неразграниченныя между собою никакимъ именемъ, указываютъ на различныя лица; напр. «аже кто своего холопа самъ досочится въ чьемъ любо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше *ему*, пояти же *ему* отрокъ отъ *него*, и шедше увязати и» (II, 108). Здѣсь первое мѣстоименіе *ему* относится къ посаднику, а второе, тотчасъ слѣдующее за первымъ, къ господину холопа.

5) Обстоятельство, что въ разсматриваемой нами статьѣ виновный вовсе не обозначенъ, а говорится только о кровавомъ мужѣ, т. е. объ обиженномъ, и что потому мѣстоименіе «*ему*» можно относить лишь къ послѣднему, имѣло бы значеніе въ современной намъ грамматической рѣчи, но по отношенію къ Правдѣ оно также не опровергаетъ нашего вывода. Въ ней весьма нерѣдко употреб-

(¹) См. статью о присвоеніи находки.

ляется мѣстоименіе и тогда, когда предъ нимъ не поставлено самого имени, къ которому оно очевидно относится, а это имя только подразумѣвается, наприм.: «аже иерсть утнетъ кіи любо, 3 гривны продажѣ, а *самому* гривна кунъ»; или: «аче ли утнетъ руку, то 20 гривенъ, *а тому* за вѣкъ 10 гривенъ». Въ выписанныхъ нами статьяхъ, мѣстоименія *самому*, *тому* относятся къ подразумѣваемому лицу обиженнаго.

6) Если бы все досслѣ нами сказанное въ подтвержденіе нашего вывода, что 3 гривны за нанесеніе побоевъ до крови были продажей въ пользу князя, а не частнымъ вознагражденіемъ, сочли неосновательнымъ, то и тогда мы можемъ опереться на томъ, что чтеніе «*платити ему продажю*» не есть положительно несомнѣнное, и что въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, мѣстоименія *ему* нѣтъ, а говорится просто: *платити продажу* (¹).

Объяснимъ еще допущенное нами въ 8-ой изъ выписанныхъ выше статей чтеніе: *пястью ударитъ*, тогда какъ такого выраженія нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ устава Изяслава, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано: *по лицю ударитъ*, а въ другихъ—*палицею ударитъ*. Въ Правдѣ вообще не обращали вниманія на то, какая часть тѣла подвергалась побоямъ или ранамъ, слѣдовательно чтенія «*по лицю* ударитъ» нельзя допустить, а если и говорится объ отсѣченіи перста, о вырваніи бороды, то нельзя забывать, что эти постановленія въ уставѣ Ярослава, въ которомъ они первоначально явились, помѣщены непосредственно за назначеніемъ виры за увѣчье, и съ тою единственно цѣлью, чтобы точнѣе опредѣлить это послѣднее, т. е. чтобы кто либо, лишившись бороды или пальца, не могъ счесть себя изувѣченнымъ. Выраженіе *по лицю* не могло имѣть такого значенія. Притомъ, если допустить, что Правда дѣйствительно опредѣляла 3 гривны за ударъ *по лицу*, то, по необходимой послѣдовательности, ей слѣдовало опредѣлить плату за ударъ *поногѣ*, *по рукѣ* и по другимъ частямъ тѣла. Однакожъ мы не видимъ этого, но замѣчаемъ, что Правда вообще имѣла обыкновеніе исчислять *орудія побоевъ*, а не части тѣла, имъ подвергшіяся. Скорѣе бы можно принять другое чтеніе: *палицею ударитъ*; но въ опровержение такого чтенія должно сказать, что *палка* и *жердь* не

(¹) См. Изслѣд. о Р. Правдѣ. г. Калачова, стр. 133.

имѣютъ между собою никакого существеннаго различія, и что слѣдовательно было бы излишне употреблять въ одной статьѣ то и другое слово. Принимая во вниманіе, что въ уставѣ Ярослава не говорится о *палицѣ*, а упоминается *о пясти*, о которой въ уставѣ Изяслава нѣтъ ни слова, тогда какъ всѣ остальныя орудія нанесенія ранъ и побоевъ исчислены тѣ же самыя, мы думаемъ, что вмѣсто искаженныхъ выраженій: *по лицю ударитъ. палицею ударитъ*, слѣдуетъ читать: *пястью* ударитъ.

Послѣ такихъ предварительныхъ, но необходимыхъ объясненій, займемся разсмотрѣніемъ самаго существа выписанныхъ нами выше постановленій.

Въ статьѣ, начинающейся словами: «аже придетъ кровавъ мужъ,» мы встрѣчаемъ выраженія: «*а кто будетъ почалъ*», «*али будетъ самъ почалъ*», которыя показываютъ, что въ ней говорится о нанесеніи побоевъ въ свадѣ. За побои такого рода, если они оставляли по себѣ слѣды, т. е. были до крови и синяковъ, платилось 3 гривны продажи, а если слѣдовъ не оставалось, то 60 кунъ. Но та и другая продажа упадала всегда только на того, *кто будетъ почалъ*. Какъ понимать это выраженіе? Если кто начиналъ ссору, а ему отвѣчали побоями, или кто заводилъ ссору и самую драку, а его избивали до крови и синяковъ, то въ такихъ случаяхъ начинавшаго ссору и драку, какъ уже наказаннаго, безъ сомнѣнія не подвергали отвѣтственности, но за то и онъ не могъ требовать никакого вознагражденія: «*то то ему за платежъ, оже и били*». Остается допустить, что взыскивали продажу съ того, кто будетъ почалъ,только тогда, если самъ онъ получалъ меньшіе побои, а причинялъ болѣе тяжкіе. Статья: «аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лечебное, потнетъ ли на смерть, а вира»,—тоже указываетъ на нанесеніе раны въ дракѣ или въ ссорѣ. Мы знаемъ, что по постановленіямъ Изяслава виновный въ убійствѣ подвергался платежу виры только тогда, если онъ лишалъ кого либо жизни въ свадѣ. Такимъ образомъ, когда въ концѣ выписанной нами статьи говорится объ умерщвленіи кого нибудь въ свадѣ, то безъ сомнѣнія и въ началѣ статьи слѣдуетъ разумѣть то же самое условіе относительно причиненія раны. При нанесеніи ранъ въ свадѣ, безъ сомнѣнія, обращали, подобно какъ при побояхъ, вниманіе на то, кто начи-

валъ ссору или драку. Статью о поврежденіи перста (II, 22), какъ мы замѣтили уже при разсмотрѣніи устава Ярослава, также слѣдуетъ отнести къ кругу постановленій о причиненіи побоевъ и ранъ въ свадѣ. Разобравъ всѣ эти постановленія, постараемся доказать, что Правда допускала и противоположное начало тому, какое нами высказано. Обратимъ вниманіе на статью: «аче поихнетъ мужъ мужа, либо къ собѣ, ли отъ собе, либо пястью ударитъ, ли жердью ударитъ, *а видока два выведутъ*, то 3 гривны продажи.» Изъ постановленія о кровавомъ мужѣ (II, 23), видно, что свидѣтели представлялись обиженнымъ въ томъ только случаѣ, *аще не будетъ на немъ знаменія*, т. е. слѣдовъ отъ побоевъ; слѣдовательно въ выписанной нами статьѣ, въ которой требуется привода двухъ свидѣтелей, также говорится о побояхъ, кои не оставляли по себѣ слѣдовъ. Если такъ, то на какомъ основаніи за нанесеніе кому либо безвредныхъ ударовъ назначали такую же 3-гривенную продажу, какъ и тогда, если бы кто избивалъ кого до крови и синяковъ? Очевидно, въ томъ и другомъ случаѣ пени опредѣлены при различныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельство, при которомъ назначена продажа въ законѣ о кровавомъ мужѣ, ясно выражено, именно *свада*. Поэтому необходимо въ статьѣ о толчкахъ допустить противоположное тому начало, т. е. нанесеніе побоевъ *безъ всякой свады, на разбоѣ*. Если же есть въ Правдѣ постановленіе о причиненіи безвредныхъ ударовъ безъ свады, то долженъ быть разрѣшенъ и тотъ случай, когда кто, при такомъ же условіи, наносилъ кому либо побои до крови и синяковъ. Зная, что за побои перваго рода назначалась 3-гривенная продажа, и что слѣдовательно за послѣдніе необходимо было опредѣлить бо̀льшую пеню, мы полагаемъ, что во всѣхъ выписанныхъ нами выше статьяхъ, гдѣ упоминается о 12-гривенной продажѣ, говорится о нанесеніи *безъ всякой свады*, злоумышленно, какъ ранъ такъ и побоевъ, оставившихъ по себѣ знаменія, т. е. слѣды. Сюда относятся статьи о причиненіи удара мечемъ, объ ударѣ батогомъ, о выбитіи зуба, о вырваніи бороды (II, 18, 20, 60, 61). Наше мнѣніе подтверждается еще и тѣмъ, что клокъ волосъ, вырванныхъ изъ бороды, называется въ Правдѣ *знаменіемъ*, а въ постановленіи о зубѣ говорится о *слѣдахъ* крови (II, 60, 61).— Остается еще кое-что сказать о статьѣ: «аже ли вынезъ мечь, а не утнетъ» (II, 19). За самое нанесеніе побоевъ въ свадѣ, какъ мы

видѣли, *аще не будетъ знаменія*, опредѣлялась пеня въ 60 кунъ: слѣдовательно не могли такой же продажи назначать за одно только *покушеніе* на побои. Это заставляетъ насъ заключать, что въ означенной статьѣ разрѣшается случай злоумышленнаго покушенія нанести чѣмъ бы то ни было ударъ *безъ всякой свады*. Соображая все нами сказанное о нанесеніи побоевъ и ранъ, мы видимъ, что при опредѣленіи за нихъ количества продажи, какъ при Ярославѣ, такъ и при Изяславѣ и Мономахѣ, главнымъ образомъ обращали вниманіе нанесены ли побои и раны *въ свадѣ* или *безъ свады*; за тѣмъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣлали различіе между побоями со знаменіемъ и безъ знаменія, а при ударахъ безъ свады отличали еще покушеніе отъ самаго совершенія преступленія. Такимъ образомъ, за причиненіе ранъ и побоевъ до крови и синяковъ какимъ бы-то ни было орудіемъ, но съ злымъ умысломъ и безъ всякой свады, виновные платили *12 гривенъ продажи*; за нанесеніе же побоевъ, не оставлявшихъ по себѣ слѣдовъ, также безъ свады и какимъ бы то ни было орудіемъ, опредѣлялась продажа *въ 3 гривны*. За одно покушеніе нанести чѣмъ бы то ни было ударъ безъ всякой свады платилось 60 *кунъ*. Въ случаѣ причиненія ранъ и побоевъ до крови и синяковъ въ дракѣ или въ ссорѣ назначалась *3-гривенная продажа*, а за побои, нанесенные при тѣхъ же условіяхъ, но не оставлявшіе по себѣ никакихъ слѣдовъ, платилось 60 кунъ. Относительно нанесенія увѣчья, законъ Изяслава исчисляетъ болѣе частныхъ случаевъ по этому предмету, чѣмъ постановленіе Ярослава, и потому точнѣе опредѣляетъ мысль Правды, что подъ увѣчьемъ слѣдуетъ разумѣть неизгладимое повреждение какой нибудь важной части тѣла, напр. поврежденіе руки, ноги, выколотіе глаза, отрѣзаніе носа и проч. За такія дѣйствія взыскивалась уже не полная вира, какъ прежде, а полувира, 20 гривенъ. При опредѣленіи пени за увѣчья, также какъ и при Ярославѣ, не обращали вниманія на то, нанесены ли они въ свадѣ или безъ свады.

Касательно частныхъ вознагражденій за побои, раны и увѣчья въ уставахъ Изяслава и Мономаха сдѣланы значительныя измѣненія. При Ярославѣ, частное вознагражденіе во всѣхъ этихъ случаяхъ не было въ точности опредѣлено, а выражалось просто словомъ *мзда*, количество которой зависѣло отъ произвола обиженнаго

и лѣтця. При Изяславѣ же и Мономахѣ назначены опредѣленныя платы, именно: за увѣчье взыскивалось въ пользу изувѣченнаго 10 гривенъ (¹), за раны платилась обиженному гривна на леченіе, и потому называлась *лечебною, оже лечетно есть.* (III, 25), и давалась также за поврежденіе перста и выбитіе зуба. За причиненіе побоевъ до крови и до синяковъ лечебная гривна тоже имѣла мѣсто. Это видно изъ выраженія: «аче же и кровавъ придетъ, али будетъ самъ почалъ, то то ему за платежь, оже и биша», которое даетъ поводъ заключать, что тотъ, кто не самъ начиналъ драку или ссору, получалъ плату, т. е. безъ сомнѣнія гривну на леченіе. За побои, не оставлявшіе по себѣ никакихъ слѣдовъ, а также и за вырваніе бороды, сначала частнаго вознагражденія не полагалось; но со времени Мономаха за всякій ударъ обиженный могъ, кажется, требовать *гривны кунъ за соромъ.* Хотя объ этой гривнѣ упоминается только при нанесеніи удара холопомъ свободному мужу (II, 58); но такъ какъ въ Правдѣ почти никогда частное положеніе не слѣдуетъ принимать въ смыслѣ исключенія изъ общаго правила, то мы думаемъ, что и въ настоящемъ случаѣ въ частномъ выражается общее.

Пени въ пользу князя за нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій, какъ при убійствѣ и какъ вообще въ Правдѣ, взыскивались отдѣльно съ каждаго виновнаго, сколько бы сообщниковъ ни было въ одномъ какомъ либо преступленіи, т. е. если бы напр. пять человѣкъ совмѣстно причинили кому нибудь побои до крови въ свадѣ, то каждый изъ пяти преступниковъ долженъ былъ заплатить особо 3-гривенную продажу, всего 15 гривенъ; но частное вознагражденіе обиженному, лечебная гривна, само собою разумѣется, выплачивалась ими сообща, по раскладкѣ, именно по 10 кунъ на каждаго.

Исчисливъ количество пеней въ пользу князя и частныхъ вознагражденій за побои, раны и увѣчья, мы должны сказать, что плата всего этого не безусловно требовалась во всякомъ данномъ случаѣ. Напротивъ, иногда ни пени въ пользу князя, ни частнаго возна-

---

(¹) Страннымъ представляется, что за увѣчье смерда платилось ему 10 гривенъ, тогда какъ за лишеніе его жизни родственники его получали только 5 гривенъ головничества. Едвали тутъ нѣтъ ошибки. Мы полагаемъ, что за изувѣченіе платилось менѣе 10 гривенъ.

гражденія не назначалось, не смотря на совершеніе преступленія. Это было въ случаяхъ *необходимой обороны.* Мы видѣли въ статьѣ объ убійствѣ, что на самой татьбѣ дозволялось даже убивать татя (II, 36); слѣдовательно тѣмъ болѣе не могли подвергать отвѣтственности того, кто, заставъ вора на кражѣ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, т. е. ночью и когда онъ не былъ еще пойманъ, наносилъ ему увѣчья, раны и побои. Если же Правда дозволяла подобныя дѣйствія при оборонѣ своего имущества, то нельзя допустить, чтобы она подвергала взысканію за разныя послѣдствія, какія могли произойти при оборонѣ собственнаго лица. Поэтому, если бы на кого нибудь нападали и наносили съ какимъ либо злымъ умысломъ удары безъ всякой свады, то подвергшійся такому нападенію могъ, если хотѣлъ, обороняться, и равно нанести ударъ, рану, и даже смерть, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Такимъ образомъ мы толкуемъ выраженіе Правды: «не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть» (II, 20). Выраженіе это помѣщено въ концѣ статей, въ которыхъ, какъ мы видѣли, говорится о нанесеніи тяжкихъ побоевъ и ранъ; слѣдовательно причиненіе тѣхъ и другихъ при оборонѣ не считалось преступнымъ; но такъ какъ послѣдствіемъ ихъ могла быть и смерть, о коей Правда умалчиваетъ, то мы полагаемъ, что въ такомъ случаѣ извинялось даже убійство. Это основаніе необходимой обороны проглядываетъ не при одномъ только нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ безъ всякой свады, но—хотя въ ограниченномъ видѣ—и при побояхъ въ ссорѣ или дракѣ, потому что кто причинялъ начинавшему съ нимъ ту или другую побои до крови, тотъ не подвергался отвѣтственности, и обиженный не могъ даже требовать съ него лечебной гривны: «то то ему за платежъ, оже и били».

Если, какъ мы видѣли, иногда за умышленное нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ не взыскивалось пеней въ пользу князя, то тѣмъ болѣе не могли ихъ взыскивать за такіе удары, раны и увѣчья, которые произошли безъ всякаго намѣренія, по одной неосторожности, или случайно. Можетъ быть здѣсь допускалось частное вознагражденіе, подобно тому какъ это дѣлалось при случайной растратѣ чьего либо имущества (II, 50); но безъ сомнѣнія ни вира, ни продажа не имѣли мѣста.

Кромѣ изложенныхъ нами постановленій Правды о нанесеніи по-

боевъ, ранъ и увѣчій, находятся въ ней еще особыя постановленія объ *истязаніи*, не подходящія подъ изложенныя нами выше начала, и очевидно составляющія исключеніе изъ общаго правила. Мы говоримъ о двухъ слѣдующихъ статьяхъ дополнительнаго Ярославова устава: 1) «оже смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны (I, 31)»; 2) «а въ огнищаниѣ и въ тивунцѣ и въ мечницѣ—12 гривнѣ» (I, 32). Эти постановленія въ уставѣ Мономаха изложены такъ: 1) «аже смердъ умучитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ (II, 71); 2) аже огнищанина мучитъ, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна» (II, 72) [1]. Для опредѣленія юридическаго смысла этихъ статей, слѣдуетъ вникнуть въ значеніе слова: *мука*. Подъ нимъ разумѣлось въ Правдѣ *испытаніе желѣзомъ* тѣхъ, на кого падало обвиненіе въ совершеніи того или другаго противузаконнаго дѣйствія (II, 81, 82). Испытаніе это всегда производилось самимъ обвиненнымъ, потому-что въ Правдѣ предписывается истцу *имать на желѣзо* (II, 81); кромѣ того, и въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ прямо было постановлено выдавать оподозрѣнныхъ въ чемъ либо на мученье истцу [2]. Но никто не имѣлъ права подвергать кого нибудь испытанію *безъ княжа слова*. Подобно тому, какъ слова: *вести на княжъ дворъ* (II, 36) означаютъ не то, чтобы преступника, хотя бы изъ самаго отдаленнаго мѣста, непремѣнно слѣдовало представлять къ князю, а только то, что подсудимаго вмѣнялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ обязанность отводить въ приказную или посадническую избу, въ коей дѣйствовали именемъ князя, такъ точно и выраженіе: *безъ княжа слова*, нельзя понимать такъ, чтобы позволеніе на испытаніе кого либо давалось непосред-

---

[1] См. Изслѣд. о Рус. Прав. г. Калачова, стр. 116. Во всѣхъ спискахъ Правды, въ уставѣ Мономаха читается: «аже *смердъ* мучитъ смерда» или «мучитъ смердъ смерда»; слѣдовательно это не есть ошибочное повтореніе одного и того же слова. Въ постановленіи Ярослава о причиненіи муки огнищанину, говорится кромѣ того о тивунцѣ и мечницѣ, о которыхъ не упоминается въ постановленіи по тому же предмету Мономаха; но это не означаетъ еще какого либо пропуска. Наименованія тіунъ и мечникъ составляютъ только разъясненіе слова огнищанинъ, такъ что смыслъ Ярославовой статьи слѣдующій: за муку огнищанина, будетъ ли онъ тіунъ княжій или княжій мечникъ, платилось 12 гривенъ.—[2] Времен. кн. 18, Стар. Лит. Ст. стр. 102, ст. 13 и 14.

ственно княземъ. Это позволеніе могъ дать или самъ князь или его именемъ посадникъ, смотря по тому, чьимъ судомъ вѣдалось то мѣсто, гдѣ производилось дѣло, *княжимъ* или *посадничимъ*. Въ первомъ случаѣ, для присутствованія при испытаніи желѣзомъ, отряжался *княжій дѣтскій*, а во второмъ—*посаднической мечникъ* (II, 82). Итакъ, изъ всего нами сказаннаго видно, что подъ словами *умучить безъ княжа слова* разумѣли самовольное испытаніе желѣзомъ, а безъ сомнѣнія также и водою, лица, оподозрѣннаго въ какомъ либо преступленіи, безъ полученія *законнаго разрѣшенія* на такое дѣйствіе (¹). При опредѣленіи продажи за самовольное испытаніе кого либо водою или желѣзомъ обращали вниманіе не на степень причиненнаго истязанія, но только на состояніе лица подвергшагося мукѣ, и потому за самоуправное истязаніе *огнищанина* взыскивали 12 - гривенную продажу, а за такое же дѣйствіе надъ смердомъ—3-хъ-гривенную. Безъ сомнѣнія такія продажи при Ярославѣ выплачивались только въ томъ случаѣ, если обиженный не могъ самъ мстить за себя.—Относительно частнаго вознагражденія обиженнаго за самовольное испытаніе его водою или желѣзомъ, слѣдуетъ замѣтить, что это вознагражденіе во времена Ярослава, какъ и вообще за нанесеніе при немъ ранъ и побоевъ, вѣроятно состояло только въ платѣ *мзды лѣтцю*; но при Мономахѣ за муку, какъ огнищанина, такъ и смерда, назначена *гривна*, которая безъ сомнѣнія имѣла одинаковое значеніе съ лечебной гривной за раны. Обстоятельство, что при самовольномъ испытаніи желѣзомъ или водою, обиженный считался какъ бы только раненымъ, и потому вознаграждался за муку одной гривной, тогда какъ онъ могъ отъ того умереть, или быть изувѣченнымъ,—заставляетъ думать, что Правда и не предполагала

(¹) Г. Нейманъ думаетъ (См. Изслѣд. о Р. Правдѣ г. Калачова стр. 19), что выраженіе «*безъ княжа слова*» указываетъ на высокое значеніе князя, который имѣлъ право приказать увѣчить и мучить каждаго изъ подданныхъ. Странный выводъ! Это все равно, если бы какой нибудь будущій изслѣдователь, разбирая современный намъ законъ о запрещеніи раскладывать огонь на дворахъ и улицахъ *безъ позволенія полиціи* (ст. 1395 Ул. о наказ. 1845 г.), сдѣлалъ бы выводъ, что слова «безъ позволенія полиціи», указываютъ на высокое ея значеніе, и что она слѣдовательно могла раскладывать огонь, гдѣ ей было угодно, и такимъ образомъ даже сжигать частные дома.

такихъ послѣдствій отъ означеннаго противузаконнаго дѣйствія, и что если они случались, то на нихъ смотрѣли уже, какъ на особыя преступленія, подвергавшія виновнаго отвѣтственности по законамъ объ убійствѣ и увѣчьи. Мнѣніе наше подтверждается тѣмъ, что даже и при дозволенныхъ испытаніяхъ водою или желѣзомъ едва ли не запрещалось мучить кого либо до изувѣченія или до смерти, по крайней мѣрѣ это не дозволялось во многомъ сходнымъ съ Правдой Старымъ Литовскимъ Статутомъ (1).

До сихъ поръ мы разбирали законы, въ которыхъ говорилось о нанесеніи увѣчій, ранъ, побоевъ и мукъ свободнымъ человѣкомъ свободному лицу. Это доказывается слѣдующею статьею Правды: «аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть; бьетъ ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то *яко же въ свободнѣмъ платежь*, такоже и въ закупѣ» (II, 55). Если мы не допустимъ, что во всѣхъ изложенныхъ нами выше постановленіяхъ о нанесеніи побоевъ, ранъ и увѣчій, предполагаются *обиженными* только лица свободнаго состоянія,—не касаясь статей о мукахъ, гдѣ это ясно выражено,—тогда не найдется въ Правдѣ другихъ постановленій, на которыя могла бы указывать сдѣланная въ приведенномъ нами законѣ ссылка: *яко же въ свободнѣмъ платежь, такоже и въ закупѣ*. Но не одними обиженными, а и *виновными* также въ разсмотрѣнныхъ выше преступленіяхъ предполагались лица свободнаго состоянія, потому-что о нанесеніи ударовъ холопомъ свободному мужу находится въ Правдѣ особый законъ. И такъ, остается намъ сказать только о тѣхъ случаяхъ, когда и *преступниками* и *обиженными* по дѣламъ объ увѣчьяхъ, ранахъ и побояхъ,—были холопы и закупы.

Начнемъ съ разсмотрѣнія статьи Ярославова устава: «оже холопъ ударитъ свободна мужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его: то холопа пояти, да платитъ господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ гдѣ его налѣзутъ удареный той мужь, да бьютъ его» (I, 16) (2). При господствѣ во времена Ярослава мести, ей подлежалъ и виновный холопъ, нанесшій ударъ лицу свободнаго состоянія; но если господинъ холопа-преступника укрывалъ его и не выдавалъ на произволъ мстителя, то долженъ былъ, такъ какъ

(1) См. Времен. кн. 18, Лит. Ст. стр. 102, ст. 14.—(2) См. Изслѣд. о Рус. правд. г. Калачова, стр. 94.

чрезъ это самосудъ дѣлался невозможнымъ по крайней мѣрѣ въ данное время, платить князю пеню. Въ выписанномъ нами законѣ назначена 12-гривенная продажа, не смотря на то, что въ немъ вовсе не разъясняется, какимъ образомъ нанесенъ холопомъ ударъ, въ свадѣ или безъ свады, и какія произошли отъ того послѣдствія. Мы думаемъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по общимъ законамъ платились разныя продажи, именно 60 кунъ, 3 гривны и 12 гривенъ, господинъ, укрывшій своего холопа, подвергался, безъ различенія этихъ случаевъ, платежу только послѣдней, высшей продажи; но полагаемъ, что, если былъ укрываемъ рабъ, нанесшій увѣчье свободному лицу, то владѣлецъ преступника обязывался уже выплачивать не продажу, а виру. Впрочемъ взысканіемъ съ господина пени за укрывательство холопа не прекращалось право самосуда. Если и не дозволялось виновнаго насильно брать изъ его убѣжища, то обиженный могъ, еслибы въ послѣдствіи поймалъ гдѣ нибудь холопа внѣ господскихъ хоромъ, подвергнуть его своей мести. Сущность этой мести означена въ Правдѣ словами: *«да бьютъ его»*; но такъ какъ въ нихъ не опредѣлены послѣдствія такого дѣйствія, притомъ они по самосуду были безразличны, то отсюда слѣдуетъ, что обиженный могъ или *убить* холопа, или только *побить*; о денежной же сдѣлкѣ съ нимъ не могло быть и рѣчи. Выписанный нами Ярославовъ законъ не былъ измѣненъ при Изяславѣ; но сообразно съ отмѣной имъ убійства по праву самосуда, и выраженіе *«да бьютъ его»* слѣдовало принимать уже только въ смыслѣ *побить*. Однакожъ, при неизмѣненіи редакціи закона, не подлежитъ сомнѣнію, что его понимали и примѣняли на дѣлѣ также, какъ и при Ярославѣ, съ тою только вѣроятно разницею, что если господинъ не укрывалъ холопа, и мститель соглашался на выкупъ, то онъ могъ требовать съ господина не болѣе двойной цѣны за обиду (II, 42). Видя такое несоотвѣтствіе между духомъ всего Изяславова устава и пониманіемъ отдѣльной выписанной нами выше статьи о холопѣ, Мономахъ счелъ необходимымъ разъяснить въ какомъ значеніи слѣдуетъ принимать слово *«бьютъ»*, и притомъ сдѣлать въ самомъ законѣ нѣкоторыя измѣненія. Очевидно, чтобы объяснить ошибку въ пониманіи слова *бить*, Владиміру Мономаху нужно было сдѣлать ссылку на предшествовавшіе законы, и показать сначала, что при Ярославѣ *бить* могло значить и *убить*, но

что сыновья его отмѣнили убіеніе изъ мести, и потому глаголу *бить* не должно было давать другаго какого либо смысла, кромѣ *побить и прибить*. Выпишемъ теперь самую статью Мономаха: «аже холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ аче гдѣ налѣзетъ удареный той своего истьця, кто его ударилъ, то—(Ярославъ былъ уставилъ убити й; но сынове его по отцѣ уставиша на куны)—или *вязати*, любо бити й *розвязавше*, или взяти гривна кунъ за соромъ» (¹). Всякій съ нами согласится, что въ этомъ постановленіи слова: *«любо бити»* нельзя уже понимать въ смыслѣ умертвить. Ссылкой на предшествовавшіе законы Мономахъ точнымъ образомъ опредѣлилъ значеніе означеннаго выраженія. Онъ ясно показалъ, что Ярославъ «былъ уставилъ убити, но сынове его уставиша на куны», т. е. отмѣнили убійство, и что слѣдовательно слова: *бить розвязавше* не даютъ никому права бить до смерти. Вотъ, по нашему мнѣнію, съ какою цѣлью въ законѣ Мономаха сдѣлана ссылка на законы Ярослава и Изяслава. Но могутъ намъ возразить, что изложенную выше статью слѣдуетъ приписать если не Ярославу, о предписаніи котораго говорится въ ней какъ о чемъ-то давнопрошедшемъ (былъ уставилъ), то во всякомъ случаѣ Изяславу съ братьями, а не Мономаху, и что словами: *«сынове его по отци уставиша на куны»* отмѣнялся прежній Ярославовъ и установлялся новый законъ о холопѣ, а не дѣлалась только ссылка на законъ предшествовавшій, именно: «отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати» (II, 2). Допустивъ согласное съ этимъ возраженіемъ толкованіе статьи о холопѣ, ударившемъ свободнаго мужа, слѣдовало бы заключить, что, въ отмѣну Ярославова дозволенія убивать такого холопа, Изяславъ съ братьями установилъ, чтобы обиженный довольствовался только денежнымъ выкупомъ—*уставиша на куны*. Однакожъ, такой выводъ, прямо вытекающій изъ смысла возраженія, положительно противорѣчитъ послѣдующимъ словамъ закона: *«любо бити й розвязавше, любо ли взяти гривна»*, въ которыхъ дозволяется не одинъ *выкупъ*, но и *побои*. Слѣдова-

(¹) См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ г. Калачова, стр. 94. Чтобы *развязать* необходимо прежде *связать*, и потому слово *вязати*, хотя помѣщено не во всѣхъ спискахъ, непремѣнно должно было находиться въ подлинномъ уставѣ Мономаха.

только выраженіе: «уставиша на куны», не соотвѣтствуетъ смыслу окончательнаго предписанія закона, и потому нельзя приписывать этого послѣдняго Изяславу съ братьями. Кромѣ того, въ пользу нашего мнѣнія говоритъ не только помѣщеніе статьи о холопѣ въ уставѣ Мономаха, но и самое соотвѣтствіе между сю и общими его законами о виновныхъ холопахъ, которыхъ предписывалось господину или *выдавать* обиженному или *выкупать* (II, 110—113). Нельзя не замѣтить, что это же начало положено въ основаніе и разбираемаго нами постановленія, съ тою только разницею, что въ немъ опредѣленъ случай, если господинъ не выдастъ или не выкупитъ холопа добровольно. Если кто либо изъ лицъ свободнаго состоянія былъ побитъ, раненъ или изувѣченъ чьимъ либо холопомъ, и владѣлецъ его не заплатилъ бы обиженному за побои и рану гривны кунъ, а за увѣчья 10 гривенъ, или не выдалъ бы ему, вмѣсто платежа, головою самого виновнаго, а сталъ бы напротивъ его укрывать, то въ такомъ случаѣ господинъ такого холопа подвергался взысканію 12-ти-гривенной продажи или полувиры, а обиженный могъ, аче гдѣ налѣзетъ виновнаго раба, *вязати его*, т. е. задержать ([1]). По задержаніи холопа, обиженному предоставлялось выбрать одно изъ двухъ: или держать его у себя до полученія отъ господина платы за побои, раны или увѣчья, или же бить холопа розвязавше, т. е. поколотить его, ранить, или изувѣчить, и затѣмъ отпустить его, не ожидая выкупа. Безъ сомнѣнія, сдѣланное Мономахомъ разъясненіе, хотя и по частному случаю, какъ поступать, если господинъ не выкупалъ и не выдавалъ холопа, относится не къ одному только нанесенію имъ удара свободному мужу, но также и къ убійству и вообще ко всѣмъ нарушеніямъ правъ по имуществу. Такимъ образомъ, если господинъ не выдалъ убійцы-холопа, то платилъ виру или продажу, если же укрывалъ холопа-татя, то подлежалъ продажѣ, а съ самимъ виновнымъ по задержаніи его поступали также, какъ съ холопомъ, нанесшимъ ударъ свободному лицу. Если закупъ причинялъ побои, раны и увѣчья лицамъ свободнаго состоянія и находился налицо, а не убѣгалъ, то господинъ его, подобно какъ и при совершеніи имъ татьбы, долженъ былъ заплатить частное вознагражденіе обиженному, а закупъ дѣлался

([1]) Глаголъ *вязать* употребленъ здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ и глаголъ *увязати* въ статьѣ объ увязаніи бѣглаго холопа (II, 108).

обѣльнымъ холопомъ своего хозяина. Если же господинъ не хотѣлъ платить за закупа, то могъ его продать и удовлетворить истца только вырученною такимъ образомъ суммою, хотя бы она была менѣе того, что слѣдовало заплатить обиженному; но если выручка превышала сумму иска, то излишекъ, за удовлетвореніемъ истца, господину дозволялось брать себѣ. За закупа, который бы бѣжалъ, послѣ нанесенія имъ кому нибудь побоевъ, ранъ и увѣчій, владѣлецъ его не подвергался отвѣтственности (II, 57).

Наконецъ остается намъ сказать о томъ, что дѣлали съ тѣми, кои причиняли холопамъ и закупамъ побои, раны и увѣчья. До отмѣны самосуда за обиженныхъ такимъ образомъ людей несвободнаго состоянія вѣроятно мстили ихъ господа, но въ дѣйствія этихъ послѣднихъ по отношенію къ первымъ безъ сомнѣнія никто не вмѣшивался. По отмѣнѣ же самосуда, если даже господинъ безвинно причинялъ побои, раны и увѣчья собственному закупу, то подлежалъ такой же отвѣтственности, какъ и за нанесеніе того же самаго лицу свободнаго состоянія: «яко же въ свободнемъ платежъ, тако же и въ закупѣ» (II, 55). Слѣдовательно, тѣмъ болѣе посторонній человѣкъ за нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій чужому закупу, въ недозволенныхъ закономъ случаяхъ, не могъ оставаться безнаказаннымъ, и обязанъ былъ платить князю пеню, и кромѣ того частное вознагражденіе, которое вѣроятно отдавалось господину въ зачетъ лежавшаго на закупѣ долга. Но если посторонній свободный человѣкъ причинялъ чужому закупу побои, раны и увѣчья, заставши его на самой татьбѣ, или при необходимой оборонѣ собственнаго лица, или по задержаніи виновнаго въ чемъ нибудь закупа, за вину котораго господинъ обиженному не заплатилъ, или наконецъ при испытаніи оподозрѣннаго въ какомъ либо преступленіи закупа желѣзомъ и водою, по дозволенію его владѣльца, хотя и безъ княжа слова, потребовавшагося для муки людей несвободнаго состоянія,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ посторонній человѣкъ безъ сомнѣнія не могъ подлежать никакой отвѣтственности. За ударъ, нанесенный закупу холопомъ посторонняго господина, вѣроятно судили также, какъ и за ударъ, причиненный холопомъ свободному мужу.—Относительно холоповъ должно замѣтить, что Правда назначала пеню только за лишеніе ихъ жизни, и то если они умерщвлены безъ вины, но за нанесеніе имъ побоевъ, ранъ и увѣчій не

опредѣляла никакихъ взысканій. Поэтому мы думаемъ, что всякій господинъ могъ безнаказанно бить, причинять раны и увѣчить своего холопа, безъ вины и за вину, если только въ первомъ случаѣ онъ не лишался отъ того жизни. Но совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать, когда такія же дѣйствія, безъ всякихъ извиняющихъ ихъ обстоятельствъ, а также и испытаніе желѣзомъ и водою безъ позволенія владѣльца, допускалъ посторонній человѣкъ по отношенію къ чужому холопу. Тутъ, безъ сомнѣнія, считался обиженнымъ не этотъ послѣдній, а его господинъ, который имѣлъ полное право требовать съ виновнаго вознагражденія за своего раба, т. е. гривны за побои и раны и нѣсколькихъ гривенъ за увѣчье. Впрочемъ, нельзя отрицать, чтобы по крайней мѣрѣ за нѣкоторыхъ холоповъ не платилось за увѣчье 10 гривенъ. Мы видѣли, что такая плата назначена за изувѣченіе смерда, головщина же за него равнялась головщинѣ за холопа. Притомъ этотъ послѣдній могъ быть хорошимъ ремесленникомъ, и чрезъ увѣчье сдѣлаться неспособнымъ къ работѣ. Въ такомъ случаѣ, какъ намъ кажется, господинъ, понесшій убытокъ, имѣлъ основаніе требовать 10 гривенъ, потому-что ремесленникъ цѣнился не 5 гривенъ, какъ простой холопъ, а 12 гривенъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что виновные въ причиненіи побоевъ холопамъ или въ поврежденіи ихъ здоровья, кромѣ частнаго вознагражденія ихъ владѣльцамъ, не платили пеней въ пользу князя, иначе бы Правда объ этомъ не умолчала.

Сдѣлаемъ теперь общіе выводы изъ статьи о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ:

1) Первоначально нанесшій кому либо увѣчья, раны и побои подвергался *частной мести*. Мстить ему всегда долженъ былъ самъ обиженный, и только при нанесеніи этому послѣднему тяжкаго увѣчья, дѣлавшаго его неспособнымъ къ самосуду, дозволялось мстить за изувѣченнаго его дѣтямъ. Но если бы ни обиженный, ни его дѣти не могли почему либо сами мстить, и не желали примириться съ обидѣвшимъ ихъ, то имѣли право обращаться къ суду, и въ такомъ случаѣ виновный подвергался платежу пени въ пользу князя и вознагражденія обиженному.

2) По отмѣнѣ самосуда, за нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ свободнымъ человѣкомъ свободному лицу, обиженный всегда дол-

женъ былъ, если хотѣлъ получить удовлетвореніе, прибѣгать къ суду. При опредѣленіи въ такомъ случаѣ пеней за эти преступленія обращали вниманіе на то, сдѣланы ли они *злоумышленно безъ всякой свады*, или *въ свадѣ*; кромѣ того, при назначеніи продажи за побои соображались съ тѣмъ, остались ли послѣ нихъ слѣды или нѣтъ,—а при нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ злонамѣренно безъ всякой свады отличали еще покушеніе отъ самаго совершенія преступленія. Такимъ образомъ, за причиненіе въ свадѣ или злоумышленно безъ всякой свады кому либо увѣчій платилась сначала 40-гривенная вира, а потомъ полувира; но въ первомъ случаѣ она платилась совмѣстно съ вервію, если виновный самъ прежде вкладывался въ дикую виру, а во второмъ—виновный уплачивалъ виру самъ, потому-что за разбойника люди не платили (II, 5); разбойникъ же, ставшій на разбоѣ безъ всякой свады, могъ совершить или убійство, или причинить только увѣчье, раны и побои. За раны и побои платилось:

а) При нанесеніи ихъ злоумышленно безъ свады:

I. За раны—12 гривенъ	I. За побои 1) если были слѣды—12 гривенъ. 2) если не было слѣдовъ—3 грив.

б) *При нанесеніи ихъ въ свадѣ:*

II. За раны—3 гривны	II. За побои: 1) если были слѣды—3 гривны. 2) если не было слѣдовъ—60 кунъ.

За нанесеніе ранъ при самовольномъ испытаніи кого либо желѣзомъ и водою взыскивалось, если обиженный былъ огнищаниномъ, 12 гривенъ, если смердомъ—3 гривны. За одно покушеніе нанести увѣчье, рану или побои злонамѣренно безъ всякой свады платилось 60 кунъ. За совершеніе этихъ преступленій при необходимой оборонѣ, а также неосторожно или случайно безъ свады—виновные отвѣтственности не подвергались. Частное вознагражденіе обиженнымъ состояло въ платѣ: 1) 10 гривенъ за увѣчье, 2) лечебной гривны за рану и побои до крови и синяковъ; 3) гривны за муку, въ случаѣ самовольнаго испытанія кого либо желѣзомъ или водою, и 4) гривны за соромъ, если побои не оставляли по себѣ никакихъ слѣдовъ.

3) Если холопъ чинилъ увѣчья, раны или побои свободному человѣку, то подлежалъ суду не князя, а частной мести. Месть эта до Мономаха была неограниченна, но онъ установилъ, чтобы виновнаго холопа господинъ его или *выкупалъ*, или *выдавалъ* обиженному *головою*. Если господинъ не исполнялъ этого, и укрывалъ холопа, то подвергался платежу виры или продажи, а обиженный могъ самъ задержать при случаѣ холопа, и держать его до полученія выкупа, или освободить, нанести ему тоже побои, раны или увѣчья.— Если закупъ совершалъ эти преступленія, то не выдавался головою, но если былъ на лицо, то господинъ обязывался вознаградить обиженнаго денежнымъ выкупомъ, иначе хозяинъ и его закупъ подвергались и изложеннымъ выше послѣдствіямъ. За холоповъ и закуповъ, коимъ причинялъ кто либо увѣчья, раны и побои, господа имѣли право требовать денежныхъ вознагражденій, назначенныхъ за эти преступленія; но кромѣ того за нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій закупу, какъ посторонній человѣкъ, такъ и самъ господинъ, если причинялъ ихъ безвинно, подлежали платежу пеней въ пользу князя.

II. О нарушеніи правъ по имуществу.

1) О противузаконномъ пользованіи чьимъ либо имуществомъ и растратѣ его.

Въ Правдѣ относительно противузаконнаго пользованія чужою собственностію встрѣчаются слѣдующіе виды: 1) кратковременное, самовольное употребленіе въ ѣзду чьего либо коня; 2) передержательство бѣглыхъ холоповъ и закуповъ; 3) удержаніе находки; 4) неотдача долговъ и поклажъ; 5) захватъ господиномъ собственности закупа и 6) пріобрѣтеніе чьего либо имущества посредствомъ незаконныхъ сдѣлокъ.

Какъ въ Ярославовомъ, такъ и въ Изяславовомъ уставахъ Правды сказано: «аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ», или: «аще кто всядетъ на чужъ конь не прошавъ, то положити 3 гривны» (I, 11; II, 27). Въ Карамзинскомъ спискѣ и въ спискахъ одной съ нимъ редакціи эти 3 гривны названы *продажею*. Мы не признаемъ здѣсь ошибки, и думаемъ, что дѣйствительно за самовольное пользованіе чужимъ

конемъ платилась продажа князю, потому-что частное вознагражденіе не могло быть въ такомъ количествѣ: самая дорогая лошадь, исключая княжеской, стоила во время Правды 2 *гривны*; слѣдовательно не было основанія въ удовлетвореніе обиженнаго взыскивать 3 гривны за одно только кратковременное пользованіе конемъ. Очевидно, что 3-хъ-гривенная плата была пеней за самый проступокъ (¹).

Относительно передержательства бѣглыхъ въ первоначальномъ уставѣ Ярослава находится только слѣдующая статья: «аще ли челядинъ скрыется, любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведутъ, а познаютъ и̂ въ третій день, то изымати ему свой челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду (I, 10)». Это частное постановленіе о передержательствѣ челядина варягомъ или колбягомъ получило надлежащее обобщеніе въ уставѣ Изяслава. Тамъ сказано: «а челядинъ скрыется, а закличутъ и на торгу, а за три дни не выведутъ его, а познаетъ и въ третій день: то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» (II, 26). Въ Мономаховомъ уставѣ означенный законъ Изяслава, опредѣлявшій только пеню въ пользу князя за передержательство, дополненъ постановленіями о количествѣ вознагражденія владѣльца тѣмъ лицемъ, кто укрывалъ бѣглаго холопа или способствовалъ его побѣгу. Постановленія эти слѣдующія: «1) аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за рабу 6 гривенъ (II, 106); 2) аже кто не вѣдая чюжъ холопъ усрячетъ (укроетъ) или повѣсть дѣетъ (укажетъ ему путь), любо держитъ у собе, а идетъ отъ него, то пти ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть (II, 109); 3) аже кто переиметъ чюжъ холопъ и дастъ вѣсть господину его, то имати ему переима гривна; не ублюдетъ ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будетъ роба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходитъ (II, 107); 4) аже кто своего холопа самъ досочится въ чьемъ либо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ отъ него, и шедше увязати и̂, и дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нѣтуть; аче упуститъ и̂ гоня, а собѣ ему пагуба, а платить въ то никто же, тѣмъ же и переима

(¹) Подъ 3-хъ-гривенной продажей мы вездѣ разумѣемъ 3 гривны и 30 кунъ.

нѣгуть» (II, 108). Вникая въ смыслъ изложенныхъ нами законовъ, открывается, что обличенный въ передержательствѣ платилъ князю за свой проступокъ 3 гривны продажи, и за тѣмъ, если бѣглый холопъ былъ налицо и возвращался хозяину, виновный не обязывался въ пользу послѣдняго ни къ какому дальнѣйшему вознагражденію. Но если укрывавшій или державшій у себя чужаго холопа не могъ его возвратить владѣльцу, потому-что холопъ уходилъ (любо держитъ у собе, *а идетъ отъ него*), или если кто способствовалъ побѣгу челядина дачею ему хлѣба или указаніемъ пути, то въ томъ и другомъ случаѣ допустившій это долженъ былъ, сверхъ платежа продажи князю, вознаградить господина за потерю холопа 5-ю гривнами, а за потерю рабы 6-ю гривнами. Дѣйствительность поступленія этихъ суммъ въ пользу владѣльца холопа доказывается: 1) выраженіемъ: *«аче упустить й гоня, а собѣ ему пагуба, а платить въ то никтоже»*, которое означаетъ, что если господинъ самъ упускалъ своего холопа, то за холопа ему никто не платилъ; 2) тѣмъ, что перемная гривна платилась поимщику безъ сомнѣнія *не княземъ*, а *господиномъ* холопа; слѣдовательно, если упоминается о *вычетѣ* ея изъ 5 или 6 гривенъ, то это уже показываетъ, что остатокъ поступалъ къ владѣльцу холопа, иначе нельзя было бы говорить и о самомъ вычетѣ, потому что вычетъ можно дѣлать только изъ суммы, поступающей къ тому лицу, которое въ свою очередь состоитъ должнымъ плательщику.—Отъ взысканія какъ продажъ, такъ и частныхъ вознагражденій, по изложеннымъ нами выше постановленіямъ, освобождались только тѣ, кои присягали, что передержательство или способствованіе къ побѣгу допущены ими по отношенію къ лицу, котораго состояніе имъ не было извѣстно, т. е. что они не вѣдали, оже есть холопъ. За поимку бѣглаго челядина, владѣлецъ его обязывался по закону вознаграждать поимщика перемной гривной; но за то и этотъ послѣдній долженъ былъ, если упускалъ пойманнаго имъ холопа, удовлетворять за него господина остальною цѣною за вычетомъ гривны за перемъ. Однакожъ перема не получалъ посадскій отрокъ, посылавшійся для поимки бѣглаго холопа, мѣстопребываніе котораго открыто было самимъ владѣльцемъ; отрокъ вознаграждался въ этомъ случаѣ только 10-ю кунами. Сказанное нами о передержательствѣ *холоповъ* относится также и къ передержательству *закуповъ*, потому

что въ выраженіи: «а скрыется челядинъ,» подъ словомъ *челядинъ* могли разумѣть тѣхъ и другихъ; притомъ же бѣглый закупъ, чрезъ самый побѣгъ, становился обѣльнымъ холопомъ: «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель» (II, 52).

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что законы Мономаха о передержательствѣ составляли только необходимое дополненіе къ Изяславову закону о томъ же преступленіи, потому-что послѣдній опредѣлялъ *пеню* за самое противузаконное дѣйствіе, а первые установляли *частное* за него вознагражденіе. Но намъ могутъ возразить, что и 3 гривны въ законѣ Изяслава составляли частное вознагражденіе, и что этого мнѣнія держались уже нѣкоторые изслѣдователи Русской Правды (¹). Прежде нежели сдѣлаемъ по этому предмету какія либо заключенія, вникнемъ въ буквальный смыслъ выраженія, находящагося въ означенномъ законѣ: «*кто свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи*». Мѣстоимѣніе *оному* относится ли здѣсь къ господину холопа или къ передержателю? Въ первомъ случаѣ обозначалось бы къ *кому* поступала плата, а во второмъ *кто* ее платилъ. Если будетъ доказано, что «*оному платити*», значитъ господину платити, тогда частное назначеніе 3 гривенъ сдѣлается очевиднымъ, неподлежащимъ спору; но если изслѣдованіе покажетъ, что мѣстоимѣніе *оному* должно относить къ плательщику, тогда вопросъ о томъ, къ кому поступали 3 гривны, можетъ быть рѣшенъ только на основаніи какихъ либо другихъ соображеній. Выпишемъ всѣ мѣста Правды, гдѣ употребляется слово оному: 1) «а истцю свое лице взяти, а что съ нимъ погибло, а того ему желѣти, а *оному желѣти своихъ кунъ* (II, 32, 35); 2) аще познаетъ кто челядинъ свой украденъ, а поиметъ и̂, то *оному вести* и до 3-го свода; пояти же челядина въ челядинъ мѣсто, *а оному дати лице*, а той идетъ до конечнаго свода (II, 33); 3) аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то *онѣмъ* своего отця задницю, а *онѣмъ* своего (II, 97). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что мѣстоимѣніе *оному* всегда относилось не къ тому лицу, о которомъ предъ употребленіемъ его сказано, а къ тому, о которомъ говорилось прежде; такъ въ первомъ и во второмъ изъ выписанныхъ нами по-

---

(¹) См. о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алек. Михайлов., соч. Деппа. 1848, стр. 45.

становлений мѣстоимеvіе *оному* относится не къ истцу, отыскавшему украденную у него вещь или челядина, но къ лицу, у кого они опознаны. Такимъ образомъ и въ разбираемомъ нами выраженіи (II, 26), тотчасъ послѣ словъ, гдѣ идетъ дѣло объ отобраніи господиномъ своего челядина, употреблено мѣстоименіе *оному*, изъ чего необходимо заключить, что подъ нимъ разумѣлся не господинъ, а виновный, т. е. тотъ, у кого опознанъ челядинъ. И такъ, на выраженіи «оному платити», нельзя основывать мнѣнія о назначеніи 3 гривенъ въ пользу частнаго лица. Но къ кому собственно онѣ поступали? Вообще въ Правдѣ, если обозначается или только подразумѣвается кто платилъ, безъ опредѣленія кому слѣдовала плата, или безъ означенія, что она именно назначалась за тотъ или другой предметъ, т. е. безъ опредѣленія, какое напр. находимъ въ статьяхъ: «а господину гривна» (II, 75), «а за зубъ гривна» (II, 61), то такая плата почти всегда была или вирой или продажей. Поэтому мы полагаемъ, что 3 гривны за передержательство холопа составляли продажу; притомъ онѣ такъ и названы въ Правдѣ, подъ продажами же, какъ извѣстно, разумѣлись пени въ пользу князя. Но если даже положить, что 3 гривны давались обиженному въ видѣ *пожилыхъ денегъ*, то и тогда представлялось бы страннымъ, отчего не обращали вниманія на время передержательства, и владѣлецъ, котораго холопъ передерживался нѣсколько часовъ, получалъ такую 3-хъ же-гривенную плату, какъ и господинъ холопа, котораго передерживали нѣсколько лѣтъ. Одно это сильно уже говоритъ противъ мнѣнія, что 3 гривны были частнымъ вознагражденіемъ. Давая такой смыслъ Изяславову закону о передержательствѣ и сравнивая этотъ законъ съ такимъ же Ярославовымъ, мы убѣждаемся, что и въ послѣднемъ слова: *5 гривны за обиду*, означаютъ тоже пеню, поступавшую къ князю, а не частное вознагражденіе, и что слѣдовательно выраженіе *за обиду* въ настоящемъ случаѣ, да и въ большей части другихъ статей Правды, употребляется какъ бы въ значеніи *за преступленіе*, т. е. платы за преступленіе.

О присвоеніи найденнаго предмета въ Правдѣ находится слѣдующій законъ: если кто терялъ своего коня, оружіе или одежду, и объявлялъ объ этомъ на торгу, а нашедшій, не смотря на то, удерживалъ потерянное у себя, то онъ, какъ присвоившій находку, въ случаѣ опознанія владѣльцемъ своей потерянной собственности въ

томъ же городѣ, гдѣ сдѣлано объявленіе о пропажѣ, долженъ былъ возвратить ее владѣльцу лицемъ, или въ случаѣ растраты—заплатить за нее (а что погибло, то же ему начнетъ платити (II, 29); паки ли лица не будетъ, то платити, (II, 40); а кромѣ того, подвергался взысканію 3-хъ-гривенной продажи въ пользу князя (II, 28; I, 12). Въ Правдѣ сказано; «аче кто конь погубитъ, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ, *свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 5 гривны* (II, 28)». Въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ, первое мѣстоименіе «*ему*» относится къ потерявшему вещь, поэтому можно бы думать, что и второе такое же мѣстоименіе, непосредственно слѣдующее за первымъ, указываетъ на тоже лице, и что слѣдовательно 3 гривны платились обиженному. Вычислимъ подобныя означенному выраженія Правды и объяснимъ ихъ смыслъ: 1) будетъ клѣтный тать, то 3 гривны *платити ему* (II, 30); 2) аже крадеть кто скотъ, то оже будетъ одинъ, то *платити ему* 3 гривны и 30 кунъ (II, 37); 3) а погибнетъ безъ него, то того *ему не платити* (II, 53); 3) аже изъ хлѣва выведутъ, то *закупу* того *не платити*; орудья своя дѣя, а того погубитъ: то то *ему платити* (II, 54); 5) аже господинъ переобидитъ закупа, то то ему все воротити, а за обиду *платити ему* 60 кунъ; паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити купы, а за обиду *платити ему* 3 гривны продажи; продастъ ли господинъ закупа, то наймиту свобода, а *господину* за обиду платити 12 гривенъ продажи (II, 55); 6) что будетъ ростерялъ, то все *ему платити* дѣтемъ тѣмъ (II, 93); 7) аже холопъ бѣжитъ, а укажетъ *ему* путь, *то платити ему* за холопъ 5 гривенъ (II, 106). Во всѣхъ приведенныхъ нами мѣстахъ, какъ и почти всегда въ Правдѣ, выраженія *платити ему* или *не платити ему* обозначаютъ того, кто подвергался или освобождался отъ пени, а вовсе не то лице, кому назначалась плата. Повидимому нашъ выводъ не относится только къ слѣдующимъ выраженіямъ: аже господинъ переобидитъ закупа, то то *ему* все воротити, а за обиду платити *ему* 60 кунъ; паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять *ему* воротити, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. Въ выписанномъ нами мѣстѣ мѣстоименія «*ему*» кажется естественнѣе было бы относить къ закупу; но принявъ во вниманіе окончаніе статьи, гдѣ сказано, что *господинъ* платилъ за обиду 12 гривенъ

въ случаѣ продажи закупа, необходимо убѣждаемся, что и выше при назначеніи платъ за обиду 60 кунъ и 3 гривенъ тоже обозначено лице, которое подвергалось пени, а не получавшее пеню, и что слѣдовательно мѣстоименіе *ему* при глаголѣ платити въ означенномъ мѣстѣ, подобно какъ и въ другихъ приведенныхъ нами мѣстахъ Правды, относится къ виновному. Если же и разумѣть подъ мѣстоименіемъ *ему*, состоящемъ при глаголѣ *воротити*, закупа, то этимъ не можетъ опровергнуться наше заключеніе, потому-что въ Правдѣ нерѣдко два одинакія и въ одномъ и томъ же падежѣ стоящія мѣстоименія, слѣдующія другъ за другомъ и неразграниченныя между собою никакимъ именемъ, въ замѣнъ котораго слѣдовало бы считать поставленнымъ послѣднее изъ этихъ мѣстоименій, не смотря на то относятся не къ одному и тому же, а къ разнымъ лицамъ; такъ напр. «аже холопъ бѣжитъ, а укажетъ *ему* путь, то платити *ему* за холопъ 5 гривенъ». Здѣсь первое мѣстоименіе относится къ холопу, а второе—къ указавшему ему путь. Послѣ всего этого не трудно уже будетъ объяснить выраженіе: «аче кто конь погубитъ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны». Въ этой статьѣ также мѣстоименія *ему* употреблены въ замѣну разныхъ лицъ: первое «*ему*» указываетъ на потерявшаго лошадь, а второе на общемъ основаніи относится къ виновному. Взыскивавшіяся же съ него за удержаніе у себя находки 3 гривны были продажей въ пользу князя. Это доказывается тѣмъ, что потерявшій вещь получалъ ее лицемъ, слѣдовательно былъ удовлетворенъ, когда же лица не было, то онъ могъ требовать опредѣленной платы за свое имущество (II, 40, 41), и что наконецъ вообще въ Правдѣ за всякое преступленіе назначалась пеня князю.

Относительно неотдачи долговъ въ уставѣ Ярослава было постановлено: «аже гдѣ взыщетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ: то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще будетъ обидя не вдалъ будетъ достойно ему свой скотъ, а за обиду 3 гривнѣ» (I, 14). Въ выписанной нами статьѣ нельзя не остановиться на выраженіи: «взыщетъ проче». Что значитъ слово «*проче*»? Въ одномъ спискѣ этой редакціи Правды вмѣсто *проче* стоитъ *процъ*, а въ двухъ—*прокъ*. Эти же два послѣднія слова, какъ показываютъ выраженія, употребленныя въ двухъ мѣстахъ Правды: «*а прокъ въ дѣлъ*», «*а прокъ ему самому взяти себѣ*» (II, 51, 57),—озна-

чаютъ *остатокъ*. Изъ этого видно, что означенную нами статью слѣдуетъ перевести такъ: если кто станетъ взыскивать съ другаго (на друзѣ) остальныхъ денегъ изъ должной суммы, а должникъ будетъ запираться, т. е. показывать, что онъ уже вполнѣ удовлетворилъ кредитора, и если на одной ставкѣ съ 12 свидѣтелями окажется, что должникъ дѣйствительно не вдалъ заимодавцу достойно скотъ, т. е. не возвратилъ ему всѣхъ денегъ, то въ такомъ случаѣ платить за обиду 3 гривны. Нѣкоторые изслѣдователи Правды, несогласны съ нашимъ мнѣніемъ, въ изводѣ предъ 12 человѣкъ видятъ *особый судъ изъ 12 граждан*. Но одно внимательное разсмотрѣніе выписанной нами статьи убѣждаетъ въ противномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы изъ 12 человѣкъ составлялся особый судъ, то отчего приводили къ такимъ судьямъ подсудимаго только въ томъ случаѣ, когда онъ *ся запирати почнетъ;* напротивъ, его слѣдовало приводить въ судъ независимо отъ того, сознавался ли онъ въ своемъ поступкѣ или нѣтъ, потому-что судъ долженъ былъ назначить продажу за обиду, такъ какъ и сознававшійся преступникъ могъ не вдать достойно скотъ обиженному. Поэтому, основываясь на словахъ Правды: «а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка», мы думаемъ, что подъ послѣдними должно разумѣть только тѣхъ людей, которые могли бы уличить подсудимаго въ несправедливомъ запирательствѣ, т. е. свидѣтелей. Самое выраженіе «*ити на изводъ*» вполнѣ соотвѣтствуетъ другому выраженію Правды: «*поиди на сводъ*» (II, 29), т. е. на очную ставку; притомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто *изводъ* читается *сводъ*. Все сказанное нами тѣмъ болѣе справедливо, что въ соотвѣтствующемъ Ярославову закону о неотдачѣ долговъ постановленіи Изяслава говорится также не о судьяхъ, а о послухахъ (II, 43). И такъ, въ законѣ Ярослава по разсматриваемому нами предмету встрѣчается частный случай, именно неполное удовлетвореніе кредитора, и самое число свидѣтелей осталось въ законѣ то, какое вѣроятно случайно было выставлено заимодавцемъ по частному дѣлу, подавшему поводъ къ самому постановленію. Въ уставѣ Изяслава частный случай Ярославова закона о неотдачѣ долговъ приводится къ болѣе общему выраженію. Въ этомъ уставѣ сказано: «аже кто взыщетъ кунъ на друзѣ, а онъ ся начнетъ запирати, то оже напь выведетъ послуси, то ти поидутъ на роту, а онъ возметъ свои куны; занеже не далъ ему кунъ за

много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны» (II, 43). Здѣсь уже вообще говорится объ отрицательствѣ отъ своего долга, все равно относилось ли оно къ части или къ цѣлой долговой суммѣ, при чемъ, сверхъ удовлетворенія истца, должникъ, уличенный свидѣтелями въ несправедливомъ показаніи, только тогда подвергался еще особой пени, если не отдавалъ кредитору кунъ за много лѣтъ, т. е. продолжительное время удерживалъ у себя занятую сумму; въ противномъ же случаѣ неотдача долговъ не составляла преступленія и не подлежала продажѣ. По кому назначалась 3-хъ-гривенная плата за неотдачу долговъ? На основаніи предшествовавшихъ соображеній, мы думаемъ, что выраженіе: «*не далъ ему кунъ*», относится къ кредитору, а выраженіе: *платити ему за обиду* указываетъ на должника, и что самая плата была продажей и поступала въ пользу князя. Вѣроятно такой же пени подлежали и неотдававшіе кому либо въ продолженіи многихъ лѣтъ *поклажи* (II, 45) или кунъ, данныхъ купцемъ купцу въ куплю или въ гостьбу (II, 44).

О захватѣ чужой собственности говорится въ Правдѣ не вообще, а только по отношенію къ закупамъ. Статья, въ которой изложено это постановленіе, едва ли не самая искаженная въ Правдѣ, и потому требуетъ тщательнаго разбора. Въ Троицкомъ спискѣ она изложена такъ: «аже господинъ переобидитъ закупа, *а увидитъ купу его или отарицю*, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; *паки ли приметъ на немъ кунъ*, то *опять* ему *воротити* куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи» (II, 55). Въ Карамзинскомъ же спискѣ редакція этой статьи другая, именно: «оже господинъ пріобидитъ закупа, *увѣдетъ вражду и увередитъ цѣну, а введетъ вкупу его или отарицу, то то ему все воротити*, а за обиду ему платити 60 кунъ; *аще ли приметъ на немъ кунъ*, то *опять* ему *воротити* куны, что будетъ прялъ, а за обиду ему платити 3 гривны продажи» (III, 73). При первомъ взглядѣ на выписанное нами постановленіе по двумъ спискамъ, нельзя не замѣтить, что оно распадается на двѣ части, изъ коихъ во второй говорится *о повтореніи того преступленія*, за которое назначалось 60 кунъ продажи въ первой части. Мы заключаемъ объ этомъ изъ того: 1) что выраженіе *паки ли*, означающее во всѣхъ другихъ статьяхъ Правды *ежели же*, въ настоящемъ случаѣ принимается въ смыслѣ *снова ли*, такъ какъ оно совмѣщено здѣсь съ

выраженіемъ «*опять воротити*,» и притомъ встрѣчается въ большинствѣ списковъ Правды, и только въ немногихъ изъ нихъ стоитъ вмѣсто *паки ли—аще ли*; 2) что въ первой части разбираемой нами статьи говорится: *то то ему все воротити*, а во второй части, по всѣмъ спискамъ, сказано: *то опять ему воротити*. Очевидно, употребленіе послѣ глагола *воротити* словъ *опять воротити*, показываетъ повтореніе того же дѣйствія, которое и прежде было допущено господиномъ по отношенію къ закупу. И такъ, зная, что во второй части упоминается только о повтореніи того преступленія, о которомъ шла рѣчь въ первой части, мы можемъ возстановить смыслъ этой послѣдней. Преступленіе, какъ видно, состояло въ томъ, что господинъ засчитывалъ закупу меньше кунъ, чѣмъ положено было засчитывать ему за годъ работы, и такимъ образомъ захватывалъ чужое, т. е. «*принималъ куны*». Какъ же послѣ этого объяснить слова: *а увидитъ купу его* или *отарицю*, или *уведеть вражду*, *и уередить цьну*, *а введеть вкупу его или отарицю?* Находящіеся въ этихъ выраженіяхъ глаголы: *увидать*, *уведеть*, *введеть*, безъ сомнѣнія искажены, потому-что вовсе не обозначаютъ понятія преступленія, оно выясняется нѣкоторымъ образомъ только глаголомъ *уередить* въ смыслѣ *повредить*, *измѣнить*. Поэтому мы думаемъ, что изъ глагола *уередить*, чрезъ ошибки переписчиковъ, и образовались глаголы *увидить*, *введеть*, и даже цѣлое выраженіе *уведеть вражду*, и потомъ безъ нужды, также по ошибкѣ, повторены по нѣскольку разъ въ одной и той же статьѣ. Относительно же слово *цьнѣ*, слѣдуетъ замѣтить, что оно нигдѣ не употребляется въ Правдѣ, и вѣроятно въ ея текстъ вставлено было позже, въ видѣ объясненія слову *купа*. По всѣмъ симъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что выписанную нами выше статью слѣдуетъ читать такъ, какъ она изложена въ Троицкомъ спискѣ (II, 53), только глаголъ *увидить* должно замѣнить глаголомъ *уередить*, именно: аже господинъ переобидитъ закупа, а уередитъ купу его или отарицю, и проч. — Что же должно разумѣть подъ словами *купа* и *отарица?* Для полнаго ихъ пониманія намъ кажется нужно первоначально уяснить себѣ отношеніе закупа къ господину. Въ состояніе закупа, какъ извѣстно, обращался несостоятельный должникъ или добровольно или вслѣдствіе продажи на торгу. Мнѣніе будто бы должникъ про-

давался прямо въ *холопы* несправедливо. Въ Правдѣ говорится: «*а въ дачѣ не холопъ*» (II, 105) (1), т. е. что въ случаѣ какой либо ссуды, получившій и невозвратившій ее не обращался въ холопа, а долженъ былъ заживать года (доходить года), иначе сказать становился закупомъ. Что закупъ дѣйствительно былъ должникомъ, это видно изъ самой Правды, въ которой постановлено: продастъ ли господинъ закупа, то ему *свобода во всѣхъ кунахъ* (II, 55), т. е. освобожденіе отъ всѣхъ лежавшихъ на немъ долговъ. Но понимая подъ закупомъ несостоятельнаго должника, мы не впадаемъ чрезъ то въ противорѣчіе съ тѣми статьями Правды, изъ коихъ можно заключать, что закупъ имѣлъ свою собственность (II, 52, 53, 54). Намъ кажется, что право закупа на собственность выражалось только тѣмъ, что *работа его господину* была *недаровая*, подобно холопской работѣ, а засчитывалась закупу постепенно за его долгъ; *наличной же собственности*, за исключеніемъ можетъ быть самой ничтожной, закупъ не имѣлъ. Это доказывается тѣмъ, что за него, въ случаѣ совершенія имъ преступленія, платилъ его господинъ (II, 57). По такимъ соображеніямъ мы заключаемъ, что выраженіе Правды: *аже закупъ идетъ искать кунъ* (II, 52), означаетъ только, что онъ могъ идти жаловаться на исключеніе ему господиномъ за работу изъ долга не такого количества кунъ, сколько слѣдовало, и что наконецъ постановленія Правды, налагавшія на закупа обязанность платить господину за растрату его собственности (II, 53, 54), не должно понимать такъ, что закупу тотчасъ нужно было удовлетворить господина наличными деньгами, которыхъ у перваго, какъ несостоятельнаго должника, не могло быть, но что онъ обязывался только *отработать* свой долгъ. Объясняя себѣ такимъ образомъ состояніе древнихъ закуповъ, посмотримъ, что говорится объ отношеніи ихъ къ господамъ въ Старомъ (1529 года) Литовскомъ Статутѣ, въ которомъ во многихъ случаяхъ ясно отразились постановленія Правды. Въ немъ сказано, что закупу, получавшему *присьвокъ для прожитка*, засчитывалось за каждый годъ работы 12 грошей, а неполучавшему *присьвка—полкопы* грошей (т. е. 30 грошей) (2). Если сообразимъ, что въ Правдѣ гово-

(1) См. Изслѣдованія о Русской Правдѣ, г. Калачова, стр. 83.—(2) См. Временникъ, кн. 18, 1854 г. Лит. Стат. стр. 90, стр. 7 и 8.

рится о *ролейныхъ закупахъ*, и что слѣдовательно были закупы и *неролейные*, мы легко придемъ къ заключенію, что первыми назывались тѣ, которые обработывали господскую *ролью*, т. е. землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ получали и себѣ участокъ земли на присѣвокъ для прожитка, а послѣдними тѣ, кои, не занимаясь вообще земледѣліемъ, а находясь при господинѣ, не получали такого присѣвка, т. е. поземельнаго участка, и что безъ сомнѣнія первымъ засчитывалось за годъ работы въ счетъ должной суммы менѣе, а послѣднимъ болѣе. Поэтому, имѣя въ виду то отношеніе къ господину, въ какомъ находился закупъ, мы думаемъ, что подъ *купой* разумѣлась та сумма, которая всѣмъ вообще закупамъ, только въ большемъ или въ меньшемъ количествѣ, засчитывалась за годъ службы у господина, т. е. *купа* была нечто иное, какъ ежегодный *выкупъ* долга работой, и что *отарицей* называлась земля, отдававшаяся вѣроятно бо́льшей части закуповъ на присѣвокъ, т. е. во временное пользованіе (¹). Болтинъ тоже полагаетъ, что подъ отарицей могли разумѣть участокъ земли, уступленный господиномъ на время тому или другому закупу (²). На самое количество *купы* кажется указываетъ одно мѣсто Правды, именно: «аже крадетъ кто гумно или жито въ ямѣ, а у него же погибло, то же будетъ лице, лицо поиметъ, *а за лѣто возметъ по полугривнѣ*» (II, 39). Въ приведенной нами статьѣ говорится,что если у вора находилось поличное, то оно возвращалось обиженному; за тѣмъ какъ бы предполагается, что если поличнаго не было, и воръ оказывался несостоятельнымъ къ вознагражденію убытковъ, то обращался въ закупа, и въ такомъ случаѣ засчитывалось ему за годъ работы по полугривнѣ, т. е. мы думаемъ, что выраженіе: «а *за лѣто возметъ по полугривнѣ*» есть только окончаніе, хотя и невыраженной, но явно подразумѣвавшейся мысли. Слово *лѣто* употребляется въ Правдѣ въ смыслѣ года, напр.: «*начнетъ*

(¹) Подъ *отарицей* вообще понимаютъ скотъ, но предполагать, что закупъ владѣлъ скотомъ, было бы несовмѣстно съ понятіемъ о закупѣ, какъ о несостоятельномъ должникѣ. Принимая слово отарица въ томъ смыслѣ, какой мы ему даемъ, нельзя ли производить это слово отъ глагола *орать*? Не могло ли изъ него образоваться существительное «оратица», т. е. участокъ поля для оранія для воздѣлыванія, а за тѣмъ, какъ это иногда случается, чрезъ перестановку буквъ *р* и *т*, не могло ли составиться и самое слово *отарица*?

(²) См. Русск. Достопамятн. 1843 г. ч. 2, стр. 88, статья 174.

отъ лѣта платити» (II, 50), а глаголъ *возметъ*, относящійся къ господину, слѣдуетъ принимать въ значеніи «зачтетъ.» Если объясненіе наше справедливо, то выходитъ, что закупу за годъ работы засчитывалась въ счетъ долга весьма ничтожная сумма, именно: 25 кунъ. Это впрочемъ не можетъ насъ удивлять, если вспомнимъ, что и по Литовскому Статуту годовая работа закупа цѣнилась въ 12 и 30 грошей: при чемъ, примѣняясь къ Статуту, мы думаемъ, что 25 кунъ засчитывалось только закупу, не пользовавшемуся *отарицей*, и что при *отарицѣ* ему исключали изъ долга еще меньшее количество кунъ. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ изложенныхъ выше соображеній, разбираемую нами статью Правды мы понимаемъ такъ: если господинъ обижалъ закупа, т. е. измѣнялъ во вредъ ему купу, иначе сказать, засчитывалъ ему въ ежегодный выкупъ меньшую, чѣмъ слѣдовало, сумму, а также отнималъ отарицу, т. е. поземельный участокъ, не увеличивая съ тѣмъ вмѣстѣ купы, а оставляя ее въ прежнемъ количествѣ, то господинъ долженъ былъ все воротить, т. е. засчитать закупу, что неправильно было отъ него отнято, а сверхъ того заплатить князю продажи 60 кунъ; за повтореніе же того самаго преступленія, кромѣ удовлетворенія закупа, господинъ обязывался заплатить продажу князю въ бо́льшемъ уже количествѣ, именно 3 гривны. Изложенная нами статья замѣчательна тѣмъ, что въ ней одной только говорится о повтореніи преступленія, и что повтореніе это принимается въ ней за обстоятельство, увеличивающее вину подсудимаго.

Недозволенное пользованіе чужимъ имуществомъ могло возникать и въ слѣдствіе противузаконныхъ сдѣлокъ. Между ними въ Правдѣ упоминается: 1) о лихвенныхъ процентахъ; 2) о продажѣ закупа; 3) о покупкѣ чужаго холопа. По уставамъ Изяслава и Мономаха допускались проценты *мѣсячные*, *третные* и *годовые*. Если куны были взяты въ долгъ на короткое время (за мало дней, III, 48), то въ такомъ случаѣ позволялось брать мѣсячные проценты; но если должникъ продерживалъ должную сумму цѣлый годъ (заидутъ ли ся куны до того же года, II, 47), то тогда мѣсячный процентъ уничтожался (мѣсячный рѣзъ погренути), а платился *третной*. Годовой процентъ взыскивался, если кто отдавалъ куны въ заемъ на нѣсколько лѣтъ (II, 49). Количество мѣсячнаго рѣза въ Правдѣ не опредѣлено; но принимая во вниманіе, что его дозволя-

лось *имать* только *за мало днiй*, можно заключать, что такое ограниченiе постановлено именно потому, что рѣзъ этотъ былъ больше, слѣдовательно тягостнѣе для должника, чѣмъ третной. На томъ же основанiи слѣдуетъ полагать, что третной рѣзъ былъ больше годоваго. Законнымъ рѣзомъ годовымъ считалось *10 купъ отъ лѣта* на гривну купъ, т. е. 10 процентовъ (II, 49); законнымъ же процентомъ третнымъ были *два рѣза* (II, 48). Подъ рѣзомъ должно разумѣть не рѣзану или куну, а процентъ, и по нашему мнѣнiю 10 купъ съ гривны въ годъ назывались *однимъ рѣзомъ*, слѣдовательно *два рѣза* составляли двадцать процентовъ или 20 купъ съ гривны, то же, по нашему мнѣнiю въ годъ, а не въ треть. Три рѣза въ годъ, если купы занимались на треть, т. е. 30 процентовъ, а также болѣе 10 купъ съ гривны въ годъ, если заемъ былъ сдѣланъ на нѣсколько лѣтъ—считались уже *процентами лихвенными*. Но какiя были послѣдствiя полученiя этихъ послѣднихъ? Въ Правдѣ сказано: паки ли возметъ три раза, то *иста* ему не взяти (II, 48). Слово *исто* объясняется другою статьею Правды, гдѣ говорится: «аже будутъ въ дому дѣти мали, а мати имъ пойдетъ замужъ, то кто имъ ближнiй будетъ, тому же дати на руцѣ, и съ добыткомъ и съ домомъ, донелѣже возмогутъ, а *товаръ* дати предъ людми, а что *срѣзитъ* товаромъ тѣмъ, то то ему собѣ, а *истый товаръ* воротити имъ» (II, 93). Изъ этой статьи оказывается, что опекунъ надъ малолѣтными имѣлъ право удерживать въ свою пользу *рѣзы*, т. е. проценты или прибыль съ имущества, но самое имущество, которое названо *истымъ*, долженъ былъ возвратить по принадлежности. Слѣдовательно, приведенное выше слово *исто*, въ той статьѣ, гдѣ оно стоитъ, означаетъ ничто иное, какъ капиталъ, отданный въ займы. И такъ, пользовавшiйся лихвенными процентами лишался права взыскивать съ должника занятую у него сумму, но пени въ пользу князя не подвергался. На этомъ же основанiи и при дѣлежѣ купъ, вырученныхъ отъ продажи на торгу несостоятельнаго должника, тотъ неполучалъ ничего, кто *много рѣзыималъ* (II, 51).—Неправильное пользованiе чужою собственностiю могло начинаться также въ слѣдствiе противузаконной *продажи* и *покупки*. Въ этомъ случаѣ отвѣтственность падала не только на *продавца*, но иногда и на *покупщика*. Въ Правдѣ упоминается о незаконной продажѣ *закуповъ* и *холоповъ*. Въ ней сказано: «продастъ ли господинъ заку-

на обель, то закупу (¹) свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ» (II, 55); «оже кто купитъ чюжъ холопъ, а не вѣдая, то первому господину холопъ пояти, а оному куны имать, ротѣ ходивше, яко невѣдая есмь купилъ; вѣдая ли будетъ купилъ, то кунъ ему лишену быти» (III, 129). Прежде, нежели приступимъ къ объясненію этихъ статей, опредѣлимъ что значило выраженіе: *продать закупа обель.* Оно объясняется слѣдующею статьею Правды: «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, *то обель,* идетъ ли искать кунъ... то про то не *работятъ* его, но дати ему правду» (II, 52) (²). Такимъ образомъ подъ словомъ *обель* разумѣлось *обращеніе закупа въ раба*: слѣдовательно, «продать закупа обель» значило продать его подъ видомъ холопа. За такое противузаконное дѣйствіе продавецъ подвергался платежу 12-гривенной продажи въ пользу князя. Но какое взысканіе налагалось на того, кто продавалъ не закупа, а чужаго холопа за своего? Въ выписанной нами выше статьѣ о покупкѣ чужаго холопа объ этомъ ничего не говорится; однакожъ нельзя думать, чтобы въ такомъ случаѣ продажи вовсе не взыскивалось. По сходству противузаконныхъ дѣйствій, именно продажи закупа за холопа и чужаго холопа за своего, легко придти къ заключенію, что пеня за то и другое преступленіе была одинаковая, т. е. 12-гривенная, тѣмъ болѣе, что такая пеня назначалась за одинъ уводъ холопа (III, 35), а чтобъ продать его безъ сомнѣнія нужно было сначала увести. Вѣроятно, въ предупрежденіе по возможности незаконной продажи холоповъ и закуповъ и установленъ былъ въ Правдѣ особый обрядъ купли челядина, состоявшій въ томъ: 1) что продававшійся челядинъ при совершеніи продажи долженъ былъ находиться налицо, и 2) что покупщикъ обязывался вручить продавцу *ногату* предъ самимъ челядиномъ, безъ сомнѣнія въ счетъ слѣдовавшей за него суммы (II, 102). Этотъ обрядъ давалъ возможность продававшемуся, если только онъ не былъ заодно съ продавцомъ, обнаружить вовремя подлогъ, т. е. объяснить, что онъ или не *холопъ*, а *закупъ*, или что онъ холопъ не того лица, которое выдавало его за своего, а другаго. Опредѣливъ послѣдствія противузаконныхъ продажъ для продавцовъ, скажемъ о послѣдствіяхъ отъ того для покупщиковъ. Тотъ, кто покупалъ отъ кого либо

(¹) См. Изслѣд. о Русской Правдѣ, г. Калачова, стр. 89.—(²) Тамъ же, стр. 87.

холопа, зная, что онъ не принадлежалъ продавцу, лишался заплаченныхъ за холопа кунъ, потому-что господинъ отбиралъ своего челядина, а покупщику не давалось права взыскивать своихъ убытковъ съ продавца (III, 129). Но если покупщикъ не вѣдалъ, что ему проданъ чужой холопъ, тогда, подтвердивъ свое незнаніе присягою, онъ могъ требовать съ продавца возврата денегъ, отданныхъ ему за холопа (III, 129). Можетъ быть, при этомъ принимали во вниманіе и то, выполненъ ли покупщикомъ описанный нами выше обрядъ купли челядина. Все сказанное о покупкѣ холопа безъ сомнѣнія относится и къ покупщику закупа обель. Какія же послѣдствія отъ незаконной продажи были для самихъ проданныхъ лицъ? Холопъ, какъ мы упомянули выше, отбирался своимъ господиномъ, а закупъ получалъ свободу во всѣхъ кунахъ, т. е. освобождался отъ долговъ, и тѣмъ выходилъ изъ состоянія закупа, а становился вольнымъ человѣкомъ. Свобода во всѣхъ кунахъ давалась закупу въ отношеніи *къ продавцу*, а *не покупщику*. Этотъ же послѣдній могъ взыскивать своихъ кунъ съ продавца, если не зналъ, что ему продавался закупъ за холопа, а въ противномъ случаѣ не могъ и жаловаться на убытки, понесенныя имъ по собственной винѣ.

Изъ сдѣланнаго нами изложенія постановленій Правды о противозаконномъ пользованіи чьимъ либо имуществомъ, оказывается, что какъ за самовольное употребленіе въ ѣзду чьего либо коня, такъ и за передержательство бѣглыхъ холоповъ, за удержаніе находки и за неотдачу долговъ, равно платилось 3 гривны. Такая одинаковая плата за разнообразные проступки, уже тѣмъ самымъ, независимо отъ прежнихъ нашихъ доказательствъ, показываетъ, что она не была частнымъ вознагражденіемъ, а продажей въ пользу князя, потому-что частное вознагражденіе по разнообразному нарушенію имущественныхъ правъ не могло быть одинаковымъ. За исчисленныя нами выше противузаконныя дѣйствія Правда назначаетъ продажу *въ одномъ видѣ*, потому-что не упоминаетъ при этомъ случаѣ ни о какихъ уменьшающихъ или увеличивающихъ вину обстоятельствахъ; но тамъ, гдѣ она различаетъ такія обстоятельства, является всегда продажа *въ двухъ видахъ*. Поэтому-то за захватъ господиномъ собственности закупа опредѣлены двѣ продажи—*60 кунъ* и *3 гривны*, а за покупку чужихъ холоповъ и закуповъ только одна—*12 гривенъ*. Продажа въ 60 кунъ всегда взыскивалась

при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, гдѣ Правда ихъ допускала.

Всѣ означенныя нами продажи взыскивались, какъ и всегда въ Правдѣ, не съ дѣла, а по числу преступниковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, но только съ людей свободнаго состоянія, а не съ *холоповъ*, которые, какъ несвободные, продажамъ не подвергались, а въ случаѣ противузаконнаго пользованія ими чьимъ либо имуществомъ, господинъ ихъ обязанъ былъ вознаградить убытки обиженнаго, при Изяславѣ *вдвойнѣ* (II, 42), а при Мономахѣ заплатить одно только простое вознагражденіе или выдать истцу головою холопа. Поэтому въ Мономаховомъ уставѣ сказано: «аже холопъ одолжаетъ, то выкупати его господину, али лишится его (II, 111) (¹).» Послѣдствія невыдачи или невыкупа холопа были тѣже, какія означены въ статьѣ о нанесеніи удара холопомъ свободному мужу (II, 58). За закуповъ тоже не платилось продажи, и съ ними за совершеніе разсматриваемыхъ нами преступленій поступали такъ, какъ уже выше объяснено въ статьяхъ объ убійствѣ и о нанесеніи побоевъ, ранъ и увѣчій.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію растраты чужаго имущества. Въ Правдѣ говорится: 1) о растратѣ купцомъ чужихъ товаровъ и 2) о случаяхъ, въ какихъ закупъ долженъ былъ вознаграждать господина за пропажу собственности послѣдняго. Если какой либо купецъ, шедши гдѣ нибудь съ чужими кунами, претерпитъ наводненіе (истопится), или будетъ застигнутъ пожаромъ, или же встрѣтитъ рать, и товаръ потонетъ, сгоритъ или будетъ взятъ ратью, то въ такомъ случаѣ не дозволялось *насилити* купцу, ни *продати* его, т. е. нельзя было ни принуждать растратившаго товаръ къ уплатѣ за него, ни продать виновнаго за неуплату въ закупы, *но како начнетъ отъ лѣта платити, тако же платитъ*, т. е. въ счетъ своего долга растратившій товаръ могъ вносить ежегодно такую сумму, какую былъ въ состояніи, при несостоятельности же вѣроятно и вовсе не подлежалъ отвѣтственности. Причина такого снисхожденія опредѣлена въ Правдѣ такъ: *зане пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть*. «Аже ли пропіется или пробіется, а въ безуміи чюжь товаръ испроторитъ (²), то како любо тѣмъ, чій то товаръ:

(¹) См. Изслѣдов. о Руск. Правдѣ, г. Калачова, стр. 100.—(²) Тамъ же, стр. 85.

ждутъ ли ему—а своя имъ воля, продадитъ ли его—а своя имъ воля» (II, 50). Значитъ, если бы товаръ былъ растраченъ по винѣ того, въ чьемъ завѣдываніи онъ находился, то владѣлецъ товара могъ или ждать уплаты со стороны виновнаго, или же, въ случаѣ его несостоятельности, продать его за долги въ закупы на общемъ основаніи. Словомъ, въ этомъ случаѣ хозяевамъ растраченнаго имущества давалась полная свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію относительно вознагражденія себя за потерю—*а своя имъ воля.* Вина растратившаго чужую собственность выражена въ Правдѣ двумя словами: *пропіется*, *пробіется*. Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ только первое слово, а послѣдняго нѣтъ, и мы думаемъ, что это правильнѣе, потому-что оно, по отношенію къ разсматриваемой нами статьѣ, едва ли имѣетъ какой либо смыслъ. Помѣщеніе въ ней слова *пробіется* можно объяснить такимъ образомъ: первоначальный переписчикъ текста Правды, по ошибкѣ, часто случающейся, могъ написать слово *пропіется* два раза сряду; послѣдующіе переписчики, не догадываясь объ ошибкѣ, могли даже усиливаться прочесть послѣднее слово иначе, нежели первое, и вслѣдствіе того, а можетъ быть и просто по неясности рукописи, образовалось слово *пробіется*, котораго, вѣроятно, не было въ подлинникѣ Правды. И такъ, подлежалъ отвѣтственности за растрату товара только тотъ, *кто въ безуміи чюжь товаръ испроторитъ*; такимъ же безуміемъ названа страсть къ пьянству, заставлявшая или пропивать чужую собственность или, можетъ быть, просто потерять ее въ пьяномъ видѣ. Но вся отвѣтственность такого человѣка состояла только въ вознагражденіи обиженныхъ, продажѣ же онъ не подвергался, вѣроятно потому, что Правда не видѣла здѣсь еще собственно преступленія, т. е. злонамѣреннаго умысла на растрату чужаго товара. Если же кто, объявивъ о растратѣ чьего либо имущества, скрывалъ его у себя или продавалъ въ свою пользу, тотъ, безъ сомнѣнія, при обнаруженіи его преступленія, наказывался какъ тать.—О растратѣ господскаго имущества закупомъ Правда говоритъ слѣдующее: «аже у господина ролейный закупъ, а погубитъ войскій конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслетъ на свое орудье, а погибнетъ безъ него, то того ему не платити» (II, 53). «Аже изъ хлѣва выве-

дутъ, то закупу того не платити; но оже погубить на поли, и въ дворъ не вженетъ и не затворитъ, гдѣ ему господинъ велитъ, или орудья своя дѣя, а того погубитъ: то то ему платити» (П. 54). Это значитъ: если у кого либо былъ закупъ земледѣлецъ, и отъ его недосмотра пропадала верховая лошадь, то въ такомъ случаѣ закупъ не отвѣчалъ, потому-что постоянный, тщательный надзоръ за означенною лошадью не согласовался съ родомъ его занятій; но если господинъ давалъ ролейному закупу *плугъ* и *борону*, т. е. такія вещи, которыя по роду его занятій были ему необходимы для очистки купой своего долга (отъ нихъ же купу емлетъ), то за растрату ихъ закупъ обязывался удовлетворить хозяина, но продажѣ не подвергался. Однакожъ изъ этого общаго правила было исключеніе: именно закупъ не отвѣчалъ, когда господинъ отсылалъ его на другую свою работу, и въ отсутствіе его пропадали плугъ и борона. Такимъ же образомъ, если скотъ выведенъ былъ изъ хлѣва, то за такое похищеніе хозяинъ не могъ требовать уплаты съ закупа; но если скотъ пропадалъ на полѣ при пастьбѣ, или не былъ загнанъ въ дворъ и запертъ тамъ, гдѣ было приказано, или если пропажа скота случалась потому, что закупъ занимался своей работой, то во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ долженъ былъ вознаградить убытки владѣльца. Изъ всего этого видно, что закупъ отвѣчалъ только за пропажу предметовъ, которые, по роду его занятій, могли находиться въ непосредственномъ его завѣдываніи и пропадали по его недосмотру или непослушанію и въ слѣдствіе занятія своими работами: но если пропавшая вещь не принадлежала къ его непосредственному надзору, или, находясь въ завѣдываніи закупа, пропадала въ слѣдствіе порученія ему другихъ господскихъ работъ, или похищалась изъ хлѣва, т. е. когда всѣ предосторожности къ сохраненію ея были приняты, то въ такихъ случаяхъ закупъ не обязывался вознаграждать владѣльца за его убытки.

2) О поврежденіи и истребленіи чужаго имущества, и объ уничтоженіи межевыхъ знаковъ.

Въ первоначальномъ уставѣ Ярослава говорится только объ изломаніи чьего либо копья, щита, и объ изодраніи чужой одежды, съ па-

значеніемъ за то одного лишь частнаго вознагражденія обиженному. «А иже изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ, а начнетъ хотѣти его держати у себе, то пріяти скота у него, иже что есть изломилъ (¹); аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити колько далъ будетъ на немъ» (I, 17), т. е. если испорченную вещь обиженный желалъ удержать у себя, то могъ требовать за нее только добавочной платы; но если онъ отдавалъ вещь тому, кто ее испортилъ, то имѣлъ право получить полное за нее вознагражденіе. Мы думаемъ, что въ изложенномъ нами законѣ объ изломаніи копья и изодраніи одежды не разумѣлось *умышленнаго дѣйствія*, а только неосторожное или случайное, которое не считалось уголовнымъ преступленіемъ, и потому за такое дѣйствіе и не назначена продажа. Но она безъ сомнѣнія взыскивалась если кто съ умысломъ, напр. изъ мести или ненависти, повреждалъ или истреблялъ чье либо оружіе или одежду. Мы знаемъ, что срубившій чье либо бортное дерево или перерѣзавшій веревку въ чужомъ перевѣсѣ подвергался платежу пени въ пользу князя, и потому нѣтъ основанія отвергать, чтобы тотъ, кто съ намѣреніемъ портилъ чей нибудь щитъ или чье либо копье также не платилъ продажи. Количество ея вѣроятно заключалось въ 3-хъ гривнахъ, съ одной стороны потому, что такой же пени подлежали повреждавшіе борть или перевѣсъ, а съ другой потому, что вообще за преступленія, нарушавшія право по имуществу, 3-хъ-гривенныя продажи взыскивались въ Правдѣ преимущественно предъ 12-гривенными. Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава, къ однороднымъ съ изложенною нами слѣдуетъ отнести двѣ статьи: объ истребленіи межъ и объ истребленіи борти, именно: 1) а иже межу переоретъ любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ (I, 33); 2) а въ княжѣ борти 3 гривнѣ любо пожгутъ, любо изодруть» (I, 30). Къ послѣдней статьѣ въ двухъ спискахъ изъ 6 прибавлено: «*и въ смерди 2 гривнѣ*» (²). Какъ смотрѣть на эту прибавку? Если считать ее дѣйствительною, тогда необходимо будетъ признать, что 3 гривны и 2 гривны, назначенныя за пожогъ борти, были частнымъ вознагражденіемъ, а не продажами, потому-что 2-хъ гривенной продажи въ Правдѣ не существовало. Но и частнаго вознагражденія въ такомъ количествѣ нельзя допустить. Въ уставѣ Мономаха

(¹) См. Изслѣд. о Русск. Правдѣ, г. Калачова, стр. 97.—(²) Тамъ же, стр. 118.

бортное дерево цѣнится *полгривны*, слѣдовательно 3 и 2 гривны были бы слишкомъ высокой за него цѣной; предполагать же значительное ея пониженіе въ послѣдствіи едва ли можно, потому что такого пониженія мы не видимъ въ Правдѣ и по отношенію къ другимъ предметамъ. Притомъ, кажется весьма легко объяснить, отъ чего произошла приписка въ разбираемой нами статьѣ. Предъ статьею о борти (I, 30) въ уставѣ Ярослава находится статья о конѣ: а за княжь конь 3 гривны, а за смердій—2 гривны (I, 25): переписчикъ, приступая къ написанію первой изъ означенныхъ статей, могъ встрѣтить недоумѣніе отъ того, что въ ней говорится только о княжей борти, и предполагая здѣсь очевидный пропускъ, и усматривая, что въ постановленіи о конѣ, послѣ цѣны за княжаго коня поставлена цѣна за лошадь смерда, могъ придти къ убѣжденію, что и послѣ княжей борти слѣдуетъ непремѣнно говорить о смердей борти, и что такъ какъ княжь конь и княжа борть стоили 3 гривны, то слѣдовательно должна быть одинаковой стоимости съ лошадью и борть смерда. Въ слѣдствіе такихъ соображеній, переписчикъ вѣроятно и сдѣлалъ означенную выше приписку. Считая ее ошибкой съ его стороны, мы признаемъ 3 гривны за пожогъ борти и 12 гривенъ за перераніе межи *продажами* въ пользу князя. Въ уставѣ Мономаха постановленія о поврежденіи и истребленіи чужаго имущества и объ уничтоженіи межъ являются въ болѣе подробномъ и точномъ видѣ, чѣмъ у Ярослава. Въ этомъ уставѣ упоминается: 1) о порубкѣ бортныхъ деревьевъ и о разнаменаніи бортей (II, 64, 66, 68); 2) о подсѣченіи верви и перерѣзаніи веревки въ перевѣсѣ (III, 92); 3) о зарѣзаніи чужой лошади или другаго домашняго животнаго (II, 80), и 4) объ истребленіи чужой осѣдлости поджогомъ (II, 79). Поговоримъ сперва о бортяхъ. По этому предмету въ уставѣ Мономаха находятся слѣдующія постановленія: 1) аже разнаменаетъ борть, то 12 гривенъ; 2) аже дубъ подотнетъ знаменный или межный, то 12 гривенъ продажи, и 3) аже борть подотнетъ, то 3 гривны продажи, а за дерево полгривны. Что значитъ: разнаменовать борть? Въ старину *бортныя ухожья* отличались отъ *чернаго лѣса*, и отдавались большею частію бортникамъ въ оброкъ на значительное время, иногда на двадцать лѣтъ. Бортники имѣли право пользоваться старыми бортями, дѣлать новыя, рубить дровяной лѣсъ на свои надобности и

ловить въ своемъ участкѣ звѣрей. Для обозначенія своего права пользоваться бортными деревьями бортники выдѣлывали на нихъ разные значки, которые назывались *знаменами*. Иногда нѣсколько лицъ имѣли одно только знамя, а иногда каждое лице—свое особое. Знамена носили различныя названія, смотря по фигурѣ, именно: знамя косы на чертѣ съ рубежомъ ( ), знамя калита съ поясомъ ( ), знамя калита съ рубежемъ ( ), знамя лежая съ двумя рубежами ( ), знамя четыре рубежи (||||), знамя лакатки ( ), знамя лежая съ тремя рубежами ( ), знамя вилы съ двумя рубежами ( ), знамя поспдка съ двумя рубежами (фигура не означена).—Кромѣ изображенныхъ нами, въ нашихъ актахъ встрѣчаются еще слѣдующія фигуры бортныхъ знаменъ, названія которыхъ неизвѣстны: , , , , , , , , Р, IV, (¹).—Всѣ эти *знамена* безъ сомнѣнія выдѣлывались топоромъ или другимъ какимъ либо орудіемъ на стволѣ дерева. Послѣ всего нами сказаннаго легко уже опредѣлить смыслъ глагола «*разнаменать*», особенно при помощи слѣдующаго мѣста Ипатіевской лѣтописи: «бяху холопа покралѣ конѣ Мьстиславли у стадѣ. и *пятны своѣ вскладъ, розназнаменываюче* (²)». Слѣдовательно, разнаменовать борть значило стесать топоромъ съ нее *знамя*, т. е. признакъ, опредѣлявшій право чужаго владѣнія и выдѣлать на деревѣ свое или вообще другое знамя. За разнаменаніе борти платилась князю 12-гривенная продажа. Теперь представляется вопросъ: на какомъ основаніи за порубку цѣлой борти взыскивалась меньшая продажа (II, 68), чѣмъ за одно только стесаніе на деревѣ значка и начертаніе другаго? Безъ сомнѣнія, въ статьѣ о порубкѣ борти съ 3-гривенной пеней разумѣется не *знаменная борть*, т. е. не такая, которая была уже окончательно устроена и въ которой находились уже пчелы, а просто дерево, годное къ борти, или въ коемъ выдѣлка ея уже началась или даже окончена, но пчелъ не было. Это тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что о посѣченіи знаменной борти въ Правдѣ говорится особо, именно: «аже дубъ подотнетъ *знаменный* или межный, то 12 гривенъ продажи». Здѣсь знаменный дубъ отличенъ отъ межнаго, слѣдовательно подъ пер-

---

(¹) Акты Юрид. № 165, 172 и 202.—(²) Полн. собр. русс. лѣт., II т., стр. 99.

вымъ нельзя разумѣть какой либо межевой признакъ, притомъ на межевыхъ деревьяхъ *набивались грани* [1], знамена же клались только на бортяхъ. Кромѣ того, въ одной грамотѣ XV вѣка сказано: «а что у нихъ, на тѣхъ земляхъ на монастырскихъ, *дубье*, и староста бортной въ то *дубье* у нихъ не вступается» [2]. Все это убѣждаетъ насъ, что подъ порубкою знаменнаго дуба понимали въ Правдѣ порубку бортнаго дерева, тѣмъ болѣе, что и въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ бортное дерево называется *дубомъ пчельнымъ* [3], если на борть былъ употребленъ дубъ. И такъ, за посѣченіе простой борти, неокончательно еще устроенной или неимѣвшей еще пчелъ, платилось только 3 гривны продажи; но тотъ, безъ сомнѣнія, былъ виновнѣе, кто срубливалъ знаменную борть, въ которой уже были пчелы, или злонамѣренно уничтожалъ на ней признакъ чужаго владѣнія, т. е. истреблялъ знамя, и потому подвергался 12-гривенной продажѣ. Въ обоихъ случаяхъ порубки за самое срубленное дерево виновный платилъ еще хозяину полгривны, т. е. 25 кунъ. Такого различенія знаменныхъ и незнаменныхъ бортей не было въ Ярославовомъ законѣ: въ немъ, какъ мы видѣли, упоминалось только объ одной княжей борти и назначалась одна 3-гривенная продажа. Самое средство истребленія поименовано въ немъ другое, именно: пожогъ, а не порубка. Впрочемъ, и во времена Мономаха вѣроятно пожогъ бортнаго дерева наказывался также, какъ и его порубка.

Поврежденія въ чьихъ либо перевѣсахъ оплачивались 3-хъ-гривенной продажей: «аще кто посѣчетъ верею или верьвь перетнетъ въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за верею и за верьвь гривна» (III, 92). Въ большей части списковъ Правды говорится или объ одной верви, или только о вереѣ [4]; но намъ кажется, что то и другое слово находилось въ подлинномъ уставѣ Мономаха, потому что оба они соотвѣтствуютъ понятію о перевѣсѣ [5]. Вѣроятно позднѣйшіе переписчики, считая ихъ однозначащими и стоящими одно возлѣ другаго вслѣдствіе ошибочнаго повторенія,

---

(1) Акты Юрид. № 163. — (2) Акты Эксп., т. I № 53. — (3) Времен. кн. 18 Стар. Лит. Статутъ, раздѣлъ 9, ст. 14 и 15. — (4) Изслѣдованія о Рус. Правдѣ, г. Калачова стр. 118.—(5) См. о значеніи перевѣса въ статьѣ о татьбѣ.

выпустили одни слово верею, а другіе—слово вервь. За срубленный шестъ (верею) въ перевѣсѣ и перерѣзанную въ немъ веревку (вервь) платилась господину гривна. Мы думаемъ однакожъ, что гривна давалась владѣльцу не за каждый шестъ и не за каждую веревку особо, а за обѣ вещи вмѣстѣ, т. е. по полугривнѣ за верею и за вервь. Но и при такомъ пониманіи выходитъ, что большая плата назначалась за ничтожные предметы. Это слѣдуетъ объяснять развѣ тѣмъ, что поврежденіе ихъ могло помѣшать значительному улову птицъ, и слѣдовательно вести къ немаловажнымъ убыткамъ. Объ истребленіи чужихъ животныхъ сказано въ Правдѣ такъ: «а кто пакощами конь порѣжетъ или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину урокъ платити» (II, 80). Выраженіе *пакощами порѣжетъ* показываетъ, что законъ опредѣлялъ продажу только за *умышленное*, *злонамѣренное* истребленіе чьихъ либо животныхъ, а не за случайное. За это послѣднее, безъ сомнѣнія, могли требовать вознагражденія, но продажа князю не имѣла мѣста: «*занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть*» (II, 50). То же самое слѣдуетъ сказать и вообще о случайномъ поврежденіи или истребленіи чужаго имущества. Замѣчательно, что за умерщвленіе или изувѣченіе коня платилась 12-ти гривенная продажа, тогда какъ за конокрадство назначался *потокъ* (II, 30). Чѣмъ объяснить такую несообразность? Это произошло оттого, что конокрадство было у насъ въ старину, какъ и теперь, едва ли не господствующимъ преступленіемъ, особенно въ южныхъ частяхъ Россіи, гдѣ сосѣдство разныхъ кочевыхъ народовъ служило, вѣроятно, главнымъ поводомъ къ его распространенію. Отъ этого-то за конокрадство, въ видѣ мѣры искорененія, назначалось наказаніе болѣе строгое, чѣмъ за другія, повидимому важнѣйшія, преступленія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, въ статьѣ объ истребленіи животныхъ обозначено и самое количество урока, платившагося за нихъ господину, именно: «а за пагубу господину гривна урокъ платити» (III, 98). Но прибавленіе здѣсь слова «гривна» составляетъ очевидную ошибку переписчика, потому что лошадь во времена Правды стоила 3 и 2 гривны (II, 40); слѣдовательно нельзя было выплачивать обиженному урокъ, меньшій этой суммы.—Отъ всякаго другаго вида истребленія имуществъ Правда строго отличаетъ *поджогъ* чьего либо жилища, и назначаетъ за него такое же наказаніе, какъ и за убійство въ разбоѣ. «Аже заж-

гутъ *гумно*, сказано въ ней, то на потокъ и на грабежъ домъ его, переди пагубу неплативше, а въ процѣ князю поточити й; такоже аже кто *дворъ* зажжетъ» (II,79) (¹). Слово *потокъ*, какъ мы объяснили въ статьѣ объ убійствѣ, означало *ссылку*, а выраженіе «*а въ процѣ*» слѣдуетъ понимать въ приведенномъ нами законѣ въ смыслѣ: *а за тѣмъ*. Принимая въ такомъ значеніи слова *потокъ*, *поточити*, *а въ процѣ*, означенное постановленіе мы переводимъ такимъ образомъ: если кто поджигалъ гумно или дворъ, то лишался всего своего имущества, изъ котораго выплачивались напередъ убытки погорѣвшаго, а за тѣмъ виновный былъ подвергаемъ княземъ ссылкѣ. Безъ сомнѣнія имущество, которое оставалось у преступника за вознагражденіемъ обиженнаго, поступало въ казну князя. Само собою разумѣется, что упомянутое нами наказаніе назначалось только за *умышленные поджоги*; произведеніе же пожара случайно или по неосторожности не могло влечь за собою подобныхъ послѣдствій. Это видно изъ того: 1) что Правда извиняла купца, у котораго чужіе товары *огнь возметъ*, и такую пагубу называла *пагубой отъ Бога* (II, 50), слѣдовательно дѣлала различіе между пожарами; 2) что въ Правдѣ говорится только о зажигательствѣ чужаго *гумна* или *двора*, а не своего собственнаго, а это приводитъ къ убѣжденію о разумѣніи ею единственно умышленныхъ поджоговъ, потому-что въ противномъ случаѣ ей бы слѣдовало упомянуть въ означенномъ нами постановленіи и о томъ, когда кто по своей неосторожности сожигалъ собственное гумно или дворъ. За неосторожное произведеніе въ чьемъ либо жилищѣ пожара, виновный, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ удовлетворить обиженнаго, но ни продажѣ князю, ни потоку не подвергался.—Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію постановленій объ уничтоженіи межъ. За такого рода преступленія вообще назначалась 12-гривенная продажа. Въ Правдѣ сказано: «аже межю перетнетъ бортную, или ролейную разоретъ, или дворную тыномъ перегородитъ: то 12 гривенъ продажи» (II, 65); «аже дубъ подотнетъ межный, то 12 гривенъ продажѣ» (II, 66). Для обозначенія межъ, въ старину у насъ копали рвы, ставили *дубовые* столбы, а также опредѣляли межи дубовыми деревьями (²). О порубкѣ та-

(¹) Изслѣдов. о Рус. Правдѣ, г. Калачова, стр. 103.—(²) Акт. юрид. № 163, 164.

кихъ межныхъ дубовъ и говорится въ Правдѣ. Въ ней вообще упоминается о межахъ *бортной*, *ролейной* и *дворной*, а это указываетъ на столько же соотвѣтствующихъ имъ родовъ поземельной собственности, и приводитъ къ убѣжденію, что если земля подъ дворомъ составляла частную семейную собственность, то такое же частное владѣніе могли составлять и бортныя ухожья и пахатныя поля, а потому едва ли не ошибаются тѣ, которые признаютъ у насъ во времена Правды существованіе только общинной, а не частной поземельной собственности. Продажи за разсмотрѣнныя нами преступленія взыскивались, какъ и всегда, по числу виновныхъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; подобно тому и каждый изъ участвовавшихъ въ поджогѣ чьего либо жилища безъ сомнѣнія наказывался ссылкой и лишеніемъ имущества. Холопы и закупы на общемъ основаніи не подвергались ни продажѣ, ни потоку за поврежденіе или истребленіе чужаго имущества, или за уничтоженіе межъ; владѣльцы же холоповъ и закуповъ обязаны были вознаградить обиженныхъ способомъ, выше нами нѣсколько разъ объясненнымъ.

3) *О татьбѣ.*

Относительно татьбы Ярославъ въ первоначальномъ своемъ уставѣ постановилъ только брать 3 гривны продажи за обиду съ того, кто украдетъ, или нашедши присвоитъ чьего либо коня, оружіе или одежду; украденное же или найденное возвращалось хозяину. Такимъ образомъ первоначально при Ярославѣ татьба и находка не были вовсе различены. Къ сдѣланному нами выводу даетъ поводъ общность выраженія въ статьѣ Правды: «аще поиметъ кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ миру: то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду «(I, 12). Въ уставѣ Изяслава, соотвѣтствующая этой статья выражена уже опредѣленнѣе, и прямо отнесена къ дѣламъ о находкахъ (II, 28). Въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ встрѣчается довольно частныхъ постановленій о платѣ за кражу того или другаго предмета; но отдѣльно говорить объ нихъ мы не будемъ, такъ какъ всѣ они, съ небольшими измѣненіями и дополненіями, вошли въ уставы Изяслава и Мономаха.

При Изяславѣ, Всеволодѣ и Святославѣ, въ вошедшихъ въ составъ ихъ устава законахъ о татьбѣ, замѣчается особенная подроб-

ность въ исчисленіи разнаго вида кражъ; притомъ самыя кражи строго отличены отъ находокъ, холопы-тати—отъ татей изъ лицъ свободнаго состоянія. Общій смыслъ всѣхъ постановленій сыновей Ярослава о воровствѣ можно выразить такъ: виновный изъ свободнаго состоянія долженъ былъ возвратить владѣльцу поличное, а въ случаѣ, если поличнаго не отыскивалось, заплатить обиженному *татьбу*, т. е. сумму, равную цѣнѣ украденнаго, и во всякомъ случаѣ *продажу князю*. Продажа была *личная*, потому-что падала на лице виновное, а не на общину, не на вервь. Холопы-тати взысканію продажъ не подвергались; но господа, которымъ они принадлежали, выплачивали за нихъ обиженнымъ двойную цѣну украденнаго.

При Владимірѣ Мономахѣ постановленія о воровствѣ, заключающіяся въ уставѣ Изяслава и его братьевъ, добавлены были введеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ при неотысканіи татя общинныхъ продажъ, которыя выплачивались всѣмъ селомъ или цѣлой верві̆ю. За холоповъ-татей также не взыскивалось продажи; но господинъ ихъ обязанъ былъ или платить обиженному одинъ *урокъ*, т. е. только сумму по стоимости татьбы, или выдать ихъ тому, кого они обокрали.

Послѣ общаго обзора постановленій Русской Правды о татьбѣ перейдемъ къ подробному ихъ изслѣдованію. Прежде всего должно замѣтить, что вообще Правда различаетъ слѣдующіе виды кражъ: 1) кражу четвероногихъ животныхъ; 2) кражу птицъ и пчелъ; 3) кражу другихъ необходимыхъ предметовъ для жизни, какъ то: жита, сѣна, дровъ, ладьи, оружія, и одежды, и 4) кражу холопа или рабы. Въ отношеніи четвероногихъ животныхъ Правда говоритъ о похищеніи: *лошадей*, *воловъ*, *коровъ*, *овецъ*, *свиней*, *козъ*, и *бобровъ;* а въ отношеніи птицъ о похищеніи: *журавля*, *лебедя*, *гуся*, *утки*, *курицы*, *голубя*, *ястреба* и *сокола*. При всемъ томъ, кромѣ различенія предметовъ воровства, въ постановленіяхъ Правды о татьбѣ обращалось вниманіе, какъ мы уже видѣли, и на сословіе преступниковъ, именно различались между собою тати свободнаго состоянія и тати-холопы. Это послѣднее различеніе, какъ самое существенное, мы примемъ въ основаніе своего изслѣдованія о воровствѣ, и потому скажемъ сперва о взысканіяхъ, производившихся за кражу съ лицъ свободнаго состоянія, а за тѣмъ о взыска-

ніяхъ, установленныхъ на случай совершенія татьбы холопомъ или закупомъ.

I. О ВЗЫСКАНІЯХЪ СЪ ТАТЕЙ СВОБОДНАГО СОСТОЯНІЯ.

Такъ какъ взысканіе за татьбу съ воровъ свободнаго состоянія было двоякое: одно въ казну князя, называвшееся продажею, а другое—въ вознагражденіе убытковъ частныхъ лицъ, обиженныхъ воровствомъ, то мы сперва поговоримъ о продажахъ въ пользу князя, а потомъ перейдемъ къ объясненію статей Правды о вознагражденіи лицъ, понесшихъ убытки отъ татьбы.

А. О продажахъ за татьбу въ пользу князя.

До сихъ поръ, упоминая о продажахъ за татьбу, мы постоянно прибавляли, что онѣ поступали въ казну князя. Въ дѣйствительности такого ихъ назначенія невозможно сомнѣваться. Оно положительно обозначается слѣдующими выраженіями Правды въ статьяхъ о татьбѣ: 1) платити что у него будетъ погибло, *а князю продажю* (II, 32); 2) и *князю продажи* въ челядинѣ 12 гривенъ или *украденъ* или уведенъ есть (III, 35), и 3) аже будутъ холопи татіе—ихъ же *князь продажею не казнить* (II, 42). Говоря о продажахъ, опредѣлимъ сначала ихъ количество, соотвѣтственно различнымъ видамъ кражъ, упоминаемымъ въ Правдѣ, а за тѣмъ изложимъ случаи, въ какихъ продажа была личною и въ какихъ общинною.

а) О количествѣ продажъ, платившихся князю за татьбу.

1) По дѣламъ о кражѣ четвероногихъ животныхъ.

При Ярославѣ *конокрадство* не отличалось отъ другихъ видовъ воровства: за татьбу коня, вола, оружія или одежды назначалась одна общая продажа въ 3 гривны и 30 рѣзанъ или кунъ (I, 12, 29) (¹). При Изяславѣ, Всеволодѣ и Святославѣ коневая татьба считалась одною изъ самыхъ важнѣйшихъ; *коневый тать* подвер-

---

(¹) Подъ всякою 3-гривенною продажею мы разумѣемъ продажу въ 3 гривны и 30 рѣзанъ, какъ объ этомъ сказано нами въ введеніи.

галгя уже не взысканію продажи, а выдавался князю на *потокъ*, т. е. подвергался ссылкѣ (II, 30) (¹). Отъ кражи лошадей отличена въ Правдѣ кража скота. *Конь* всегда противуполагается въ ней *скотинѣ*. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій: «украдено у него что, или конь, или портъ, или скотина (II, 29); паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину» (II, 32). Значитъ въ частности въ число скота не включали лошадей, хотя въ общемъ смыслѣ и ихъ причисляли къ тому же разряду, потому что о конѣ, кобылѣ, жеребцѣ, аже не вѣдано папь, и жеребенкѣ говорится въ статьяхъ, озаглавленныхъ: «*О татьбѣ, иже взыщетъ скота*»: «*а се уроци скоту*» (II, 38—41). По, повидимому, не всякая кража коня подвергала виновнаго *выдачѣ на потокъ*. «Паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или *конь*, или портъ, или скотину, познаетъ ли надолзѣ у кого то купилъ, то своѣ куны возметъ, и сему платити, что у него будетъ погибло, а *князю продажею*» (II, 32). Продавецъ лошади могъ быть и похитителемъ ея, но не смотря на то подвергается только продажѣ. Однакожъ, по нашему мнѣнію, изъ выписанной нами статьи нельзя дѣлать того вывода, что не за всякую кражу лошади назначалась выдача на потокъ. Мнѣніе наше основывается на слѣдующемъ: 1) Нигдѣ въ Правдѣ не опредѣлено продажи за воровство коня. 2) Если предположить, что за похищеніе лошади, хотя она и въ приведенной нами статьѣ отличена отъ *скотины*, назначались такія же продажи, какъ вообще за кражу скота, т. е. 3 гривны, въ случаѣ похищенія коня изъ конюшни, и 60 кунъ, въ случаѣ похищенія его съ поля, тогда представлялось бы страннымъ, что опредѣлены столь маловажныя продажи за самую кражу лошади, когда за одну только ѣзду на ней безъ позволенія хозяина Правда взыскивала 3-гривенную продажу. 3) Въ выписанной нами выше статьѣ, подавшей поводъ къ сомнѣнію, говорится вообще о покупкѣ разныхъ краденыхъ предметовъ, и потому, не смотря на то, что въ ней упоминается и о конѣ, употреблено выраженіе: *а князю продажю*, такъ какъ такого рода взысканіе было общимъ, обыкновеннымъ при татьбѣ, а *о потокѣ*, какъ объ исключеніи, не сказано

(¹) Г. Поповъ подъ *коневыми татями* разумѣетъ *татей кавалеристовъ* (?!). См. разсужденіе его о Русской Правдѣ. Москва, 1841 г., стр. 8.

ни слова. Все это, а также ясное постановленіе Правды убѣждаютъ насъ, что всякій коневый тать выдавался на потокъ, и что на приведенной нами статьѣ, безъ сомнѣнія неточной по своей редакціи, нельзя основывать вывода о назначеніи продажи за кражу лошади. При назначеніи мѣры взысканія за воровство скота въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. воловъ, коровъ, свиней, овецъ и козъ, обращали вниманіе, откуда эти животныя были украдены, *изъ хлѣва* или съ *поля* (II, 37, 38). Воровство скота изъ *хлѣва* считалось обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, и сколько бы лицъ ни участвовало въ одной такой кражѣ, каждое изъ нихъ подвергалось платежу продажи по 3 гривны и 30 рѣзанъ или кунъ. За похищеніе же скота съ поля всякій изъ виновныхъ, если ихъ было нѣсколько, платилъ только по 60 рѣзанъ или кунъ. Статью Правды: «*аже крадетъ скотъ на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи—60 кунъ* (II, 38)», можно толковать еще и такъ, что въ ней говорится только о похищеніи скота съ поля, разумѣя подъ скотомъ однихъ воловъ и коровъ и что кража свиней, козъ и овецъ, всеравно откуда бы она ни производилась, изъ хлѣва или съ поля, оплачивалась всегда продажей въ 60 кунъ. Но такое толкованіе будетъ противорѣчить общему правилу, подмѣчаемому въ Правдѣ, по которому продажа увеличивалась, если тать для воровства проникалъ въ чье нибудь жилище, въ чью либо домашнюю область. На этомъ основаніи *клѣтный тать*, чтобы онъ ни укралъ изъ клѣти, всегда подвергался платежу 3 гривенъ и 30 рѣзанъ или кунъ (II, 30, 37). Какъ же послѣ того допустить, чтобы напр. за овцу, похищенную изъ хлѣва, назначалось продажи только 60 кунъ? Очевидно, что если въ статьѣ о воровствѣ изъ хлѣва и не говорится собственно о свиньяхъ, овцахъ и козахъ, то это потому, что въ понятіи о скотѣ заключались всѣ эти виды, и они дѣйствительно поименованы въ статьѣ, озаглавленной: «*а се уроци скоту*» (II, 41). Назначеніе различныхъ продажъ по мѣсту, изъ котораго сдѣлано похищеніе скота, установлено Изяславомъ съ братьями, такъ какъ въ дополнительномъ уставѣ Ярослава различія такого не встрѣчается. Въ этомъ уставѣ количество продажи за кражу скота зависѣло единственно отъ того, былъ ли похищаемъ *рабочій скотъ* или *нерабочій*. Въ первомъ случаѣ, за татьбу воловъ, не отдѣляя отъ нея ни кражи лошадей, ни обворованія клѣти, виновные под-

вергались платежу продажи 3 гривенъ и 30 рѣзанъ, а въ послѣднемъ случаѣ, за кражу овецъ, козъ и свиней платилось только 60 рѣзанъ продажи (I, 29, 40). Что это постановленіе было уничтожено и замѣнено выше нами изложеннымъ, въ томъ можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе статью Владиміра Мономаха о закупахъ, изъ которой видно, что при назначеніи имъ взысканія за недосмотръ господскаго скота, подвергшагося похищенію, въ окончательномъ уже моментѣ образованія Правды, обращали вниманіе на то, сдѣлана ли кѣмъ либо кража изъ *хлѣва* или *съ поля* (II, 54). Для большей ясности представимъ изложенные нами выводы въ краткихъ положеніяхъ: 1) При Ярославѣ первоначально кража лошадей и вообще скота не была отличена отъ другихъ видовъ воровства; но въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ назначали различныя продажи за кражу скота, смотря по тому, похищался ли *рабочій скотъ*, къ которому причисляли и лошадей, или *нерабочій*. 2) При Изяславѣ въ этомъ случаѣ стали руководствоваться другимъ началомъ: количество продажи зависѣло уже не отъ того, какой скотъ воровали, но отъ мѣста его похищенія, безъ вниманія къ тому, что составляло предметъ кражи, волъ ли, корова, коза, свинья или овца. Только кража лошадей была исключена изъ означенныхъ нами условій для опредѣленія количества продажи. *Коневый тать*, откуда бы ни сдѣлалъ похищеніе, выдавался князю на потокъ. Эти послѣднія постановленія оставались дѣйствующими и при Мономахѣ, который сверхъ того опредѣлилъ взыскивать 12 гривенъ продажи за воровство *бобра* (II, 62). Такимъ образомъ, послѣ конокрадства, признавалось самымъ преступнымъ между кражами животныхъ похищеніе бобровъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды говорится о продажѣ за похищеніе собакъ. Имѣя въ виду выраженіе: аже убіютъ кого у которой татьбы, те убіютъ *во пса мѣсто* (II, 36), намъ представляется страннымъ, на какомъ бы основаніи назначалась продажа князю за воровство *пса*, и еще 3-гривенная, когда, очевидно, убивавшій собаку не подлежалъ никакой отвѣтственности предъ княземъ? Мы положительно отвергаемъ возможность подобной продажи, и подробное разсмотрѣніе относящихся къ этому предмету постановленій Правды еще болѣе насъ въ томъ убѣждаетъ. Въ Академическомъ спискѣ сказано: «а оже украдутъ чюжь песъ, любо

ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны» (I, 37); въ Троицкомъ же спискѣ эта статья изложена такъ: «аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ, то продажи 3 гривны, а господину гривна» (II, 75); напротивъ въ Карамзинскомъ спискѣ говорится: «аще кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ *чій песъ*, или ястребъ, или соколъ, то 3 гривны продажи, а господину гривна» (III, 93). Изъ соображенія всего этого мы думаемъ, что изъ слова *«перевѣсъ»*, написаннаго вѣроятно подъ титлами, образовалось въ Академическомъ спискѣ, по ошибкѣ переписчика, слово *«песъ»*, котораго потому-то и не встрѣчается въ Троицкомъ спискѣ и ему подобныхъ, а поставлено, какъ и слѣдуетъ, слово *«перевѣсъ»*; но за то въ спискѣ Карамзинскомъ мы находимъ то и другое слово, и такимъ образомъ вышла очевидная нелѣпость: на какомъ бы основаніи въ *перевѣсь*, назначавшемся для ловли птицъ, могъ очутиться *песъ?* И такъ, по нашему мнѣнію, никакой продажи за воровство собакъ не существовало.

2) По дѣламъ о кражѣ птицъ и пчелъ.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ опредѣленію количества продажъ за похищеніе птицъ и пчелъ, считаемъ нужнымъ изложить нѣкоторыя необходимыя для того соображенія. Въ Правдѣ, съ немногими развѣ исключеніями, вообще кажется въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ назначаются продажи князю, употребляется способъ выраженія особый отъ того, когда говорится о платахъ въ пользу частныхъ лицъ; напр. *аже крадетъ любо конь, любо волы...то платити* (I, 29); *аже убіютъ татя....то платити* (I, 38); *аже украдутъ овцу...да положатъ 60 рѣзанъ продажи* (I, 40); *будетъ клѣтный тать...то платити* (II, 30); *аже крадетъ скотъ...то платити* (II, 37) и пр. Во всѣхъ этихъ статьяхъ говорится о продажахъ въ пользу князя; въ тѣхъ же постановленіяхъ Правды, гдѣ дѣло идетъ о вознагражденіи частнаго лица, встрѣчаемъ такія выраженія: «оже лодью украдетъ, *то за лодью платити 50 рѣзанъ*, а продажи 60 рѣзанъ (I, 34); аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, *а господину за верві* гривна купъ (II, 74); а выбьютъ зубъ, то 12 гривенъ продажи, а *за зубъ гривна* (II, 61), и проч. Сообразивъ означенные нами ясные примѣры касательно

назначенія платъ, кажется необходимо, съ цѣлью объясненія темныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ Правды, придти къ слѣдующему заключенію: пеню въ пользу князя должно разумѣть въ нихъ тамъ, гдѣ, кромѣ другихъ доказательствъ, по самому обороту рѣчи, условливается тотъ смыслъ, что плата опредѣлена непосредственно за поименованное предъ нею преступное дѣйствіе (аже крадетъ... то платити); если же въ той или другой статьѣ Правды самый вещественный предметъ, давшій поводъ къ противузаконному поступку, употребленъ съ предлогомъ *за*, и за тѣмъ тотчасъ слѣдуетъ назначеніе платы именно за этотъ предметъ, а не за преступленіе, то здѣсь едва ли не безошибочно можно предполагать частное вознагражденіе. Кромѣ этого только что изложеннаго нами правила, къ опредѣленію количества продажи за похищеніе птицъ мы пришли еще такимъ образомъ: статьи въ Академическомъ спискѣ Правды 34, 35, 36 и 37 (по тексту изд. г. Калачовымъ) мы признаемъ одною статьею и читаемъ ихъ слитно, именно: «а оже лодью украдетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ; а въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ, а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ и въ лебеди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ; а оже украдутъ въ чьемъ перевѣсѣ (1) любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны». При такомъ чтеніи, по нашему мнѣнію, выходитъ, что за похищеніе какой бы то ни было изъ поименованныхъ птицъ опредѣлялись различныя частныя вознагражденія; продажъ же назначалось только двѣ: *60 рѣзанъ*, если птица похищена не изъ перевѣса, и 3 *гривны* (2), если она украдена изъ перевѣса. Но намъ, безъ сомнѣнія, возразятъ, что въ Правдѣ говорится о татьбѣ изъ перевѣса только ястреба и сокола, и что потому трехъ-гривенная продажа относится только къ нимъ, а не къ другимъ птицамъ. На это мы отвѣтимъ, что Правда постоянно почти въ частномъ выражаетъ общее и что если давать такой тѣсный смыслъ разбираемой нами статьѣ, то слѣдовало бы также, основываясь на выраженіи: *аче кто конь погубитъ, или оружье или портъ* (II, 28), заключать, что въ случаѣ потери какой либо другой собственности никто не могъ и

(1) Въ текстѣ стоитъ *«июжь несъ»;* но мы объяснили выше, что это выраженіе искажено.

(2) Подъ продажею 3 гривны, мы всегда разумѣемъ 3 гривны и 30 рѣзанъ или кунъ, хотя бы того и не обозначили.

начинать иска, и что въ статьѣ: *аже крадетъ скотъ на поли*, или овцѣ, или козы, ли свиньи» (II, 38), нельзя разумѣть никакого другаго скота, кромѣ овецъ, козъ и свиней. Безъ сомнѣнія, едва ли кто станетъ допускать подобное толкованіе; а если такъ, то есть основаніе думать, что и о кражѣ ястреба или сокола изъ перевѣса сказано только примѣрно, что похищеніе изъ него всякой другой птицы также оплачивалось 3-хъ-гривенной продажей, и что въ свою очередь тать, воровавшій ястреба или сокола не изъ перевѣса, подлежалъ продажѣ 60 кунъ. Не изъ перевѣса могли красть только *домашнихъ* или *ручныхъ* птицъ, а изъ перевѣса только *дикихъ* птицъ. *Подъ перевѣсомъ* разумѣлась просѣка, прорубавшаяся въ лѣсахъ или рощахъ, поперегъ которой развѣшивалась сѣть, такимъ образомъ, что охотникъ изъ тайника могъ поднимать ее на рогатины веревками и задергивать посредствомъ особаго шнура или *тетивы*. Дикіе гуси и утки и другія птицы десятками могли попадать въ перевѣсы и запутывались въ сѣть. Этотъ способъ ловли еще и теперь въ употребленіи за Уральскимъ хребтомъ, и въ Оренбургской губерніи именно называется *перевѣсомъ* (¹).—Разобравъ Ярославово постановленіе о кражѣ птицъ, приступимъ теперь къ разсмотрѣнію одинаковыхъ съ нимъ статей Мономахова устава, читая ихъ тоже безъ раздѣленія. Въ этомъ уставѣ сказано: «аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ, то продажи 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кунъ, а за курл 9 кунъ, а за утовь 30 кунъ, а за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ» (II, 75—77). Здѣсь въ 9 кунахъ за голубя и курицу и въ 30 кунахъ за другихъ птицъ означены не продажи, а удовлетворенія частнымъ лицамъ. На это указываютъ: 1) опредѣленіе платы не за кражу, а за самый предметъ кражи; 2) совершенное равенство исчисленныхъ тутъ суммъ съ тѣми, которыя

(¹) См. Руководство къ естественной исторіи, Шуберта. Дерптъ. 1841 г. стр. 251. Въ такомъ значеніи перевѣса удостовѣряетъ и явка Назарова и Савина, помѣщенная въ Актахъ Юрид. подъ № 48. Въ ней сказано: «сѣсѣкли у насъ, не вѣдаемъ кто, сосну съ больцомъ перевѣтную, поводень на нее мы вѣшали на утки, на Тавренгѣ рѣкѣ, *въ перевѣсѣ*, и намъ стало не на что поводни вѣшать, угодье опустошили.» *Перевѣсы* продавались вмѣстѣ съ поземельнымъ владѣніемъ, какъ его принадлежность. Это видно изъ Актовъ Юрид. № 71 (VII, XI, XIX).

назначены въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ какъ частное вознагражденіе за похищенныхъ птицъ; 3) то обстоятельство, что эти суммы поименованы тотчасъ за назначеніемъ гривны господину за ястреба и сокола, слѣдовательно служатъ только продолженіемъ начатаго предъ тѣмъ исчисленія взысканій въ пользу обиженныхъ воровствомъ. Какая же опредѣлена продажа за похищеніе голубей, куръ и прочихъ названныхъ въ законѣ за ними птицъ? Повидимому объ ней не говорится ни слова. Но мы измѣнимъ такое мнѣніе, если на выписанныя нами статьи станемъ смотрѣть какъ на имѣющія необходимую логическую связь между собою, связь положенной въ основаніе общей для всѣхъ ихъ мысли. По нашему мнѣнію, иначе и смотрѣть невозможно, потому-что нельзя допустить, что выраженіе: «*а за голубь 9 кунъ*» и другія послѣдующія предполагаютъ кражу означенныхъ въ нихъ птицъ совсѣмъ не при тѣхъ условіяхъ, о какихъ говорится въ первыхъ строкахъ приведеннаго нами выше постановленія. Такое предположеніе было бы совершенно произвольно, тѣмъ болѣе, что въ кражѣ изъ перевѣса дикихъ голубей, дикихъ утокъ и проч. нѣтъ ничего несовмѣстнаго ни съ понятіемъ объ этихъ птицахъ съ одной стороны, ни съ понятіемъ о перевѣсѣ съ другой. Такимъ образомъ смыслъ закона Мономаха о татьбѣ птицъ, по нашему мнѣнію, есть слѣдующій: если кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястреба или сокола, то 3 гривны продажи, а господину гривна; если кто украдетъ въ перевѣсѣ голубя или курицу (куропатку), то также 3 гривны продажи, а господину за голубя или за куря 9 кунъ; за воровство же изъ перевѣса гуся, утки, лебедя и журавля тоже назначалась 3-хъ гривенная продажа, а господину за каждую изъ этихъ птицъ платилось по 30 кунъ. Такъ слѣдуетъ разлагать разбираемыя нами статьи Правды по ихъ внутреннему смыслу, потому-что въ ней, какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, весьма часто, вмѣсто того, чтобы охватить нѣсколько предметовъ одною общею мыслію дѣлаютъ для этой цѣли только приставку нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тѣмъ, о коихъ уже выражено какое либо положеніе. Если та или другая изъ поименованныхъ выше птицъ какъ домашнихъ, такъ и дикихъ была похищаема *изъ клѣти*, то на основаніи общаго положенія о клѣтныхъ татяхъ, виновный платилъ продажи также 3 гривны: «паки ли будетъ клѣтный тать, то 3 гривны платити ему» (II, 30). И такъ, въ случаѣ

кражи ястреба, сокола, журавля, лебедя, гуся, утки, голубя и курицы *изъ перевѣса* или *изъ клѣти* тать подвергался платежу 3-хъ гривенной продажи; если же тѣ же самыя птицы похищались *не изъ перевѣса* и *не изъ клѣти*, то съ виновныхъ взыскивалось продажи только 60 кунъ или рѣзанъ. Хотя объ этой последней продажѣ относительно птицъ и не упоминается въ уставѣ Мономаха, но безъ сомнѣнія и при немъ Ярославовъ объ ней законъ оставался дѣйствующимъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію статей Правды о кражѣ пчелъ. Въ уставѣ Ярослава находится постановленіе объ *изодраніи борти* (I, 30), т. е. о выдраніи изъ нея меда и пчелъ. Изъ Актовъ юридическихъ видно, что въ старину *драть борть* значило драть медъ изъ борти (¹). Владиміръ Мономахъ этому постановленію Ярослава придалъ болѣе ясности, именно: «аже пчелы выдеретъ, то 3 гривны продажи, а за медъ, аже будетъ пчелы неլажены, то 10 кунъ, будетъ ли олекъ (рѣкше гнѣздо), то 5 кунъ (II, 69) (²). Какъ понимать эту статью? Казалось бы съ перваго взгляда, что здѣсь опредѣлены различныя продажи, смотря по тому, будутъ ли украдены пчелы, или медъ или пчелиное гнѣздо. Но принимая во вниманіе самый оборотъ рѣчи, именно, что послѣ назначенія 3-хъ гривенной платы, названной *продажею*, употреблено выраженіе: «*а за медъ*, то 10 кунъ», т. е. опредѣлено взысканіе не за преступленіе, а за украденный предметъ, мы приходимъ къ заключенію, что 10 кунъ и 5 кунъ, *неназванныя продажами*, были частными вознагражденіями при выдраніи у кого пчелъ. Названіе «*олекъ*» напоминаетъ малороссійское *уликъ*, т. е. улей, тѣмъ болѣе, что въ одномъ спискѣ Правды оно объяснено словомъ *гнѣздо*, подъ которымъ, кажется, слѣдуетъ разумѣть самое жилище пчелъ. Однакожъ едва ли такое понятіе соединялось съ словомъ *олекъ*, потому-что въ древности пчелы вѣроятно бо́льшею частію, если не постоянно, содержались въ бортахъ, а не въ ульяхъ. Это доказывается и выраженіемъ, употребленнымъ въ уставѣ Ярослава: *борть изодрутъ*. Притомъ, принятіе словъ: *а за медъ* и *олекъ* за обозначеніе предметовъ частнаго вознагражденія при выдраніи у кого либо пчелъ и самый оборотъ рѣчи, употребленный въ

(¹) Акт. Юрид. № 359.—(²) См. Изслѣдов. Калачова о Рус. Правдѣ, стр. 121.

этомъ случаѣ въ Правдѣ, прямо ведутъ къ заключенію, что слово *олекъ* должно представлять понятіе противуположное выраженію «*а за медъ*». Если же послѣднее, при совершившейся кражѣ пчелъ, необходимо означаетъ похищеніе пчелинаго роя съ медомъ, то подъ словомъ *олекъ* должно разумѣть не иное что, какъ рой пчелъ безъ меда (¹). Выраженіе: *аже будетъ пчелы нелажены*, означаетъ, что изъ улья или изъ борти не былъ вынутъ еще медъ, соты не были подрѣзаны. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, выписанную нами выше статью Правды мы понимаемъ такъ: за похищеніе у кого либо пчелъ взыскивалось съ татя продажи въ пользу князя 3 гривны; сверхъ того, виновный обязывался заплатить хозяину пчелъ, если съ ними былъ похищенъ медъ, 10 кунъ, а если меда не было—5 кунъ. Такой смыслъ разобранной нами статьи подтверждается и постановленіемъ Стараго Литовскаго Статута, въ которомъ сказано: «а кто кому выдеретъ пчелы *нелажоныя*, чинячи шкоду, тогды повиненъ по полукопю грошей, а за *лажоныя*—по 15 грошей (²)». Очевидно, что если въ Правдѣ, соотвѣтственно съ Статутомъ, выраженіе «*пчелы нелажены*», въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, означаетъ пчелъ съ медомъ, то въ противоположность тому подъ словомъ *олекъ* необходимо разумѣть *пчелъ лаженыхъ*, т. е. безъ меда. И такъ, по нашему мнѣнію, одна только 3-хъ гривенная продажа назначалась за воровство пчелъ; 10 же кунъ и 5 кунъ взыскивались въ пользу лицъ, обиженныхъ татьбой. Вообще слѣдуетъ сказать, что назначеніе дробныхъ платъ, смотря по разнымъ отличіямъ, замѣчавшимся въ предметахъ однородныхъ, скорѣе могло имѣть мѣсто при опредѣленіи частныхъ вознагражденій, чѣмъ продажъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ по количеству были весьма неразнообразны.

3) По дѣламъ о кражѣ другихъ необходимыхъ предметовъ для жизни.

Мы уже говорили нѣсколько разъ, что за кражу чего либо изъ клѣти назначалась продажа 3 гривны: «паки ли будетъ клѣтный

(¹) Г. Діевъ подъ словомъ *олекъ* разумѣетъ молодыхъ пчелокъ въ сотахъ. См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ, г. Калачова, стр. 14.

(²) Времен. 1854 г., кн. 18, стр. 82 и 83.

тать, то 3 гривны платити ему» (II, 30). Общность выраженія въ приведенномъ законѣ даетъ поводъ заключать, что означенная въ немъ пеня платилась за всякую, какую бы то ни было, вещь, украденную изъ клѣти. Но въ какомъ количествѣ взыскивалась продажа, если та или другая вещь похищалась не изъ клѣти, а съ поля, и слѣдовало ли вообще платить въ такомъ случаѣ продажу? Пожалуй, можно думать, что эта послѣдняя имѣла мѣсто не при каждой татьбѣ, а только при тѣхъ кражахъ, о которыхъ именно упоминается въ Правдѣ, и что за всѣ прочія, въ ней необозначенныя, могло быть одно лишь частное вознагражденіе. Такая мысль, если бы кто и допустилъ ее, не имѣетъ твердыхъ основаній и вполнѣ опровергается указаніями самой Правды. Въ ней находятся слѣдующія выраженія: «или украдено у него *что*»; паки ли будетъ *что* татебно купилъ въ торгу; платити *что* у него будетъ погибло» (II, 29—32), и въ слѣдъ за этими выраженіями, относящимися ко всякой татьбѣ, дѣлается общее заключеніе *«а князю продажю*, слѣдовательно продажа взыскивалась за каждое воровство. Это еще болѣе убѣдительнымъ образомъ подтверждается статьею: «не будетъ ли татя, то по слѣду женуть» (II, 70), гдѣ не упоминается о какомъ татѣ идетъ дѣло, но не смотря на то взыскивается не только татьба, но и продажа съ тѣхъ, кои не отведутъ отъ себя слѣда кражи. Убѣдившись, что продажа въ пользу князя налагалась на всѣхъ татей, какого бы рода они ни сдѣлали похищеніе, за исключеніемъ разумѣется *конокрадовъ*, подлежавшихъ не денежной, а личной отвѣтственности, слѣдуетъ опредѣлить въ какомъ количествѣ производилось взысканіе продажи, если та или другая вещь украдена у кого *не изъ клѣти*, а напр. во время его пути, въ полѣ. Недаромъ въ Правдѣ обозначены кражи: *изъ хлѣва, изъ клѣти, изъ перевѣса, изъ гумна, изъ ямы;* на такое обозначеніе мѣстъ похищенія должно обратить особое вниманіе. Имѣя въ виду, что по частному случаю о кражѣ скота, уводъ его изъ хлѣва наказывался строже, чѣмъ уводъ съ поля, и что въ такомъ же самомъ количествѣ, какъ за воровство скота изъ хлѣва, назначалась продажа и за кражу изъ клѣти, изъ перевѣса, изъ гумна, изъ ямы, мы не можемъ не видѣть во всемъ этомъ общаго начала, по которому обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, считалось то, если татьба сдѣлана изъ чьихъ либо строеній или сооруженій въ самомъ

домѣ, или даже внѣ дома, напр. изъ перевѣса или изъ борти, въ случаѣ выдранія пчелъ. Если такъ, то обнаруженное нами начало неминуемо предполагаетъ другое, противуположное ему, т. е. что въ случаѣ кражи съ поля, или вообще не изъ строеніи или какихъ либо сооруженій, взысканіе уменьшалось, именно назначалась продажа меньшая, чѣмъ 3 гривны; но менѣе 60 кунъ продажи въ Правдѣ не было, слѣдовательно эта послѣдняя плата и взыскивалась, если похищеніе произведено *не изъ клѣти*, *не изъ хлѣва*, *не изъ перевѣса*, *не изъ гумна*, и *не изъ ямы*. Такой выводъ представляется намъ тѣмъ болѣе справедливымъ, что пеня опредѣленная, какъ мы видѣли выше, за кражи скота съ поля и птицъ не изъ перевѣса, относится, по нашему мнѣнію, не только къ этимъ, но и ко всѣмъ другимъ подобнымъ кражамъ, т. е. что въ означенныхъ частныхъ случаяхъ выражается общее начало. Всякій согласится съ нами, кто не смотритъ на Правду, какъ на безпорядочный сборникъ частныхъ правилъ, не имѣющихъ ни тѣсной между собою связи, ни общихъ для всѣхъ ихъ началъ. Но справедливъ ли подобный взглядъ? Законодательство какого бы то ни было народа, хотя самой отдаленной древности, отражаетъ въ себѣ его сознаніе о правдѣ и справедливости, и въ этомъ только смыслѣ достойно изслѣдованія. Если Правда была бы только безпорядочнымъ сборникомъ законовъ безъ всякихъ общихъ началъ, то она не могла бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему развитію нашего права, потому-что развиваться можетъ только то, что проникнуто какимъ либо началомъ. Кромѣ того, если Правда, какъ мы думаемъ, основана на обычаяхъ и понятіяхъ цѣлаго народа, т. е. отразила въ себѣ сознаніе его о предметахъ права, то и въ такомъ случаѣ нельзя отрицать въ ней общихъ началъ, потому что сознаніе, какое бы оно ни было, по самому существу своему не можетъ не имѣть ихъ. Только въ древнихъ законахъ сознаніе народное, проявляясь на письмѣ, не могло, по степени образованности вѣка, выражать свои начала въ положеніяхъ общихъ и опредѣленныхъ; все поневолѣ распадалось на частные случаи, въ которыхъ только намеками, какъ бы чрезъ туманъ, просвѣчиваетъ иногда изъ за частнаго искомое общее.

Перейдемъ теперь къ опредѣленію продажъ за кражу нѣкоторыхъ предметовъ въ частности. Мы видѣли уже, что первоначаль-

ное постановленіе Ярослава о татьбѣ заключалось только въ слѣдующей статьѣ: «аще поиметь кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познастъ въ своемъ миру: то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду» (I, 12). Общность выраженія давала возможность подводить этотъ законъ какъ къ дѣламъ о воровствѣ, такъ и къ дѣламъ о находкахъ. При Изяславѣ и его братьяхъ, въ подражаніе Ярославовой, составлена другая статья, не имѣющая болѣе опредѣленный смыслъ, по которому ее можно было примѣнять только къ дѣламъ о потерѣ собственности однимъ лицомъ и о находкѣ ея другимъ. Вотъ это постановленіе: «аче кто конь погубитъ, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны» (II, 28). Но установляя взысканіе за утайку найденнаго оружія и одежды, Изяславъ, повидимому, не опредѣлилъ продажи за кражу этихъ предметовъ, тогда какъ изъ выраженій, употребленныхъ въ его же законахъ: «украдено у него что, или конь или *портъ* (II, 29); паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или *портъ* (II, 32)»—видно, что какъ одежда, такъ безъ сомнѣнія и оружіе, предполагались предметами татьбы. Какой же отвѣтственности подвергали виновныхъ во времена Изяслава и Мономаха, если дѣйствительно встрѣчалось такого рода воровство? Безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ руководствовались общимъ началомъ, и потому за кражу одежды или оружія изъ клѣти назначали продажу 3 гривны и 30 рѣзанъ, а за похищеніе означенныхъ предметовъ не изъ клѣти и не изъ другихъ какихъ либо строеній—60 кунъ. Всякій изъ виновныхъ въ обворованіи *гумна* и въ похищеніи жита *изъ ямы* платилъ продажи также 3 гривны и 30 рѣзанъ (II, 39); но если жито было похищаемо не изъ гумна и не изъ ямы, а съ поля, то само собою разумѣется продажа опредѣлялась не иная, какъ 60 кунъ или рѣзанъ. За кражу ладьи платилось князю 60 кунъ. Такая продажа выставлена въ Правдѣ потому, что ладья большею частію могла быть похищаема *не изъ дома*, а съ берега рѣки; но если бы случилось, что кто либо укралъ ладью изъ клѣти, изъ гумна или изъ другаго какого либо строенія, тогда, безъ сомнѣнія, на общемъ основаніи продажа назначалась въ 3 гривны и 30 рѣзанъ.

Опредѣлимъ теперь количество продажи за кражу *сѣна* и *дровъ*. Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава сказано: «оже сѣно

крадутъ, то 9 кунъ, а въ дровѣхъ 9 кунъ» (I, 39); въ уставѣ же Мономаха эта статья изложена такъ: «а въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ» (II, 78). По видимому подъ 9 кунами слѣдуетъ разумѣть продажу, такъ какъ тотчасъ за назначеніемъ ихъ говорится: *а господину имати*, т. е. опредѣляется частное вознагражденіе. Однакожъ, не смотря на это, мы не имѣемъ права 9 кунъ считать *продажею*, потому что въ Правдѣ онѣ нигдѣ такъ не названы, тогда какъ 12 гривенъ, 3 гривны и 60 кунъ положительно называются продажами. Притомъ, неестественно думать, чтобы единственно за кражу дровъ и сѣна назначалась особая продажа, отличная отъ всѣхъ прочихъ. Кромѣ того, выраженіе: «а въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ» поставлено въ слѣдъ за исчисленіемъ частныхъ вознагражденій за украденныхъ ястребовъ, соколовъ, голубей, куръ, гусей, лебедей и журавлей (II, 78), и по нашему мнѣнію служитъ только продолженіемъ этихъ исчисленій. Въ послѣдствіи мы объяснимъ, отчего за сѣно и дрова назначаются два рода частныхъ вознагражденій: 9 кунъ и 2 ногаты. Какая же продажа взыскивалась за похищеніе дровъ и сѣна? Правда объ ней собственно не говоритъ; но такъ какъ за всякую безъ исключенія татьбу платилась продажа, то такое молчаніе безъ сомнѣнія допущено потому, что послѣ опредѣленія въ этомъ отношеніи общихъ по возможности началъ, говорить о томъ было бы излишне. Поэтому мы думаемъ, что на общемъ основаніи за кражу дровъ или сѣна *изъ клѣти* или другихъ какихъ либо строеній взыскивалось 3 гривны и 30 рѣзанъ, а за похищеніе означенныхъ предметовъ изъ поля или изъ лѣса платилось 60 кунъ.

4) По дѣламъ о кражѣ холоповъ и холопокъ.

Виновный въ похищеніи чьего либо холопа или чьей нибудь рабы подвергался взысканію 12-гривенной продажи (I, 27; II, 34; III, 35).

б) О случаяхъ, въ какихъ продажа была личною и въ какихъ общинною.

Вообще продажа за татьбу была *личная*, если тать былъ обнаруженъ, и *общинною*, когда его не отыскивали.

При личныхъ продажахъ, платежу ихъ подвергались не только *сами тати*, но 1) *укрыватели воровскаго*: «аже будутъ свободніи крали или *хоронили*, то князю въ продажѣ» (II, 115); 2) *покупавшіе воровское* въ торгу, если не доказывали дѣйствительности покупки показаніями свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою (II, 32); 3) *покушавшіеся на кражу*, какъ видно изъ того, что пойманный на татьбѣ отводился связаннымъ на княжъ дворъ, разумѣется для суда и взысканія (II, 36). Личная продажа за кражу, если въ ней участвовало нѣсколько лицъ, взыскивалась съ каждаго изъ нихъ въ полной суммѣ, а не въ части, потому что продажа падала не единично на обнаруженное воровство, но единично на каждаго изъ уличенныхъ въ немъ татей. Объ этомъ положительно говорится въ Правдѣ: «аже крадетъ кто скотъ въ хлѣвѣ, то оже будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; а будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гривны да по 30 кунъ платити» (III, 38); «аже крадетъ гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ» (II, 39). Впрочемъ, сообщество въ преступленіи собственно не считалось обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, и потому не увеличивало количества продажи, взятой отдѣльно; но сумма всѣхъ продажъ, взыскивавшихся по какому либо дѣлу о татьбѣ, бывала тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее число лицъ участвовало въ преступленіи, именно за одну кражу платилась одна продажа, когда былъ одинъ виновный, при нѣсколькихъ же виновныхъ и за одну кражу взыскивалось столько продажъ, сколько обнаружено сообщниковъ по воровству; напр. если четыре человѣка похищали изъ хлѣва корову, то каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить по 3 гривны и 30 рѣзанъ, т. е. со всѣхъ ихъ слѣдовало взыскать 14 гривенъ и 20 кунъ. Но при назначеніи продажи по числу участниковъ въ преступленіи, обращали ли вниманіе и на число похищенныхъ предметовъ? Въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ Правды сказано, что если 10 человѣкъ похищали одну овцу, то платили по 60 рѣзанъ продажи, т. е. всего 12 гривенъ; но если 10 человѣкъ крали 10 овецъ, должны ли они были тоже платить 12 гривенъ, или же сумма продажъ увеличивалась не только по числу сообщниковъ воровства, но и по числу похищенныхъ предметовъ, т. е. не слѣдовало ли 10 татямъ за 10 овецъ заплатить 120 гривенъ? Для разрѣшенія представив-

шагося намъ вопроса, обратимъ вниманіе на слѣдующія выраженія Правды: будетъ ли клѣтный тать, то 3 гривны платити ему (II, 30); аже крадетъ кто клѣть (II, 37); аже крадетъ гумно (II, 39). Безъ сомнѣнія, вникая въ смыслъ этихъ выраженій, нельзя думать, что за всякую вещь, украденную изъ клѣти или изъ гумна, назначалась особая продажа, потому что въ Правдѣ не сказано о похищеніи чего либо изъ клѣти или гумна, а просто говорится объ обворованіи клѣти или гумна, т. е. допускается совокупное похищеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ находившихся тамъ предметовъ, безъ увеличенія суммы продажъ по числу послѣднихъ. Впрочемъ, такое заключеніе, основываясь на приведенныхъ выше выраженіяхъ Правды, слѣдуетъ сдѣлать о тѣхъ только случаяхъ, когда количество продажи условливалось не самымъ предметомъ татьбы, а мѣстомъ, изъ коего онъ похищенъ, и потому здѣсь принимали во вниманіе не число похищенныхъ предметовъ, а число мѣстъ, изъ которыхъ совершено похищеніе. Поэтому, сколько бы ни было украдено вещей изъ одной клѣти, изъ одного хлѣва, изъ одного гумна, изъ одной ямы, изъ одного перевѣса, или изъ одного поля—назначалась только одна продажа, если былъ одинъ только тать; въ случаѣ же кражи какихъ либо предметовъ изъ двухъ клѣтей, или изъ клѣти и поля, продажа опредѣлялась не только по числу сообщниковъ преступленія, но и по числу отдѣльныхъ мѣстъ похищенія у одного и того же лица. Совсѣмъ другое должно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда количество продажи назначалось, смотря по предмету татьбы. Тутъ не обращали вниманія на мѣсто, изъ котораго сдѣлана кража, украденный предметъ самъ по себѣ имѣлъ значеніе и условливалъ величину пени, и потому по числу похищенія такихъ предметовъ увеличивалась и сумма продажъ. Такимъ образомъ мы думаемъ, что сколько бы ни было разомъ украдено холоповъ, холопокъ и бобровъ, за каждаго и каждую изъ нихъ платилось какъ за отдѣльную татьбу, по 12 гривенъ.

Общинныя продажи взыскивались иногда въ случаѣ необнаруженія татей. Онѣ были, смотря по предмету татьбы, одинаковаго количества съ личными продажами и платились или жителями какого либо *села* или цѣлою вервію. Если отъ мѣста, гдѣ совершено воровство, шелъ замѣтный слѣдъ, напр. ногъ или повозки, и направлялся къ тому или другому селу, или къ

товару [1], то жители ихъ должны были отсочить отъ себя слѣдъ вора; когда же они не могли этого сдѣлать или не хотѣли, т. е. по зову не выѣзжали на слѣдъ или даже отбивались, то всѣ сообща платили продажу и татьбу (III, 88). Впрочемъ, если напр. ступни ногъ вора, пролегая во внутренность селенія, прекращались у самой избы какого нибудь людина, и у него находили украденное, то безъ сомнѣнія слѣдъ въ такомъ случаѣ отъ самаго села почитался *отсоченнымъ*, и продажа становилась *личною*, а не общинною. Но никто не признавался виновнымъ, если слѣдъ татьбы терялся на большой дорогѣ (на гостинцѣ на велицѣ), около которой не было села, или на пустомъ, безлюдномъ мѣстѣ: «аже погубятъ слѣдъ на гостинцѣ на велицѣ, а села не будетъ, или на пустѣ, гдѣ же не будетъ ни села, ни люди, то не платити ни продажи, ни татьбы» (II, 70). *Вервь* подвергалась отвѣтственности по дѣламъ о воровствѣ лишь въ одномъ случаѣ, именно при похищеніи неизвѣстно кѣмъ чьего либо *бобра*. Она обязана была: «по верви искати татя, ли платити продажю» (II, 63), впрочемъ тогда только, когда обнаруживались явные признаки воровства: аже будетъ росѣчена земля или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть (II, 63). Въ противоположность *личной*, общинная продажа взыскивалась не отдѣльно съ каждаго изъ жителей *села* или *верви*, но выплачивалась ими сообща, по раскладкѣ, т. е. за одно необнаруженное воровство платилась и одна продажа цѣлымъ селомъ или вервію. Это доказывается выраженіемъ, употребленнымъ въ Правдѣ при назначеніи общинныхъ продажъ: *то тьмъ* платити татьбу и *продажю* (II, 70). Очевидно, что здѣсь для многихъ лицъ установленъ платежъ одной только пени. Замѣчательно, что если взысканіе по дѣламъ о кражѣ падало на все село, то оно платило продажу и татьбу, тогда какъ вервь вносила одну только продажу, безъ платежа тать-

[1] Что разумѣли подъ словомъ *товарь*? Въ Лаврентьевской лѣтописи есть мѣсто, въ которомъ при описаніи осады русскими князьями Великаго Болгарскаго города, гдѣ смертельно раненъ князь Изяславъ Глѣбовичь, употреблено выраженіе: *и принесоша й еле жива въ товары* (т. 1, стр. 165). Такимъ образомъ, слово *товаръ* значитъ *станъ, лагерь*. Отъ него въ послѣдствіи вѣроятно образовалось слово *таборъ* также въ смыслѣ стана (Акт. Ист. т. II № 89). Впрочемъ, въ Правдѣ безъ сомнѣнія названіе «*товарь*» означало не только военскій станъ, но вообще *обозъ, кочевье*.

бы. На чемъ основывалось такое различіе? Намъ кажется, это происходило отъ того, что жители селенія, неотведшіе отъ себя слѣдовъ воровства, вѣроятно почитались явными его укрывателями, чего нельзя было сказать объ обитателяхъ цѣлой верви, заключавшей въ себѣ нѣсколько селъ, тѣмъ болѣе, что при покражѣ бобра принимался во вниманіе самый фактъ преступленія, а не направленіе слѣдовъ въ ту или другую сторону, и вервь, хотя тоже подозрѣваемая въ укрывательствѣ, собственно подвергалась продажѣ за неотысканіе татя. Притомъ нельзя упустить изъ вида, что и въ дѣлахъ объ убійствѣ вервь вносила также одну только виру, головничество же падало на самого головника, если онъ былъ извѣстенъ. Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе обращалось на цѣлую вервь, она платила лишь пени въ пользу князя, и вовсе освобождалась отъ вознагражденія частныхъ лицъ.

Б. О вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ убытки отъ татьбы.

Мы встрѣчаемъ въ Правдѣ выраженіе: «*платити татьбу и продажу*» (II, 70). Извѣстно, что продажа взыскивалась въ казну князя, слѣдовательно слова́: *платить татьбу*, означали частное вознагражденіе. О такомъ вознагражденіи говорится и въ слѣдующемъ мѣстѣ устава Изяслава: «кто будетъ виноватъ, на того татьба снидетъ» (II, 29). Здѣсь слово татьба принимается въ смыслѣ платы за татьбу. Вообще, въ Правдѣ взысканія въ пользу князя опредѣлялись юридическими терминами: *продажа* и *вира*, для обозначенія же вознагражденія частнымъ лицамъ употреблялись иногда названія самыхъ преступленій, принимавшихся въ смыслѣ платъ: такъ напр. слово *татьба* означало и воровство и плату за воровство, *головничество*—убійство и плату за убійство. Но въ чемъ состояло частное вознагражденіе за татьбу? Въ Правдѣ говорится: 1) аже крадетъ... то оже будетъ лице (наличное), лице поиметъ... паки ли лица не будетъ... то платити (II, 39, 40); 2) кто будетъ виноватъ, на того татьба снидетъ, тогда онъ (обиженный) свое возметъ, а что погибло будетъ съ нимъ, то же ему начнетъ платити (II, 29); 3) а гдѣ будетъ конечный тать, то опять воротитъ челядина, а свой поиметъ, и прогоръ тому же платити (II, 33). Изъ этихъ мѣстъ слѣдуетъ заключить, что плата татьбы состояла: 1) въ вознагражденіи хозяина за украденный предметъ,

если онъ не отыскивался; 2) въ выплачиваніи убытковъ (протори), происшедшихъ отъ воровства. Относительно удовлетворенія за проторы въ Правдѣ не содержится никакихъ частныхъ правилъ, и потому мы обратимся къ изложенію только ея статей о платѣ за украденную вещь. На случай, когда *поличнаго* не находили, или если и находили, но не все похищенное, установлена была въ Правдѣ особая *такса*, обозначавшая цѣну разныхъ предметовъ. По этой таксѣ виновный выплачивалъ хозяину, потерпѣвшему татьбу, извѣстную сумму денегъ, смотря по тому, что именно было похищено и не возвращено. Если сообщниковъ въ одной кражѣ было нѣсколько, то эта сумма разумѣется взыскивалась не съ каждаго отдѣльно, а со всѣхъ вмѣстѣ, по раскладкѣ. Изложимъ теперь самую таксу, придерживаясь порядка, принятаго нами прежде, при изслѣдованіи количества продажъ за разнаго вида кражи, т. е. сперва опредѣлимъ плату за четвероногихъ животныхъ, потомъ за птицъ и пчелъ, за тѣмъ за другіе необходимые предметы для жизни, и наконецъ за холоповъ и рабынь.

1) О таксѣ на четвероногихъ животныхъ.

Прежде нежели приступимъ къ опредѣленію количества платъ за четвероногихъ животныхъ, необходимо высказать основаніе, почему именно мы полагаемъ, что за украденный у кого либо и невозвращенный ему предметъ взыскивалась сумма по особой таксѣ. Въ Правдѣ встрѣчается слѣдующее выраженіе: «аже крадетъ.... то оже будетъ лице, лице поиметъ» (II, 39). Выраженіе это означаетъ, что въ случаѣ воровства, если похищенное находилось у татя налицо, оно возвращалось хозяину. Но какъ поступали, когда поличнаго не отыскивалось? Такой вопросъ представляется самъ собою и разрѣшается статьями, непосредственно слѣдующими за приведенною нами выше. Въ нихъ сказано: «паки ли лица не будетъ, то платити» (II, 40) и въ слѣдъ за тѣмъ опредѣлена самая плата сначала за коней, а потомъ въ статьѣ подъ названіемъ: «а се уроци скоту»—за другихъ животныхъ. Слѣдовательно, если украденныхъ предметовъ не возвращали владѣльцу, то съ виновныхъ въ его пользу взыскивалась извѣстная сумма, означенная въ самомъ законѣ. Такъ за похищеннаго и неотысканнаго княжескаго *коня* тать платилъ 3 гривны кунъ, а за коня, принадлежавша-

го кому нибудь другому—двѣ (II, 40). *Кобыла* цѣнилась 60 кунъ или рѣзанъ, безъ различія кому бы она ни принадлежала (I, 26; II, 41). Въ послѣдствіи цѣна на нее возвышена въ 3 гривны (III, 54). За жеребца, *аже не всѣдано нань*, и трехлѣтнюю лошадь взыскивали 1 гривну кунъ; за двухлѣтнюю (лонщину)—30 кунъ, а за однолѣтнюю и жеребя—6 ногатъ, т. е. 15 кунъ (II, 41; III, 54). Волъ стоилъ гривну, корова—40 рѣзанъ, а въ послѣдствіи 2 гривны; трехлѣтняя корова—30 кунъ, потомъ гривну; двухлѣтняя (лонщина)—полгривны, т. е. 25 кунъ, и теля—5 кунъ (I, 26; II, 41; III, 56). Цѣна за овецъ и барановъ сначала не различалась, за тѣхъ и другихъ платилось по ногатѣ, т. е. по $2\frac{1}{2}$ куны или рѣзаны (I, 26); потомъ овца цѣнилась двѣ ногаты, или 5 кунъ, а баранъ—ногату (II, 41); наконецъ за первую стали взыскивать 6 ногатъ, т. е. 15 кунъ, а за втораго—4 ногаты, т. е. 10 кунъ или рѣзанъ (III, 49). *Коза* стоила также 6, а козелъ—4 ногаты (III, 50). *Свинья* первоначально цѣнилась 5 кунъ, потомъ полгривны, т. е. 25 кунъ; *вепрь* или *кабанъ* стоилъ 6 ногатъ, или 15 кунъ; поросенокъ—ногату (II, 41; III, 52, 53). Неизвѣстно только, какое назначалось удовлетвореніе частному лицу за похищеннаго у него *бобра*. Соображая означенныя нами цѣны за четвероногихъ животныхъ, мы находимъ, что цѣнность ихъ опредѣлялась не по какимъ либо достоинствамъ породы, а просто: 1) поломъ животнаго; 2) его возрастомъ и 3) иногда принадлежностію его тому или другому лицу. Въ первомъ отношеніи самки сначала цѣнились ниже или наравнѣ съ самцами, а въ послѣдствіи всегда выше ихъ. Впрочемъ, полъ принимался во вниманіе при опредѣленіи цѣны лошадей и крупнаго рогатаго скота только тогда, если животное имѣло болѣе трехъ лѣтъ, у третьячинъ же и лонщинъ не различался. Во второмъ отношеніи возрастъ брался въ расчетъ только при обозначеніи стоимости лошадей и крупнаго рогатаго скота; но вовсе не былъ принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ овецъ и козъ. Отличали четыре возраста: 1) большій трехгодичнаго; 2) трехгодичный; 3) двухгодичный и 4) меньшій послѣдняго. Соотвѣтственно этимъ возрастамъ назначались и цѣны: животныя, имѣвшія болѣе трехъ лѣтъ, цѣнились дороже, чѣмъ трехлѣтнія, трехлѣтнія въ свою очередь дороже двухлѣтнихъ, и наконецъ послѣднія стоили болѣе животныхъ меньшаго возраста.

2) О таксѣ на птицъ и пчелъ.

Мы уже видѣли, что курица и голубь стоили по 9 кунъ, а журавль, лебедь, гусь и утка—по 30 кунъ или рѣзанъ. За ястреба и сокола платилось по гривнѣ за каждаго, т. е. по 50 кунъ (II, 75). Вообще цѣны на птицъ были непомѣрно высоки: овца напр. или свинья стоили менѣе, чѣмъ утка, а двухлѣтняя лошадь была въ одинаковой съ нею цѣнѣ. Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что птицеводствомъ вѣроятно мало занимались въ древней Руси, тогда какъ скотоводство было весьма развито. Притомъ, ловля дикихъ птицъ, бывшихъ, по нашему мнѣнію, въ одинаковой цѣнѣ съ домашними, требовала значительнаго труда и издержекъ. Пчелы съ медомъ при Мономахѣ цѣнились 10 кунъ, а пчелы безъ меда—5 кунъ, первоначально же при Изяславѣ пчелиный рой съ медомъ стоилъ полгривны, т. е. 25 кунъ (III, 57). Самое выраженіе, употребленное въ Правдѣ: *рой съ медомъ*, подтверждаетъ наше мнѣніе о различіи частнаго вознагражденія, смотря потому, были ли украдены пчелы съ медомъ или безъ меда.

3) О таксѣ на жито, сѣно, дрова, ладьи, оружіе и одежду.

Въ Правдѣ сказано: «аже крадетъ гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а у него же погибло, то оже будетъ лице, лице поиметъ, а за лѣто возметъ по полугривнѣ» (II, 39). Изъ этой статьи видно, что похищенное жито, если оно отыскивалось, возвращалось хозяину; но когда поличнаго не было, тогда безъ сомнѣнія тать обязывался уплатить обиженному цѣну украденнаго жита. Принявши во вниманіе, что 11,184 половника и копны молоченнаго и немолоченнаго жита, овса и ячменя стоили 179, 394 гривны и 31 рѣзану, выходитъ, что половникъ и копна того или другаго рода хлѣба цѣнились среднимъ числомъ немного дороже 16 гривенъ кунъ (III, 58—63). Однакожъ, при неизвѣстности мѣры копны и половника, сдѣланный нами выводъ не даетъ точнаго понятія о цѣнѣ жита. Если тать оказывался несостоятельнымъ къ уплатѣ татьбы какъ хлѣба, такъ и другого какого либо предмета, то поступалъ въ закупы, и ему за годъ работы засчитывалось по полугривнѣ. Въ этомъ смыслѣ, по наше-

му мнѣнію, и сказано: «а за лѣто возметъ (т. е. засчитаетъ) по полугривнѣ.» Мы уже видѣли, что въ статьѣ: «а въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ» (II, 78), подъ тою и другою платою слѣдуетъ разумѣть частное вознагражденіе. Первая изъ нихъ, 9 кунъ, назначалась за похищеніе въ небольшомъ количествѣ, а вторая въ томъ случаѣ, если разомъ было украдено нѣсколько возовъ сѣна и дровъ. Похищеніе незначительнаго количества этихъ предметовъ могло даже, при бдительности хозяина, остаться незамѣченнымъ и совершаться съ меньшею трудностію, чѣмъ кража въ большомъ количествѣ, а потому законъ, чтобы уничтожить самое побужденіе къ такой татьбѣ, которую усмотрѣть и услѣдить было затруднительно, опредѣлилъ, по нашему мнѣнію, вознагражденіе владѣльцу большее стоимости украденнаго предмета; за похищеніе же нѣсколькихъ возовъ сѣна и дровъ, что и отвратить было легче, и обнаружить, если оно случилось, удобнѣе, назначилъ удовлетвореніе хозяину по обыкновенной торговой цѣнѣ, именно по 2 ногаты или 5 кунъ за возъ. Стогъ сѣна стоилъ гривну, слѣдовательно въ немъ считалось 10 возовъ (III, 64). За ладью, если ее нельзя было воротить лицемъ, взыскивалось сначала 30 рѣзанъ; но Владиміръ Мономахъ установилъ другія платы, смотря по роду судна, именно за морскую ладью 3 гривны, за набойную—двѣ, за стругъ—гривну, а за челнъ 20 кунъ или 8 ногатъ (III, 91; II, 73; I, 34).—Цѣна оружія и одежды въ Правдѣ не опредѣлена.

4) О таксѣ на холоповъ и холопокъ.

Въ Правдѣ говорится: «аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему *за холопъ 5 гривенъ*, а за рабу *6 гривенъ*» (II, 106). Въ этой статьѣ опредѣлена цѣна холоповъ и рабынь, которая, безъ сомнѣнія, имѣла мѣсто и по дѣламъ о похищеніи ихъ. Подобно тому, какъ между животными самка стоила дороже самца, такъ точно и за рабу платилось больше, чѣмъ за холопа. Впрочемъ, холопъ-ремесленникъ или кормилецъ, также какъ и раба-ремесленница или кормилица стоили по 12 гривенъ (II, 12, 14).

Доказательствомъ нашего положенія, что всѣ изложенныя нами выше таксы установлены въ Правдѣ для удовлетворенія частныхъ лицъ по искамъ, возникавшимъ отъ татьбы, а также и отъ другихъ преступленій, можетъ служить старый Литовскій Статутъ и нѣкоторымъ образомъ и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гдѣ тоже означена стоимость разныхъ предметовъ на случай, если *въ исковыхъ челобитныхъ цѣны не будетъ написано.* Замѣчательно, что какъ въ Статутѣ, такъ и въ Уложеніи не только исчислены тѣже животныя, какъ и въ Правдѣ, но и при опредѣленіи ихъ цѣнности тоже приняты во вниманіе *полъ* и *возрастъ* (¹), а въ Статутѣ, относительно лошадей—и принадлежность ихъ королю, пану или мужику.

II. О ВЗЫСКАНІЯХЪ ЗА ТАТЬБУ, ВЪ СЛУЧАѢ СОВЕРШЕНІЯ ЕЯ ЛИЦАМИ НЕСВОБОДНАГО СОСТОЯНІЯ — ХОЛОПАМИ И ЗАКУПАМИ.

Въ уставѣ Изяслава постановлено, что если попадутся въ татьбѣ холопы, княжескіе ли, боярскіе, или чернецкіе, то князь ихъ продажею не казнитъ, зане суть несвободные, но *двоиче платить ко истцу въ обиду* (II, 42). Этотъ платежъ, разумѣется въ томъ только случаѣ, если нельзя было возвратить обиженному поличнаго, производилъ владѣлецъ раба, безъ различія былъ ли его господинъ князь, бояринъ или чернецъ, потому-что холопы не имѣли своей собственности. При дѣйствіи такого постановленія безъ сомнѣнія часто встрѣчались слѣдующія случаи: 1) холопъ по совершеніи воровства, растративъ какимъ либо образомъ поличное, могъ оставаться на мѣстѣ своего жительства, или 2) онъ вмѣстѣ съ украденнымъ скрывался, убѣгалъ. Господинъ скрывшагося татя, выплачивая обиженному двойную цѣну украденнаго и лишаясь еще самого холопа, несъ болѣе убытковъ, нежели тотъ, отъ кого холопъ-тать не дѣлалъ побѣга. Впрочемъ неравенство потери перваго по отношенію къ послѣднему было совершенно случайное, и могло изчезнуть по поимкѣ холопа; важно только то, что каждый изъ рабо-владѣльцевъ могъ считать законъ Изяслава для себя стѣ-

(¹) Улож. гл. XXIV ст. 3; Стар. Лит. Статутъ стр. 93, ст. 1—16, въ 18 кн. Временника.

снтельнымъ, потому-что уплачивалъ не *одно* только вознагражденіе за татьбу, сдѣланную его холопомъ, а *двойное*, имѣвшее видъ несправедливой пени за чужую вину. Если дѣйствительно такое недовольство означеннымъ закономъ было возбуждено въ современномъ ему обществѣ, то Владиміру Мономаху предстояло довольно труда въ новомъ постановленіи согласить по возможности разнородные интересы владѣльцевъ холоповъ, уличенныхъ въ татьбѣ, и лицъ, обиженныхъ сю. Предполагая, что послѣдніе довольствовались бы и однимъ простымъ удовлетвореніемъ за украденные и не возвращенные имъ предметы, нельзя допустить, что первые безусловно оправдали бы такое распоряженіе. Они стали бы возражать, что холопъ могъ сдѣлать воровство на такую сумму, которая несравненно превышала стоимость его самаго, и что полное удовлетвореніе въ этомъ случаѣ было бы для нихъ обиднымъ. Что такія затрудненія дѣйствительно представлялись Мономаху, это доказывается изданнымъ имъ закономъ, въ которомъ они основательно разрѣшены. Онъ постановилъ, что владѣлецъ холопа имѣлъ право, по своему усмотрѣнію, или вознаградить обиженнаго за татьбу, или, отрекшись отъ владѣнія самимъ холопомъ, выдать его головою тому, у кого онъ сдѣлалъ кражу. Противъ такого постановленія господинъ холопа-татя не могъ сдѣлать никакого возраженія, потому-что ему предоставлялось дѣйствовать, соображаясь съ своею выгодою: или удовлетворить обиженнаго, если цѣна кражи была незначительная, или выдать ему самого холопа, если сдѣланное имъ похищеніе превышало стоимость преступника. Съ другой стороны и потерпѣвшій убытки отъ татьбы ничего не могъ сказать противъ такого закона, потому-что не имѣлъ основанія отрицать у того или другаго господина права отрекаться отъ владѣнія своимъ холопомъ. Но если холопъ убѣгалъ съ украденною имъ вещію, тогда господинъ его не могъ уже дѣлать выбора между выдачей преступника и удовлетвореніемъ обиженнаго, а долженъ былъ безусловно удовлетворить послѣдняго. Разсмотримъ теперь подробнѣе изложенныя нами постановленія Мономаха и повѣримъ сдѣланный нами выводъ. «Аже холопъ крадетъ кого любо, сказано въ Мономаховомъ уставѣ, то господину *выкупати* любо *выдати* й съ кимъ будетъ кралъ, а женѣ и дѣтямъ ненадобѣ, но оже будетъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати, паки ли а выкупаетъ

господинъ» (II, 115). Подъ словомъ *выкупати* мы разумѣемъ удовлетвореніе обиженнаго за убытки, нанесенные ему чьимъ либо холопомъ. Въ статьѣ о холопахъ, выманившихъ у кого нибудь деньги, сказано: «*господину выкупати*», если давшій куны чьимъ нибудь рабамъ не зналъ о ихъ состояніи, а въ противномъ случаѣ «*кунъ ему лишитися*», т. е. тѣхъ, которыя у него выманили (II, 110), слѣдовательно платежъ этихъ кунъ составлялъ самый *выкупъ*. Въ смыслѣ также простаго вознагражденія употреблены и выраженія: «*господину холопъ и доли*» (III, 130) и «*а одолжаетъ, то выкупати*» (II, 111). Все это удостовѣряетъ насъ въ правильности сдѣланнаго нами вывода о значеніи слова *выкупати* и въ той статьѣ, которую мы первоначально выписали (II, 115). Заключеніе же наше, что выдачу холопа законъ имѣлъ въ виду только тогда, если владѣлецъ татя находилъ для себя невыгоднымъ вознаграждать нанесенныя имъ кому нибудь убытки, доказывается статьею Мономаха: «аже холопъ обѣльный выведетъ конь чій любо, то платити зань 2 гривны» (II, 56), въ которой, не смотря на то, что не сказано, чтобъ холопъ былъ въ бѣгахъ, прямо говорится *о выкупѣ*, а не о *выдачѣ*, потому-что въ настоящемъ случаѣ господину выгоднѣе было заплатить двѣ гривны за коня, нежели потерять холопа, стоившаго по крайней мѣрѣ 5 гривенъ. Кромѣ того, статьею о кражѣ холопомъ коня (II, 56) еще болѣе подтверждается, что слово «*выкупати*» имѣло значеніе платы за украденную и невозвращенную собственность ея цѣны, такъ какъ господину за похищенную его холопомъ лошадь постановлено было платить 2 гривны, т. е. именно то, во что оцѣнена въ приведенной нами выше таксѣ всякая лошадь, кромѣ княжеской (II, 40). Холопъ-тать выдавался обиженному головою безъ жены и дѣтей, если они не участвовали въ его преступленіи; но если жена и дѣти или крали съ нимъ совмѣстно, или только укрывали имъ украденное, то подлежали также выкупу или выдачѣ. Если господинъ не соглашался ни выкупать, ни выдавать своего холопа, то долженъ былъ заплатить продажу за сдѣланное этимъ послѣднимъ воровство, а за тѣмъ обиженный при случаѣ могъ задержать холопа насильно, и не выпускать его до полученія за него выкупа, или могъ, не дожидаясь выкупа, проколотить холопа и выпустить (II, 58). Тотъ, кому выдавался холопъ, могъ имъ владѣть, когда по состоянію

своему имѣлъ право владѣть холопами, въ противномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ продать раба и довольствоваться вырученною за него платою. Въ Правдѣ вообще тотъ, у кого сдѣлана татьба, вознаграждался только тогда «*оже лица не будетъ*»; поэтому, при возвращеніи поличнаго, ни выкупъ, ни выдача холопа не имѣли мѣста. На такомъ-то основаніи и за бѣжавшаго холопа—татя господинъ его платилъ обиженному *урокъ*, т. е. цѣну похищеннаго, единственно въ томъ случаѣ, если холопъ украденную имъ вещь уносилъ съ собою: «аже кто (изъ холоповъ) бѣжа, а поиметъ суѣдне что или товаръ, то господину платити зань урокъ, что будетъ взялъ» (II, 114) (¹). Если холопы не подвергались за татьбу продажѣ, потому-что не имѣли своей собственности, то должно заключать, что они не подлежали и личному наказанію, т. е. выдачѣ князю на потокъ за конокрадство. Это доказывается разобранною нами выше статьею устава Мономаха о кражѣ холопомъ коня, въ которой не говорится о выдачѣ преступника на потокъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію закона Владиміра Мономаха о татьбѣ, сдѣланной закупомъ: «аже закупъ уведетъ что, то господинъ въ немъ не платить, но оже гдѣ налѣзутъ, то переди заплатитъ господинъ его конь или что будетъ ино взялъ, а ему холопъ обѣльный, пакили господинъ не хотѣти начнетъ платити зань, а продастъ й, отдастъ же переди или за конь или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ» (²). Изъ этого постановленія видно, что закупы, какъ лица не вполнѣ свободныя, тоже не подвергались платежу продажъ за татьбу. Если они убѣгали, по совершеніи кражи, то хозяинъ за

(¹) Объясненное нами несходство между законами о холопахъ-татяхъ (именно между ст. 42 и ст. 56, 114 и 115 Троицк. сп.) кажется вполнѣ опровергаетъ то мнѣніе, будто пространные списки Правды составляютъ одинъ уставъ, принадлежащій Ярославу, потому что онъ не могъ вносить въ одинъ и тотъ же уставъ законовъ другъ другу противорѣчащихъ. Напротивъ изложенное нами во введеніи мнѣніе, что пространные списки Правды состоятъ изъ двухъ уставовъ, именно Изяславова и Мономахова, получаетъ еще большее подтвержденіе, особенно, если вспомнить притомъ, что статья о послушествѣ (II, 59) прямо приписывается князю Владиміру, безъ сомнѣнія Мономаху (См. Изслѣд. о Рус. Прав., Калачова, стр. 149).

(²) Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 89.

нихъ вовсе не отвѣчалъ; но если закупа-татя *«гдѣ налѣзутъ»*, т. е. поймаютъ, то онъ становился обѣльнымъ холопомъ своему господину, который на этомъ основаніи обязанъ былъ удовлетворить обиженнаго, безъ сомнѣнія только въ томъ случаѣ, когда украденнаго предмета не отыскивалось. Если же хозяинъ не хотѣлъ платить за закупа, безъ сомнѣнія въ томъ предположеніи, что цѣна кражи превышала стоимость его самого, тогда послѣдній, какъ сдѣлавшійся уже холопомъ, продавался (потому что собственно закуповъ продавать запрещалось, II, 55) своимъ господиномъ, который изъ вырученныхъ денегъ вознаграждалъ обиженнаго за украденный и невозвращенной ему предметъ, *«за конь, за волъ или за товаръ*, что будетъ взялъ», т. е. выплачивалъ ему цѣну украденнаго, а остальную за удовлетвореніемъ сумму, если она только оставалась, бралъ себѣ. Но если бы случалось, что взятое количество денегъ за проданнаго, по обращеніи въ холопство, закупа недоставало для полнаго вознагражденія обиженнаго, то это не давало послѣднему права требовать съ господина закупа остальной суммы. Въ этомъ то смыслѣ и сказано въ Правдѣ: *«не хотѣти начнетъ платити зань, а продастъ»*, т. е. если владѣлецъ не хотѣлъ удовлетворять вполнѣ обиженныхъ, то продавалъ закупа и отдавалъ имъ только то, что за него выручалъ; когда же выручка была больше слѣдовавшей имъ суммы, то остатокъ господинъ закупа бралъ себѣ. Кромѣ того изъ разобранной нами статьи (II, 57), гдѣ между прочимъ говорится и о кражѣ закупомъ коня, видно, что закупъ-тать становился обѣльнымъ холопомъ, слѣдовательно онъ то же, какъ и холопы, не выдавался за конокрадство на *потокъ*.

Вникая въ смыслъ всѣхъ изложенныхъ нами постановленій о татьбѣ, можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

А) Въ своемъ развитіи постановленія Правды о воровствѣ заключаютъ три ступени:

1) *При Ярославѣ* за татьбу, кромѣ частнаго вознагражденія, назначаются только *личныя продажи;* количество ихъ опредѣлялось единственно по различію предметовъ кражи; о холопахъ-татяхъ не упоминается ни слова.

2) *При Изяславѣ* опредѣляются также только личныя продажи за татьбу, количество же ихъ зависитъ уже не отъ однихъ предметовъ кражи, но и отъ мѣстъ, изъ которыхъ она произведена; за холоповъ татей господа ихъ платятъ обиженнымъ двойную цѣну похищеннаго.

3) *При Владимірѣ Мономахѣ* сверхъ личныхъ установляются и *общинныя продажи* за татьбу; за холоповъ же татей или выплачивалось ихъ господами простое вознагражденіе за украденные предметы, или виновные выдавались обиженному головою.

Б) Разсматривая теперь постановленія Правды о воровствѣ въ окончательномъ ихъ видѣ, мы находимъ слѣдующее:

1) При назначеніи взысканій за татьбу различали *состояніе преступниковъ*, и въ этомъ отношеніи рѣзко разграничивали свободныхъ людей и несвободныхъ, т. е. холоповъ и закуповъ.

2) Преступникъ свободный человѣкъ подлежалъ платѣ продажи князю и татьбы обиженному; холопы же и закупы-тати продажѣ не подвергались, а за нихъ удовлетвореніе истцамъ платили господа.

3) Кромѣ различенія преступниковъ *по состоянію*, ихъ различали еще независимо отъ сословія, *по мѣрѣ участія въ преступленіи* и *по степени его совершенія*; въ первомъ отношеніи Правда упоминаетъ объ *укрывателяхъ воровскаго* и о *покупщикахъ татебнаго*, а во второмъ—о *покушавшихся на татьбу*. Впрочемъ различеніе это не вело ни къ чему: всѣ эти лица подвергались такимъ же взысканіямъ, какъ и тати.

4) Продажи за татьбу съ лицъ свободнаго состоянія были *личныя* и *общинныя:* только за одно конокрадство назначалось личное наказаніе—потокъ.

5) Продажи, какъ общинныя, такъ и личныя, по количеству были слѣдующія: 12 гривенъ, 3 гривны и 30 рѣзанъ и 60 рѣзанъ или кунъ.

6) Взысканіе продажи въ томъ или другомъ количествѣ зависѣло: 1) *отъ самаго предмета татьбы;* такъ за кражу холопа и бобра назначалась 12-гривенная продажа; 2) *отъ мѣста, изъ котораго произведено воровство*, именно, если оно сдѣлано было изъ жилища, хозяйственныхъ строеній или какихъ либо сооруженій, то платилось продажи 3 гривны и 30 кунъ; если же кража совершалась *внѣ* означенныхъ мѣстъ, то взыскивалось только 60 кунъ продажи.

7) Въ кражахъ, за которыя количество продажи назначалось смотря *по мѣсту* похищенія, отдѣльной татьбой считалась не каждая украденная вещь, а вся совокупность вещей, похищенныхъ изъ одного мѣста; но если количество продажи зависѣло отъ самого предмета украденнаго, тогда каждый такой предметъ составлялъ и отдѣльную кражу.

8) За всякую отдѣльную татьбу взыскивалось столько личныхъ продажъ, сколько было сообщниковъ въ воровствѣ; но при общинныхъ продажахъ за одну кражу взыскивалась и одна продажа.

9) Кромѣ платежа продажъ, при татьбѣ обращали вниманіе и на удовлетвореніе обиженныхъ воровствомъ, если имъ не возвращались украденные предметы. Если преступниками были лица свободнаго состоянія, то они сами обязаны были вознаградить обиженнаго, т. е. заплатить ему цѣну похищенной вещи, но такая цѣна взыскивалась не съ каждаго изъ виновныхъ отдѣльно, а одна со всѣхъ по раскладкѣ. За холоповъ-татей и закуповъ-татей платили удовлетвореніе обиженному ихъ господа. Платежъ за холоповъ производился на томъ основаніи, что они не могли имѣть своей собственности; слѣдовательно у самихъ холоповъ нельзя было сдѣлать и кражи. Такимъ образомъ истцами по дѣламъ о татьбѣ могли быть только люди свободнаго состоянія, а не рабы. Закупы хотя и бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ истцами (II, 52, 55), но за воровство не были отвѣтчиками, потому что, совершивъ преступленіе, они становились уже холопами.

III. О судопроизводствѣ по преступленіямъ.

Въ Правдѣ мы находимъ нѣкоторые юридическіе термины, относящіеся къ судопроизводству. Всякое дѣло называлось въ ней *тяжею* (II, 17, 59, 81, 99). Тяжи раздѣлялись на *большія* и *малыя* (II, 59); но въ частности понятіе о тѣхъ и другихъ не опредѣлено. Такъ какъ *тяжи* по суммѣ иска были трехъ разрядовъ: 1) до полугривны золота, 2) менѣе полугривны золота, но не менѣе двухъ гривенъ кунъ, и 3) меньше двухъ гривенъ кунъ,—то можно относить первые два разряда къ *большимъ тяжамъ*, тѣмъ болѣе, что по нимъ подвергали подсудимыхъ испытанію желѣзомъ и водою, а послѣдній разрядъ къ *малымъ тяжамъ*. Всякая *тяжа* имѣла обвинителей и обвиняемыхъ, равно называвшихся *истцами*, потому что слово «истецъ» имѣло въ Правдѣ двоякое значеніе: собственно истца и отвѣтчика. Въ смыслѣ отвѣтчика это слово употреблено въ ней въ двухъ случаяхъ: 1) «аже холопъ ударитъ свободна мужа, а за тѣмъ гдѣ налѣзетъ ударенный той своего *истьця*, кто его ударилъ» (II, 58); 2) «искавше ли послуха не налѣзутъ, а истьця начнетъ головою клепати» (II, 17), т. е. отвѣтчика, искавшаго послуховъ. Какъ обиженный, такъ и обидѣвшій равно назывались *истцами*, потому что первый самъ обязанъ былъ отыскать отвѣтчика и найти послуховъ и другія доказательства къ его *обвиненію*, а второй потому, что долженъ былъ самъ отыскать послуховъ и другія доказательства къ своему *оправданію*. Это видно, какъ изъ приведенныхъ выше выраженій: *искавше* послуха, а *истьця*, т. е. искавшаго свидѣтеля къ своему оправданію, начнетъ клепати, «*налѣзетъ ударенный своего истьця*», т. е. человѣка, котораго искалъ, такъ и изъ словъ Правды: привести ему (т. е. истцу) видокъ (II, 23), вывести послухи (II, 35); истецъ иметъ на желѣзо (II, 81). Словомъ, во времена Правды не производилось изслѣдованія по преступленіямъ, подобно какъ теперь, особыми чиновниками, но его производили сами истцы: они отыскивали виновнаго, вели его на сводъ, подвергали его по дозволенію испытанію желѣзомъ, находили про-

твв обвиняемаго свидѣтелей, а этотъ послѣдній въ свою очередь самъ долженъ былъ изыскивать средства къ своему оправданію. Когда дѣло стараніемъ частныхъ лицъ было достаточно разслѣдовано, тогда истецъ и отвѣтчикъ являлись *къ судьѣ*, посаднику или князю, и судья, выслушавъ ту и другую сторону, спросивъ выставленныхъ свидѣтелей и разсмотрѣвъ другія доказательства, обвинялъ или оправдывалъ отвѣтчика. Весь этотъ процессъ суда кратко, но ясно опредѣленъ выраженіемъ Правды: «*слово противу слова*» (II, 23). Названія *видокъ* и *послухъ* употребляются въ разсматриваемомъ нами законодательномъ памятникѣ одно вмѣсто другаго совершенно безразлично; но иногда слово послухи принимается въ значеніи *обыскныхъ людей*, а иногда въ смыслѣ *понятыхъ*, напр.: «*а слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи*» (II, 70). Слѣдуетъ также замѣтить, что Правда не знала *давности*. Это видно изъ того, что покупщикъ татебнаго, если не зналъ у кого его купилъ, долженъ былъ возвратить истцу поличное, а самъ *желъти своихъ кунъ* (II, 32), *познаетъ ли надолзѣ* у кого то купилъ, то свои куны возметъ, а сему платити, что у него будетъ погибло, а князю продажю. Слѣдовательно, какъ дѣло о воровствѣ, такъ безъ сомнѣнія и всякое другое дѣло, могло начаться сколько бы ни прошло лѣтъ со времени совершенія преступленія.

Въ Правдѣ нѣтъ общихъ постановленій о судопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ, но въ частности иногда при томъ или другомъ преступленіи излагаются и способы, которыми оно доказывается или опровергается обвиненіе. Посему разсмотримъ сначала судебныя доказательства отдѣльно по каждому преступленію, а потомъ скажемъ о судопроизводствѣ вообще.

По уголовнымъ преступленіямъ въ частности слѣдуетъ намъ разсмотрѣть сначала судопроизводство о татьбѣ, какъ болѣе развитое въ Правдѣ, потомъ судопроизводство по дѣламъ о нарушеніи другихъ правъ по имуществу, и наконецъ судопроизводство по дѣламъ о убійствѣ и о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ.

А. *О судопроизводствѣ по преступленіямъ въ частности.*

1) По дѣламъ о татьбѣ.

Г. Калачовъ, излагая процессъ о воровствѣ, говоритъ: «когда хозяинъ пропавшей движимой вещи или скрывшагося челядина *объя-*

вить немедленно объ этой пропажѣ во всеобщее свѣдѣніе на торгу, то, по отысканіи ея въ чужомъ владѣніи, имѣетъ право взять предметъ иска у кого нашелъ безъ всякихъ судебныхъ формъ, потому что *послѣдній предполагается воромъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ* и обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю продажу. Напротивъ, когда хозяинъ пропавшей вещи или челядина не объявитъ о томъ предварительно на торгу, онъ долженъ, для возвращенія ихъ въ свое владѣніе, отыскать дѣйствительнаго или предполагаемаго закономъ вора. Но чтобъ установить этотъ искъ, хозяину необходимо найти въ чужихъ рукахъ пропавшую у него вещь или челядина; тогда онъ обращается къ ихъ незаконному владѣльцу, но не можетъ взять ихъ у него прямо, а долженъ звать его на *сводъ*» (*).

Такимъ образомъ, по объясненію г. Калачова, все различіе въ процессахъ по дѣламъ о воровствѣ зависѣло единственно отъ соблюденія или несоблюденія *формы*, именно отъ объявленія о пропажѣ на торгу. Въ первомъ случаѣ, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, тотъ, у кого находили пропавшую вещь, хотя бы онъ былъ и невиннымъ, считался *воромъ*, а въ послѣднемъ—для обвиненія лица, задержаннаго съ украденнымъ предметомъ, дѣлался *сводъ*. Статьи, на которыхъ г. Калачовъ основалъ свое мнѣніе, суть слѣдующія:

1) Аче кто конь *погубитъ*, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны (II, 28).

2) А челядинъ *скрыеться*, а закличютъ ѝ на торгу, а за 3 дни не выведутъ его, а познаетъ ѝ въ третій день, то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи (I, 10; II, 26).

Въ первой изъ этихъ статей говорится, по нашему мнѣнію, не о *кражѣ*, а о *потерѣ* собственности однимъ лицемъ, и о находкѣ ея другимъ. Самое количество продажи показываетъ, что здѣсь дѣло идетъ не о татьбѣ: мы знаемъ, что за воровство назначалась не одна трехгривенная, а разныя продажи, и что коневый тать подвергался не денежной пени, а выдачѣ на потокъ. Во второй же изъ

(*) См. Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ г. Калачова. Москва. 1846 г., стр. 128 и 129.

изложенныхъ выше статей заключается, какъ намъ кажется, постановленіе тоже не о кражѣ, а *о передержательствѣ бѣглаго холопа*, тѣмъ болѣе, что за воровство холопа платилось не 3, а 12 гривенъ (III, 35). Притомъ сама Правда дѣлаетъ различіе между глаголами: *погубить* и *украсть*, говоря: аже кто познаетъ свое, что будетъ *погубилъ* или *украдено* у него (II, 29).

И такъ, объявленіе на торгу требовалось, по нашему мнѣнію, не по дѣламъ о татьбѣ, а только по дѣламъ о потерѣ движимой собственности и о побѣгѣ холопа, и, какъ увидимъ ниже, не имѣло большаго значенія.

Приступимъ теперь къ изложенію во всей подробности, согласно съ собственнымъ нашимъ пониманіемъ, порядка судопроизводства Русской Правды по дѣламъ о татьбѣ.

Если кто усматривалъ украденную у него вещь у другаго лица, то, не говоря ему: «*се мое*», имѣлъ право требовать, чтобы задержанный съ воровскою вещію указалъ какимъ образомъ она имъ пріобрѣтена—*поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ* (I, 13; II, 29). Задержанный человѣкъ могъ при этомъ: 1) прямо сознаться въ воровствѣ; 2) сказать, что онъ опознанную у него вещь пріобрѣлъ отъ такого-то именно лица; 3) отвѣчать, что онъ нашелъ ее или купилъ у неизвѣстнаго ему человѣка, или что она ему подброшена. Въ первомъ случаѣ, т. е. при сознаніи, не было нужды истцу производить дальнѣйшее изслѣдованіе, и виновный, по предъявленіи судьѣ, прямо подвергался наказанію. Во второмъ случаѣ, т. е. при указаніи на то или другое лице, производился истцомъ такъ называемый въ Правдѣ *сводъ*, а въ послѣднихъ случаяхъ сводъ дѣлался невозможнымъ, и потому требовалось показаніе свидѣтелей.

Задержанный съ краденнымъ, *аже начнетъ не знати у кого купилъ* (II, 32), долженъ былъ представить истцу двухъ свидѣтелей свободнаго состоянія или мытника, предъ которыми онъ пріобрѣлъ опознанную у него вещь: «то выведетъ свободна мужа два или мытника, и идти по немъ тѣмъ видокомъ на роту». Если эти лица подтверждали справедливость ссылки отвѣтчика показаніемъ подъ присягою, то истецъ бралъ себѣ поличное, а тотъ у кого оно найдено, не считался виновнымъ (II, 32). Впрочемъ, рота, или присяга, совершалась по дозволенію посадника или князя, потому что въ

этомъ случаѣ взыскивалась ротная пошлина: отъ головы 30 купъ (II, 101). Такой смыслъ мы даемъ изложенному нами постановленію Правды, размѣстивъ въ немъ знаки препинанія слѣдующимъ образомъ: «паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу,—или конь, или портъ, или скотину—то выведетъ свободна мужа два или мытника, аже начнетъ не знати у кого купилъ; то (т. е. тогда) ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту, а истцу свое лицо взяти, а что съ нимъ погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаетъ у кого купилъ; познаетъ ли надолзѣ у кого то купилъ, то своѣ куны возметъ, и ему платити что у него будетъ погибло, а князю продажю» (II, 32). Послѣ слова «*мытника*» обыкновенно ставили точку съ запятою, тогда смыслъ выписанной нами статьи будетъ такой: покупщикъ татебнаго въ торгу, во всякомъ случаѣ, если бы даже и зналъ кто ему продалъ воровскую вещь, долженъ былъ для оправданія себя представить двухъ свидѣтелей или мытника; когда же онъ не зналъ у кого купилъ вещь, то представленные покупщикомъ свидѣтели, для удостовѣренія въ справедливости его словъ, выполняли еще присягу. Но спрашивается: для чего покупщику вмѣнялось бы въ обязанность представлять свидѣтелей, если онъ указалъ продавца, а не идти съ нимъ на сводъ, и для чего свидѣтели присягали только въ одномъ случаѣ, а не въ другомъ? Такія несообразности самымъ лучшимъ образомъ опровергаютъ подобное пониманіе означенной статьи. Намъ кажется, что выраженіе: «*аже начнетъ не знати у кого купилъ*» заключаетъ въ себѣ объясненіе, въ какомъ именно случаѣ требовалось представленія двухъ свидѣтелей или мытника, и слѣдовательно продолжаетъ только неоконченную въ предъидущихъ словахъ мысль. Такимъ образомъ означенную статью слѣдуетъ перевести такъ: если кто покупалъ что-нибудь татебное въ торгу, напр. коня, портъ, или скотину, то въ томъ случаѣ, когда онъ, по опознаніи кѣмъ-нибудь этой покупки, говорилъ, что не знаетъ отъ кого пріобрѣлъ краденный предметъ, долженъ былъ, для подтвержденія справедливости своихъ словъ о покупкѣ, выставить двухъ свидѣтелей изъ свободнаго состоянія или мытника; и если послѣ того выставленные свидѣтели *шли по немъ*, т. е. по отвѣтчикѣ, на роту, иначе подтверждали справедливость его показанія присягой, то истецъ бралъ себѣ только опознанную имъ украденную у него вещь, а

что съ нею еще чрезъ татьбу погибло, о томъ могъ только сожалѣть, потому что взыскивать остальнаго было не съ кого; покупщикъ же краденнаго также могъ оставаться при одномъ сожалѣніи о потерѣ своихъ кунъ, потому-что не зналъ у кого купилъ опознанную у него вещь. Но если, хотя бы спустя долгое время, покупщикъ узнавалъ кто ему продалъ татебное, то взыскивалъ съ него свои куны, и кромѣ того этотъ послѣдній продавецъ обязывался заплатить обиженному воровствомъ и за то, что у него еще было украдено совмѣстно съ полученною уже имъ вещію, а князю—продажу (II, 32). Безъ сомнѣнія, такая отвѣтственность на узнанномъ продавцѣ краденнаго лежала въ такомъ только случаѣ, если онъ уличался законнымъ образомъ въ татьбѣ, потому что онъ тоже могъ пріобрѣсть проданную имъ вещь отъ другаго извѣстнаго или неизвѣстнаго ему лица, и доказать свою невинность свидѣтелями.

Теперь слѣдуетъ объяснить, какъ поступали, если покупщикъ татебнаго не представлялъ въ свое оправданіе требуемыхъ закономъ свидѣтелей, или если послѣдніе не подтверждали его на нихъ ссылки: признавался ли онъ прямо изобличеннымъ въ воровствѣ, или же употреблялся другой какой-либо способъ для открытія истины? Изъ одной статьи Правды, въ которой сказано: «*искавше ли послуха не налѣзутъ...тогда дати имъ правду желѣзо*» (II, 17), можно было бы заключать, что въ такихъ случаяхъ отвѣтчикъ подвергался испытанію *желѣзомъ*, *водою*, или допускался *къ ротѣ*; но въ той же статьѣ говорится, что такіе способы примѣнялись къ дѣламъ о *татьбѣ* только тогда, *оже не будетъ лица*, т. е. поличнаго; слѣдовательно ни испытаніе желѣзомъ и водою, ни рота не имѣли мѣста въ изложенномъ нами обстоятельствѣ. Все это ведетъ къ тому заключенію, что если отвѣтчикъ, задержанный съ воровскою вещію и показывавшій, что она имъ куплена у неизвѣстнаго ему лица, не представлялъ о законномъ ея пріобрѣтеніи свидѣтелей, а также если свидѣтели не подтверждали сдѣланной на нихъ ссылки, то, какъ неоправдавшійся предъ истцомъ, отводился имъ къ судьѣ, а на судѣ безъ сомнѣнія отвѣтчикъ признавался *по неотведенному поличному* изобличеннымъ въ воровствѣ, на томъ же основаніи, какъ это дѣлалось и *по неотведенію слѣдовъ кражи* (II, 70), и долженъ былъ платить татьбу и продажу. Такое оправданіе свидѣтелями,

разумѣется, требовалось и тогда, если поймашный съ украденною кого-либо вещію говорилъ, что онъ ее нашелъ, или что она ему подброшена, иначе его ничѣмъ неподкрѣпленное объясненіе не могло считаться за истину, и онъ по неотведенному поличному безъ сомнѣнія признавался виновнымъ въ татьбѣ.

Опредѣлимъ теперь значеніе *свода.* Если задержанный съ воровскою вещію показывалъ, что онъ получилъ или пріобрѣлъ ее отъ неизвѣстнаго ему человѣка, въ такомъ случаѣ, какъ мы уже сказали, сводъ былъ невозможенъ, потому-что задержанный не указывалъ ни на одно лице; если же онъ называлъ того, отъ кого досталась ему опознанная у него вещь, то долженъ былъ идти на *сводъ* съ тѣмъ, на кого ссылался. Такимъ образомъ сводомъ называлась повѣрка ссылки одного лица на другое, слѣдовательно сводъ есть ничто иное какъ *очная ставка.* Когда ссылки преемственно переходили на нѣсколько лицъ, въ такомъ случаѣ изъ свода образовывался послѣдовательный рядъ очныхъ ставокъ. Такъ напр. истецъ задержанному съ воровскою вещію давалъ очную ставку съ указаннымъ имъ продавцомъ, продавцу съ тѣмъ, на кого онъ ссылался, а этому послѣднему съ лицомъ, отъ котораго получена имъ вещь въ свою очередь и т. д. Продолжительность свода зависѣла отъ продолжительности самыхъ ссылокъ одного лица на другое, и если въ какомъ-либо городѣ послѣдняя ссылка его обывателя была на лицо, живиее внѣ черты городской, то сводъ переходилъ и за эту черту. Но такъ какъ онъ могъ такимъ образомъ продолжаться весьма долгое время къ обремененію истца, то позволялось послѣднему за чертою своего мѣстожительства идти только до 3-го свода, т. е. до третьей очной ставки, а потомъ у 3-го за означенною чертою пріобрѣтателя украденной вещи, вручивъ ему поличное, взять съ него по цѣнѣ куны, а въ случаѣ похищенія челядина,—его собственнаго холопа, оставивъ своего, о которомъ шло дѣло, и за тѣмъ возвратиться домой. Послѣ того, тотъ, у кого оставалось поличное или похищенный челядинъ, долженъ былъ идти съ ними до конца свода самъ, и когда обнаруживалась чрезъ то его невинность, то истецъ возвращалъ ему его куны или челядина, а бралъ своего челядина или вещи, открытый же тать платилъ татьбу и продажу (II, 29, 31, 33). Изъ нашего изложенія видно, что мы не дѣлаемъ различія въ сводѣ при кражѣ вещей и челядина и не допускаемъ,

что въ первомъ случаѣ истецъ шелъ до 3-го свода за чертою своего города, а во второмъ до 3-го свода въ собственномъ мѣстѣ жительства (*). Если въ Правдѣ говорится: «аще познаетъ кто челядинъ свой украденъ, а поиметъ и́, то оному вести и́ покономъ (**) до 3-го свода», то такъ неопредѣленно сказано послѣ изложенія предъ этимъ общаго закона объ употребленіи 3-го свода (II, 31), и самое выраженіе *покономъ* означаетъ, по нашему мнѣнію, именно ссылку на этотъ самый законъ. Понимать же выписанную нами статью, какъ исключеніе изъ общаго правила нѣтъ основанія: въ ней вовсе не объяснено, чтобы истецъ ограничивался, при кражѣ у него челядина, 3-мъ сводомъ именно *въ своемъ мѣстѣ жительства*. Притомъ, если и предписывается положительно истцу идти до конца свода въ своемъ городѣ (II, 31), то нельзя утверждать, чтобы за чертою его, послѣ 3-го свода, отъ продолженія послѣдняго истецъ устранялся безусловно: такое устраненіе было бы несправедливо, и безъ сомнѣнія предоставлялось собственной волѣ обиженнаго воровствомъ. Онъ могъ воспользоваться позволеніемъ закона, если считалъ дальнѣйшія розысканія для себя обременительными. Впрочемъ, изложенный нами законъ о 3-мъ сводѣ былъ установленъ Изяславомъ; при Ярославѣ же дѣйствительно, какъ при кражѣ челядина, такъ безъ сомнѣнія и при всякой другой кражѣ, истецъ имѣлъ право лично дѣлать разслѣдованіе до третьей *очной ставки*, а потомъ могъ, если разумѣется хотѣлъ, отказаться отъ дальнѣйшаго розысканія и передать его «третьему»: «*то рци третьему: вдай ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ* (I, 13, 15). Нужно полагать, что такой законъ Ярослава, будучи выгоднымъ для истцовъ, какъ избавлявшій ихъ отъ лишняго труда, былъ крайне обременительнымъ для людей случайно попавшихъ въ чуждое для нихъ дѣло и обязанныхъ, въ качествѣ третьихъ сводныхъ лицъ, по неволѣ производить объ немъ разслѣдованіе. Поэтому-то, какъ мы думаемъ, Изяславъ и ограничилъ право истцовъ, вмѣнивъ имъ въ непремѣнную обязанность идти *до конца свода* въ своемъ мѣстѣ жительства, и только за чер-

---

(*) См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ г. Калачова, стр. 129.

(**) Въ однихъ спискахъ Правды говорится *по кунамъ*, а въ другихъ—*по конамъ*. Мы читаемъ *покономъ*, т. е по закону.

тою его, что могло случаться рѣже, позволилъ имъ пользоваться закономъ Ярослава.

Зная, что сводъ могъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ, представляется вопросъ, когда слѣдовало почитать сводъ оконченнымъ? Сводъ, безъ сомнѣнія, признавали оконченнымъ: 1) если тотъ, на кого сдѣлана послѣдняя ссылка, сознавался въ воровствѣ; 2) когда онъ показывалъ, что поличное нашелъ или купилъ у неизвѣстнаго ему лица, и 3) когда тотъ, на кого ссылались, не подтверждалъ ссылки. Въ первомъ случаѣ, сознавшійся, по предъявленіи судьѣ, подвергался опредѣленнымъ за татьбу взысканіямъ; во второмъ—отвѣтчикъ для отвода отъ себя поличнаго долженъ былъ представить свидѣтелей, и смотря по тому, представлялъ ли ихъ или нѣтъ, какъ мы уже видѣли, признавался или оправданнымъ или обвиненнымъ. Относительно же похищенія челядина Правда полагаетъ, что въ свидѣтеляхъ не представлялось нужды, и что *сводъ* необходимо долженъ былъ вести къ обнаруженію *конечнаго татя*, такъ какъ въ этомъ случаѣ не дозволялось отговариваться неизвѣстностію продавца, потому-что челядинъ не скотъ, не льзя рещи: *не вѣдаю у кого есмь купилъ*, но по языку идти до конца (III, 34). Но какъ поступали, когда тотъ, на кого ссылались, будто бы имъ продано поличное, отвергалъ эту ссылку? Тутъ возникала опять неизвѣстность продавца, и потому, безъ сомнѣнія, по общему правилу, для обнаруженія истины прибѣгали къ свидѣтелямъ. Отвѣтчикъ, сдѣлавшій ссылку, долженъ былъ въ оправданіе себя вывести *свободна мужа два* или *мытника*, которые бы подтвердили, что воровская вещь дѣйствительно куплена имъ у лица, отвергшаго его показаніе; если же свидѣтелей отвѣтчикъ не представлялъ, то обвинялся на основаніи *неотведеннаго поличнаго*.—Кромѣ окончанія свода по тѣмъ причинамъ, что продолжать его не было возможности, существовала еще другая, чисто внѣшняя, причина: именно сводъ прекращался, если для продолженія его слѣдовало перейти въ предѣлы чужой земли, т. е. вѣроятно изъ одного посадничества въ другое,—«*а изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть*»(II, 35) (*). Въ такомъ случаѣ, тотъ, кто сдѣлалъ ссыл-

---

(*) Въ Правдѣ дозволялось изъ своего города продолжать сводъ *по землямъ*, т. е. безъ сомнѣнія не по пустошамъ, гдѣ не было людей и не могло быть

ку на лице, жительствовавшее въ чужой землѣ, также долженъ былъ вывести послуховъ или мытника въ удостовѣреніе, что дѣйствительно въ ихъ присутствіи куплено имъ поличное; тогда истецъ бралъ себѣ это послѣднее, *а прока ему желѣти, что съ нимъ погибло*, а покупщику *своихъ кунъ желѣти* (II, 35).

Въ Правдѣ не забытъ и тотъ случай, когда задержанный съ воровскою вещію отказывался идти на сводъ. Въ уставѣ Ярослава сказано: «*не поидетъ, то поручника за пять днiй*» (I, 13); слѣдовательно, кто отказывался немедленно идти на сводъ, долженъ былъ представить поручителя въ томъ, что онъ исполнитъ требованіе истца чрезъ пять дней. Посему непредставленіе поручителя, или упорный отказъ объяснить способъ пріобрѣтенія поличнаго по истеченіи пятидневнаго срока, само собою разумѣется вели за собою обвиненіе въ татьбѣ отвѣтчика, задержаннаго съ краденою вещію, на основаніи общаго правила о неотведенномъ поличномъ. Этого закона о поручительствѣ не встрѣчается ни въ Изяславовомъ, ни въ Мономаховомъ уставахъ Правды.

Изъ всего изложеннаго нами о задержаніи кого либо съ украденною чьею-либо собственностію слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что *отысканіе поличнаго давало поводъ къ начатію дѣла о татьбѣ.* Розысканіе начиналось самимъ истцомъ обращеніемъ къ задержанному вопроса: *гдѣ еси взялъ?* Потомъ, смотря по показанію отвѣтчика, производился или *сводъ*, или допрашивались *свидѣтели*.

Скажемъ теперь о томъ случаѣ, когда поличнаго въ виду не было, но оставались слѣды отъ воровства, напр. слѣды ногъ на пескѣ или снѣгу, проложенные въ томъ или другомъ направленіи отъ мѣста, гдѣ совершена кража (II, 70). При нахожденіи такихъ, или какихъ-либо другихъ слѣдовъ, обиженные воровствомъ имѣли право идти по нимъ, взявъ съ собою чужихъ людей, въ качествѣ свидѣтелей, т. е. понятыхъ: «*а слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи*». Окончаніе такого слѣдованія могло быть двоякое: 1) слѣдъ могъ потеряться на гостинцѣ на велицѣ, а села не будетъ, или на пустѣ,

---

свода, а по землямъ обитаемымъ, иначе по селамъ и деревнямъ. Такъ какъ эти земли (II, 31) не считались *чужими*, потому-что въ *чюжю землю свода нѣтуть* (II, 35), то слѣдуетъ заключить, что онѣ были приписаны къ городу, находились въ одномъ съ нимъ управленіи, въ одномъ посадничествѣ, и что, слѣдовательно, выраженіе *въ чюжю землю* означало другое посадничество.

т. е. на большой дорогѣ, около которой не было жилья, или на непроѣзжемъ безлюдномъ мѣстѣ; 2) слѣдъ могъ направляться къ *селу* или *товару* (стану, обозу). Разумѣется, когда слѣды исчезали на гостинцѣ на велицѣ или на пустѣ, дѣло должно было прекращаться по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не обнаруживались другіе поводы къ начатію его. Если слѣдъ направлялся къ селу или товару, «*а не отсочатъ отъ себѣ слѣда, ни пдутъ на слѣдъ*, или отбьются, *то тѣмъ платити татьбу и продажу*». Что значитъ отсочить отъ себя слѣдъ? Изъ приведеннаго нами мѣста можно заключить, что истцы съ понятыми, дойдя по слѣдамъ до того или другаго села, или до того или другаго стана, не шли дальше сами, а звали къ себѣ поселянъ или становщиковъ для того, чтобы они, продолжая путь вмѣстѣ, имѣли возможность отвести отъ себя слѣдъ. Поселяне или становщики могли не поѣхать на зовъ и даже отбиться отъ посланныхъ за ними, и въ такомъ случаѣ признавались виновными. Когда же поселяне или становщики выходили по зову, и слѣдъ оказывался шедшимъ въ сторону отъ села или стана, или проходилъ чрезъ село или станъ, и тянулся дальше, или явственно прекращался у избы того или другаго поселянина, или у шалаша кого-нибудь изъ становщиковъ, то это, безъ сомнѣнія, и называлось *отсочить*, т. е. отвести отъ себя слѣды. Отсочившіе ихъ такимъ образомъ избавлялись отъ всякой отвѣтственности. Напротивъ, если слѣды прекращались у самаго села или у стана, или посреди того или другаго, то слѣдовъ нельзя было считать отведенными, и всѣ жители селенія, обитатели стана или хозяева обоза—подвергались платежу татьбы и продажи. Предположеніе наше, что истецъ съ понятыми, дойдя по слѣдамъ къ какому-либо селу или товару, не шелъ дальше самъ, а звалъ поселянъ или становщиковъ для совмѣстнаго продолженія пути, подтверждается и послѣдующими постановленіями нашего древняго права. Такъ въ грамотѣ нижегородскаго великаго князя Даніила Борисовича, данной въ началѣ XV вѣка Благовѣщенскому монастырю, находится слѣдующее мѣсто: «а у кого учинится какова гибель и кто пригонитъ какой слѣдъ на монастырскія земли, а государь тое земли *обрѣзъ* у него возметъ, да слѣдомъ ведетъ, а не сведетъ слѣду съ свое земли, и гибельщикъ у него обыщетъ дворъ и поля; а кого позовутъ на слѣдъ, а онъ на слѣдъ не

поѣдетъ или обрѣзъ не возметъ, и тому та гибель платить» (*). Изъ этого мѣста видно: 1) что въ случаѣ пригнанія слѣда къ чьей-нибудь землѣ, не продолжали слѣдованія, но звали на слѣдъ владѣльца земли; 2) что владѣлецъ долженъ былъ *взять обрѣзъ*, т. е. замѣтивъ указанное ему окончаніе слѣда, примыкавшее къ его землямъ, вести истца дальше чрезъ свои угодья. Безъ сомнѣнія и во времена Ярослава, Изяслава и Мономаха было то же самое, на что указываетъ и выраженіе Правды: «*ни ѣдутъ на слѣдъ, или отбьються*» (II, 70). Къ разряду обвиненій, основанныхъ на неотведеніи слѣдовъ, должно отнести и плату цѣлой верью продажи, въ случаѣ похищенія чьего-либо бобра. Но при этомъ не требовалось, чтобы слѣды похищенія направлялись въ ту или другую сторону; довольно было, если они явственно обозначались на самомъ мѣстѣ преступленія, или если находились на мѣстѣ преступленія сѣть или какое-либо другое орудіе, которыми ловили бобра (II, 63), потому что это доказывало дѣйствительность кражи, иначе могли думать, что бобръ скрылся самъ. Отведеніе слѣдовъ въ настоящемъ случаѣ состояло въ томъ, что та вервь, гдѣ совершено преступленіе, обязана была отыскать татя. Вѣроятно достаточно было для отклоненія отъ себя отвѣтственности, если вервь задерживала кого съ поличнымъ, т. е. съ бобромъ, и отдавала пойманнаго человѣка владѣльцу бобра для начатія законнаго разслѣдованія изложеннымъ уже нами порядкомъ, или вервь могла обвинить кого въ татьбѣ по основательнымъ даннымъ, т. е. начать дѣло *поклепомъ*, о значеніи котораго мы скажемъ ниже.

Итакъ, кромѣ задержанія съ поличнымъ, дѣла о татьбѣ могли начинаться и при обнаруженіи слѣдовъ преступленія, впрочемъ такихъ, которые обозначали направленіе пути скрывшихся преступниковъ, за исключеніемъ только дѣлъ о воровствѣ бобра. Слѣдованіе по слѣдамъ составляло способъ отысканія виновнаго, а неотсоченіе ихъ отъ себя принималось доказательствомъ самой вины. Неотсоченіе же заключалось: а) *для села и товара:* 1) въ неуказаніи направленія слѣдовъ въ другую сторону, 2) въ невыѣздѣ на зовъ для отведенія ихъ, и 3) въ насильственныхъ поступкахъ позванныхъ, именно если они отбивались отъ людей, *гнавшихъ* слѣдъ; б) *для*

(*) Акт. Эксп. т. I, № 18 и 21.

верви—въ неотысканіи татя. Понятые, которые требовались при розыскѣ указаннымъ нами способомъ виновнаго въ татьбѣ, вѣроятно спрашивались какъ свидѣтели, когда неотведшіе отъ себя слѣда показывали, что его вовсе не было. Такія доказательства къ обвиненію принимались, безъ сомнѣнія, не только по отношенію къ жителямъ цѣлой верви, всего села или товара, но и по отношенію къ одному человѣку, если обвиненіе, вслѣдствіе явственнаго окончанія слѣдовъ, падало на одного человѣка.

Когда не было ни поличнаго, ни слѣдовъ преступленія, дѣла о татьбѣ могли начинаться просто *поклепомъ*, т. е. по обвиненію истцомъ кого-либо въ кражѣ. Въ Правдѣ сказано: «искавше ли послуха не налѣзутъ, а истьца начнетъ головою клепати: тогда дати имъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ, *въ татьбѣ* и въ поклепѣ, *оже не будетъ лица* (*), то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мнѣ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны» (II, 17). Изъ этой статьи видно, что *оже не будетъ лица* въ татьбѣ, т. е. поличнаго, а также и слѣдовъ преступленія, то отвѣтчикъ, котораго начнутъ *клепати* и который, искавше послуха, не налѣзетъ, т. е. не найдетъ свидѣтелей въ свое оправданіе, долженъ былъ подвергнуться или испытанію *желѣзомъ*, если искъ о татьбѣ простирался *до полугривны золота* (т. е. до 62 гривенъ и 25 кунъ), или испытанію *водою*, если искъ былъ менѣе полугривны золота, но не менѣе 2-хъ гривенъ кунъ, или *ротѣ* идти по свои куны, т. е. ограждать себя отъ платежа продажи и татьбы присягой, если воровство, по своей цѣнѣ, не превышало 2-хъ гривенъ кунъ. Но по всякому ли *поклепу* истецъ могъ подвергать обвиняемаго испытанію желѣзомъ, водою, или заставлять отвѣтчика выполнить присягу? Безъ сомнѣнія нѣтъ, иначе никто не могъ бы считать себя безопаснымъ и огражденнымъ отъ преслѣдованія какого-нибудь клеветника. Въ Правдѣ именно сказано, что истецъ имѣлъ право *имать кого нибудь на желѣзо* по рѣчамъ свободныхъ людей и даже холопа, если они изъявляли на обвиняемаго подозрѣніе, возникшее или вслѣдствіе прохожденія

(*) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, вмѣсто *лица*, по очевидной ошибкѣ, написано *истця*.

отвѣтчика въ ночное время въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, или по какому-либо другому случаю: «нчеть на желѣзо по свободныхъ людіи рѣчи, любо ли запа пань будетъ: любо прохоженіе нощное, или кимъ либо образомъ» (II, 81, 82). Слѣдовательно, если истецъ обвинялъ кого въ татьбѣ, но не опирался на показаніи стороннихъ людей, дававшемъ достаточный поводъ подозрѣвать обвиняемаго въ дѣйствительномъ совершеніи преступленія, то не могъ требовать, чтобы по такому, ничѣмъ неподкрѣпленному, поклепу начиналось дѣло. Въ этомъ случаѣ стороннихъ людей не слѣдуетъ принимать за такихъ свидѣтелей, которые бы прямо уличали кого въ воровствѣ. Тутъ разумѣлись свидѣтели, удостовѣрявшіе только о какомъ-либо обстоятельствѣ, наводившемъ на то или другое лице одно лишь *подозрѣніе*, потому что если бы они прямо уличали кого въ кражѣ, какъ очевидцы, то безъ сомнѣнія дѣло рѣшалось бы по ихъ показанію, а не требовалось бы еще для обвиненія испытанія водою или желѣзомъ. Но какого рода послуховъ долженъ былъ выставить тотъ, на кого взводили *поклепъ* въ татьбѣ по подозрѣнію, основанному на показаніи стороннихъ людей? Въ весьма-рѣдкихъ случаяхъ могъ обвиняемый представить такихъ свидѣтелей, которые бы прямо и положительно опровергли поклепъ и засвидѣтельствовали бы, что отвѣтчикъ не совершалъ той татьбы, въ которой его подозрѣваютъ. Поэтому мы думаемъ, что не такихъ послуховъ требовали отъ обвиняемыхъ по поклепу, иначе почти никто изъ нихъ не могъ бы избѣжать его послѣдствія, но что они обязаны были представить лишь людей, которые бы удостовѣряли только *о честномъ и добромъ ихъ поведеніи*. Это подтверждается и старымъ Литовскимъ Статутомъ, гдѣ также требуется, чтобы, въ случаѣ обвиненія шляхтича въ татьбѣ *безъ лица*, т. е. поличнаго, обвиненный очистилъ себя отъ подозрѣнія показаніемъ свидѣтелей *о доброй его славѣ* (*). Такіе же *послухи доброй славы*, по нашему мнѣнію, требовались при поклепахъ и въ Русской Правдѣ.

Наконецъ, послѣднее обстоятельство, дававшее поводъ къ начатію дѣла о татьбѣ, было поимка татя на мѣстѣ преступленія. Это видно изъ того, что пойманный тать отводился на *княжъ дворъ*

(*) См. Времен. кн. 18, стр. 101, ст. 8 и 9.

(II, 36). Но что могло считаться доказательствомъ къ обвиненію, въ случаѣ запирательства приведеннаго лица? Безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ приведшій татя долженъ былъ представить въ доказательство своего обвиненія стороннихъ людей. Эти послѣдніе могли или прямо уличить приведеннаго въ посадничью избу въ татьбѣ, какъ очевидцы, или удостовѣрить такое обстоятельство, которое наводило бы на него подозрѣніе. Въ первомъ случаѣ приведенный обвинялся, а въ послѣднемъ, если не представлялъ послуховъ доброй славы въ свое оправданіе, подвергался испытанію водою или желѣзомъ, или выполнялъ присягу, смотря по суммѣ татьбы, на которую сдѣлано было покушеніе.

2) *По дѣламъ о противозаконномъ пользованіи чужою собственностію и о растратѣ ея, а также по дѣламъ о поврежденіи и истребленіи чужаго имущества.*

По дѣламъ объ утайкѣ найденнаго законъ дозволялъ владѣльцу, потерявшему коня, оружіе, одежду, или что-либо другое, объявить о томъ на торгу. Если послѣ объявленія владѣлецъ опознавалъ у кого-либо потерянную имъ собственность въ своемъ городѣ, то могъ взять ее, а задержанный съ нею подвергался 3-гривенной продажѣ (II, 28). Вникая въ смыслъ изложенной нами статьи Правды, нельзя не обратить вниманія на употребленное въ ней выраженіе: «*а заповѣстъ на торгу, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ*». Оно показываетъ, что для взведенія на кого-либо обвиненія въ утайкѣ найденнаго, если и не требовалось непремѣнно, то признавалось достаточнымъ, чтобы объявлено было на торгу о потерѣ вещи, и чтобы потерянная вещь опознана была у кого-нибудь послѣ объявленія и въ томъ посадничествѣ, гдѣ оно сдѣлано (*). Но и въ такомъ случаѣ потерявшій вещь не могъ тотчасъ же отбирать ее, а долженъ былъ сдѣлать розыскаціе, потому что хотя въ приведенномъ нами законѣ и сказано: «*свое ему лицемъ взяти*», но самый способъ отобранія вещи разъясненъ въ слѣдующей непосредственно за этимъ закономъ статьѣ, гдѣ говорится: «а кто познаетъ свое, что будетъ *погубилъ*, или *украдено* у него что, то не рци: се

(*) Выраженіе Правды: *въ своемъ городѣ* мы разумѣемъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. городъ съ приписанными къ нему землями, иначе посадничество.

мое, но пойди на сводъ, гдѣ есть взялъ» (II, 29). Въ выписанномъ нами мѣстѣ ясно различаются находка (погубилъ) и татьба (украдено), однакожъ для той и другой установляется одинъ общій порядокъ свода, и не упоминается, чтобы послѣдній употреблялся только въ случаѣ *необъявленія* на торгу о потерѣ или похищеніи вещи. Поэтому мы думаемъ, что объявленіе на торгу не исключало ни свода, ни другихъ судебныхъ доказательствъ. Тотъ, кого задерживали съ потерянною кѣмъ вещію, могъ или прямо сознаться въ утайкѣ найденнаго, или сослаться на другое лице, отъ кого онъ опознанную вещь пріобрѣлъ, или сказать, что купилъ ее у неизвѣстнаго человѣка. Въ первомъ случаѣ не представлялось надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, во второмъ дѣлался *сводъ*, а въ третьемъ требовалось показаніе свидѣтелей, т. е. производилось то же самое, что мы видѣли уже при разсмотрѣніи судопроизводства о татьбѣ. Но какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ: 1) если кто былъ пойманъ съ потерянною кѣмъ-либо вещію не въ томъ посадничествѣ, гдѣ жилъ ея владѣлецъ, и гдѣ сдѣлано было объявленіе о ея потерѣ, а въ другомъ; 2) если кто послѣ объявленія на торгу, не будучи никѣмъ задержанъ, самъ приносилъ владѣльцу имъ потерянное; и 3) если вовсе не было сдѣлано объявленіе о потерѣ? Правда не разрѣшаетъ ни одного изъ этихъ вопросовъ, но нельзя допустить, чтобы въ первомъ случаѣ отвѣтчикъ безусловно не подвергался наказанію даже тогда, если положительно уличался въ утайкѣ или продажѣ другому потерянной кѣмъ вещи. Если же кто, послѣ объявленія на торгу, не будучи задерживаемъ, самъ приносилъ владѣльцу имъ потерянное, то нѣтъ сомнѣнія, что такой поступокъ заслуживалъ одобренія, а не осужденія, и разумѣется принесшій вещь не подвергался никакой отвѣтственности. Когда вовсе не было сдѣлано объявленія о потерѣ вещи, а потомъ опознавали ее у кого-нибудь, то тоже могли говорить: «пойди на сводъ, гдѣ есть взялъ». Но, безъ сомнѣнія, нашедшій вещь могъ оправдываться въ неотдачѣ вещи тѣмъ, что не зналъ кому она принадлежитъ, и что для возвращенія ея по принадлежности ждалъ объявленія на торгу. Однакожъ, если оказывалось, что онъ продалъ вещь другому, тогда, само собою разумѣется, утайка была вполнѣ доказана, и виновный, на общемъ основаніи, подлежалъ продажѣ, а истецъ имѣлъ право *свое лице взяти*. И такъ, объявленіе на

торгу, по нашему мнѣнію, дѣлалось собственно для того, чтобы нашедшій вещь зналъ кому она принадлежитъ, и при добросовѣстности могъ бы возвратить ее по принадлежности. Другаго значенія объявленіе на торгу не имѣло, и не могло имѣть, потому-что наше древнее русское право вообще не придаетъ важнаго значенія соблюденію тѣхъ или другихъ формъ. Кромѣ задержанія кого-либо съ поличнымъ, дѣла объ утайкѣ находки могли начинаться, какъ и *весь тяжи* (II, 17)—*поклепомъ*. Въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ не могъ опознать ни у кого своей собственности, онъ могъ начать дѣло *поклепомъ*, который впрочемъ долженъ былъ опираться на основательномъ подозрѣніи, вслѣдствіе показанія стороннихъ людей (II, 80, 82). Отвѣтчикъ могъ опровергать поклепъ или представленіемъ *послуховъ доброй славы*, или чрезъ испытаніе желѣзомъ или водою, или наконецъ выполненіемъ присяги, какъ мы о томъ говорили уже при разсмотрѣніи судопроизводства о татьбѣ.

По дѣламъ о побѣгѣ холоповъ, также какъ и при потерѣ вещи дозволялось объявлять о томъ на торгу: «а закличютъ ѝ на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаетъ ѝ въ третій день, то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» (II, 26). Въ какомъ смыслѣ принимать опредѣленный этою статьею трехъдневный срокъ: считался ли онъ послѣ объявленія на торгу или со времени передержательства холопа? Намъ кажется, что означенный срокъ имѣлъ примѣненіе только тогда, если объявленіе на торгу заставало уже передержательство бѣглаго холопа. Въ такомъ случаѣ передержатель, до истеченія двухъ льготныхъ дней послѣ объявленія, могъ представить холопа его владѣльцу, и тѣмъ избавиться отъ всякой отвѣтственности; если же передерживавшій чужаго бѣглаго человѣка не отдавалъ его по принадлежности и въ третій день, то, по уличеніи въ томъ, подвергался платежу продажи. Но упомянутый нами срокъ не могъ имѣть мѣста, если, во время объявленія о побѣгѣ холопа, онъ скрывался въ безлюдныхъ мѣстахъ, и никѣмъ не передерживался, передержательство же начиналось уже по истеченіи 3-хъ дней отъ объявленія. Въ этомъ случаѣ, передержатель, если бы укрывалъ холопа нѣсколько часовъ, или только указалъ ему путь, зная что онъ бѣглый, подвергался отвѣтственности, потому-что въ Правдѣ сказано: «аже холопъ бѣжитъ, а заповѣстъ господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая

оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба, или укажеть ему путь, то платити» (II, 106). Такимъ образомъ, объявленіе на торгу о побѣгѣ холопа было только мѣрой къ скорѣйшему его отысканію чрезъ установленіе двухъ льготныхъ дней и чрезъ возбужденіе самымъ объявленіемъ во многихъ желанія заслужить переимную гривну, назначавшуюся за поимку бѣглаго (II, 107). Другаго значенія объявленіе не имѣло, такъ что если бы его не было сдѣлано, то это не избавляло передержателей отъ отвѣтственности, когда обнаруживалось, что они завѣдомо передерживали бѣглыхъ холоповъ, такъ какъ по смыслу постановленія Правды одно только *невѣдѣніе* въ этомъ случаѣ служило для отвѣтчиковъ извиняющимъ обстоятельствомъ: «аже кто *не вѣдая* чюжь холопъ, усрящеть (укрость) й, или повѣсть дѣеть (укажеть путь), любо держить й у собе, а идеть отъ него, то ити ему ротѣ, яко *не вѣдилъ* есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть» (II, 109). Притомъ, самое выраженіе, встрѣчаемое въ другой статьѣ, «*аже слышавъ кто, или зная и вѣдая*» (II, 106), показываеть, что подвергали отвѣтственности не только *слышавшихъ* объявленіе на торгу, но и тѣхъ, которые, *зная* и *вѣдая* другимъ какимъ-либо путемъ о побѣгѣ чужаго холопа, стали бы его передерживать. По общему правилу, задержавшій у кого-либо своего скрывшагося холопа, не могъ сказать: *се мой*, и отобрать бѣглеца, а долженъ былъ предложить отвѣтчику идти на сводъ, для указанія, *гдѣ есть взялъ*. Позванный на сводъ могъ прямо сознаться въ передержательствѣ завѣдомо бѣглаго холопа и подвергнуться законной отвѣтственности, могъ указать на другое лицо, отъ кого онъ купилъ холопа, или сказать, что онъ держалъ холопа, не зная ни его состоянія, ни того, что онъ былъ бѣглый. Въ первомъ случаѣ не предстояло надобности ни въ какихъ изслѣдованіяхъ; во второмъ—производился сводъ, при которомъ нельзя было отговариваться неизвѣстностію продавца: «*челядинъ-то есть не скотъ, нелзѣ рчи: не вѣдаю у кого есмь купилъ*» (II, 33). По указанію покупщикомъ продавца, сводъ обращался на этого послѣдняго; но первый тогда только могъ требовать съ него заплаченныхъ за холопа кунъ, когда подтверждалъ присягою, что покупалъ холопа незавѣдомо бѣглаго, въ противномъ случаѣ лишался заплаченныхъ за него денегъ (III, 129); продавецъ же, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и передержателемъ завѣдомо бѣглаго холопа, под-

вергался еще и платежу продажи князю. Безъ сомнѣнія съ продавца холопа взыскивалась 12-гривенная продажа, но не 3-хъ-гривенная, назначенная только за передержательство, а не за продажу чужаго челядина. Въ послѣднемъ случаѣ, отвѣтчикъ могъ оправдаться только одною присягою: «пти ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть» (II, 109).—Независимо отъ опознанія у кого холоповъ, дѣла о передержательствѣ ихъ могли начинаться также и *поклепомъ*. Когда холопа не было на лицо, и сторонніе люди, по какимъ-либо обстоятельствамъ, взводили основательное подозрѣніе въ передержательствѣ его или въ способствованіи ему къ побѣгу на то или другое лице, или же если самъ бѣглый холопъ, задержанный уже по уходѣ отъ того, у кого проживалъ, обвинялъ его въ передержательствѣ,—то господинъ бѣжавшаго или бывшаго въ бѣгахъ челядина могъ требовать, чтобы оподозрѣнный, если онъ говорилъ, *что вовсе его не передерживалъ*, представилъ въ свое оправданіе послуховъ доброй славы, или чтобы подвергся испытанію желѣзомъ или водою, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Если же обвиняемый, *сознаваясь въ передержательствѣ* челядина, или въ дачѣ ему хлѣба, или въ указаніи ему пути, говорилъ, что сдѣлалъ это потому, что не зналъ *«оже есть холопъ»*, тогда, какая бы ни была сумма иска, обязывался, не представляя послуховъ, подтвердить свои слова присягой, и тѣмъ избавлялся отъ всякой отвѣтственности (II, 109). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, относительно роты, въ дѣлахъ о побѣгѣ холоповъ, было допущено въ Правдѣ исключеніе изъ общаго правила (II, 17), потому-что рота при поклепѣ въ передержательствѣ, на основаніи этого общаго правила, т. е. на основаніи одной только цѣны иска, вовсе не могла бы имѣть мѣста, такъ какъ всякій искъ о передержательствѣ холопа, стоившаго не менѣе 5 гривенъ кунъ, былъ потому самому болѣе 2 гривенъ кунъ. Притомъ употребленіе роты при судопроизводствѣ о бѣглыхъ холопахъ было исключеніемъ изъ общаго правила и потому, что начала, на которыхъ она въ этихъ случаяхъ допускалась, были не тѣ, на какихъ ее вообще употребляли въ Правдѣ. По общему закону къ ротѣ приводили: 1) при полномъ отрицательствѣ въ преступленіи; 2) когда не было лица и 3) когда сумма иска была менѣе 2 гривенъ кунъ (II, 17); при поклепѣ же въ передержательствѣ

обвиняемые присягали, когда *сознавались въ немъ*, но только давали особое изъясненіе своему поступку. Допустивъ же это начало, не могли уже стѣсняться ни суммой иска, ни тѣмъ, былъ ли холопъ на лицо, или нѣтъ.

По остальнымъ дѣламъ о противозаконномъ пользованіи чужимъ имуществомъ, а также по дѣламъ о растратѣ его, и о поврежденіи и истребленіи чужой собственности—въ Правдѣ не содержится въ частности судебныхъ доказательствъ, но безъ сомнѣнія въ этихъ случаяхъ руководствовались тѣми же доказательствами, какія мы выше изложили. Въ Правдѣ находятся только постановленія относительно уличенія кого-либо въ неотдачѣ кунъ или поклажи. Судебныя доказательства по дѣламъ этого рода употреблялись различныя, по различію самыхъ договоровъ, вслѣдствіе которыхъ чье-либо имущество переходило въ чужое владѣніе или завѣдываніе. Въ этомъ отношеніи Правда различаетъ слѣдующіе договоры: 1) объ отдачѣ кунъ въ рѣзъ или жита въ присопъ; 2) о поклажѣ и 3) о денежныхъ сдѣлкахъ между купцами. Договоры объ отдачѣ имущества для приращенія и о займѣ кунъ изъ процентовъ должны были, для законности ихъ, совершаться *предъ послухами:* «аже кто дастъ куны въ рѣзъ, или наставъ въ медъ, или жито въ присопъ, то *послухи ему ставити*; како ся будетъ рядилъ, тако же ему имати» (II, 46). При заключеніи же договоровъ о поклажѣ и при денежныхъ сдѣлкахъ между купцами присутствія *послуховъ* вовсе не требовалось. Въ Правдѣ сказано: «аже кто купецъ купцю дастъ въ куплю куны (т. е. для покупки себѣ чего-нибудь) или въ гостьбу (т. е. для торговыхъ оборотовъ), то купцю (тому, который взялъ деньги) предъ послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ» (II, 44; III, 45). «Аже кто поклажа и кладетъ у кого либо, то ту послуха нѣстъ» (II, 45). По различію самыхъ условій для совершенія означенныхъ договоровъ, употреблялись и различныя судебныя доказательства, въ случаѣ, если кто запирался въ полученіи денегъ или имущества. Такъ, если кто запирался въ полученіи кунъ въ долгъ или въ рѣзъ, а истецъ передавалъ должнику куны безъ свидѣтелей, тогда объявлялось истцу: «*промиловался еси, оже еси не ставилъ послуховъ*» (II, 47), т. е. ты не ставилъ послуховъ при совершеніи договора, и потому теряешь свой искъ. Если же при отдачѣ кунъ въ долгъ или на про

центы были выставляемы свидѣтели, тогда они, въ случаѣ запирательства отвѣтчика, допрашивались по выполненіи присяги (II, 43), и истецъ получалъ свои куны.—При запирательствѣ въ принятіи поклажи въ томъ количествѣ, въ какомъ она была отдана, или при запирательствѣ купца въ полученіи отъ другаго купца кунъ въ куплю или въ гостьбу, допускались *отвѣтчики* къ присягѣ (II, 44, 45), не смотря на сумму иска. Но при несознаніи кого-либо въ полученіи кунъ въ рѣзъ, дозволялось присягать самому *истцу*, однакожъ въ томъ только случаѣ, если сумма иска не превышала 3-хъ гривенъ кунъ, и если не было послуховъ (II, 47). И такъ, для обвиненія въ неотдачѣ долговъ употреблялись свидѣтельскія показанія и присяга истца; при неотдачѣ же поклажъ и при ссудахъ между купцами, свидѣтелей не требовалось, но дозволялось отвѣтчикамъ оправдывать себя присягою. Число свидѣтелей не опредѣлено въ уставѣ Изяслава, но въ ярославовомъ уставѣ сказано: «аже взыщетъ на друзѣ проче, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка» (I, 14). Слѣдовательно, во время Ярослава договоръ займа совершался предъ 12-ю свидѣтелями, которые потомъ, при запирательствѣ отвѣтчика, и допрашивались для уличенія его во лжи. Можно думать, что во времена Изяслава и Мономаха, сообразно съ общими началами ихъ уставовъ, считалось достаточнымъ совершать договоръ займа и предъ двумя свидѣтелями, и потомъ выставлять ихъ въ подтвержденіе справедливости своего иска.

3) *По дѣламъ о убійствѣ.*

Всякое дѣло о убійствѣ могло начаться, если былъ въ виду трупъ убитаго человѣка, называвшійся также *поличнымъ*. Это видно изъ статьи Правды, въ которой сказано: «*начнетъ головою клепати*», а дальше: «*такоже и во всѣхъ тяжахъ, оже не будетъ лица*» (II, 17); слѣдовательно, *голова*, т. е. трупъ убитаго, также именовалась лицемъ, или поличнымъ. Обязанность отводить отъ себя это послѣднее лежала на цѣлой верви или на отдѣльныхъ лицахъ.

Положимъ, что въ какой-нибудь верви *лежала голова* (II, 3), т. е. находили трупъ убитаго человѣка. Если вервь, на земляхъ которой открывали трупъ, не обнаруживала преступника, то подвергалась

денежному взысканію въ пользу князя; но могла отвести отъ себя поличное и не платить пени, когда убитый никому не былъ въ верви извѣстенъ, или если отъ него остались только кости. При обнаруженіи же преступника не обращали вниманія на то, было ли извѣстно, кто такой убитый или нѣтъ, и вервь имѣла возможность отстранить отъ себя поличное только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда доказывала, что убійца принадлежалъ къ другой верви; 2) когда обвиняла кого-либо, хотя и своего члена, въ совершеніи убійства въ разбоѣ, или даже въ свадѣ, но такимъ лицемъ, которое не вкладывалось прежде въ дикую виру. Такимъ образомъ, при обнаруженіи преступника, вервь отводила отъ себя поличное и избавлялась отъ пени, или указавъ на другую вервь, или на своего члена, за котораго не обязана была платить. Но могло случиться, что при открытіи трупа, съ знаками насильственной смерти, взводили на кого-нибудь обвиненіе въ совершеніи убійства, а обвиняемый не сознавался. Въ такихъ случаяхъ всегда ли для него найденный трупъ считался поличнымъ или нѣтъ? Безъ всякаго сомнѣнія, не всегда. Если напр. трупъ находили зарытымъ или какимъ-либо другимъ образомъ скрытымъ въ жилищѣ того, на кого взводили преступленіе, и притомъ на орудіяхъ или одеждѣ обвиняемаго замѣчали слѣды крови, или если напр. онъ убивалъ кого-либо при многихъ свидѣтеляхъ, то разумѣется въ томъ и другомъ случаѣ трупъ не могъ не считаться для обвиненнаго поличнымъ, и онъ, если не сознавался и не былъ уличаемъ въ преступленіи очевидцами, долженъ былъ отвести отъ себя *«голову»*, иначе, на общемъ основаніи, обвинялся въ убійствѣ по неотведенному поличному. Напротивъ, если трупъ находили напр. на безлюдномъ мѣстѣ, или вообще при такихъ обстоятельствахъ, что онъ составлялъ поличное только для цѣлой верви, но не для отдѣльнаго лица, то въ такомъ случаѣ это послѣднее могло подвергнуться суду не иначе, какъ вслѣдствіе *поклепа*, а не поличнаго. И такъ, на отдѣльныхъ лицъ взводили обвиненіе въ убійствѣ не только по *поличному*, но и по *поклепу*. Порядокъ производства дѣлъ о убійствахъ по этому послѣднему изложенъ въ постановленіи Правды *о поклепной вирѣ*, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь и приступимъ.

Подъ *поклепомъ* нѣкоторые изслѣдователи Правды неосновательно разумѣли *лживое обвиненіе*, и потому подъ *поклепной вирой*

неправильно понимали пеню за клевету, за ложный донос ([1]). Поклепъ, по нашему мнѣнію, значитъ просто обвиненіе, не основанное на поличномъ. Мы знаемъ, что въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича для означенія обвиненія ложнаго всегда употребляли выраженіе: «*поклепавъ напрасно*» ([2]). Притомъ, если подъ поклепомъ разумѣть въ Правдѣ положительно *ложное обвиненіе*, то представляется страннымъ, почему она допускала по такому обвиненію разслѣдованіе. Изложенное нами понятіе о поклепѣ нужно имѣть въ виду для правильнаго объясненія статьи Правды о поклепной вирѣ. Выпишемъ предварительно текстъ этой статьи по троицкому списку, исправивъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другими списками: «аще будетъ на кого поклепная вира, то оже будетъ послуховъ 7, то ти выведуть виру ([3]); паки ли варягъ или кто инъ ([4])—то два; а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знаютъ его. А иже свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку, а кто и клепалъ, а тому дати другая гривна, а отъ виры поличнаго 9 кунъ. Искавше ли послуха не налѣзуть, а истьця начнетъ головою клепати, тогда дати имъ правду желѣзо; тако же и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ и поклепѣ, оже не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мене, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны» (II, 15—17).—Что значитъ въ выписанномъ нами постановленіи Правды выраженіе: *аще будетъ на кого поклепная вира?* Принявши слово *поклепъ* въ смыслѣ обвиненія кого въ чемъ-нибудь, безъ поличнаго, слѣдовало бы подъ поклепной вирой разумѣть вообще обвиненіе въ такомъ преступленіи, за которое по закону назначалась вира; но подъ означеннымъ выраженіемъ пони-

---

([1]) См. Учен. Записк. Казан. Универ., кн. II за 1848 г., статья г. Фогеля о поклепной вирѣ.

([2]) См. Полн. Собр. Зак., т. I. Ул. гл. XVII ст. 31; гл. X ст. 18, 186, 131.

([3]) Выраженіе: *то ти имуть виру* мы пропустили, потому-что его не могло быть въ Правдѣ, такъ какъ вира взыскивалась не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу князя. Притомъ, оно очевидно составляетъ только искаженное, ошибочное повтореніе словъ: *то ти выведуть виру,* и означеннаго выраженія нѣтъ въ лучшихъ спискахъ Правды.

([4]) Подъ выраженіемъ: *кто инъ* слѣдуетъ разумѣть *колбяга,* или, можетъ быть, вообще иностранца, чужеземца.

мали собственно только обвинение въ убійствѣ, потому что въ продолженіи статьи говорится: «а истьця *начнетъ* головою клепати» (II, 17). Кромѣ того, для точнаго пониманія выписаннаго нами выше постановленія, слѣдуетъ опредѣлить значеніе словъ: «*то ти выведутъ виру*». Въ Правдѣ говорится: выведутъ челядина, выведутъ послуховъ, выведутъ изъ клева, холопъ выведетъ конь. Во всѣхъ этихъ случаяхъ глаголъ *вывести* употребленъ въ смыслѣ или представить или похитить; но ни то, ни другое его значеніе не можетъ быть примѣнено къ словамъ: *то ти выведутъ виру*. Мы знаемъ, что въ Судебникахъ и другихъ нашихъ древнихъ памятникахъ (*) глаголъ *довести* значилъ доказать, обличить, напр. «а доведутъ на кого душегубство, то казнити»; слѣдовательно глаголъ *вывести* могъ употребляться въ противномъ значеніи, т. е. въ смыслѣ *оправдать, освободить отъ чего-нибудь*. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго періода выписанной нами статьи, начинающагося словами: «искавше ли послуха не налѣзутъ, а истца начнетъ головою клепати». Кого здѣсь разумѣли подъ истцомъ—отвѣтчика или обвинителя, и къ кому относятся употребленныя тутъ мѣстоименія *имъ* и *ему?* Истцомъ названъ въ означенномъ періодѣ тотъ, кто *искалъ* послуховъ, слѣдовательно подъ истцомъ, котораго *клепали*, очевидно разумѣли здѣсь не обвинителя, а обвиняемаго, т. е. отвѣтчика. На это указываетъ и то обстоятельство, что слово «*истьця*» стоитъ не въ именительномъ, а въ винительномъ падежѣ, такъ что собственно слѣдовало бы сказать: *а начнетъ головою клепати истьця*. Мѣстоименіе «*имъ*» относится къ тѣмъ, которые послуха не *налѣзутъ*; въ выраженіяхъ же *дати ему желѣзо, ротѣ ему ити*—мѣстоименіе «*ему*» можетъ относиться только къ вышестоящему слову *истьця*, т. е. къ отвѣтчику. И такъ, если подъ мѣстоименіемъ *ему* разумѣли отвѣтчика, то значитъ послѣдняго подвергали испытанію желѣзомъ или водою, и заставляли выполнять роту. Посему необходимо выходитъ, что и въ выраженіи: *дати имъ правду желѣзо* подъ мѣстоименіемъ «имъ» разумѣли тоже обвиняемыхъ, а такъ какъ «имъ» относится къ тѣмъ, которые не *налѣзутъ* послуховъ, то слѣдовательно отвѣтчики обязаны были представлять и свидѣте-

(*) См. Акт. Ист., т. I, № 105; Акт. Эксп. т. I, № 123.

лей въ свое оправданіе. Такимъ образомъ смыслъ выписанной нами статьи Правды о поклепной вирѣ будетъ слѣдующій: если кто взводилъ на кого-либо обвиненіе, что онъ убійца и подлежитъ вирѣ, то, въ случаѣ представленія обвиняемымъ въ свое оправданіе 7 послуховъ, вира не взыскивалась; варягу же или другому какому-либо чужеземцу дозволялось очищать себя отъ подобнаго обвиненія только двумя послухами; но цѣлая верьвь могла оправдываться и не платить виры и тогда, если при необнаруженіи убійцы, находили однѣ человѣческія кости или трупъ убитаго, никому неизвѣстнаго лица. Кто свергалъ съ себя виру, т. е. оправдывался отъ взведеннаго на него обвиненія, тотъ долженъ былъ заплатить гривну сметную посадничьему отроку, представлявшему обвиняемаго къ суду; кромѣ того и истецъ платитъ съ своей стороны такую же гривну отроку, а посаднику или вирнику помочнаго 9 кунъ. Если же истецъ клепалъ кого головою, а обвиняемые, искавши, не отыскивали послуховъ, то давалось отвѣтчикамъ въ правду желѣзо; также поступали и во всѣхъ другихъ тяжахъ, т. е. въ поклепѣ татьбой и въ поклепѣ другими преступленіями, если не было поличнаго, именно: въ такихъ обстоятельствахъ по необходимости (изъ неволи) давали отвѣтчику желѣзо, если цѣна тяжи простиралась до полугривны золота, подвергали испытанію водою, если сумма иска была менѣе полугривны золота, но не менѣе 2-хъ гривенъ кунъ; когда же тяжа была по цѣнѣ менѣе, чѣмъ на 2 гривны кунъ, то отвѣтчикъ въ оправданіе себя могъ выполнить присягу. Толкованіе наше изложеннаго выше постановленія доказывается и другими статьями Правды, гдѣ говорится, что истецъ *могъ имать на желѣзо* обвиняемыхъ въ чемъ нибудь по рѣчамъ свободныхъ людей и даже холоповъ (II. 81 и 82). И такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что подвергался испытанію желѣзомъ не кто другой, какъ отвѣтчикъ, а такъ какъ мы знаемъ, что это происходило тогда, если онъ искавши послуховъ не налѣзетъ, то на немъ же разумѣется лежала и обязанность представлять этихъ послуховъ. Все это такъ ясно, что не требовало бы подробнаго изслѣдованія, если бы мы не имѣли въ виду мнѣній Болтина и Карамзина, что истецъ выставлялъ свидѣтелей и подвергался испытанію желѣзомъ (*). Для начатія иска

(*) См. Учен. Зап. Казан. Университ., кн. II, 1848 г., статья г. Фогеля о поклепной вирѣ.

о убійствѣ *по поклепу* требовалось взведеніе на кого-либо подозрѣнія, подкрѣпленнаго рѣчами свободныхъ людей, и даже холоповъ (II, 81 и 82). Отъ такого основательнаго подозрѣнія обвиняемые въ совершеніи убійства туземцы обязаны были оправдываться выставленіемъ *семи* послуховъ, а чужеземцы—*двухъ* послуховъ. Если подъ этими послухами разумѣть свидѣтелей-очевидцевъ чего-нибудь, тогда и невинно оклеветанные въ самыхъ рѣдчайшихъ случаяхъ могли бы избѣжать наказанія. Гдѣ найти такихъ очевидцевъ, да еще непремѣнно *семь*, въ опроверженіе напр. вымышленныхъ обстоятельствъ, противъ которыхъ, какъ заранѣе могъ сообразить ловкій клеветникъ, обвиняемый имъ не въ состояніи былъ представить свидѣтелей. Такая нелѣпость, понятная уму самаго простаго человѣка, не могла быть допущена въ Правдѣ, основанной на обычаяхъ цѣлой массы народа. Безъ сомнѣнія, подъ послухами въ статьѣ о поклепной вирѣ слѣдуетъ разумѣть *послуховъ доброй славы*, т. е. обыскныхъ людей, удостовѣрявшихъ только въ честномъ и добромъ поведеніи обвиняемаго. Тогда становится очевиднымъ, что человѣкъ безукоризненно проводившій жизнь между своими земляками легко могъ выставить не только семь послуховъ въ опроверженіе поклепа, но и гораздо бо́льшее ихъ число. Правда не забыла и того обстоятельства, что чужеземецъ, мало знакомый жителямъ той мѣстности, гдѣ взведено на него обвиненіе въ убійствѣ кого-либо, могъ затрудняться иногда представленіемъ и семи послуховъ въ свое оправданіе. Посему Правда дозволяла варягу, колбягу и вообще чужеземцу выводить только 2 свидѣтелей, въ доказательство честнаго своего поведенія. Если обвиняемый не находилъ себѣ послуховъ доброй славы, что́ безъ сомнѣнія было знакомъ неодобрительности его поведенія, тогда подозрѣніе на отвѣтчика получало еще бо́льшую силу, и онъ въ дѣлахъ о убійствѣ, не смотря на сумму иска, постоянно подвергался испытанію желѣзомъ; испытаніе же водою и рота въ этихъ случаяхъ не употреблялись. Это видно изъ выраженія Правды, въ которомъ при всякомъ поклепѣ головою предписывается давать въ правду желѣзо: «а истьця начнетъ *головою клепати*, тогда дати имъ правду желѣзо» (II, 17). При убійствѣ кого-либо на татьбѣ производилось разслѣдованіе только о томъ, былъ ли убитъ тать связаннымъ или нѣтъ. Въ этомъ случаѣ отвѣтчикъ обвинялся, если находились *очевидцы*

того, что онъ, связавши вора, лишилъ его за тѣмъ жизни: «*будутъ людіе связанъ видѣли, то платити*» (II, 36).

4) *По дѣламъ о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ.*

Судопроизводство о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ также различалось, смотря по тому, были ли слѣды (знаки) отъ преступленія или ихъ не было.

Изувѣченный или избитый кѣмъ-либо до крови и до синяковъ и приносившій на обидѣвшаго его жалобу, не обязанъ былъ, для подтвержденія своего иска, представлять свидѣтелей: «аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, *то видока ему не искати*» (I, 2; II, 23). Въ этомъ случаѣ обязанности оправдывать себя обвиняемый не могъ избѣжать, и если онъ не представлялъ свидѣтелей своей невинности, то подвергался платежу продажи, какъ не отведшій отъ себя слѣдовъ преступленія. Впрочемъ, если бы отвѣтчикъ и дѣйствительно наносилъ обжаловавшему его увѣчья, раны или побои до крови и синяковъ, но выставлялъ послуховъ, что истецъ первый сдѣлалъ на него нападеніе и вынудилъ къ необходимой оборонѣ, или началъ самъ драку, въ такомъ случаѣ жалоба истца оставлялась безъ послѣдствій: «не терпя ли противу тому ударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть» (II, 20);« то ему за платежъ, оже и били» (II, 23).

Дѣла о нанесеніи ранъ и побоевъ могли начинаться и *поклепомъ*, когда побои вовсе не оставляли по себѣ знаковъ или когда отъ нанесенныхъ ранъ и побоевъ слѣды уже изгладились. Въ этихъ случаяхъ истецъ могъ начать свой искъ не иначе, какъ на основаніи показанія стороннихъ людей, и потому въ Правдѣ сказано: «*аже безъ людии, а въ поклепъ, то нѣту продажѣ*» (II, 60). Хотя же въ статьѣ о зубѣ и говорится: «аже выбьютъ зубъ, а кровь *видятъ* у него во ртѣ, а людье вылѣзутъ, то 12 гривенъ продажѣ» (II, 61); но статью эту не слѣдуетъ считать исключеніемъ изъ общаго правила. Въ ней разумѣется то обстоятельство, когда во время жалобы уже не было у обиженнаго крови во рту, а ее видѣли прежде посторонніе лица. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что вырваніе волосъ изъ бороды, хотя бы эти волоса и были налицо, не считалось такимъ знакомъ, который бы освобождалъ истца отъ

представленія послуховъ въ доказательство правоты своего иска. «А кто порветъ бороду, а выиметъ *знаменье*, а *вылъзутъ людіе*, сказано въ Правдѣ, то 12 гривенъ продажѣ» (II, 60); слѣдовательно представленіе знаменія, т. е. вырванныхъ волосъ, безъ показанія послуховъ, не имѣло никакого значенія.

Истецъ, представлявшій стороннихъ лицъ въ подтвержденіе своего иска, могъ представить или такихъ, которыя положительно обвиняли кого-либо въ преступленіи, какъ видоки, очевидцы, или такихъ, которыя, не обвиняя кого-либо прямо въ преступленіи, свидѣтельствовали о второстепенныхъ обстоятельствахъ, наводившихъ на отвѣтчика одно только подозрѣніе. Въ первомъ случаѣ отвѣтчикъ обвинялся и подвергался платежу продажи и вознагражденія истцу. Для обвиненія въ нанесеніи ранъ или побоевъ требовалось, чтобы истецъ представлялъ не менѣе двухъ свидѣтелей-очевидцевъ, потому-что и при незначительномъ проступкѣ, именно при нанесеніи толчковъ (аже попхнетъ мужъ мужа), было постановлено, чтобы истцы выводили 2 видоковъ (I, 9; II, 25). Исключеніе изъ этого общаго правила существовало только въ пользу варяговъ и колбяговъ. Выпишемъ статью, въ которой объ нихъ говорится, составивъ редакцію ея по соображеніи не съ однимъ, а съ разными списками Правды: «оже пхнетъ мужъ мужа либо къ собѣ, либо отъ себе, либо пястью ударитъ, ли жердью ударитъ, *а видока два выведутъ*, то 3 гривны продажи; аже будетъ варягъ или колбягъ, иде полная видока вывести, идета на роту» (*). При такомъ чтеніи статьи, очевидно окончаніе ея слѣдуетъ понимать такъ: если были истцами варяги или колбяги, то тамъ гдѣ (иде) по общему правилу слѣдовало бы вывести имъ полное число свидѣтелей, они подтверждали справедливость своего иска присягою. Выраженіе *полная видока* указываетъ на число послуховъ, означенное въ той же статьѣ, именно на двухъ, тѣмъ болѣе, что въ одномъ спискѣ Правды даже прибавлено: «полная видока два» (**). И такъ, по нашему мнѣнію, тамъ, гдѣ, при неимѣніи въ виду слѣдовъ преступленія, истцы вообще обязаны были, въ подтвержденіе своихъ исковъ о нанесеніи имъ ранъ и побоевъ, представлять

(*) См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ г. Калачова, стр. 133.

(**) Тамъ же.

стороннихъ людей, варяги и колбяги одни только могли удостовѣрить справедливость своего иска объ обидѣ собственною присягою и получить вознагражденіе. Г. Дубенскій впрочемъ понимаетъ выписанную нами статью совершенно иначе. Подъ выраженіемъ *«полная видока»* онъ разумѣетъ 7 свидѣтелей, о которыхъ упоминается въ статьѣ о поклепной вирѣ, а подъ словами *идета на роту* понимаетъ совмѣстную присягу *истца* и *отвѣтчика* (*). Такимъ образомъ, по толкованію г. Дубенскаго, означенную статью должно перевести такъ: если обвиняли въ нанесеніи толчка варяга или колбяга, то для обвиненія того или другаго слѣдовало представить 7 свидѣтелей и кромѣ того, какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ должны были выполнить присягу. Но спрашивается: если выставлялись свидѣтели въ пользу истца, то за чѣмъ было еще присягать послѣднему, да еще и совмѣстно съ отвѣтчикомъ? Въ этомъ случаѣ кто-нибудь изъ нихъ, отвѣтчикъ или истецъ, необходимо дѣлался бы клятвопреступникомъ. Притомъ, въ статьѣ о толчкахъ (II, 23) говорится о *видокахъ*, а въ статьѣ о поклепной вирѣ (II, 15) упоминается о *послухахъ*, подъ которыми, какъ мы показали выше, вовсе не разумѣли *видоковъ*, т. е. свидѣтелей-очевидцевъ. Кромѣ того, въ первой статьѣ говорится о видокахъ, выставляемыхъ *истцами*, а во второй—о послухахъ, выводимыхъ *отвѣтчиками*. Словомъ, между статьею о толчкахъ и статьею о поклепной вирѣ нѣтъ ни малѣйшаго соотношенія. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда истцы (за исключеніемъ варяговъ и колбяговъ, выполнявшихъ присягу) представляли не видоковъ, а людей, наводившихъ на отвѣтчика своими показаніями одно подозрѣніе, необходимо было обвиняемому для оправданія себя представить *послуховъ доброй славы*, а въ противномъ случаѣ подвергнуться испытанію желѣзомъ или водою, или выполнить роту. Впрочемъ, въ дѣлахъ о нанесеніи ранъ и побоевъ, кажется, и не могло быть иска цѣною до *полугривны золота* и выше (II, 17); слѣдовательно, испытаніе желѣзомъ едва ли имѣло въ этихъ случаяхъ мѣсто. Вѣроятно употреблялось только одно испытаніе водою, и то рѣдко; всего же чаще отвѣтчику слѣдовало выполнять присягу.

(*) См. Рус. Достопам. ч. II. М. 1843 г., стр. 69.

Б) О судопроизводствѣ вообще.

Изложимъ теперь судопроизводство Правды въ общихъ выводахъ.

I. Каждое уголовное дѣло могло начинаться тремя способами: 1) поимкою съ поличнымъ; 2) отысканіемъ или указаніемъ слѣдовъ преступленія и 3) поклепомъ. Въ первомъ и во второмъ случаяхъ, отысканіе трупа убитаго человѣка, опознаніе украденнаго или потеряннаго имущества, усмотрѣніе слѣдовъ татьбы, предъявленіе избитаго лица, ранъ или увѣчій—считались доказательствами того, что преступленіе дѣйствительно совершено, и потому всѣ эти данныя представляли твердое основаніе къ начатію истцами изслѣдованія, при которомъ отвѣтчикъ могъ обнаружить свою невинность. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. въ поклепѣ, имѣвшемъ мѣсто только тогда, если истецъ для подтвержденія справедливости своего иска не могъ представить ни поличнаго, ни слѣдовъ преступленія, требовалось, чтобы обвинитель для удостовѣренія въ справедливости своего поклепа представилъ противъ обвиняемаго или свидѣтелей - очевидцевъ, или предъявилъ основательное на него подозрѣніе, подкрѣпленное рѣчами стороннихъ людей. Безъ этихъ условій тяжа по поклепу не могла начаться. Всѣ эти выводы какъ будто указываютъ на то, что у насъ во времена Правды всякая тяжа начиналась не иначе, какъ только по желанію самого истца. Такое заключеніе едвали будетъ согласно съ истиною. Тяжи доставляли князьямъ доходы, именно виры и продажи, а судьямъ — судныя пошлины, слѣдовательно нельзя думать, чтобы производство суда даже надъ извѣстными правительству преступниками не начиналось, если ни отъ кого не было предъявлено иска. Притомъ, изъ Лаврентьевской лѣтописи мы знаемъ, что въ 1176 году Ростовская земля роздана была въ посадничество *дѣтскимъ*, и что они *многу тяготу людямъ створиша* продажами и вирами. Безъ сомнѣнія, подобной жалобы на посадниковъ не могло бы и быть, если бы они только дожидались предъявленія исковъ, а не начинали иногда и сами тяжъ, даже въ ущербъ справедливости. Кромѣ того, мы также знаемъ, что Янъ Вышатинъ судилъ убійцъ-волхвовъ на Бѣлоозерѣ только по слухамъ о преступленіяхъ, а не по чьей-либо жалобѣ. Впрочемъ, нельзя отвергать, что вѣроятно боль-

шая часть дѣлъ во времена Правды (какъ и въ наше время) начиналась по жалобамъ истцовъ, потому- что такія жалобы составляютъ самый скорый и во многихъ случаяхъ единственный путь къ обнаруженію предъ правительствомъ преступленія.

II. Самое производство изслѣдованія по тѣмъ или другимъ тяжамъ было дѣлаемо самимъ истцомъ и заключалось: 1) въ спросѣ обвиняемаго; 2) въ слѣдованіи по слѣдамъ, проложеннымъ преступникомъ; 3) въ очныхъ ставкахъ или сводѣ; 4) въ спросѣ свидѣтелей; 5) въ испытаніи желѣзомъ и водою и 6) въ приводѣ къ ротѣ отвѣтчика. Приводить отвѣтчика и свидѣтелей къ присягѣ, а также подвергать испытанію обвиняемаго желѣзомъ, водою можно было не иначе, какъ испросивши напередъ на то дозволеніе судьи и заплативъ за это установленныя судьями пошлины. Если истецъ по окончаніи изслѣдованія не находилъ отвѣтчика виновнымъ, то безъ сомнѣнія не имѣлъ надобности прибѣгать къ суду; но если слѣдствіе обнаруживало преступленіе отвѣтчика, то истецъ могъ стать съ нимъ предъ судьею для производства суда. Судъ заключался въ повѣркѣ произведеннаго истцомъ изслѣдованія и въ произнесеніи приговора. Повѣрка изслѣдованія заключалась въ допросѣ истца, отвѣтчика, свидѣтелей, въ распросѣ о результатахъ произведенныхъ испытаній желѣзомъ и водою и выполненія роты. Если дѣло не требовало какихъ-либо предварительныхъ изслѣдованій, то истецъ и отвѣтчикъ могли прямо явиться на судъ и привести видоковъ, или же, гдѣ это дозволялось, истецъ могъ на судѣ выполнить присягу въ подтвержденіе своего иска. Такой непосредственной явкой къ суду могли начинаться дѣла о побояхъ (II, 23—25). Въ этомъ то смыслѣ и сказано въ Правдѣ: «аже придетъ кровавъ мужъ *на дворъ*»(II, 23), т. е. на дворъ посадничій или княжій. Когда дѣло начиналъ самъ посадникъ, или какой-либо княжь мужъ, то онъ самъ производилъ изслѣдованіе, онъ же произносилъ и приговоръ. Это видно изъ разсказа лѣтописи о поступкѣ Яна Вышатина съ волхвами.

О допросахъ на судѣ хотя въ Правдѣ не упоминается положительно, но на нихъ указываетъ самое выраженіе одной изъ ея статей:« *слово противу слови*» (II, 23). Относительно же истца ясно сказано, что онъ, начиная изслѣдованіе по уголовному дѣлу, обращался къ отвѣтчику съ вопросомъ: «*гдѣ есть взялъ*» (II,29).—

Собственное сознание въ преступленіи считалось доказательствомъ вины, потому что другіе роды доказательствъ употреблялись только въ случаѣ запирательства. Объ этомъ можно заключить изъ слѣдующихъ статей Правды: 1) «аже кто взыщетъ кунъ на друзѣ, а онъ ся начнетъ *запирати*, то оже нань выведетъ послуси, то ти пойдутъ на роту» (II, 43); 2) «ити ему самому ротѣ, *аже ся почнетъ запирати*» (II, 44).—Слѣдованіе по слѣдамъ, оставленнымъ преступниками, производилось истцомъ не иначе, какъ съ понятыми. Неотведеніе слѣдовъ преступленія считалось на судѣ полнымъ обнаруженіемъ вины: «а не отсочатъ отъ собе слѣда, то тѣмъ платити продажу» (II, 70). — Очныя ставки или *сводъ* принимались какъ средство къ раскрытію истины, но сами по себѣ, независимо отъ *поличнаго*, при которомъ онѣ только и имѣли мѣсто, не составляли доказательства къ обвиненію, а только къ оправданію, и то въ томъ случаѣ, если лице, на которое ссылались, подтверждало ссылку отвѣтчика.—Относительно свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ замѣтить, что на нихъ могъ опираться какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ. Послухами, о чемъ бы они ни свидѣтельствовали, не могли быть *холопы*. Только въ крайней необходимости допускались къ свидѣтельству *боярскіе тіуны*, а въ малыхъ тяжахъ закупы; слѣдовательно въ большихъ тяжахъ эти послѣдніе тоже не имѣли права быть свидѣтелями (II, 59). Какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ могли выводить послуховъ *двухъ родовъ*. Отвѣтчику дозволялось выставлять въ свою защиту или *послуховъ-видоковъ* (очевидцевъ) или *послуховъ доброй славы* (II, 32, 15); истецъ для обвиненія отвѣтчика тоже могъ представить или *послуховъ-видоковъ* (II, 23, 25) или *послуховъ заны* (II, 81, 82), т. е. навлекавшихъ своими рѣчами на обвиняемаго одно только подозрѣніе. По показаніямъ *видоковъ* или *послуховъ доброй славы* дѣло оканчивалось; по показаніямъ же *послуховъ заны* не могъ отвѣтчикъ подвергнуться обвиненію, но его можно было имать на желѣзо, на воду, или заставить выполнить роту. Правда говоритъ: «иметъ на желѣзо по свободныхъ людей рѣчи, любо ли зана нань будетъ, любо прохожденіе нощное, или кимъ либо образомъ,» т. е. что на желѣзо брали, если по рѣчамъ свободныхъ людей падало на отвѣтчика одно только подозрѣніе, или потому, что онъ шатался ночью возлѣ того мѣста, гдѣ совершено преступленіе,

или по какому-либо другому обстоятельству. Въ *послухи ваны* допускались и холопы, съ тою только конечно разницею, что хотя бы они и положительно кого обвиняли въ томъ или въ другомъ преступленіи, какъ *видоки*, отвѣтчикъ по ихъ рѣчи не принуждался прямо къ наказанію, а истецъ могъ его подвергнуть испытанію желѣзомъ, водою, или требовать выполненія роты (II, 81). Число свидѣтелей допускалось въ Правдѣ различное. *Послуховъ-видоковъ* какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ обязаны были выставлять не *менње двухъ* (II, 25, 32). Исключеніе было только для отвѣтчика, если онъ ссылался на свидѣтельство *мытника* (II, 32, 35). *Послуховъ доброй славы* требовалось для оправданія отвѣтчиковъ туземцевъ *семь*, а для оправданія варяговъ, колбяговъ и вообще чужеземцевъ—*два* человѣка. Хотя такое число послуховъ назначалось въ Правдѣ собственно по дѣламъ о убійствѣ, но выраженіе въ статьѣ о поклепной вирѣ (II, 15—17): «*тако же и во всьхъ тяжахъ*», мы относимъ не только къ употребленію испытанія желѣзомъ, но и къ представленію опредѣленнаго означенною статьею числа свидѣтелей, и потому думаемъ, что *семь* послуховъ доброй славы для туземцевъ и *два* для чужеземцевъ требовались при поклепѣ какимъ бы то ни было преступленіемъ. Число *послуховъ ваны* не опредѣлено; но если по показанію *одного холопа* имали на желѣзо (II, 81), то тѣмъ болѣе, кажется, могли это допускать по рѣчамъ одного свободнаго человѣка. *Послухи-видоки* обязаны были выполнять присягу въ удостовѣреніе справедливости своего показанія (II, 32, 43); но отъ *послуховъ доброй славы* и *послуховъ ваны* присяги, кажется, не требовалось; по крайней мѣрѣ объ ней въ этихъ случаяхъ въ Правдѣ не упоминается.

Поговоримъ теперь объ испытаніяхъ желѣзомъ и водою. Слѣдуетъ ли подъ ними разумѣть обыкновенную пытку, съ цѣлью вынудить сознаніе у обвиняемаго въ совершеніи преступленія, или такъ называемый судъ божій? Для разрѣшенія этого вопроса вникнемъ въ смыслъ слѣдующихъ статей Русской Правды:

1) Ты тяжѣ всѣ судятъ послухи свободными; будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощетъ истецъ и иметь й, а река тако: по сего емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти й на желѣзо; аже *обвинитъ* й, то емлетъ на немъ свое, *не обвинитъ ли его*, платити ему гривна за муку, зане по хо-

лопьи рѣчи ялъ й; а желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтскому: то ти желѣзный урокъ, кто ся въ чемъ емлетъ (II, 81, 82) (*).

2) Аже иметъ на желѣзо по свободныхъ людiи рѣчи, любо ли запа нань будетъ (**): любо прохожденiе нощное, или кимъ любо образомъ; *аже не ожьжется*, то про муки не платити ему; но едино желѣзное, кто й будетъ ялъ (II, 82).

Изъ первой статьи видно, что при испытанiи желѣзомъ можно было *обвинить* и *не обвинить* отвѣтчика; но по какимъ признакамъ испытуемаго считали обвиненнымъ или оправданнымъ, въ ней не опредѣлено; сказано только, что, въ случаѣ необвиненiя отвѣтчика, истецъ платилъ ему гривну кунъ за муку, «зане по холопьи рѣчи ялъ й.» Вторую статью мы понимаемъ такъ: истецъ, испытывавшiй желѣзомъ кого-либо по рѣчамъ свободныхъ людей, если по симъ рѣчамъ на него падало одно только подозрѣнiе,—возникало ли оно вслѣдствiе нахожденiя отвѣтчика въ ночное время въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленiе или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ,—не обязанъ былъ платить подсудимому за муку, если этотъ послѣднiй не получалъ обжога, но платилъ должностнымъ лицамъ одно только желѣзное, т. е. желѣзный урокъ. Если предположить, что испытанiе желѣзомъ и водою было *одною лишь пыткой* для вынужденiя у обвиняемаго сознанiя въ преступленiи, т. е. что *обвиняли того*, кто сознавался подъ пыткой или при самомъ приготовленiи къ ней, а *оправдывали* того, у кого и самой пыткой не могли вынудить сознанiя, тогда въ первомъ случаѣ, т. е. *при уличенiи* кого-либо въ противозаконномъ дѣйствiи, подсудимый могъ *получить и не получить обжога*, а во второмъ, т. е. при оправданiи обвиняемаго, онъ долженъ былъ *непремѣнно обжечься*. Примѣнимъ теперь наше объясненiе къ той и другой статьѣ Правды объ испытанiи желѣзомъ. Такимъ образомъ, выраженiе первой статьи: «*не обвинитъ ли его, платити ему гривна за муку*», означало бы, что получившiй обжегъ, но *оправданный*, т. е. не сознавшiйся

(*) См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 125 и 126.—(**) По нашему мнѣнiю, для ясности мысли слѣдовало бы въ этомъ выраженiи размѣстить слова такимъ образомъ: аже иметъ на желѣзо, любо ли по свободныхъ людiи рѣчи запа нань будетъ.

подъ пыткой, получалъ установленную плату за муку, и что слѣдовательно *обвиненному*, получалъ ли онъ *обжегъ* или *нѣтъ*, ничего не платили; выраженіе же второй статьи: *аже не ожьжется, то про муки не платити ему*, показывало бы, что сознавшійся при самомъ приготовленіи къ пыткѣ, т. е. *обвиненный, но необожегшійся*, не вознаграждался гривной за муку; но что какъ *обвиненному*, такъ и *оправданному*, т. е. сознавшемуся и несознавшемуся во время пытки, слѣдовательно *обожегшимся*, платили гривну. Все это показываетъ, что предложеннаго нами объясненія принять нельзя, потому-что въ такомъ случаѣ въ первой изъ выписанныхъ выше статей Правды плата за муку назначалась бы по одному началу, а во второй по другому, именно по смыслу первой статьи эту плату давали бы только *оправданному* и отказывали бы въ ней *обвиненному*, а по смыслу второй статьи за муку платили бы какъ *обвиненному*, такъ и *оправданному*, если они только получали *обжоги*, и только не платили тому *обвиненному*, который не обжигался. Словомъ, при назначеніи платы за муку въ первомъ случаѣ обращали бы вниманіе на то, былъ ли изобличенъ подсудимый или нѣтъ, а во второмъ—на то, получилъ ли онъ обжогъ или нѣтъ. Безъ сомнѣнія, такого противорѣчія допустить нельзя, а необходимо предполагать единство началъ въ той и другой статьѣ Правды. Притомъ, очевидно, что Правда дѣлала различіе между испытаніемъ желѣзомъ по рѣчамъ холоповъ и по рѣчамъ свободныхъ людей, и что въ первомъ случаѣ она, какъ бы въ наказаніе истцу, назначаетъ съ него взысканіе, *аже по холопьи рѣчи ялъ*; слѣдовательно, по смыслу самаго закона, должно предполагать, что для истца было выгоднѣе подвергать кого-либо испытанію желѣзомъ по показанію людей свободнаго состоянія, нежели холоповъ. Но если мы будемъ считать испытаніе желѣзомъ только *пыткой*, тогда выйдетъ наоборотъ, т. е. что истцу выгоднѣе было имать на желѣзо по рѣчамъ холоповъ, ибо въ этомъ случаѣ онъ платилъ только *оправданному*, при испытаніи же по рѣчамъ свободныхъ людей—и *оправданному и обвиненному*. Изъ этого видно, что предположеніе наше, будто испытаніе желѣзомъ было только пыткой—неосновательно. Кромѣ того, выраженіе: «*аже не ожьжется, то про муки не платити ему*», показываетъ, что *муки* были, но не смотря на то подвергнутый испытанію желѣзомъ

не обжигался: слѣдовательно объясненіе наше, прямо впрочемъ вытекающее изъ понятія о пыткѣ, что означенное выраженіе соотвѣтствуетъ тому случаю, когда кто сознавался въ преступленіи при самомъ приготовленіи къ испытанію его желѣзомъ, вовсе нейдетъ къ дѣлу, потому-что не для чего Правдѣ было бы и говорить о мукахъ, когда къ нимъ и не приступали. Все это совершенно убѣждаетъ въ томъ, что испытаніе желѣзомъ или водою не было простою пыткою, и что въ этихъ случаяхъ обвиненіе или оправданіе кого-либо въ преступленіи вовсе не зависѣло отъ сознанія или запирательства подсудимаго, а основывалось на другомъ началѣ. Но на какомъ именно? Нельзя не придти къ той мысли, что выраженіе: *«не обвинитъ»* въ одной статьѣ Правды совершенно тождественно съ выраженіемъ: *«не ожьжется»* въ другой ея статьѣ, и что слѣдовательно обвинялся въ преступленіи тотъ, кто при испытаніи горячею водою или раскаленнымъ желѣзомъ *обжигался*, а оправдывался тотъ, кто при тѣхъ же условіяхъ по какому-то чуду не получалъ обжога. При такомъ объясненіи, обвиненный, былъ ли онъ испытываемъ по рѣчамъ холоновъ или свободныхъ людей, ни въ какомъ случаѣ не получалъ гривны за муку; но и изъ оправданныхъ, т. е. необжегшихся, тотъ, кого подвергали испытанію по показанію свободнаго человѣка, также не имѣлъ права на означенное вознагражденіе; его получалъ лишь тотъ, кого истецъ испытывалъ желѣзомъ или водою по обвиненію холопа, и потому только, *зане по холопьи рѣчи ялъ и*. Очевидно, что въ такомъ случаѣ выгоднѣе было истцу имать на желѣзо и на воду по рѣчамъ свободныхъ людей, чѣмъ холоповъ, а это-то и имѣло въ виду постановленіе Правды (II, 81, 82). И такъ, нельзя не убѣдиться, что Правда испытаніе желѣзомъ и водою допускала не иначе, какъ въ смыслѣ *суда божія*. Если принять во вниманіе, что такому суду подвергали только тѣхъ, на кого падало основательное подозрѣніе въ совершеніи преступленія и коихъ поведеніе не было одобрено, тогда не будетъ удивительно, что на *обжогъ* при испытаніи желѣзомъ или водою смотрѣли какъ на *внѣшнее* подтвержденіе виновности, въ которой внутренно были уже убѣждены. Имѣя притомъ въ виду всю осмотрительность, съ какою допускали во времена Правды испытаніе желѣзомъ и водою, становится понятною и та вѣра, что правосудіе божіе непремѣнно придетъ на помощь немощи чело-

вѣческой, и, измѣнивъ законы природы, обнаружитъ лице невинное, если бы, по неумышленной ошибкѣ, свойственной людямъ, оно было подвергнуто испытанію.

Всякое испытаніе желѣзомъ или водою производилось не иначе, какъ по *княжу слову*, т. е. по предварительному испрошенію на то истцомъ разрѣшенія у лица, имѣвшаго право суда въ томъ мѣстѣ, гдѣ началось дѣло, т. е. *у князя* или *его посадника*. Подвергнувшій кого-нибудь испытанію желѣзомъ или водою произвольно, безъ княжа слова, долженъ былъ заплатить продажу князю, и обиженному гривну кунъ за муку, какой бы ни былъ результатъ испытанія (II, 71, 72). Позволеніе на испытаніе кого-либо желѣзомъ давалось только тогда: 1) если не было *поличнаго*; 2) если было совершено убійство или цѣна тяжи была не менѣе полугривны золота (II, 17) и 3) если истецъ взводилъ на кого-либо подозрѣніе по рѣчамъ стороннихъ людей, а обвиняемый не могъ въ свое оправданіе представить послуховъ доброй славы. Тѣ же самыя условія соблюдались и при дачѣ разрѣшенія на испытаніе кого-либо водою, съ тою только разницею, что въ этомъ случаѣ требовалось, чтобы тяжа была менѣе полугривны золота, но не менѣе двухъ гривенъ кунъ (II, 17). Давая истцу дозволеніе на испытаніе кого-либо желѣзомъ, князь или посадникъ взыскивалъ съ истца 40 кунъ желѣзнаго урока, да кромѣ того, какъ мы думаемъ, для присутствованія при испытаніи, князь посылалъ своего *дѣтскаго*, а посадникъ—*своего мечника*, изъ коихъ дѣтскому истецъ обязанъ былъ заплатить за то 25 кунъ, а мечнику—5 кунъ. Безъ сомнѣнія, оба эти лица не присутствовали при испытаніи желѣзомъ разомъ: дѣтскій присутствовалъ тогда, если дозволеніе на испытаніе давалъ *князь*, а мечникъ въ томъ случаѣ, когда разрѣшеніе на испытаніе давалъ *посадникъ княжій*. Какія пошлины взыскивались, если имали кого-нибудь на воду, Правда не упоминаетъ.

Къ ротѣ всегда почти допускался только отвѣтчикъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, въ которыхъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, дозволялось присягать истцу. По общему постановленію, касавшемуся всѣхъ тяжъ, отвѣтчикъ могъ «*ити ротѣ по свои куны*», т. е. защищать себя присягой отъ платежа продажи и иска, только тогда, если сумма послѣдняго была меньше двухъ гривенъ кунъ, и когда притомъ не было поличнаго

(II, 17). Но изъ этого постановленія были сдѣланы исключенія по дѣламъ о денежныхъ сдѣлкахъ между купцами (II, 44), по дѣламъ о поклажѣ (II, 45) и по дѣламъ о передержательствѣ бѣглыхъ холоповъ (II, 109). Во всѣхъ этихъ случаяхъ отвѣтчикъ допускался къ ротѣ независимо отъ суммы иска. Истцу дозволялось присягать единственно тогда: 1) если онъ, при запирательствѣ отвѣтчика въ полученіи кунъ въ рѣзъ, не имѣлъ въ свою пользу свидѣтелей, а самый искъ притомъ не превышалъ 3-хъ гривенъ кунъ (II, 47) и 2) когда варягу или колбягу была нанесена личная обида (II, 25).

И такъ, какія же Правда вообще принимала доказательства для обвиненія или оправданія въ преступленіи? Доказательства къ обвиненію были слѣдующія: 1) собственное сознаніе; 2) неотведеніе поличнаго сводомъ или показаніемъ послуховъ - видоковъ; 3) неотведеніе слѣдовъ преступленія; 4) полученіе обжога при испытаніи желѣзомъ или водою; 5) показаніе противъ отвѣтчика послуховъ - видоковъ, выставленныхъ истцомъ и 6) присяга истца. Доказательствами къ оправданію были: 1) сводъ, которымъ подтверждалась ссылка отвѣтчика; 2) показаніе послуховъ-видоковъ; 3 отведеніе слѣдовъ преступленія; 4) показаніе послуховъ доброй славы; 5) неполученіе обжога при испытаніи водою или желѣзомъ и 6) подтвержденіе отвѣтчикомъ своей невинности присягою.

Обвиненные, на основаніи изложенныхъ нами правилъ судопроизводства, подвергались иногда личному наказанію, но большею частію денежнымъ пенямъ, вирамъ и продажамъ, и кромѣ того обязаны были вознаградить убытки истцовъ. Безъ сомнѣнія, часто могло случаться, что обвиненные не въ состояніи были заплатить ни денежной пени, ни частнаго вознагражденія. Какъ поступали въ этихъ случаяхъ съ преступниками? Вопросъ этотъ, котораго мы слегка касались и прежде, требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Въ Правдѣ сказано: «аже кто многимъ долженъ будетъ...то вести й на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ что́ ся останетъ кунъ, тѣмъ ся подѣлятъ; паки ли будетъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ въ дѣлъ» (II, 51). Эта статья о должникахъ безъ сомнѣнія примѣнялась и къ несостоятельнымъ преступникамъ, тѣмъ болѣе, что выраженіе: «*паки ли будетъ княжи куны*» означаетъ не то, чтобы князь былъ кредиторомъ, а скорѣе указываетъ на тотъ случай, когда слѣдовало

съ кого либо взыскать продажу или виру за преступленіе. И такъ, несостоятельный преступникъ, по нашему мнѣнію, продавался на торгу и вырученными за него деньгами сперва удовлетворялся князь, а остатокъ, если онъ только былъ, дѣлился между частными лицами. Если же слѣдовало съ обвиненнаго взыскать одно только вознагражденіе въ пользу частныхъ лицъ, то вырученной суммой удовлетворяли сначала пришельцевъ изъ иного города (гостей) и чужеземцевъ, а остатокъ дѣлили между домашними, т. е. между жительствовавшими въ томъ же городѣ, гдѣ и преступникъ. Но сказавъ, что лице, оказывавшееся несостоятельнымъ къ платежу пени и частнаго вознагражденія, продавалось на торгу, мы должны разрѣшить еще вопросъ, къ какимъ послѣдствіямъ вела эта продажа? Дѣлался ли проданный преступникъ закупомъ или холопомъ покупщика? По постановленіямъ Правды холопство возникало слѣдующими пятью способами: 1) покупкой для себя чужаго холопа; 2) женитьбой свободнаго человѣка на рабѣ безъ позволенія ея господина; 3) безусловнымъ поступленіемъ въ услуги; 4) обращеніемъ закуповъ въ холоповъ, въ случаѣ ихъ побѣга или совершенія какого-либо преступленія, и 5) рожденіемъ отъ рабовъ. Въ числѣ приведенныхъ нами способовъ не упоминается того случая, чтобы несостоятельный должникъ, проданный на торгу, обращался въ холопа. Притомъ, Правда положительно говоритъ: «*а въ дачь не холопъ; ни по хлѣбѣ работятъ ни по придатьцѣ*», т. е. если бы кто занялъ у кого куны, или взялъ хлѣба съ обѣщаніемъ возвратить все это съ придаткомъ или безъ придатка (т. е. съ рѣзомъ или присопомъ), и не возвратилъ кредитору кунъ и хлѣба, или только одного придатка, то должникъ ни въ какомъ случаѣ не обращался за то въ холопа. Слѣдовательно, остается заключать, что несостоятельный должникъ, возникалъ ли его долгъ вслѣдствіе займа, или вслѣдствіе преступленія, по продажѣ на торгу дѣлался только *закупомъ* покупателя. Поэтому-то, какъ мы думаемъ, въ слѣдъ за статьею о продажѣ за долги, въ Правдѣ тотчасъ и говорится о закупахъ.

(*) См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ, г. Калачова, стр. 83.

IV. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Русская Правда по преимуществу содержитъ въ себѣ законы уголовные. Она состоитъ изъ двухъ кодексовъ: въ первомъ заключаются постановленія Ярослава въ двухъ уставахъ, а во второмъ постановленія Изяслава и Мономаха, также въ двухъ уставахъ. Послѣдній кодексъ, позднѣйшій по времени, полнѣе перваго, и почти совершенно отмѣнялъ его дѣйствіе. Такой внѣшній составъ Правды мы считаемъ положительно истиннымъ, тѣмъ болѣе, что принявъ его, всѣ ея постановленія объясняются весьма легко и безъ всякой натяжки.

Начала, заключающіяся въ Русской Правдѣ, какъ уголовномъ кодексѣ, могутъ быть разсматриваемы въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) *По отношенію къ понятію о преступленіи.*

Правда не знаетъ преступленій ни противъ государства, ни противъ общества. Преступленіями считаетъ она только тѣ дѣйствія, которыми посягали на жизнь и здравіе частныхъ лицъ и на права ихъ по имуществу. Кромѣ правъ отдѣльнаго лица, Правдѣ неизвѣстны никакія другія права. Слѣдовательно, ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что у насъ издавна существовали самостоятельныя общины, въ смыслѣ юридическихъ лицъ. Если бы у насъ въ старину были такія общины, то онѣ имѣли бы и свои права, и Правда не преминула бы оградить эти послѣднія отъ нарушеній назначеніемъ за то тѣхъ или другихъ наказаній. Намъ извѣстно, напр., что у Германцевъ платилось общинѣ Friedensgeld за нарушеніе ея мира; въ древней же Руси не было ничего подобнаго. Наша *вервь* не имѣла никакихъ правъ, а несла однѣ только обязанности: ее заставляли платить виры и продажи и давать кормленіе вирникамъ или посадникамъ. Верви вѣроятно были у насъ городскія и сельскія. Если города созывали иногда вѣче, избирали и изгоняли князей, то такія дѣйствія были явленіями случайными, и основываясь на нихъ нельзя доказывать самостоятельности нашихъ общинъ.

2) *По отношенію къ разнымъ сословіямъ.*

Изъ постановленій Правды видно, что только свободные люди и отчасти закупы пользовались личными и имущественными правами; холопы же не имѣли ни тѣхъ, ни другихъ правъ, исключая права на жизнь, потому-что за одно лишь убійство холопа взыскивалась пеня въ пользу князя. Такое рѣзкое раздѣленіе свободныхъ людей отъ несвободныхъ не могло не отразиться и на опредѣленіи самыхъ наказаній за преступленія. Какъ при нарушеніи личныхъ правъ, такъ и при нарушеніи правъ по имуществу, строго различали кто ихъ нарушилъ, свободный человѣкъ или холопъ. Въ первомъ случаѣ виновный наказывался по опредѣленію судьи, а во второмъ все еще дѣйствовала, можно сказать, частная месть, потому-что наказаніе виновнаго, за исключеніемъ лишенія его жизни, было въ произволѣ господина холопа, или лица имъ обиженнаго. Кромѣ того, при нарушеніи личныхъ правъ, дѣлали еще различіе между самыми *обиженными* свободными людьми, именно тотъ, кто убивалъ *княжа мужа*, или подвергалъ мукѣ *огнищанина* подлежалъ большему наказанію, нежели тотъ, кто убивалъ или подвергалъ мукѣ *смерда*. Но, собственно говоря, такое различіе между обиженными встрѣчается главнымъ образомъ въ постановленіяхъ Правды о убійствѣ, и потому составляетъ только ея частность, тогда какъ раздѣленіе между *виновными* свободными людьми и холопами проведено по всей Русской Правдѣ безъ исключенія.

3) *По отношенію къ системѣ наказаній.*

Въ Правдѣ преимущественно въ возмездіе за преступленіе назначаются денежныя пени,—*виры* и *продажи*, и только въ рѣдкихъ случаяхъ личное наказаніе—*потокъ*. Виры были трехъ видовъ: 80-гривенная, 40-гривенная и 20-гривенная; продажи также дѣлились на три разряда: 12 гривенъ, 3 гривны и 30 кунъ, и 60 кунъ. Основаніемъ для означенныхъ виръ служила *средняя* вира, а для продажъ—*средняя* продажа. Отъ умноженія и раздѣленія на число *два* 40 гривенъ произошли 80 гривенъ и 20 гривенъ; отъ раздѣленія же и умноженія на число *три* 3-хъ гривенъ и 30 кунъ произошли: 60 кунъ и 12 гривенъ. Впрочемъ, отъ умноженія 3 гривенъ и 30 кунъ, т. е. 180 кунъ, на *три*, выходитъ

собственно 10 гривенъ и 40 купъ; но къ этому количеству для составленія цѣлаго и четнаго числа прибавили, какъ мы думаемъ, 60 купъ, и такимъ образомъ образовалась 12-ти гривенная продажа. Виры и продажи были *общинныя* и *личныя*. Первыя взыскивались по числу преступленій, а вторыя—по числу преступниковъ въ томъ или другомъ противозаконномъ дѣйствіи. Введеніе въ Правду системы денежныхъ пеней не даетъ права заключать, что составители ея на производство суда смотрѣли единственно *съ финансовой цѣлью*. Мы знаемъ, что за важнѣйшія преступленія и при конокрадствѣ назначались личныя наказанія, даже безъ разграбленія имущества виновнаго, тогда какъ еслибы князь видѣлъ въ судѣ только источникъ своего дохода, то былъ бы удобный случай карать преступника огромною пенею, тѣмъ болѣе, что даже при такъ называемомъ разграбленіи собственности послѣдняго, князю за удовлетвореніемъ обиженнаго могло и ничего не остаться (II, 79), между тѣмъ какъ при назначеніи денежной пени, княжи куны взыскивались преимущественно предъ частнымъ вознагражденіемъ (II, 51). Притомъ, нельзя забывать, что назначеніе той или другой виры или продажи поставлено въ Правдѣ въ зависимость отъ юридическихъ соображеній, отъ взгляда на справедливость по понятіямъ вѣка. Кромѣ того, за преступленія неосторожныя и случайныя, сдѣланныя безъ всякой злонамѣренности, а иногда и за совершеніе умышленныхъ противозаконныхъ дѣйствій, не назначалось въ Правдѣ никакихъ пеней. Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, никакъ нельзя сказать, что судъ въ старину производился только съ чисто финансовой цѣлью.

4) По отношенію къ мѣрѣ наказаній.

Правда, при назначеніи мѣры наказанія за преступленія, обращала вниманіе на обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину подсудимаго. При опредѣленіи наказаній за нарушеніе личныхъ правъ, кромѣ различенія между собою убійствъ и нанесенія увѣчій, ранъ и побоевъ, въ томъ и другомъ разрядѣ противозаконныхъ дѣйствій, Правда допускала еще различіе между преступленіями, совершенными *на разбоѣ безъ свады*, и сдѣланными *въ свадѣ*. Въ первомъ случаѣ преступленіе наказывалось строже, а во второмъ—легче. Притомъ, при убійствахъ обращали также вниманіе на

состояніе убитыхъ, а при нанесеніи побоевъ на то, оставались ли послѣ нихъ слѣды или нѣтъ. При назначеніи наказаній за нарушеніе имущественныхъ правъ, иногда принимали въ основаніе только сущность нарушенія, безъ различія въ немъ самомъ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину подсудимаго, а иногда при обсужденіи преступленія одного и того же вида брали въ расчетъ или предметъ собственности, подавшій поводъ къ нарушенію права, или то, какимъ образомъ совершено это нарушеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ различали между собою мѣста, изъ коихъ произведена кража. Кромѣ того, въ одной статьѣ Правды говорится о *покушеніи* на преступленіе, какъ о обстоятельствѣ, уменьшающемъ вину, а въ другой о *повтореніи* преступленія какъ о обстоятельствѣ, увеличивающемъ вину подсудимаго.

5) По отношенію къ частному вознагражденію.

Въ Правдѣ видно стремленіе заранѣе опредѣлить, по возможности, частное вознагражденіе лицъ, обиженныхъ преступленіемъ, по *особой таксѣ*, въ которой установлены были цѣны за разные предметы. Частныя вознагражденія назывались: по отношенію къ нарушенію личныхъ правъ—*головничествомъ*, *лечебнымъ*, *за вѣкъ*, *за соромъ*, а по отношенію къ нарушенію имущественныхъ правъ—*уроками*. Количество этихъ послѣднихъ хотя и означено за многіе предметы собственности, но исчислить всѣ роды имуществъ, которые могли дать поводъ къ нарушенію чьего-либо права, не было никакой возможности; почему Правда поневолѣ употребляетъ иногда неопредѣленныя выраженія: «*платити что будетъ погибло*». Но какъ опредѣлялась сумма *урока* за тѣ предметы, оцѣнки коихъ въ Правдѣ не содержится—неизвѣстно. Частное вознагражденіе ни въ какомъ случаѣ не падало на общину, но всегда выплачивалось самимъ виновнымъ.

6) По отношенію къ судебнымъ доказательствамъ.

Судебныя доказательства различались въ Правдѣ смотря по тому, начиналось ли дѣло вслѣдствіе обнаруженія *поличнаго* и *слѣдовъ* преступленія, или только *по поклепу*. Въ первомъ случаѣ доказательствомъ къ оправданію или къ обвиненію считалось отведеніе

или неотведеніе законнымъ образомъ поличнаго или слѣдовъ преступленія, а во второмъ все рѣшалъ судъ божій или рота.

И такъ, по нашему мнѣнію, начала Правды, какъ уголовнаго кодекса, можно выразить въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ:

1) Понятіе о преступленіи, какъ о дѣйствіи, нарушающемъ только права частныхъ лицъ.

2) Рѣзкое разграниченіе между преступниками изъ свободнаго состоянія и холопами.

3) Принятіе по преимуществу системы денежныхъ пеней, одинаковыхъ какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ людей, и допущеніе чрезъ то страшнаго неравенства въ наказаніяхъ.

4) Обращеніе вниманія при нарушеніи личныхъ правъ на *направленіе воли* преступника, и на то *кого* коснулось и какіе оставило по себѣ *слѣды* преступленіе, а при нарушеніи имущественныхъ правъ—на *предметъ* собственности, подавшій къ тому поводъ, и на *способъ* и *сущность* нарушенія права.

5) Стремленіе опредѣлить, по возможности, количество частнаго вознагражденія заранѣе составленною таксою.

6) Различіе судебныхъ доказательствъ смотря по тому, были ли въ виду слѣды преступленія и поличное, или не были.

Всякое законодательство, подъ которымъ живетъ тотъ или другой народъ, имѣетъ неотразимое вліяніе на его бытъ. Какое же вліяніе могла имѣть Русская Правда на бытъ русскаго народа? Если принять во вниманіе, что назначеніе денежныхъ пеней за преступленія, одинаковыхъ для богатыхъ и бѣдныхъ людей, было однимъ изъ основныхъ началъ Правды, что весьма многіе могли быть несостоятельными къ платежу этихъ пеней, и потому обращались въ закуповъ, и что изъ закуповъ гораздо легче было стать холопомъ, чѣмъ получить вновь свободу—нельзя не убѣдиться, что Правда содѣйствовала съ одной стороны къ распространенію рабства въ древней Руси, а съ другой стороны, между богатыми людьми, удобно выплачивавшими пени, могла укоренять самовольство и необузданность. И такъ, Русскую Правду, не смотря на принятую ею систему денежныхъ пеней, нельзя считать проникнутою человѣколюбіемъ; напротивъ, по нашему мнѣнію, будучи мало способною оградить общественную безопасность, Правда, по допускаемымъ ею послѣдствіямъ, была законодательствомъ жестокимъ и несправедливымъ.

Считаемъ не лишнимъ, послѣ всего нами сказаннаго, хотя слегка коснуться еще вопроса о распредѣленіи поземельной собственности во времена Русской Правды (*). Мы видѣли въ настоящемъ изслѣдованіи, что въ ней упоминается о межахъ *бортной*, *ролейной* и *дворной*, а также о *знаменахъ* на бортяхъ. Все это составляетъ признаки частнаго владѣнія земли. На тоже самое указываетъ въ Правдѣ и упоминаніе о *тяжахъ* относительно бортныхъ и ролейныхъ земель, и о платежѣ извѣстнаго рода пошлинъ за тяжи такого рода (II, 99 и 101). Но Рейцъ говоритъ, что только въ общемъ владѣніи землею можно искать причины молчанія древнѣйшихъ нашихъ законовъ касательно наслѣдства поземельной собственности. Земля въ Русской Правдѣ совсѣмъ не упоминается какъ предметъ наслѣдства. Съ мнѣніемъ Рейца соглашается и г. Погодинъ (**). Довольно указать на то, что Правда говоритъ о переходѣ по наслѣдству *двора*, т. е. избы съ дворною землею, чтобы обнаружить всю неосновательность этого мнѣнія: но постараемся опровергнуть его съ бо́льшею подробностію. Слово «*задница*», употребляемое въ Правдѣ, вообще принимается въ смыслѣ наслѣдства какого бы то ни было. Обратимъ вниманіе на слѣдующую ся статью: «аже кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умретъ, то *всьмъ дьтемъ*, а на самаго часть дати по души» (II, 87; III, 105). Допуская означенное нами толкованіе слова «задница», и въ приведенной нами статьѣ слово *домъ* также слѣдуетъ принимать въ смыслѣ задницы. Такимъ образомъ выйдетъ, что отецъ имѣлъ полное право распредѣлить все свое имущество между своими дѣтьми, какъ хотѣлъ; но въ случаѣ, если отецъ умиралъ не сдѣлавъ никакого распоряженія о задницѣ, то она, за выдачей части по душѣ, дѣлилась между *всьми его дьтьми* обоего пола безъ исключенія, не различая законныхъ дѣтей отъ незаконныхъ, замужнихъ дочерей отъ незамужнихъ. Выраженіе «*всьмъ дьтемъ*» совершенно узаконяетъ такое толкованіе. На какомъ же основаніи сказано въ Правдѣ дальше: «аже будетъ сестра въ дому,

---

(*) Этотъ предметъ не относится къ вопросамъ нашего изслѣдованія, но онъ такъ важенъ, что мы позволяемъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ въ общемъ заключеніи.

(**) См. Изслѣдованія о Рус. Исторіи, т. VII, стр. 227.

то той задницѣ не имати»; «аже будутъ робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати» (II, 89, 92)? Безъ сомнѣнія, намъ отвѣтятъ, что, основываясь на приведенныхъ нами статьяхъ, подъ выраженіемъ «*всьмъ дѣтемъ*» слѣдуетъ разумѣть только всѣхъ законныхъ сыновей. Но такого возраженія, опирающагося на произвольномъ толкованіи ясныхъ словъ Правды, нельзя допустить. Притомъ, странно предполагать законъ, исключающій изъ наслѣдованія даже движимою собственностію дочерей при братьяхъ. Далѣе въ Правдѣ говорится: «аже жена сядетъ по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужъ возложитъ, тому есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ» (II, 88). Эту статью обыкновенно толкуютъ такъ: жена, если она оставалась жить съ дѣтьми, имѣла право на часть наслѣдства; но когда мужъ давалъ ей особый выдѣлъ, то она не наслѣдовала вмѣстѣ съ дѣтьми. Изъ этого видно, что въ выраженіи: «*а что на ню мужъ возложитъ*» находятъ нѣкоторые исключеніе изъ предъидущаго положенія: «*на ню часть дати*». Но во-первыхъ, самый оборотъ рѣчи въ разбираемой нами статьѣ не представляетъ основанія къ такому толкованію. Въ Правдѣ не сказано: «оже ли что на ню мужъ возложитъ», а говорится просто: «а что возложитъ», что̀ составляетъ большую разницу. Иначе и статью: «будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, *а что будетъ лице*, то тому платити кунами за лице» (II, 31), слѣдовало бы перевести такъ: во время свода по землямъ надлежало идти до третьяго свода; но если было лице, то платить за него кунами,—тогда какъ безъ поличнаго не могло быть и самаго свода. Во-вторыхъ, если бы мужъ сдѣлалъ предъ смертію выдѣлъ для жены, то онъ, безъ сомнѣнія, въ то же время произвелъ бы раздѣлъ и между дѣтьми, а въ такомъ случаѣ не для чего было и говорить: «*а задниця ей мужня не надобѣ*». По такимъ соображеніямъ, мы думаемъ, что приведенная нами статья предполагаетъ тотъ случай, когда кто умиралъ, не успѣвъ распредѣлить своей собственности между дѣтьми и женой, и потому понимаемъ эту статью такъ: изъ наслѣдства, о которомъ не было сдѣлано умершимъ ряда, жена его получала, при раздѣлѣ имущества между дѣтьми, часть на свою долю, независимо отъ того, что мужъ дарилъ ей еще при своей жизни. Слѣдовательно, жена участвовала въ наслѣдствѣ послѣ мужа; а между тѣмъ въ слѣдъ за объясненными нами словами ска-

зано: *«а задниця ей мужия не надобѣ»*. Какъ разрѣшить такое, по нашему мнѣнію, противорѣчіе? Но продолжимъ еще наши выписки изъ Правды. Если оставались послѣ отца малолѣтныя дѣти, то *кто имъ ближній будетъ*, тому отдавались они на руки съ *добыткомъ* и *домомъ*, а товаръ родственнику ихъ вручался предъ людьми съ тѣмъ, что всякую прибыль отъ имущества онъ могъ брать себѣ (II, 93). Послѣ такой статьи непосредственно стоитъ въ Правдѣ слѣдующая: «аче же и отчимъ пріимѣтъ дѣти съ задницею, то также есть рядъ, а дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшому синови» (II, 94). Если понимать слово «задница» въ смыслѣ вообще наслѣдства, то этотъ послѣдній законъ при предъидущемъ представляется вовсе ненужнымъ, потому что выраженіе *«кто ближній будетъ»* обнимаетъ собою и отчима и всякаго другаго родственника, слѣдовательно не было надобности составлять особое постановленіе о принятіи задницы отчимомъ. Руская Правда вообще не терпитъ пустословія, и если находится въ ней законъ объ отдачѣ отчиму *«задницы»* въ слѣдъ за постановленіемъ о передачѣ отчиму или другому какому-либо родственнику *«дома»*, то это потому, что слова́: *задница* и *домъ* заключали въ себѣ разныя понятія. Кромѣ того, принимая первое изъ означенныхъ словъ въ смыслѣ вообще наслѣдства, слѣдовало бы, основываясь на статьѣ: «аже смердъ умретъ, то задницю князю» (II, 85), утверждать, что за выдѣломъ части незамужнимъ дочерямъ умершаго, остальное имущество, которое легко могло состоять изъ какой-нибудь *свитки* и *сапоговъ*, переходило въ наслѣдство князю. Но если бы дѣйствительно было такъ, то на какомъ основаніи дѣлали бы различіе между движимостію смерда и движимостію его жены? За чѣмъ напр. ея свитка и сапоги поступали не князю, а передавались, если владѣлица этихъ вещей умирала безъ языка, тому, въ чьемъ дворѣ она жила и кто ее кормилъ, хотя бы это была и дочь (II, 96, 98)? И такъ, все сказанное нами вполнѣ, кажется, можетъ убѣдить каждаго, что слова *задница* не должно понимать въ смыслѣ вообще наслѣдства. Это слово употреблялось только для опредѣленія всякаго рода недвижимаго имущества. Наше мнѣніе подтверждается также и тѣмъ, что въ статьѣ о принятіи отчимомъ задницы упоминается *о дворѣ*. Если же *дворъ* (т. е. изба съ дворною землею), принадлежавшій умершему вла-

дѣльцу, составлялъ только часть его задницы, потому что отдавался постоянно меньшому сыну, то очевидно, что другая ея часть могла заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ только въ землѣ ролейной или въ бортномъ ухожьи. Такимъ образомъ подъ задницею, по нашему мнѣнію, разумѣли: 1) избу съ дворною землею, т. е. дворъ; 2) ролейную землю; 3) бортныя ухожья. Для обозначенія движимой собственности Правда употребляетъ общее выраженіе: «*домъ*», въ смыслѣ всей домашней движимости. Это видно изъ самыхъ словъ: «*кто умирая раздѣлитъ домъ свой*» (I, 87), потому что домъ, принимая его въ значеніи избы, нельзя дѣлить на части. Въ понятіе «*домъ*» включались частныя понятія: *добытокъ*, *товаръ*, *челядь*, *скотъ* (II, 93). Если допустить въ Правдѣ различеніе имуществъ *недвижимыхъ* и *движимыхъ*, тогда всѣ ея постановленія о наслѣдствѣ объясняются безъ всякаго противорѣчія и весьма легко. Относительно наслѣдованія недвижимымъ имуществомъ общій смыслъ постановленій Правды слѣдующій. Такого рода имуществомъ послѣ умершаго боярина, *огнищанина* (*) и смерда наслѣдовали только ихъ сыновья (II, 85, 86; II, 100). Если у одной матери были дѣти отъ двухъ мужей, то каждый изъ ея сыновей имѣлъ право лишь на задницу своего отца. Кромѣ того, по закону, дворъ всегда отдавался во владѣніе меньшому сыну. Но такъ какъ при живыхъ братьяхъ сестры устранялись отъ наслѣдства недвижимыхъ имуществъ, то въ замѣнъ того на первыхъ возлагалась обязанность выдавать незамужнихъ своихъ сестеръ замужъ «*како си*

(*) Въ Правдѣ сказано: «аже въ боярехъ любо *въ дружинѣ*, то за князя задница не идетъ» (II, 86). Какъ понимать здѣсь слово дружина? Оно принималось въ старину въ разныхъ смыслахъ, именно въ общемъ, тѣсномъ и тѣснѣйшемъ. Во первыхъ, *дружиною* называлось всякое соединеніе людей для какой-либо общей цѣли. Поэтому въ Правдѣ наименованы дружиною жители верви, согласившіеся платить за кого-нибудь дикую виру: «заплатити съ дружины свою часть» (II, 4), а въ лѣтописяхъ такъ называется войско, изъ кого бы оно ни состояло. Во вторыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, подъ дружиною разумѣли только *княжихъ мужей*, т. е. бояръ и огнищанъ. Въ этомъ отношеніи дружина дѣлилась на старѣйшую и молодшую. Въ третьихъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, въ понятіе дружины включали иногда однихъ *бояръ* (II, 48), а иногда однихъ *огнищанъ* (II, 86). Такъ какъ, въ приведенной нами статьѣ Правды, бояре отличены отъ дружины, то подъ послѣднею слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, разумѣть огнищанъ.

могутъ. Когда у боярина или огнищанина не было сыновей, то задницею какъ одного, такъ и другаго наслѣдовали ихъ дочери замужнія и незамужнія; при неимѣніи же смердами наслѣдниковъ мужескаго пола, задница ихъ шла къ князю, за выдѣломъ только нѣкоторой изъ нея части незамужнимъ ихъ дочерямъ. Отчего произошло такое неравенство въ правахъ княжихъ мужей и смердовъ? Очевидно оттого, что первые пользовались землею какъ своею собственностію, а вторые имѣли на землю только право владѣнія, и потому, если они жили на землѣ княжеской и не было у нихъ сыновей, которые могли ее обработывать, то она опять переходила къ князю, и безъ сомнѣнія отдавалась въ пользованіе другому смерду. Изъ этого видно, что право собственности на землю могло принадлежать во время Правды только князьямъ, боярамъ, огнищанамъ и, какъ извѣстно, монастырямъ. Если воля какъ княжихъ мужей, такъ и смердовъ относительно распредѣленія недвижимаго имущества была ограничена закономъ, потому что оно при жизни сыновей передавалось только имъ, и притомъ дворъ переходилъ во владѣніе всегда младшему сыну, то за то касательно движимой собственности всякому отцу предоставлялся полный произволъ. Онъ могъ раздѣлить свое достояніе между дѣтьми какъ хотѣлъ (II, 87); но если умиралъ *безъ ряду*, то, за выдѣломъ части по душѣ покойника, остальное имущество дѣлилось, вѣроятно, поровну между его женою и всѣми дѣтьми, какъ законными, такъ и незаконными, т. е. между всѣми его сыновьями и дочерьми, замужними и незамужними. Такой порядокъ существовалъ въ наслѣдованіи движимостію, принадлежавшею умершему отцу; но касательно перехода по наслѣдству движимаго имущества, остававшагося послѣ матери, въ Правдѣ находятся особыя постановленія. Въ этомъ отношеніи строго различали имущество матери, подаренное ей мужемъ, отъ всякаго другаго ея имущества. Собственностію перваго рода мать не имѣла права распоряжаться по своему произволу; послѣ ея смерти такое имущество раздѣлялось между всѣми ея дѣтьми: «будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матере своея, *любо си на жену будетъ възложилъ*, обаче матери своей возмуть» (II, 88). Тою же собственностію, которая доставалась матери выдѣломъ изъ достоянія мужа, умершаго безъ ряду, мать могла распоряжаться по своему усмотрѣнію. Въ этомъ отно-

шенія, по нашему мнѣнію, и сказано въ Правдѣ: *«а матерня часть ненадобь дѣтямъ»* II, 96), т. е. что они не имѣли права требовать участія въ наслѣдствѣ имуществомъ матери, доставшимся ей по раздѣлу собственности ихъ отца. Мать могла отдать свои вещи или одному сыну, или одной дочери, или раздѣлить ихъ между всѣми дѣтьми, словомъ позволялось поступать, какъ ей было угодно. Если же мать умирала безъ языка, то вещи ея, пріобрѣтенныя ею выдѣломъ изъ имущества мужа, не раздѣлялись между дѣтьми, а отдавались тому изъ ея дѣтей, у кого въ дворѣ она жила и кто ее кормилъ (II, 96 и 98).

Въ заключеніе нашего изслѣдованія объ уголовномъ правѣ Рус. Правды считаемъ невозможнымъ умолчать, какъ о томъ мнѣніи, что она вполнѣ заимствована изъ германскаго права, такъ и о томъ, что на ней замѣтно совмѣстное вліяніе законовъ германскихъ и византійскихъ. Мнѣніе о византійскомъ вліяніи основано не на обоюдномъ изслѣдованіи началъ сравниваемыхъ законодательныхъ памятниковъ, а только на одномъ внѣшнемъ сближеніи Правды съ нѣкоторыми отдѣльными постановленіями греческихъ императоровъ. Такое сближеніе ничего не доказываетъ. Притомъ, нельзя не замѣтить, что византійское право допускаетъ членовредительныя наказанія, которымъ совершенно чужда Р. Правда. Мнѣнія о германскомъ ея происхожденіи въ особенности держится г. Погодинъ. Доказательства онъ представляетъ слѣдующія: 1) кровавая месть за убійство—законъ по преимуществу скандинавскій; 2) вира есть скандинавское учрежденіе, и самое названіе этой пени происходитъ отъ слова Wehrgeld; 3) судъ изъ 12 гражданъ перешелъ къ намъ изъ Скандинавіи; 4) законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ есть чистый скандинавскій; 5) воръ по русскимъ законамъ платилъ 3 гривны, а по датскимъ 3 марки; 6) числа 3, 6, 12 и 40 въ пеняхъ общи Руссамъ съ сѣверными народами; 7) испытаніе желѣзомъ перешло къ намъ изъ Скандинавіи; 8) источники рабства одни и тѣ же какъ въ Правдѣ, такъ и въ скандинавскомъ правѣ, 9) слова тіунъ, вервь и проч. норманскаго происхожденія (*).

Разберемъ эти доказательства по порядку:

1) Г. Погодинъ, какъ бы желая заранѣе устранить возраженіе

(*) Изсл. о Рус. Исторіи г. Погодина, т. III, стр. 379—387, 409—413.

по первому своему доказательству, говоритъ, что охотники спорить, пожалуй, возразятъ *общимъ мѣстомъ*, что месть встрѣчается у всѣхъ народовъ (*). Такое возраженіе было бы, по нашему мнѣнію, вовсе не общимъ мѣстомъ, но мы оставимъ его въ сторонѣ. Ссылаясь на Стринголъма, г. Погодинъ утверждаетъ, что у Скандинавовъ кровавая месть была *священнымъ долгомъ* родственниковъ убитаго. Но въ Правдѣ, какъ мы показали въ своемъ изслѣдованіи, месть принимается вовсе не въ такомъ значеніи: она была ничѣмъ инымъ, какъ *неограниченнымъ самосудомъ*, и *кровавою* могла сдѣлаться не по какому-либо *священному долгу*, а просто по личному характеру мстителя.

2) Упоминаемая въ Правдѣ вира вовсе не скандинавское учрежденіе. Германская вира всегда выплачивалась убійцею и его родственниками, и никогда не взыскивалась съ *общины* (**). Наша же русская вира по преимуществу была *общинной пеней*, и если иногда, по волѣ самого преступника, не вкладывавшагося прежде въ дикую виру, падала на него лично, то всегда выплачивалась имъ самимъ, а не была, также какъ и головничество, обязательною для его родственниковъ. Этого же начала держались и въ договорахъ Олега и Игоря съ Греціею, въ которыхъ родственникамъ убитаго дозволялось брать себѣ только имущество, принадлежавшее собственно убійцѣ. Германскія законодательства вовсе не знаютъ того, что у насъ извѣстно подъ именемъ *дикой виры*. Кромѣ того, вира въ Германіи и Скандинавіи сполна или въ части поступала къ родственникамъ убитаго, у насъ же вира составляла доходъ князя, и обиженнымъ изъ нея не выдѣлялось ни одной куны. Притомъ, гдѣ основанія, что названіе *вира* непремѣнно произошло отъ слова Wehrgeld? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что слово *вира* образовалось отъ славянскаго слова *вервь*—веревка (II, 74), а въ переносномъ смыслѣ—связь, союзъ, община (II, 4). Сама Правда какъ бы указываетъ на порядокъ такого образованія. Въ ней встрѣчаются наименованія, произведенныя отъ слова *вервь* и имѣющія одинаковое значеніе съ названіемъ *вира*, именно: *вервьное* (III, 3), *виревное* (II, 3), вирное (I, 19). Отъ такихъ производныхъ легко могло обра-

(*) См. его Изслѣд. т. III, стр. 417.

(**) См. О платѣ за убійство. Соч. Иванишева. Кіевъ, 1840 г., стр. 26—28.

зоваться и самое слово вира, въ смыслѣ платы пени вервію, т. е. общинной платы, какою вира по преимуществу и была.

3) Скандинавскій законъ о судѣ изъ 12 гражданъ ясно указываетъ на разительное несходство между Р. Правдою и скандинавскимъ правомъ. У насъ ни во времена Правды, ни послѣ вовсе не существовало судовъ изъ 12 гражданъ. Мнѣніе о такихъ судахъ, какъ мы показали въ своемъ изслѣдованіи, произошло отъ неправильнаго пониманія одной статьи въ первоначальномъ ярославовомъ уставѣ.

4) Законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ, по мнѣнію г. Погодина, чисто-скандинавскій. Страннымъ представляется, чтобы Славяне, которые уже въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х. были весьма многолюдны (*), и съ тѣхъ поръ до изданія Правды просуществовали еще пять вѣковъ, никакъ, безъ помощи Норманновъ, не могли дойти до убѣжденія, что самовольное пользованіе чужимъ конемъ, или вообще чужою собственностію,—есть преступленіе. Но допустимъ, что это дѣйствительно было такъ. Отчего же, спрашивается, законъ, запрещавшій такое самовольство, вошелъ въ Правду непремѣнно изъ скандинавскаго права, а не изъ византійскаго? Въ этомъ послѣднемъ тоже находятся постановленія о ѣздѣ на чужомъ конѣ (**) и съ Греками Славяне также имѣли сношенія. По нашему мнѣнію, разсматриваемая нами статья о конѣ вовсе ни германскаго, ни византійскаго, а просто туземнаго происхожденія, иначе, основываясь на сходствѣ нѣкоторыхъ законовъ, можно бы, пожалуй, доказывать, что Руская Правда заимствована изъ китайскаго уложенія. Кто хочетъ сравнивать одно законодательство съ другимъ, тотъ долженъ сличать ихъ общія начала, ихъ духъ, а не выхватывать частныя положенія то изъ ютландскихъ законовъ, то изъ датскихъ или шлезвигскихъ, и все это примѣривать къ Правдѣ, въ желаніи искать не истины, а только подтвержденія своей любимой мысли.

5) Воръ по рускимъ законамъ платилъ 3 гривны, а по датскимъ—3 марки, слѣдовательно, по мнѣнію г. Погодина, руский

(*) См. Изслѣдованія г. Погодина, т. II, стр. 324.

(**) Рус. Достопамятности, ч. II, стр. 166; Печат. Кормч. Град. Зак. грань 39, статья 50.

законъ есть скандинавскій. Но по Русской Правдѣ воръ подвергался не только трехгривенной пенѣ, онъ платилъ и 12 гривенъ и 60 кунъ, наказывался иногда потокомъ и умерщвлялся безнаказанно, если пойманъ былъ на самой татьбѣ. Такъ ли было по датскимъ законамъ? Тѣ ли, какъ и въ Правдѣ, приняты въ нихъ начала при опредѣленіи наказаній за татьбу? Объ этомъ г. Погодинъ умалчиваетъ.

6. Числа пеней—3, 6, 12 и 40, по мнѣнію г. Погодина, тоже означаютъ германское происхожденіе Правды. Но и въ нынѣ дѣйствующемъ Уложеніи о Наказаніяхъ встрѣчаются денежныя взысканія въ *три, шесть* и *сорокъ* рублей (*); никто однакожъ, основываясь на этомъ, не станетъ утверждать, что наше Уложеніе заимствовано изъ какого-либо западно-европейскаго законодательства, въ коемъ бы встрѣчались тѣ же самыя числа пеней. Впрочемъ, допустивъ, что положеніе г. Погодина правильно, и сравнивая указанныя имъ числа пеней скандинавскихъ законовъ съ числами пеней въ Правдѣ, мы не видимъ между тѣми и другими совершеннаго тождества. У насъ не встрѣчается числа 6 между пенями, а говорится о 6 гривнахъ и 6 ногатахъ, какъ о стоимости рыбы и молока. Если же г. Погодинъ хотѣлъ включить въ числа пеней и числа цѣнъ на разные предметы, тогда слѣдовало бы ему утроить количество выставленныхъ имъ цифръ и означить не только цѣлыя числа, но даже и дроби: такъ напр. за ловищину платилось ½ гривны кунъ. Что же касается до пеней, то въ Правдѣ, кромѣ виръ, назначались только слѣдующія продажи: 60 кунъ, 3 гривны и 30 кунъ и 12 гривенъ. Гдѣ же тутъ совершенное тождество, о которомъ говоритъ г. Погодинъ?

7. Испытаніе желѣзомъ, какъ думаетъ г. Погодинъ, перешло къ намъ изъ Скандинавіи. Основаніе употребленія испытаній желѣзомъ и водою, какъ судебныхъ доказательствъ, заключалось *въ вѣрѣ*, что Богъ чрезъ такое видимое дѣйствіе непремѣнно обнаружитъ предъ людьми преступника. Безъ такой вѣры означенныя испытанія не могли бы и войти въ общее употребленіе. Если теперь припомнимъ, что испытаніе желѣзомъ производили у насъ *сами истцы*, а не должностныя лица, и что истцами бывали не одни Норманны, но и Славяне, а что послѣдніе иногда даже само-

(*) Улож. о наказ., статьи 775, 1328, 1411, 1303, 1514, 1527, 1734 и 1740.

вольно употребляли этотъ способъ доказательства, какъ видно изъ статьи Правды: «аже *смердъ* мучить *смерда* безъ княжа слова» (II. 71), то изъ всего этого нельзя не заключать, что вѣра въ дѣйствительность испытанія, какъ судебнаго доказательства, была въ старину *общимъ народнымъ убѣжденіемъ*. Послѣ этого спрашивается: могли ли Норманны привить по своему произволу къ Славянамъ эту вѣру, если бы у нихъ ее не было прежде? Народныя убѣжденія образуются не вдругъ, не по чужой прихоти, а создаются медленно, въ продолженіе многихъ вѣковъ, и безъ сомнѣнія испытанія водою и желѣзомъ возникли еще въ отдаленной языческой древности. Посему мы вполнѣ согласны съ г. Иванишевымъ, что означенныя испытанія суть установленія чисто языческія, также не заимствованныя Славянами отъ Германцевъ, какъ и Германцами отъ Славянъ (*).

8) Источники рабства, по мнѣнію г. Погодина, какъ въ Правдѣ, такъ и въ скандинавскихъ законахъ одни и тѣ же. Основываясь на Стрингольмѣ, г. Погодинъ вычисляетъ слѣдующіе источники рабства по скандинавскому праву: 1) воры дѣлались рабами того, кого обворовали; 2) должникъ дѣлался рабомъ своего заимодавца и 3) каждый могъ добровольно продавать свою вольность. Но источники холопства въ Правдѣ были не совсѣмъ такіе. Во-первыхъ, тать свободнаго состоянія никогда не обращался у насъ за татьбу въ холопа; только закупы дѣлались за воровство рабами, но не тѣхъ лицъ, кого обворовали, а напротивъ своихъ господъ. Во-вторыхъ, должникъ никогда не становился у насъ холопомъ своего заимодавца, да и не всякій заимодавецъ могъ имѣть рабовъ, и потому должника постановлено было продавать на торгу, и то не въ холопы, а въ закупы. Наконецъ, добровольное холопство хотя и допускалось въ Правдѣ,—но что это доказываетъ? Извѣстно, что и въ древней Греціи и Римѣ также дозволялось желающимъ поступать въ кабалу.

9) Г. Погодинъ находитъ въ Правдѣ нѣсколько словъ, по его мнѣнію, норманскихъ, и видитъ въ этомъ доказательство норманскаго ея происхожденія. Допустимъ, что филологическіе выводы г. Погодина будутъ признаны правильными знатоками дѣла,—все это не

(*) См. разсужденіе о платѣ за убійство, положеніе V. въ концѣ книги.

поведетъ къ подтвержденію означеннаго выше мнѣнія. Каждый изъ законовъ какого-либо народа предполагаетъ ту или другую мысль, а вся ихъ совокупность заключаетъ въ себѣ извѣстныя начала. При заимствованіи Славянами какого-нибудь слова, положимъ у Норманновъ или у Татаръ, развѣ съ тѣмъ вмѣстѣ могла заимствоваться самая мысль того или другаго закона, то или другое начало права? Какая же можетъ быть связь между происхожденіемъ цѣлаго законодательства и заимствованіемъ словъ? По нашему мнѣнію—никакой.

И такъ, Русская Правда вовсе не имѣетъ такого тождества съ скандинавскимъ правомъ, какое видитъ въ ней г. Погодинъ. Но безъ сомнѣнія онъ и самъ не въ разобранныхъ нами выше доказательствахъ полагаетъ главную опору своихъ убѣжденій, а въ тѣхъ, по его мнѣнію, истинахъ, что Варяго-Руссы были Норманны, и что Русская Правда издана собственно для нихъ, а не для Славянъ. Разсмотримъ кратко и эти положенія г. Погодина.

Русская Правда дана была, по нашему мнѣнію, не для однихъ Варяго-Руссовъ. Это доказывается слѣдующимъ:

1) Если бы дѣйствіе Р. Правды простиралось только на Варяго-Руссовъ, а Славяне «жили по прежнему», не сплавляясь съ ними (*), то не для чего было бы въ составленіи ея участвовать не Варягамъ. Между тѣмъ, въ числѣ ея составителей упоминаются *Чюдинъ* и сынъ его *Иванко Чудиновичь*, которыхъ самъ г. Погодинъ называетъ Финнами (**). Кромѣ того, нѣтъ доказательствъ, чтобы составители Правды, напр. *Перенигъ*, *Мирославъ*, носящіе славянскія прозвища, были Нѣмцы и знатоки скандинавскаго права.

2) Если бы Правда дана была для Варяго Руссовъ, т. е. по мнѣнію г. Погодина для Германцевъ, то для чего она написана на славянскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ? Самъ же г. Погодинъ утверждаетъ, что Варяги, хотя жили вмѣстѣ съ Славянами, но не сплавлялись съ ними въ продолженіи двухъ или трехъ вѣковъ (***). Какъ же могло случиться, что этому несплавившемуся еще съ Славянами племени дали законы, написанные на языкѣ смердовъ? Правда

(*) Изслѣд. г. Погодина, т. III, стр. 515.

(**) Тамъ же, т. VII, стр. 97 и 124.

(***) Тамъ же, т. II, стр. 384; т. III, стр. 515.

же не была переводомъ съ языка нѣмецкаго—это неотразимо доказываютъ самые обороты ея рѣчи.

3) Въ Р. Правдѣ сказано: «то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажю» (41). Если смерды платили продажу, то слѣдовательно подлежали дѣйствію Правды; смердами же, какъ г. Погодинъ утверждаетъ, «назывались на языкѣ пришлаго гордаго племени туземцы» (*). Значитъ, Правда по преимуществу могла касаться Славянъ, по многолюдству ихъ, а не пришельцевъ. Кромѣ того, въ ней весьма нерѣдко говорится о преступникахъ *холопахъ* и *закупахъ*, въ этихъ же сословіяхъ нельзя предполагать однихъ Варяго-Руссовъ.

4) Не только преступники Славяне, но и обиженные изъ нихъ получали удовлетвореніе на основаніи Русской Правды. Въ ней означена стоимость лошади смерда, на случай если бы она напр. была у него украдена; опредѣлена продажа за самовольное преданіе его «мукѣ», и назначена ему гривна въ вознагражденіе за обиду. Кромѣ того, постановлено было за убитаго смерда платить родственникамъ его 5 гривенъ головничества.

Все это положительно убѣждаетъ насъ, что Русская Правда составлена не для однихъ Варяго-Руссовъ. Мы даже думаемъ напротивъ, что она издана была преимущественно *для простолюдиновъ*, т. е. для смердовъ, закуповъ, холоповъ, простыхъ изгоевъ и колбяговъ; бояре же и огнищане, т. е. собственно Варяго-Руссы, большею частію не подлежали суду по Русской Правдѣ, а вѣроятно подвергались отвѣтственности по личному усмотрѣнію князя. Мнѣніе наше имѣетъ слѣдующія основанія:

1) Правда нигдѣ не дѣлаетъ различія между боярами, огнищанами и смердами, какъ преступниками, а различаетъ иногда обиженныхъ княжихъ людей и людиновъ. Это происходило, безъ сомнѣнія, не оттого, что она признавала несвойственное духу времени *равенство всѣхъ предъ судомъ*, а оттого, что при назначеніи виръ и продажъ имѣлись ею въ виду преступники и большею частію и самые обиженные только изъ класса свободныхъ людиновъ, какъ это явно высказалось въ одной изъ ея статей: «аже *смердъ* мучитъ *смерда*» (II, 71). Поэтому мы полагаемъ, что если-

(*) Изслѣдованія о Р. Исторіи, т. VII, стр. 226.

бы напр. бояринъ нанесъ ударъ мечемъ смерду, или смердъ боярину, то въ такомъ случаѣ не стали бы руководствоваться постановленіями Правды.

2) Въ статьѣ Правды: «аже братья ростяжуться предъ княземъ о задницѣ» говорится о посылкѣ *дѣтскаго* ихъ дѣлить (II, 100). Само собою разумѣется, что князь не послалъ бы для раздѣла наслѣдства *дѣтскаго*, если бы тяжущимися братьями были *бояре*; слѣдовательно какъ здѣсь, такъ и въ другихъ статьяхъ Правды, гдѣ нѣтъ ясныхъ указаній на состояніе истцовъ и отвѣтчиковъ, подъ тѣми и другими постоянно разумѣются лица низшаго, а не высшаго состоянія.

3) Исчисливъ разные предметы собственности, за которые иногда приходилось преступникамъ удовлетворять обиженныхъ, Правда говоритъ: «*то ти уроци смердомъ оже платятъ князю продажю*» (II, 11). Нельзя не обратить вниманія, что здѣсь *урокъ*, т. е. количество вознагражденія убытка, нанесеннаго какимъ-либо преступленіемъ, и самая *продажа* за преступленіе—отнесены только *къ смердамъ*, и не упоминается ни о боярахъ, ни объ огнищанахъ. Такого пропуска не могло бы послѣдовать, если бы тѣ и другіе подлежали дѣйствію Русской Правды. На основаніи постановленій этой послѣдней, бояре, какъ бы вскользь, привлекались къ отвѣтственности единственно только по отношенію къ своимъ *холопамъ* и *закупамъ* (II, 12, 35, 58, 115). Но и въ этихъ случаяхъ вѣроятно не всегда законы Правды примѣнялись къ боярамъ. Такъ напр. когда коней изъ стада Мстислава Изяславича похитили холопы Петра и Нестора Бориславичей и «*пятны свое въсклали*» (*), т. е. вѣроятно своихъ господъ, что наводитъ на мысль объ участіи ихъ съ ворами, то князь, «*про ту вину*» Бориславичей, не подвергъ ихъ, какъ слѣдовало, наказанію на основаніи Правды, а только отпустилъ ихъ отъ себя, и не смотря на такую снисходительность Бориславичи еще озлобились на Мстислава (**). Что же было бы, еслибъ князья, при своемъ не всегда прочномъ положеніи, постоянно подвергали бояръ дѣйствію закона? Въ видахъ собственной пользы они не могли этого дѣлать.

(*) Пятно означало признакъ владѣнія или права собственности, чего холопы не могли имѣть.

(**) Полн. собр. лѣт., т. II, стр. 99.

И такъ, по нашему мнѣнію, Правда была преимущественно законодательствомъ, изданнымъ для смердовъ, а не для Варяго-Руссовъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самаго основнаго положенія г. Погодина, что Варяго-Руссы были Норманны. Это, по его мнѣнію, доказывается:

1) Извѣстіями русскихъ лѣтописей, которыя Варягами-Русью называютъ какое-то племя, родственное Шведамъ, Датчанамъ, Англичанамъ и проч.

2) Извѣстіями греческихъ лѣтописей, коихъ Варанги—Скандинавы тождественными съ нашими Варягами.

3) Извѣстіями бертинскихъ лѣтописей, представляющихъ Россовъ единоплеменными Шведамъ, и Ліутпранда, который называетъ Русь прямо Норманнами.

4) Арабскими свидѣтельствами, по коимъ Русь именно Норманны.

5) Языкомъ, который сохранился: а) въ собственныхъ именахъ князей и лицъ, къ нимъ приближенныхъ; б) въ именахъ днѣпровскихъ пороговъ и в) въ словахъ гражданственныхъ.

6) Дѣйствіями Варяговъ, религіей, законами, обычаями и обрядами частной жизни и нравственными качествами (*).

Разберемъ эти доказательства по порядку:

1) Нѣтъ рѣшительно ни одного извѣстія въ русскихъ лѣтописяхъ, по древнѣйшимъ спискамъ, которое называло бы Варяго-Русь племенемъ, родственнымъ Шведамъ, Датчанамъ и проч. Единоплеменность въ этомъ случаѣ только выводъ г. Погодина, а не извѣстіе лѣтописей. Если же въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ спискахъ называютъ Рюрика Нѣмцемъ, то за то въ другихъ также новыхъ и во многихъ Степенныхъ книгахъ производятъ Варяго-Русь отъ Пруссовъ. Одно извѣстіе уничтожается другимъ. Г. Погодинъ, упрекая Ломоносова за то, что онъ основалъ свое мнѣніе на Степенныхъ книгахъ и Новгородскомъ лѣтописцѣ (**), не имѣетъ права и самъ пользоваться тѣмъ средствомъ, которое осуждаетъ въ другихъ, т. е. не долженъ въ подкрѣпленіе своихъ выводовъ ссылаться на новѣйшіе списки лѣтописей. Разобравъ 57 мѣстъ, въ которыхъ Несторъ употребляетъ слово *Варяги*, г. Погодинъ

(*) Изслѣд. г. Погодина о Русск. Ист. т. II, стр. 92.
(**) Тамъ же, т. II, стр. 179—182.

заключаетъ, что Варяги были *Скандинавы* (*). Съ этимъ мы совершенно согласны; но одно это еще не убѣждаетъ насъ въ германскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, потому-что нѣтъ рѣшительно доказательствъ, чтобы подъ Скандинавами непремѣнно разумѣли только Нѣмцевъ. Въ Скандинавіи жили, кромѣ Германцевъ, Лопары, Финны (**) и Славяне. Новѣйшими открытіями обнаружены слѣды бывшихъ славянскихъ поселеній на островахъ Датскаго архипелага. Легко могли быть такія же поселенія и въ Швеціи. Если такъ, то гдѣ же основанія, что Варяги-Русь были непремѣнно Нѣмцы, а не Лопары, не Финны, или не Славяне? Если намъ скажутъ, что Норманнами, производившими морскіе разбои, назывались исключительно Нѣмцы, то это слѣдуетъ еще доказать. Гельмольдъ же свидѣтельствуетъ, что въ числѣ Норманновъ было много Славянъ (***). Венды участвовали въ 857 году въ нападеніи на Англію, а между тѣмъ Англичане называли всѣ такія нападенія вообще норманскими, а не славянскими; слѣдовательно и на Славянъ распространялось названіе Норманновъ. Притомъ, Деппингъ говоритъ (****), что дружины норманскія составлялись иногда изъ людей всякаго рода, не только свободныхъ, но и рабовъ, безъ сомнѣнія добывавшихся изъ разныхъ странъ Европы. Поэтому можно себѣ представить разноплеменность такихъ сборищъ, и все это покрывалось общимъ наименованіемъ Норманновъ. И такъ, если принять, что Варяги непремѣнно были Норманны, то тѣмъ самымъ нельзя еще, по нашему мнѣнію, опредѣлить къ какому племени принадлежали Варяго-Руссы, потому-что говорить: Варяго-Руссы были Скандинавы, слѣдовательно Нѣмцы, почти то же, что сказать: Азіатцы— слѣдовательно Китайцы. Но намъ могутъ сказать, что кто бы ни были Варяго-Руссы, во всякомъ случаѣ ихъ невозможно считать Славянами, потому-что Несторъ никогда бы не назвалъ Варягами своихъ единоплеменниковъ. Напротивъ, онъ легко могъ ихъ такъ назвать, основываясь только на томъ, что они вышли изъ земель, которыя онъ именовалъ варяжскими. Извѣстно, напр., что и теперь въ Малороссіи

(*) Изслѣд. г. Погодина, т. II, стр. 32.

(**) Тамъ же, т. II, стр. 155.

(***) Тамъ же, т. III, стр. 29.

(****) Тамъ же, т. III, стр. 13.

Славянъ Венгерскихъ, приходящихъ туда съ товарами, называютъ Венгерцами, потому только, что они приходятъ изъ Венгріи. Однакожъ мы не утверждаемъ, что Варяго-Руссы были Славяне. По настоящему вопросу вообще нельзя ничего утверждать, а можно дѣлать только однѣ болѣе или менѣе вѣроятныя догадки.

2) Извѣстія изъ византійскихъ лѣтописей о Варангахъ, приведенныя г. Погодинымъ для доказательства германскаго происхожденія Варяговъ, относятся къ XII и XIII столѣтіямъ (*), слѣдовательно не могутъ касаться Варяго-Руссовъ, которые съ IX вѣка всѣ находились въ Россіи. *Варяги же не Руссы*, къ коимъ слѣдуетъ причислить и Варанговъ, были безъ сомнѣнія, если не исключительно, то по преимуществу германскаго племени и нанимались какъ Греками, такъ и нашими князьями для военнаго дѣла; но Несторъ ихъ строго отличаетъ отъ Руси; напр. «Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь и Поляне . . . поиде на Греки.» Вообще нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ обнаруживалась бы положительно одноплеменность Варяговъ не Руси и Варяго-Руссовъ. Общее для нихъ слово «*варягъ*» ничего не доказываетъ. Мы уже замѣтили, что явись въ Малороссію Венгръ или Славянинъ изъ Венгріи, того и другаго равно станутъ называть Венгерцемъ.

3) Въ бертинскихъ лѣтописяхъ подъ 839 годомъ находится извѣстіе, что греческій императоръ Ѳеофилъ послалъ во Францію къ Людовику Благочестивому пословъ и съ ними какихъ-то людей, именовавшихъ себя, т. е. народъ свой, *Россами*, и что Людовикъ, прилежно испытавъ причину ихъ прихода, открылъ, что они изъ рода Свеоновъ (comperit eos gentis esse Sueonum) (**). Выписавъ это извѣстіе, г. Погодинъ заключаетъ: Шведы принадлежали къ Норманнамъ, слѣдовательно и Россы принадлежали къ Норманнамъ, и далѣе—что Россы были единоплеменны, но не тождественны съ Шведами (***). Но такой выводъ прямо противорѣчитъ бертинскимъ лѣтописямъ, которыя положительно утверждаютъ, что Россы были Шведы. Несторъ же различаетъ тѣхъ и другихъ; онъ говоритъ: «сице бо ся зваху ти Варязи Русь, яко се друзии зовутся

(*) Изслѣд. г. Погодина, т. II, стр. 43.

(**) Тамъ же, т. II. стр. 55 и 56.

(***) Тамъ же, т. II. стр. 150.

Свѣе». Кому же вѣрить, бертинскимъ ли лѣтописямъ, Нестору, или г. Погодину? Намъ кажется, что неизвѣстные люди, называвшіе себя Россами, при распросѣ ихъ во Франціи, чтобы опредѣлить страну, въ которой они жили, нашлись вынужденными исчислять сосѣдніе съ ними народы, и когда упомянули для этой цѣли нѣсколько извѣстныхъ Французамъ (1) Шведовъ, то и были къ нимъ причислены. Точности въ этомъ отношеніи отъ бертинскихъ лѣтописей нельзя и требовать. Извѣстіе ихъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ принимать не болѣе, какъ только въ смыслѣ мѣстожительства Руссовъ въ Швеціи, или гдѣ-либо по близости. Изъ свидѣтельства Лiутпрандова видно только то, что народъ, который Греки называли a qualitate corporis Руссами, именовался на западѣ a positione loci Норманнами (2). Названіе же *Норманны*, какъ мы замѣтили выше, не опредѣляетъ еще племеннаго происхожденія.

4) Извѣстія, приводимыя г. Погодинымъ изъ арабскихъ писателей (3) вовсе не объясняютъ какого племени были Варяго-Руссы. Притомъ, писатели эти всѣ жили въ XIV или въ XV столѣтіи, и потому ссылаться на нихъ въ настоящемъ вопросѣ едва ли возможно.

5) Имена князей: Рюрикъ, Труворъ, Синеусъ, Олегъ и Игорь — г. Погодинъ называетъ германскими. Положимъ, что такъ; но вѣдь и Святославъ, Владиміръ и Ярославъ были, по мнѣнію г. Погодина, также Германцы, однакожъ носятъ славянскія названія. Слѣдовательно, имена ничего еще не доказываютъ. Руссы легко могли ихъ заимствовать, живя между германскими племенами, безъ всякаго ущерба своей народности. — Пословъ Олега и Игоря къ Грекамъ г. Погодинъ называетъ Русью, основываясь на выраженіи: «мы отъ рода Русскаго» (4); но это несправедливо. Въ договорахъ Олега и Игоря сказано: *«мы отъ рода Русскаго..... послани»*; *«мы отъ рода Русскаго съли и гостье»* (5), т. е. выражена только та мысль: мы послы отъ народа русскаго; но изъ означенныхъ договоровъ не видно, какого племени были эти послы. Поэтому сколь-

---

(1) Изслѣд. г. Погодина, т. II, стр. 147.

(2) Тамъ же, т. II, стр. 59.

(3) Тамъ же, т. II, стр. 60.

(4) Тамъ же, т. III, стр. 360.

(5) Полн. собр. русск. лѣт., т. I, стр. 13 и 19.

ко бы ни дѣлали филологическихъ изслѣдованій относительно ихъ именъ, все это не приведетъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи Руси. Съ вѣроятностію можно заключать, что послы Олега и Игоря принадлежали къ числу Варяговъ—не Руси, служившихъ по найму въ княжихъ войскахъ, тѣмъ болѣе, что послы эти не названы боярами, а только посланными отъ князей и бояръ. Наименованія днѣпровскихъ пороговъ образовались безъ сомнѣнія задолго до призванія Руси, и нѣтъ доказательствъ, чтобы именно Русью присвоены имъ эти названія, а не Варягами какого-либо инаго племени. Заимствованіе словъ гражданственныхъ, если оно и было, можетъ показывать только сношеніе Варяговъ-Руси съ Варягами-Германцами, но вовсе не племенное родство.

6) Подъ дѣйствіями Варяговъ-Руси г. Погодинъ разумѣетъ ихъ воинскіе походы, что, по его мнѣнію, доказываетъ рѣшительное тождество между Русью и Норманнами-Германцами. Это тождество видитъ г. Погодинъ также въ сходствѣ будто бы религіи Руссовъ и Нѣмцевъ, и въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другіе равно были славолюбивы, мстительны, горды и корыстолюбивы, пили медъ, ходили на пиры, парились въ банѣ, и проч. (*). Противъ такого доказательства отвѣтимъ г. Погодину его же словами: «есть нѣсколько обычаевъ сходныхъ съ прусскими, еще болѣе съ норманскими, нѣсколько съ славянскими, пожалуй съ финскими, турецкими; но одно это сходство не можетъ служить доказательствомъ происхожденія» (**). Относительно законовъ, т. е. Русской Правды, мы уже показали, что тождества между ею и германскимъ правомъ вовсе нѣтъ.

7) Кромѣ всего нами сказаннаго нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующее обстоятельство. Г. Погодинъ говоритъ, какъ мы замѣтили выше, что Варяго-Руссы, т. е. Германцы не сливались съ Славянами въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ, и что вообще пришельцы весьма медленно подчинялись славянскому началу, тѣмъ болѣе, что кровь норманская обновлялась безпрестанно посредствомъ брачныхъ союзовъ съ единоплеменницами (***). Но какъ

(*) Изслѣд. г. Погодина, т. III, стр. 418—475.
(**) Тамъ же, т. II, стр. 183.
(***) Тамъ же, т. III, стр. 87.

этотъ выводъ согласить съ тѣмъ фактомъ, что Олегъ, второй князь послѣ призванія Руси, дозволилъ свой договоръ съ Греками перевесть на чуждый ему языкъ смердовъ (*), а не на нѣмецкій языкъ? Германскія племена не такъ легко и скоро отказываются отъ своего языка и народности. Притомъ, Варяго-Руссамъ, принимая ихъ въ смыслѣ Германцевъ, и не было никакой надобности подчиняться славянскому началу; напротивъ, вызывая постоянно своихъ единоплеменниковъ, они вѣроятно старались бы его подавить. Гдѣ сходятся два разнородныя племени, изъ коихъ одно господствуетъ, а другое—подчинено, тамъ непремѣнно возникаетъ борьба за народность. Въ нашей исторіи такой борьбы не видно.

Такимъ образомъ, всѣ доводы г. Погодина о германскомъ происхожденіи Руси не имѣютъ твердаго основанія, и потому опираясь на этомъ, а также на другихъ своихъ доказательствахъ, тоже очень шаткихъ, онъ никого не убѣдитъ, что Русская Правда заимствована изъ германскаго права. Подобныя мнѣнія о заимствованіи цѣлаго законодательства извѣстнаго періода времени, обличающія весьма нераціональный взглядъ вообще на право, должно принимать съ крайнею недовѣрчивостію и осмотрительностію, потому-что они почти всегда ложны. Не имѣя никакихъ данныхъ отказывать Славянамъ въ томъ, чего не были лишены и всѣ другіе народы, стоявшіе съ ними на одной степени развитія, мы признаемъ Русскую Правду законодательствомъ чисто-славянскимъ, составленнымъ по преимуществу для *людиновъ*, а не для пришельцевъ, т. е. Варяго-Руссовъ.

(*) Изслѣд. г. Погодина, т. I, стр. 123.

ОПЕЧАТКА.

Стр. 42 строка 11, напечатано:	*должно читать:*
мѣра считалась на сороки	мѣха считались на сороки.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, августа 12 дня 1860 года.

Цензоръ А. Ярославцовъ.

Въ типографіи II Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи.

